

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROGER ZELAZNY

Volume four

**ISLE OF DEAD
TO DIE IN ITALBAR**

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

**МИРЫ
РОДЖЕРА
ЖЕЛЕЗНЫ**

Том четвертый

**ОСТРОВ МЕРТВЫХ
УМЕРЕТЬ В ИТАЛБАРЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995

**Миры Роджера Желязны том 4 / Пер. с англ. —
Рига. Полярис, 1995. — 383 с**

Романы Роберта Желязны «Остров мертвых» и «Умереть в Италбаре» написаны автором с небольшим разрывом во времени и, будучи совершенно независимыми произведениями, объединены участием одного героя. Глубоко психологические, остросюжетные, с неординарными персонажами, романы удовлетворят самого взыскательного любителя фантастики

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Isle of Dead

Copyright © 1969 by Roger Zelazny

To Die in Italbar

Copyright © 1973 by Roger Zelazny

© Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление,
название серии, 1995

Остров мертвых

© С Славгородский, перевод 1995

Умереть в Италбаре

© В Гольдич, И Оганесова,
перевод, 1995

**ОСТРОВ
МЕРТВЫХ**

Глава 1

Надеюсь, вы простите мне маленькое философское отступление, прежде чем станет ясно, что за историю я собираюсь рассказать. Так вот, жизнь сильно напоминает мне берег Токийского залива.

Уже не одно столетие прошло с тех пор, как я последний раз видел залив, быть может, теперь все совсем иначе. Впрочем, как мне говорили, за это время там мало что изменилось, если не считать презервативов...

Я помню огромное пространство вонючей мутной воды, холодной и склизкой на ощупь, возможно, чуть более светлой и чистой подальше от берега. Подобно Времени, вода то извлекает из небытия самые разные предметы, то прячет их обратно. Каждый день волны Токийского залива что-нибудь да выбрасывают на берег. Что ни назови, рано или поздно вода вынесет это на песок: мертвеца, раковины — белые, как алебастр, розовые или желтые, как тыковки, они зловеще завивались в страшный с виду рог, который, однако, так же безобиден, как рог единорога; бутылку, иногда с запиской, которую чаще всего уже нельзя было прочесть; человеческий зародыш; кусок отполированного дерева с дыркой от гвоздя — возможно, частицу того самого Святого Креста; белую гальку, темную гальку, дохлую рыбу, пустые рыбацьи лодки, обрывки веревок, кораллы, водоросли — словом, «не счесть жемчужин...» и так далее. Если вы оставляете предмет в покое, то вскоре

море забирает его обратно. Таковы правила игры. О да, в те времена в заливе было полным-полно использованных презервативов — полупрозрачных свидетельств вечного инстинкта к продолжению рода. Иногда их украшал какой-нибудь вызывающий рисунок или надпись, некоторые были даже с усиками. Говорят, теперь они исчезли, подобно клепсидам* и крючкам на одежде — их уничтожили противозачаточные пилюли, которые заодно увеличивают молочные железы: так кто же будет против?

Иногда ранним солнечным утром я бродил по берегу, и освежающий бриз помогал мне избавиться от мрачных воспоминаний о локальном военном конфликте в Азии, который отнял у меня младшего брата. Изредка я слышал крики чаек, хотя самих птиц не было видно. Это придавало пейзажу некую таинственность, и сравнение напрашивалось само собой: жизнь — нечто очень похожее на берег Токийского залива. Все идет своим чередом. Волны постоянно выбрасывают на берег странные, ни на что не похожие вещи. Одна из них — Я, другая — Ты. Некоторое время мы находимся на берегу, быть может, совсем близко друг к другу, а потом эта вонючая мутная жижа проводит своими холодными пальцами по песку, снова забирая нас с собой. Загадочные крики птиц как бы символизируют непредсказуемость человеческой судьбы. Что это, голоса богов? А почему бы и нет?

И наконец, чтобы расставить все точки над *i*, хочу заострить ваше внимание на двух моментах, ради которых я все это и рассказываю. Иногда некоторые исчезнувшие предметы, как мне кажется, могут снова очутиться на берегу по воле капризного течения. Мне, правда, такого видеть не приходилось, но, наверное, я был недостаточно терпелив. Ну и еще одно: кто-то может прийти на берег, подобрать какой-либо предмет и унести с собой.

* Водяные часы в Древней Греции.

Когда я впервые понял, что первое из вышеназванных явлений действительно возможно, меня стошнило. К тому времени я уже три дня непрерывно пил и наслаждался ароматом одного экзотического растения. Потом я выставил вон всех своих гостей. Шок — лучшее средство от опьянения. Хотя я уже давно знал, что явления второго рода иногда случаются (это когда подбирают с берега залива какой-то предмет и уносят его с собой, ибо именно это со мной и произошло), но я и представить себе не мог, что когда-нибудь мне придется столкнуться с явлениями первого рода. Поэтому, проглотив таблетку, которая гарантировала, что через три часа я буду трезв как стеклышко, и добавив к ней сауну для надежности, я разлегся на кровати, покуда все мои слуги, механические и обычные, занимались уборкой комнат. Затем меня начала бить дрожь. Я был испуган.

Вообще-то, я — трус.

Существует великое множество вещей, которых я боюсь, и все они из разряда тех явлений, над которыми у меня нет или почти нет никакой власти. Как, например, над Большим Деревом.

Я приподнялся на локте, взял с ночного столика конверт и уже в который раз принялся его изучать.

Ошибка была исключена, тем более что на нем стояло мое имя.

Я получил письмо на днях и запихал в карман куртки, чтобы на досуге ознакомиться.

Это было уже шестое похожее послание. Потом мне стало плохо, и я решил, что пора с этим кончать.

В конверте лежала объемная фотография Кати в белом платье. Снимок был датирован прошлым месяцем.

Кати была моей первой женой и, быть может, единственной женщиной, которую я когда-либо любил. Она умерла более пятисот лет тому назад. Как-нибудь я расскажу об этом подробнее.

Я внимательно изучил снимок. Уже шестая подобная фотография за последние несколько месяцев — снимки различных людей, умерших столетия назад.

Только скалы и голубое небо были за ее спиной.

Такой снимок можно сделать где угодно — были бы скалы да голубое небо. Не исключено, что фотография — подделка, в наше время полным-полно людей, способных запросто подделать все, что угодно.

Но кому взбрело в голову посылать эти снимки мне? И зачем? В конверте, как и во всех предыдущих, не было никакого письма, только снимки моих друзей и врагов.

Вот почему я снова вспомнил берег Токийского залива и еще Книгу Откровения — Апокалипсис.

Я укрылся одеялом с головой, уходя в спасительную полутьму от яркого полуденного солнца. Мне было так хорошо все эти годы. И вот рана, которая, казалось, давно уже зарубцевалась, снова открылась и кровоточила.

Если есть хоть один шанс из миллиона, что снимок в моей дрожащей руке не подделка...

Я отложил его в сторону. Потом забылся, а проснувшись, так и не смог вспомнить, какой кошмар заставил меня покрыться холодным потом. И пожалуй, лучше не вспоминать.

Я принял душ, надел чистую одежду, наспех перекусил и, захватив с собою полный кофейник, отправился в кабинет. В те времена, когда я еще работал в нем, я привык называть его офисом. Но последние лет тридцать я туда не заходил. Я перевернул рассортированную секретарем корреспонденцию последних дней и среди просьб о денежной помощи от каких-то странных благотворительных организаций и не менее странных личностей, намекавших на применение бомб, если я не вмешаюсь; четырех приглашений прочесть лекции; одного письма с предложением работы, которая, пожалуй, могла бы меня заинтересовать несколько лет назад; среди кипы журналов и газет; занудства внезапно объявившегося наследника какого-то отдаленного родственника моей третьей жены с предложением встретиться, причем у меня дома; трех настойчивых просьб людей искусства, ищущих моего покровительства; тридцати одного уведомления о том,

что против меня подан судебный иск, и стольких же записок моих адвокатов, сообщавших, что начатое против меня дело прекращено, — среди всего этого я, наконец, нашел те письма, которые искал.

Первым было письмо Марлинга с Мегапееи. Приблизительно оно звучало так:

Мой земной сын, приветствую тебя теми двадцатью семью именами, что еще существуют. Молюсь о том, чтобы ты успел кинуть во мрак не одну пригоршню жемчужин, заставив их сиять всеми цветами жизни.

Боюсь, что время жизни древнего темно-зеленого тела, которое я имел честь так долго носить, близится к концу и истечет в начале следующего года. Уже давно эти желтые полуистлевшие глаза не видели моего чужеземного сына. Пусть он до начала пятого периода навестит меня, ибо все заботы тогда тяжким грузом падут на мои плечи, и его присутствие поможет облегчить эту ношу.

Следующее послание было от «Компании по бурению глубоких скважин» — фирмы, под вывеской которой, как всем было известно, скрывается одно из отделений Центрального Бюро Безопасности Земли. Компания интересовалась, не желаю ли я приобрести бывшее в употреблении, но все еще в хорошем состоянии оборудование для бурения скважин, находящееся на столь отдаленной планете, что его транспортировка накладна для нынешних владельцев.

На самом деле все это было кодом, знакомым мне еще с тех пор, когда я выполнял одну работу по контракту с федеральным правительством Земли.

В действительности текст послания был официален и сух:

В чем дело? Верны ли вы по-прежнему родной планете? Вот уже двадцать лет мы просим вас посетить Землю для консультации по делу, жизненно важному для ее безопасности. Вы последовательно игнорируе-

те все наши просьбы. Настоящим удостоверяется необходимость вашего немедленного прибытия по делу чрезвычайной важности. Верим в вашу лояльность...

И т. д.

Третье письмо было написано по-английски:

*Я не хотела бы беспокоить тебя и напоми-
нать о тех чувствах, что мы некогда ис-
пытывали друг к другу, но ты — единствен-
ный человек, который в состоянии мне по-
мочь. У меня серьезные неприятности. Когда
будет время, загляни на Альдебаран-5. Адрес
тот же, хотя дом несколько изменился.*

Искренне твоя, Рут.

Итак, передо мной три воззвания к человечности Фрэнка Сандоу. Имеет ли хотя бы одно из них какое-нибудь отношение к фотографии, что лежит у меня в кармане?

Веселая пирушка, которую я устроил, была своего рода прощальным ужином. Но сейчас все гости уже покинули мою планету и находились на пути к родным мирам. Я заранее решил, куда мне следует направиться, и устроил эту вечеринку, чтобы напоить всех гостей и без проблем отправить их домой. Но неожиданно полученный снимок Кати заставил меня задуматься.

Все трое моих корреспондентов знали о Кати. Такая фотография могла в свое время оказаться у Рут, и опытному специалисту нетрудно было бы этим воспользоваться. Марлинг и сам без труда мог сотворить подобную штуку. Не говоря уж о Бюро Безопасности, в котором имелись обширные архивы и специальные лаборатории, способные подделать любой документ. Но все это лишь пустые домыслы. И вообще, странно, что в конверте не было никакой записки. Ведь должны же те, кто его послал, чего-то от меня добиваться.

Просьбу Марлинга я обязан выполнить, иначе я перестану уважать самого себя. Но до пятого периода в Северном полушарии на Мегапее еще достаточно

времени — почти целый год, следовательно, я могу себе позволить сделать несколько остановок по дороге.

Вот только *где* мне их сделать?

Бюро Безопасности не имело никакого права требовать от меня лояльности, да и подданным Земли я не являюсь. Конечно, я всегда готов помочь родной планете всем, чем могу, но дело явно не было таким уж жизненно важным, если тянулось уже почти двадцать лет. В конце концов, Земля все еще существует и, насколько мне известно, дела там идут как обычно, то есть неважно. И если я им так необходим, как они уверяли меня в письме, то могли бы прислать кого-нибудь сами, чтобы повидаться со мной.

Оставалась Рут...

Рут — совсем другое дело. Мы прожили вместе почти год, прежде чем поняли, что просто мучаем друг друга и ничего путного из этого не выйдет. Мы расстались по-хорошему. Рут кое-что значила в моей жизни, она оставалась моим другом. Я был удивлен, узнав, что она еще жива, но если ей нужна моя помощь, я сделаю все, что в моих силах.

Значит, так. Я отправляюсь к Рут и постараюсь быстренько решить все ее проблемы, в чем бы они ни заключались, а потом лечу на Мегатепею. Где-нибудь по дороге я почти наверняка смогу напасть на след, получить хоть какой-то намек относительно того, кто прислал мне эти снимки и зачем. Интересно также, как он их раздобыл. Если же я ничего не узнаю, то отправлюсь на Землю и свяжусь с ЦББЗ. Предложу им сделку: услуга за услугу.

Я курил и потягивал кофе. Потом, впервые за последние пять лет, позвонил в порт и приказал подготовить мой подпространственный джампер «Модель Т» к полету. Подготовка займет остаток дня и всю ночь, а на рассвете я могу стартовать.

Электронный секретарь помог мне проверить, кто является нынешним владельцем корабля. Им оказался некий Лоуренс Дж. Коннер из Локшира. «Дж.» означало «Джон». Я заказал необходимые документы, и через пятнадцать секунд они упали на дно приемной

корзины пневмопочты. Я изучил внешность Коннера, потом вызвал своего парикмахера на колесиках, и тот перекрасил мои волосы — из шатена я превратился в блондина, осветлил загар, добавил пару морщинок, усилил тени под глазами и изменил рисунок капиллярных линий на подушечках пальцев.

В свое время я заготовил целый список несуществующих людей с полностью продуманными и вполне надежными биографиями. Все эти люди поочередно приобретали «Модель Т» друг от друга и точно таким же образом будут поступать и впредь. У них много общего: ростом все они примерно пять футов десять дюймов и вес их приблизительно равен ста шестидесяти фунтам. В любого из них я могу превратиться с помощью небольшого грима и некоторого напряжения памяти при запоминании биографии. Все дело в том, что мне не очень-то нравится путешествовать на корабле, зарегистрированном на имя Фрэнка Сандоу с Вольной или, как ее еще часто называют, планеты Сандоу. Если ты — один из ста самых богатых людей в Галактике (кажется, в настоящий момент я значусь в списке 87-м, хотя, может, и 88-м или 86-м), то приходится все время идти на определенные жертвы, терпеть некоторые неудобства, от которых никуда не денешься.

Просто удивительно, сколько людей жаждут моей крови или моих денег, но ни то ни другое я не склонен тратить попусту. Я человек ленивый и пугливый, все, что мне нужно, — чтобы моя кровь и мои деньги всегда оставались при мне. Честолюбие у меня отсутствует, иначе я старался бы стать 87-м, потом 86-м, 85-м и так далее. Деньги вообще меня мало волнуют. Быть богатым интересно только поначалу, да и то не очень, а потом быстро приедается. После первого миллиарда ваше богатство — чистая условность. Я долго мучился от мысли, что наверняка финансирую множество черных дел, сам того не подозревая. Потом придумал себе Большое Дерево и решил — а катись все к чертовой матери!

Большое Дерево так же старо, как и общество, его породившее. Каждый листок на ветвях — банкнот

Сколько в мире денег — столько листьев, и на каждом написано имя. Некоторые листья опадают, на их месте вырастают новые, и через два-три сезона все имена меняются. Но Дерево остается прежним, оно функционирует, как и раньше, только все растет и разрастается. В былые дни я хотел отсечь все гнилые ветви на Большом Дереве, но пока я обрубал одну ветвь, начинала гнить другая, и так все время, а мне ведь и спать когда-то надо. Проклятие! Сейчас даже деньги нельзя потратить по-человечески, да и Дерево совсем не похоже на «бонсай»* в горшочке, оно не растет в указанном направлении.

Ну и пусть себе растет, как ему вздумается, с моим именем на некоторых листочках — пожелтевших и увядших либо зеленых и свежих. Я же позволю себе маленькое удовольствие — буду прыгать по его веткам, взяв себе имя, которое не станет мозолить мне глаза на всех этих листочках, болтающихся перед моим носом. Вот и все, что касается меня и Большого Дерева. История же о том, каким образом в моем распоряжении оказалось столько зелени, может привести на еще более сложную и забавную метафору, но об этом в следующий раз.

Я начал вводить в память электронного секретаря инструкции насчет того, что должна делать, а также чего ни в коем случае не должна делать прислуга во время моего отсутствия. После многочисленных переписей и мучительного напряжения своих умственных способностей я наконец упомянул все, что следовало. Просмотрев завещание, я решил оставить его как есть. Некоторые бумаги я переложил в камеру аннигилятора, распорядившись уничтожить их при определенных обстоятельствах. Кроме того, я послал одному из своих представителей на Альдебаране-5 предписание, гласящее, что если человеку по имени Лоуренс Дж. Коннер случится быть проездом в тех местах и ему что-то понадобится, то нужно ему это

* Карликовые деревья, выращиваемые в Японии.

«что-то» предоставить. Упомянул я также о специальном секретном коде на случай, если придется доказывать, что я — не кто иной, как Фрэнк Сандоу. Затем я заметил, что прошло уже почти четыре часа и я порядком проголодался.

— Сколько осталось до заката, округляя до минут? — спросил я секретаря.

— Сорок три минуты, — ответил из скрытого динамика голос, лишенный всяких признаков пола и каких-либо эмоций.

— Я буду обедать на Восточной Террасе ровно через тридцать три минуты, — сказал я, сверяясь с хронометром. — Закажи мне омаров с жареным картофелем по-французски и капустным салатом, ватрушек, полбутылки нашего шампанского, чашечку кофе, лимонный шербет, самого старого коньяку из моего погреба и две сигары. И еще спроси Мартина Бремена, не будет ли он так любезен лично обслужить меня.

— Да, сэр. Что-нибудь еще?

— Нет.

Потом я отправился обратно в свои апартаменты, сунул кое-какие вещи в дорожную сумку и начал переодеваться. Включив терминал секретаря, я с некоторой внутренней дрожью отдал наконец приказ, который мне давно уже следовало отдать, хотя я все время откладывал этот момент.

— Через два часа и одиннадцать минут, — произнес я, вновь посмотрев на хронометр, — позвони Лизе и спроси, не хочет ли она выпить со мной на Восточной Террасе. Приготовь на ее имя два чека по пятьдесят тысяч долларов каждый. Подготовь также рекомендацию по форме «А». Доставь все это сюда в отдельных незапечатанных конвертах.

— Да, сэр, — последовал ответ, и, пока я возился с запонками, нужные мне документы скользнули в приемную корзину на туалетном столике.

Я проверил содержимое каждого из конвертов, запечатал их и опустил в карман пиджака. Затем отправился по коридору к Восточной Террасе.

Солнце превратилось в огромный багровый шар, зависший над затянутым дымкой горизонтом, грозя раствориться в нем с минуты на минуту. В небе парили золотистые облака, все более розовевшие по мере того, как светило неумолимо спускалось по своей небесной дороге, проходящей меж пиков двух близнецов — Урима и Тумима, которые я специально поместил там, чтобы указывать солнцу путь к ночному приюту. В последние мгновения дня радужная кровь светила омоет туманные склоны гор.

Я уселся за стол под огромным вязом. Как только я коснулся сиденья стула, над моей головой возник силовой барьер, который предохранял меня от падающих сверху сухих листьев, пыли, насекомых и птичьего помета. Через несколько мгновений показался Мартин Бремен, который толкал перед собой сервировочный столик.

— Допрый фечер, сэр.

— Добрый вечер, Мартин. Как твои дела?

— Просто замечательно, мистер Сандоу. А как фаши?

— Я уезжаю.

— О!?

Он расставил тарелки и разложил приборы, снял со столика крышку и начал подавать на стол.

— Да, — произнес я. — Быть может, надолго.

Пригубив шампанское, я одобрительно кивнул.

— ...Поэтому, прежде чем уехать, хочу тебе кое-что сказать, хотя ты и сам, наверное, это знаешь. Так вот, ты готовишь самые лучшие блюда из тех, что мне когда-либо доводилось пробовать...

— Плаготарю фас, мистер Сандоу. — Его и без того румяное лицо стало пунцово-красным. Он скромно потупил глаза, стараясь сдержать расплывающуюся улыбку. — Я пыл счастлиф слушить фам.

— ...Поэтому, если ты ничего не имеешь против годичного отпуска — за мой счет, конечно, плюс дополнительный фонд для приобретения любых рецептов, какие тебя только заинтересуют, — то я перед отъездом позволю в контору Бурсара и все с ним улажу.

- Когда вы уезжаете, сэр?
- Завтра, рано утром.
- Понимаю, сэр. Очень плагиатарен фам. Фесьма заманчивое претложение.
- ...Заодно поищи новые рецепты для себя самого.
- Постараюсь, сэр.
- Наверное, забавно готовить блюда, вкуса которых не можешь даже вообразить?
- О нет, сэр, — запротестовал он. — На фкус-тестеры можно полностью полошиться. Я часто размышляю, какой фкус у того, что я готовлю, но это ведь как у химика: он не фсегта знает, какофы его химикалии на фкус. Вы понимаете, что я хочу сказать, сэр?

В одной руке он держал корзиночку с ватрушками, другой сжимал ручку кофейника, третьей рукой подавал тарелку с капустным салатом, а четвертой, свободной, опирался на ручку столика. Он был ригелианцем, и имя его звучало что-то вроде «Мммрт'н Бррм'н». Он выучился английскому от одного немца, который переименовал его имя на свой лад — Мартин Бремен.

Ригелианские повара, если снабдить их специальными вкус-тестерами, готовят лучшие блюда во всей Галактике, хотя сами относятся к ним довольно равнодушно. Подобные беседы мы с Мартином вели уже не раз, и он отлично знал, что я просто шучу, когда пытаюсь заставить его признаться, что человеческая пища наводит его на мысли об отходах — производственных или органических. Очевидно, профессиональная этика не позволяет ему сделать подобное признание, и он возражает мне с подчеркнутой вежливостью. Лишь иногда, когда избыток лимонного, грейпфрутового или апельсинового сока выводит его из обычного равновесия, Мартин признается, что готовить пищу для homo sapiens считается низшим уровнем, до которого только может опуститься повар-ригелианец. Я стараюсь ублажать его, насколько это в моих силах, потому что сам он мне нравится не меньше, чем то,

что он готовит. Кроме того, раздобыть повара-ригелианца чрезвычайно трудно, вне зависимости от того, сколько вы готовы ему заплатить.

— Мартин, если со мной что-нибудь случится во время путешествия, я хочу, чтобы тебе было известно — я упомянул тебя в своем завещании.

— Я... Я не знаю, что сказать, сэр.

— Тогда не говори ничего, — усмехнулся я. — Но вряд ли стоит рассчитывать на скорое получение наследства. Я собираюсь вернуться.

Мартин был одним из немногих, с кем я мог разговаривать о подобных вещах. Он служил у меня уже тридцать два года и давным-давно заработал себе хорошую пожизненную пенсию. Все это время его единственной страстью оставалось лишь приготовление пищи, а из всех людей он, уж не знаю почему, с симпатией относился только ко мне. Мартин неплохо бы зажил, помри я вдруг, но не настолько уж хорошо, чтобы подмешать мне в салат муританского яда.

— Взгляни только на этот закат, — решил я смеяться тому разговору.

Он смотрел минуту-другую, потом произнес:

— Хорошо фы их потрумянили, сэр.

— Спасибо за комплимент. Можешь оставить коньяк и сигары и быть свободен. Я посижу еще немного.

Оставив сигары с коньяком на столе, он выпрямился в полный рост — во все свои восемь футов, отвесил поклон и сказал:

— Счастливого пути, сэр. И спокойной ночи.

— Приятных снов, — отозвался я.

— Плаготарю фас, — и он растаял в сумерках.

Когда подул ночной бриз и лягушки вдали затянули баховскую кантату в своих болотах, моя багряная луна, Флорида, вошла в том же месте, куда опустилось усталое солнце. Цветущие по ночам розоодуванчики испускали в бирюзовый воздух вечера свой аромат, звезды рассыпались по небу, словно алюминиевое конфетти. Рубиново-красная свеча тихо потрескивала на столе, омар таял во рту, как масле-

ный, шампанское было ледяным, словно сердце айсберга. Меня охватила какая-то грусть, хотелось сказать окружающему меня миру: «Я вернусь!»

Итак, я закончил с омарами, шампанским, шербе-том и, прежде чем плеснуть себе рюмочку коньяку, закурил сигару, что, как мне не раз говорили, является признаком дурного вкуса. В оправдание пришлось произнести длинный тост обо всем, что попало мне на глаза, и под конец я налил себе чашечку кофе.

Завершив ужин, я поднялся и обошел вокруг того большого сложного здания, которое я называю своим домом. Достигнув бара на Восточной Террасе, я устроился там поудобнее с очередной рюмкой коньяка, не торопясь раскурил сигару, уже вторую за сегодняш-ний вечер, и стал ждать. Наконец появилась она, при-неся с собой, как всегда, запах роз.

На Лизе было что-то мягкое, шелковисто-голубое, пенящееся вокруг нее в свете фонарей, все такое иск-рящееся и воздушное. На руках у нее были белоснеж-ные перчатки, на груди сверкало бриллиантовое оже-релье. Ее светлые волосы были нежного пепельного оттенка, на бледно-розовых губах играла едва замет-ная улыбка. Сейчас голова ее была склонена набок, один глаз закрыт, другой прищурен.

— Приятное свидание при лунном свете, — про-изнесла она, и легкая улыбка неожиданно преврати-лась в ослепительную.

Я все рассчитал так, чтобы именно в этот момент вторая луна, слепяще-белая, взошла над горизонтом. Голос Лизы напоминал мне пластинку, которую заело на одной высокой ноте. Пластинки теперь никогда не заедают, но я-то помню и иные времена.

— Привет, — сказал я. — Что будешь пить?

— Виски с содовой, — ответила она, как обычно. — Какая чудесная ночь!

Я заглянул в ее голубые глаза и улыбнулся.

— Да, пожалуй. — Я ввел в машину заказ, и вско-ре передо мной возник стакан с выпивкой.

— А ты изменился. С тобою стало проще.

— Наверное.

- Что у тебя на уме? Что-нибудь плохое?
- Может быть, — я пододвинул стакан к ней поближе. — Сколько там получается?.. Уже месяцев пять?
- Чуть больше.
- Твой контракт был на год?
- Да.
- Я его расторгаю, — с этими словами я протянул ей конверт.
- Что ты хочешь этим сказать? — Улыбка застыла на ее губах, затем медленно исчезла.
- Как всегда: лишь то, что сказал.
- Ты имеешь в виду, что я тебе больше не нужна?
- Увы. Здесь вполне достаточно, чтобы ты выбросила из головы дурные мысли. — Я передал ей второй конверт.
- Но почему? — продолжала настаивать она.
- Мне нужно уехать. Тебе нет смысла скучать здесь все это время.
- Я подожду.
- Мое отсутствие может быть долгим.
- Тогда я поеду с тобой.
- Даже если это опасно? Даже если тебе, быть может, придется погибнуть вместе со мной?
- Я надеялся, что она скажет «да». Но все-таки, мне кажется, в людях я немного разбираюсь. Поэтому я заранее позаботился о рекомендации.
- В наше время такое случается, — пояснил я. — Иногда даже мне приходится идти на определенный риск.
- Ты дашь мне рекомендацию?
- Вот она.
- Лиза немного отпила из своего стакана.
- Хорошо.
- Я передал ей конверт.
- Ты презираешь меня? — спросила она.
- Нет.
- Почему?
- А с чего мне вдруг тебя презирать?
- Потому что я слабая и боюсь за свою жизнь.

— Ну и что, я тоже боюсь, хотя и не показываю этого.

— Поэтому я принимаю отставку.

— Поэтому я все и приготовил.

— Ты думаешь, что все знаешь, да?

— Нет.

— А что мы делаем сегодня вечером? — поинтересовалась она, допивая свой виски.

— Я же сказал, что мне известно далеко не все.

— Ну ладно, я сама знаю. Мне с тобой было хорошо.

— Спасибо.

— Я не хотела бы расставаться.

— Но я тебя напугал?

— Да.

— Очень?

— Очень.

Я допил коньяк и сделал последнюю глубокую затяжку, любясь Флоридой и своей второй белой лунной, носившей название Бильярдный Шар.

— Сегодня ночью, — пообещала она, беря меня за руку, — ты забудешь о презрении.

Не распечатывая конвертов, она принялась за второй стакан, так же как и я любясь обеими лунами.

— Когда улетаешь?

— Завтра, едва забрезжит утро.

— Мой Бог! Да ты стал поэтом?

— Я всегда остаюсь тем, кто я есть.

— Вот я и говорю.

— Не знаю, не знаю... Но мне было приятно провести с тобой время.

Лиза допила второй стакан и отставила его в сторону.

— Становится прохладно.

— Да.

— Пойдем согреемся.

— Я не против.

Я отложил сигару, мы поднялись, и она поцеловала меня. Я обвил рукой ее голубую искрящуюся та-

лию. Мы прошли под аркой и направились к дому, который завтра утром мне предстояло покинуть.

Здесь мы прервемся.

Можно было бы предположить, что состояние, которое я приобрел на своем пути к настоящему, и сделало меня тем, кем я теперь являюсь — в некотором роде параноиком. Ну, нет.

Это было бы слишком просто.

Хотя таким образом я легко сумел бы объяснить те приступы малодушия, что одолевали меня всякий раз, когда я покидал Вольную. С другой стороны, поскольку действительно существуют люди, жаждущие моей крови, можно сделать вывод, что это вовсе не паранойя. Кстати, именно поэтому мне и пришлось здесь, на планете Сандоу, устроить все так, чтобы я смог противостоять попыткам любых людей или правительств добраться до меня. А если кому-нибудь уж очень захочется меня прикончить, то это влетит ему в копеечку — придется разрушить целую планету. И даже на этот случай у меня приготовлено кое-что интересное, правда, пока не было возможности проверить все в полевых условиях.

Нет, настоящая причина моего беспокойства не в мании преследования, а в обычном страхе перед небытием, присущем всем людям, но в моем случае — усиленном во много раз. Хотя однажды я и приподнял завесу смерти... Впрочем, лучше оставим это.

Сейчас во всей обитаемой Вселенной лишь я и, может быть, несколько секвой остались живыми свидетелями двадцатого века, дожившими до нынешнего тридцать второго. Не обладая бесстрастной пассивностью этих представителей растительного царства, я на собственном опыте убедился: чем дольше ты живешь, тем сильнее убеждаешься в бренности жизни. Следовательно, стремление выжить — занятие, которое, как я когда-то считал, руководствуясь теорией Дарвина, свойственно лишь низшим классам флоры и фауны, —

становится твоей основной заботой. А джунгли теперь куда опасней, чем во времена моей молодости.

Еще бы, у нас почти полторы тысячи обитаемых планет, и на каждой есть исконно свои методы убийства, которые так легко перенимаются и распространяются по всей Галактике в наш век, когда путешествие между мирами практически не требует времени. Добавьте к этому семнадцать других разумных рас, четыре из которых, как мне кажется, превосходят людей в умственном отношении, а остальные такие же как мы дураки, и у каждой — свои способы лишить жизни брата по разуму. Не забудьте и о мириадах обслуживающих нас машин, ставших такими же привычными, как некогда автомобиль, и не менее опасных; о новых болезнях, о новых видах оружия, новых ядах, новых опасных животных, новых объектах зависти и ненависти, о новых пагубных привычках... А сколько во Вселенной мест, где можно в два счета расстаться со своей шкуркой? За свою жизнь я повидал их немало, и это кое-чему меня научило. Благодаря моим несколько необычным занятиям, думаю, найдется всего человек двадцать шесть во всей Галактике, знающих об этом больше меня.

Поэтому мне страшно, хотя никто и не стреляет в меня сейчас, как стреляли тогда, за две недели до моего приезда в Японию для лечения и отдыха, когда я впервые увидел Токийский залив.

Когда же это было? Да, двенадцать столетий тому назад. Недолгий срок. Всего лишь жизнь.

Я улетел в темный предрассветный час, как всегда, ни с кем не прощаясь. Правда, неясная фигура в Контрольной Башне махала мне рукой, и я помахал ей в ответ. Но для нее я был таким же расплывчатым силуэтом, как и она для меня. Я пересек взлетное поле и пошел к доку, где находилась «Модель Т», поднялся на борт, уложил вещи и посвятил полчаса проверке исправности бортовых систем. Потом выглянул наружу, чтобы осмотреть фазоинверторы. Убедившись, что все в порядке, я закурил сигарету.

Небо на востоке посветлело. Из-за темных гор с запада донесся раскат грома. На серой простыне неба меж плывущих облаков проглядывали звезды, похожие теперь скорее на редкие капли росы, чем на сверкающее конфетти.

«Может, — подумал я, — мне хоть сегодня удастся улизнуть незаметно?»

Запели птицы. Неизвестно откуда появился серый кот, который потерялся о мою ногу и удалился в направлении птичьих трелей.

Бриз сменил направление. Теперь он дул с юга, просачиваясь сквозь шелестящий фильтр леса на дальнем конце поля. Воздух наполнился свежим запахом влажной земли и молодых листьев.

Когда я в последний раз затянулся сигаретой, небо уже порозовело, и горы, казалось, дрожали в мерцающем воздухе этого раннего утра. Большая голубая птица села мне на плечо. Я погладил ей хохолок, и она полетела по своим делам.

Пора. Я шагнул к кораблю...

Носок ботинка зацепился за торчащий из плиты болт, и я чуть не упал, едва успев схватиться за распорку корабля. При этом больно ударился коленом о твердые плиты. Не успел я подняться, как маленький черный медвежонок уже лизал мне лицо. Я почесал ему за ухом, погладил по голове, затем похлопал по огузку и поднялся на ноги. Медвежонок повернулся и побежал к лесу.

Тут выяснилось, что мой рукав зацепился за распорку в том месте, где она соединялась со стойкой.

Пока я старался освободиться, на мое плечо опустилась еще одна птица, а целая их стая уже неслась ко мне со стороны леса. Перекрывая птичий гам, пророкотал еще один раскат грома.

Все-таки это началось...

Я как угорелый бросился к кораблю, едва не споткнувшись о зеленую крольчиху, что сидела на задних лапах у люка, следя за мной розовыми подслеповатыми глазами. По плитам дока ко мне скользнула стеклянная змейка — прозрачная и сверкающая.

Забыв пригнуться, я стукнулся макушкой о верхний край люка и отпрянул назад. В то же мгновение мою лодыжку обхватила обезьянка с короткой рыжей шерстью и подмигнула мне большим голубым глазом.

Погладив ее по голове, я с трудом освободился. Обезьянка оказалась сильнее, чем я полагал.

Я проскочил в люк, но крышку заело, как только я попытался его закрыть. Пока я искал причину неисправности, пурпурные попугаи выкрикивали мое имя, а стеклянная змейка во что бы то ни стало пыталась пробраться на борт.

Наконец люк поддался.

— Ну ладно, черт вас поberi! — прокричал я. — Я улетаю! До встречи! Я вернусь!

Сверкали молнии, громовые раскаты гремели не переставая. С гор надвигалась буря.

— Уходите все с поля! — закричал я, захлопывая крышку люка.

Задравив ее намертво, я плюхнулся в кресло пилота и задействовал все системы.

На экране я видел уходящих зверей. По полю растекались клочья тумана, первые капли застучали по корпусу корабля.

Я взлетел, когда пришла буря.

Корабль, пробив облака, вышел за пределы атмосферы, и, уже находясь на орбите, я задал ему маршрут полета.

Так происходит всякий раз, когда я покидаю Вольную, пытаясь сделать это незаметно. И каждый раз у меня ничего не выходит.

Как бы то ни было, а все же приятно знать, что тебя где-то ждут.

В нужный момент я покинул орбиту, и мой корабль устремился прочь от планеты. Несколько часов подряд меня мучило, руки неожиданно начинали дрожать. Я курил сигареты подряд одну за другой, пока в горле не пересохло. Там, на Вольной, я был властелином целого мира. А теперь вот снова приходилось пускаться в опасное путешествие. В какой-то момент я чуть было не поддался паническому желанию повер-

нуть назад. Но потом вспомнил о Кати, о Марлинге, о Нике — бедный карлик, как давно его уже нет на этом свете, — вспомнил о своем брате Чаке и, ненавидя самого себя, продолжал полет к точке фазоперехода.

Это произошло, как всегда, внезапно. Корабль прошел фазу, и управление перешло к автопилоту.

Я расхохотался. Совсем как в старые добрые времена мне вдруг стало абсолютно наплевать на все поджидающие опасности.

Что из того, если я погибну? Ради чего, черт возьми, я живу? Чтобы жрать деликатесы? Или, может, чтобы развлекаться с куртизанкой, нанятой по контракту? Чушь! Рано или поздно все попадут в Токийский залив, и даже мне придется в один прекрасный день закончить в нем свои дни. Я понимаю, что никуда от этого не денешься. Так уж пусть лучше это произойдет на моем пути к благородной цели. Я не хочу тоскливо увядать, ожидая, пока кто-нибудь не придумает способ прикончить меня в собственной постели.

...И тут на меня нашло. А все из-за фазоперехода.

Я запел литанию, написанную на языке еще более древнем, чем само человечество. Я пел ее впервые за долгие годы, потому что впервые за эти годы чувствовал себя готовым ко всему.

Казалось, свет в кабине померк, хотя я был уверен в том, что светильники горят столь же ярко, как и всегда. Огоньки приборов на консоли управления уплыли куда-то вдаль и превратились в горящие глаза ночных хищников, следящих за мной из темноты леса. Мой голос, казалось, исходил из груди другого человека, который, в результате какого-то немислимого акустического эффекта, был где-то далеко впереди. Оставаясь собой, я следовал за ним.

Постепенно к моему голосу стали присоединяться другие — призрачные, высокие, замирающие и колышущиеся, как будто влекомые бесплотным ветром. Вскоре мой собственный голос затих, но невидимый хор все продолжал, ни к чему не обязывая, едва слышно петь. Я уже не мог разобрать слов. Меня окружали неподвижные немигающие глаза, где-то вдали видне-

лось слабое свечение, похожее на закат солнца туманным вечером. Я понял, что все это сон, что я могу проснуться в любой момент, как только захочу. Но я не хотел. Я двигался туда, в эту мглу, на запад.

Через некоторое время я оказался на гребне утеса, дальше идти было некуда. Надо мной простиралось бледное бесцветное небо, внизу была вода. Огромное, тусклое пространство, которое я никогда не смогу преодолеть. По его зыбкой поверхности пробегали редкие блики, туман клубился над ним, принимая самые причудливые очертания.

Вдали от того места, где я стоял, вздымались холодные скалы, образуя причудливую террасу, окруженную гранитными бастионами. Там окутанные туманом, скованные холодом горные пики, словно черные айсберги, вздымались в небо, затянутое пеленой туч. Именно там я узрел источник этого пения, и волосы зашевелились у меня на голове.

Я видел тени мертвых, которые то плыли, как клочья тумана, то замирали, полускрытые темными скалами террасы. Я знал, что это мертвецы, поскольку среди них видел непрерывно жестикулирующего Ника-карлика, телепата Майка Шендона, который едва не поверг в прах мою империю — человека, которого я убил своими собственными руками. Среди них был и мой заклятый враг Данго-Нож и Корткур Боджис — человек с компьютером вместо мозгов. Была и леди Карль с Алгола, которую я любил и ненавидел.

И тогда я воззвал к ней. К той, к кому, надеюсь, я имел еще право воззвать.

И грянул гром. Небеса засверкали ярче, чем озеро кипящей ртути. На мгновение я увидел ее там, среди водных просторов, в самом сердце черного острова. Кати была вся в белом, наши глаза встретились, и ее уста успели произнести лишь одно-единственное слово — мое имя! Тут же оглушительный раскат грома вновь перекрыл все остальные звуки, кромешная тьма опустилась на остров, погрузив во мрак одинокую фигуру у подножия утеса. Кажется, это был я сам.

Очнувшись, я долго не мог сообразить, что бы все это могло означать. Лишь самые смутные догадки. И сколько я ни ломал голову над этим, но так и не смог ни черта понять.

Когда-то, давным-давно, я создал Остров Мертвых, почти совсем как у Беклина. Тогда он мне понадобился, чтобы удовлетворить всех тех бесчисленных призраков, что поселились в моей голове и бесновались там в бесконечном танце. Это было нелегким делом, особенно если учесть, что мыслю я, в основном, на уровне дешевых иллюстраций. Так вот, всякий раз, когда я думаю о смерти, а это случается довольно часто, два видения возникают в моей голове.

Первое — это Долина Теней — большое мрачное ущелье, что начинается меж двух серых скал. Оно заросло зеленовато-серой травой, и чем дальше скользит по ней взор, тем гуще тени, пока не разверзнется перед вами абсолютная тьма межзвездного пространства. Точнее, беззвездного, потому, что здесь нет ничего — ни звезд, ни комет, ни метеоров, ничего!

Второе — безумная картина Беклина. То место, которое я только что видел во сне.

Причем Остров Мертвых представляется мне более зловещим и мрачным. Долина Теней содержит хоть какой-то намек на умиротворенность. Наверное, из-за того, что я не создавал Долину, не проливал свой пот над нюансами ландшафта, выверяя каждую ноту его эмоционального звучания. Но зато в самом сердце планеты, которая могла бы стать вторым Эдемом, много лет тому назад я воздвиг Остров Мертвых, и он настолько врезался в мое сознание, что я не мог ни на мгновение забыть о нем все это время. Более того, я сам стал частью меня самого. И сейчас эта часть моего «Я» взывала ко мне единственным доступным для нее способом — отвечая на мои молитвы. Это было предупреждением, я чувствовал это. И в то же время Остров был своего рода знаменем, смысл которого со временем, быть может, откроется мне.

Хотя эти чертовы знаменья могут так же хорошо запутать человека, как и указать ему на что-то.

Но там, во мраке моих видений, была Кати. Она видела меня. И значит, есть еще надежда...

Я включил экран и стал рассматривать спирали света, закручивающиеся как по часовой стрелке, так и против нее, вокруг невидимой точки, лежащей прямо по курсу. Это были звезды, но только видел я их сейчас как бы изнутри пространства. Пока я висел таким образом и Вселенная проплывала мимо меня, я чувствовал, как вспыхнул жир, заполнивший мою душу, как внутренний огонь выжигал пласты десятилетий. И наконец тот человек, в облике которого я жил так долго, умер. Но я знал, что Великий Шимбо, Шимбо из Башни Темного Дерева, Шимбо-Громовержец все еще жив!

Я смотрел на звездный волчок с благодарностью, печалью и гордостью, как человек, проживший предназначенную ему жизнь и вдруг узнавший, что это не конец и что, возможно, ему предстоит еще одна попытка.

Немного погодя космический водоворот всосал меня в свой темный центр, где таился сон без сновидений — спокойный и мирный. Совсем как в Долине Теней.

Прошло недели две, прежде чем Лоуренс Дж Коннер привел «Модель Т» в порт на Альдебаране-5 который назывался по имени своего первооткрывателя — Дрисколл. Две недели я провел внутри корабля, хотя сама фазоинверсия вообще не отнимает времени. Только не спрашивайте меня почему. У меня нет времени, чтобы писать научную диссертацию. Но реши вдруг Лоуренс Коннер повернуть обратно, он смог бы еще пару недель позаниматься гимнастикой, чтением и самоанализом. И прибыл бы назад в тот же день, когда Фрэнк Сандоу покидал планету, только ближе к полудню, приведя всю живность в неопишуемый восторг. Однако Коннер такого решения не принял. Вместо этого он помог Сандоу организовать кое-какое дельце, связанное со всякими там вереском, шиповником и прочими корешками. Разумеется, он не соби-

рался заниматься никаким бизнесом, но ему нужно было прикрытие, пока он распутывал ту запутанную головоломку, в которой оказался. А может быть, это были кусочки разных головоломок, перемешанные между собой? Кто знает.

Я облачился в белый тропический костюм и надел солнцезащитные очки, потому что в небе было лишь несколько крошечных оранжевых облачков, и солнце обрушивало жаркие волны, которые разбивались о белые плиты тротуара, отражаясь от них струящимся вверх теплым воздухом.

Я взял напрокат глайдер и поехал в квартал, где сидели преимущественно художники. Это местечко называлось Миди и было, на мой взгляд, сверх меры пестрым и кричащим, а также слишком уж приморским. Все его здания — башни, кубы, овоиды, что люди называли своими домами, офисами, мастерскими, магазинами — были построены из особого материала глассита, который можно при желании сделать прозрачным или придать ему любой цвет и оттенок. Это достигалось довольно простым вмешательством в молекулярные процессы.

Я искал улицу Нуаж, расположенную у самого моря, и мне пришлось проехать через весь город, постоянно менявший свой цвет. Стены зданий здорово напоминали мармелад — малиновый, земляничный, вишневый и так далее, со множеством ягод внутри.

Я нашел нужный мне дом. Рут была права — здесь многое изменилось, хотя адрес остался прежним.

Некогда тут был заповедный уголок, успешно противостоящий наступающему со всех сторон мармеладу. Так было в те времена, когда мы жили вместе с Рут. Теперь последний оплот сопротивления пал, мармелад захватил весь город. Там, где раньше высокие оштукатуренные стены окружали мощный камень двор, где под аркой чернели железные створки ворот, войдя в которые вы оказывались в маленьком садике с прудом и солнечными зайчиками от воды на грубом камне стен, — там теперь стоял мармеладный

замок с четырьмя высокими башенками. К тому же малинового цвета!

Припарковав машину, я пересек радугу-мостик и коснулся клавиши домофона на стене.

— Этот дом свободен, — сообщил мне механический голос из спрятанного динамика.

— Когда вернется мисс Лэрис? — поинтересовался я.

— Дом свободен, — повторил голос. — Если вы желаете его приобрести, то можете обратиться к Полу Глиддену из компании «Солнечный дождь, Инк.», адрес — авеню Семи Вздохов, 173.

— Не оставила ли мисс Лэрис нового адреса?

— Нет.

— Не просила ли она кому-либо что-нибудь передать?

— Нет.

Я вернулся к своему глайдеру, поднял его в воздух на разрешенные в городе восемь дюймов и направился в сторону авеню Семи Вздохов, которая раньше называлось просто Главной улицей.

Мистер Глидден оказался толстым и совершенно лысым, если не считать седых бровей — тонких, будто нарисованных одним росчерком карандаша. Под ними находились глаза — темно-серые и очень серьезные. Еще ниже был рот — розовый, с плотно сжатыми губами. Мистер Глидден, должно быть, не улыбался даже во сне. Чуть выше рта имелось некое курносое образование, сквозь которое он вдыхал и выдыхал воздух. Наверное, это был нос, просто он был едва заметен из-за жирных щек, словно слепленных из огромных кусков теста. Щеки грозили в любой момент подняться еще выше и поглотить не только нос, но и все остальные черты его лица, превратив голову в гладкую, задыхающуюся глыбу жира с маленькими торчащими ушами, в которые были продеты сапфировые серьги. Он был такой же красный и румяный, как и рубаха, прикрывающая северное полушарие его необъятного живота.

Мистер Глидден сидел за своим рабочим столом в конторе компании «Солнечный дождь». Я только что пожал его потную ладонь. Масонский перстень у него на пальце звякнул, ударившись о керамический протуберанец пепельницы, когда он взял сигару, чтобы, подобно рыбе, изучать меня из глубин озера табачного дыма.

— Присаживайтесь, мистер Коннер, — предложил он, не вынимая сигары изо рта. — Чем могу быть полезен?

— Это вы занимаетесь домом Рут Лэрис, что на улице Нуаж, не так ли?

— Все верно. Подумываете купить его?

— Я ищу мисс Лэрис, — признался я. — Не скажете ли вы, куда она уехала?

Глаза его заметно поскучнели.

— Нет, — покачал он головой. — Я даже никогда не видел мисс Лэрис.

— Но она должна была сообщить, куда перевести деньги, вырученные от продажи дома.

— Да, конечно.

— Вы не можете сообщить мне куда?

— Почему я должен вам об этом говорить?

— А почему бы и нет? Мне нужно ее найти

— Я должен поместить их на ее счет в банке

— Здесь, в городе?

— Да.

— Но лично с вами она об этом не договаривалась?

— Нет, это сделал ее адвокат.

— Вас не затруднит назвать мне его имя?

— Ну что ж, могу и назвать, — он пожал плечами. — Андре Дюбуа из «Бенсон, Карлинг и Ву». Восемь кварталов к северу отсюда.

— Благодарю.

— Значит, дом вас не интересует?

— Напротив, — усмехнулся я. — Я покупаю его, но при условии, что могу вступить в права владения уже сегодня... И обсудить эту сделку с ее адвокатом. Пятьдесят две тысячи вас устроит?

В тот же миг он вынырнул из своего табачного озера на сушу

— Как мне с вами связаться, мистер Коннер?

— Я останавлиюсь в отеле «Спектрум»

— Я позвоню часов в пять?

— Хорошо

Итак, что теперь?

Для начала я заказал себе номер в «Спектруме» Затем, используя секретный код, связался со своим человеком в Дрисколле, чтобы он подготовил необходимую сумму наличными и предоставил ее в распоряжение Лоуренса Коннера для покупки дома. И напоследок я оставил посещение квартала религиозных заведений. Там я припарковал глайдер и пошел по улице, разглядывая храмы, церкви и святилища. Они были посвящены кому угодно — от Заратустры до Иисуса Христа. Достигнув пейанского сектора, я замедлил шаг.

Через минуту я нашел то, что искал — маленький зеленого цвета домик, размером с обычный гараж. Но это был только вход, основная часть здания находилась глубоко под землей.

Я вошел внутрь и начал спускаться по узкой лестнице, пока не достиг небольшой комнаты, освещаемой лишь тусклыми огоньками свеч. Пройдя под низкой аркой, я очутился в главном святилище, где стоял выкрашенный в темно-зеленый цвет алтарь, окруженный рядами скамей

На всех пяти стенах висело множество гласситовых панелей с изображениями пейанских богов. Наверное, мне не стоило приходить сюда сегодня же. Все это осталось так далеко в прошлом...

В святилище находились восемь землян и шестеро пейанцев, четверо из которых были женщины. Все они носили молитвенные повязки.

Ростом пейанцы достигают примерно семи футов, кожа у них зеленая, как трава, голова похожа на воронку — плоская сверху и сужающаяся книзу. Огромные глаза имеют обычно водянисто-зеленый, реже — желтоватый оттенок. Носы плоские, просто две мор-

щины, прикрывающие ноздри размером с небольшую монету Волос нет вовсе — ни на голове, ни на теле Рот большой, но зубов как таковых не имеется К тому же они относятся к тому редкому виду живых существ, которые постоянно поглощают свою собственную кожу Губ у них нет, вместо этого кожный покров, втягиваясь внутрь организма, выпячивается и роговеет, позволяя с помощью образовавшихся наростов пережевывать пищу После того как кожа, заменяясь на новую, поступает внутрь организма, пейанцы просто переваривают ее. Но как бы странно это ни звучало для тех, кто никогда не видел пейанцев, внешне они очень красивы и грациозны, как кошки К тому же их раса гораздо старше человеческой, и они очень-очень мудры

Кроме всего прочего, у них двухсторонняя симметрия тела, две руки и две ноги, с пятью пальцами на каждой конечности И мужчины, и женщины носят куртки, юбки и сандалии, преимущественно темных тонов Женщины несколько ниже мужчин чуть тоньше, зато шире в бедрах. Грудей у них нет, своих детей они не кормят молоком — в течение первых недель жизни те питаются собственными запасами подкожного жира, а потом уже начинают глотать свою кожу Через некоторое время они, как и взрослые пейанцы могут употреблять в пищу мясную кашу или пюре из планктона. Вот вам все необходимые сведения о пейанцах.

Выучить их язык очень трудно, но я его знаю Их философские учения чрезвычайно сложны, хотя мне удалось одолеть некоторые из них. Большинство пейанцев — телепаты или обладают другими необычными способностями Так же, как и я

Я уселся на скамью и расслабился Любой пейанский храм вливает в меня силы и энергию, благодаря той подготовке, что я прошел на Мегане

Пейанцы — редкостные политеисты Их религия отчасти напоминает индуизм, потому что ни та ни другая ничего не отвергают напрочь Похоже всю свою историю они только и делали, что накапливали

богов, ритуалы и традиции. Это религиозное учение называется «странти», и в последнее время оно распространилось довольно широко по всему миру. У странти имеются хорошие шансы на то, чтобы в один прекрасный день стать универсальной религией, ибо в ней есть нечто такое, что может удовлетворить практически любого, от анемистов и пантеистов до закоренелых агностиков и людей, которым просто нравится совершать обряды. В настоящее время сами пейанцы составляют не более десяти процентов от всех последователей странти, и, похоже, она станет первой в истории религией, которая переживет расу, ее создавшую.

Дело в том, что численность пейанцев сокращается год от года. Каждый из них в отдельности отличается безумно долгим сроком жизни, но не слишком высокой плодovitостью. Поскольку их великие мыслители уже дописали последнюю главу в необъятной «Истории пейанской культуры» в 14926-ти томах, то они, наверное, решили, что и в жизни пора ставить последнюю точку. А своих мыслителей пейанцы очень уважают. Забавные у них взгляды в этом отношении.

Пейанцы создали галактическую империю еще в те далекие времена, когда люди жили в пещерах. Потом, в течение нескольких веков, они вели войну с расой, в настоящее время полностью истребленной, — с баулианцами. Эта война истощила пейанские ресурсы, подорвала промышленность, во много раз сократила их численность. Шаг за шагом они оставляли врагу свои владения, пока наконец не закрепились в небольшой планетной системе, в которой обитают и по сей день. Их родная система, которая тоже называлась Мегапеей, была уничтожена баулианцами, которые, судя по всему, отличались жестокостью, уродливостью, коварством и многими другими пороками. Конечно, все эти сведения почерпнуты из записей пейанцев, поэтому, как я подозреваю, мы никогда не узнаем, какими на самом деле были баулианцы. Во всяком случае, их религия ничего общего не имела со

странти. Кажется, где-то я читал, что они поклонялись идолам.

На противоположной стороне святилища кто-то запел старинную литанию, которую я знал лучше, чем остальные. Я быстро поднял глаза, чтобы посмотреть, случится это или нет.

Это случилось!

Гласситовая панель с изображением Шимбо из Башни Темного Дерева, Шимбо-Громовержца, теперь испускала желто-зеленый свет.

Некоторые пейанские божества являются, если можно так выразиться, пейаноморфными, другие же, подобно египетским богам, напоминают нечто среднее между пейанцами и обитателями зоопарка. Видок у них при этом, конечно, жутковатый.

В свое время, я думаю, пейанцы посещали и Землю, иначе почему их бог Шимбо имеет человеческий облик? И почему разумная раса выбрала своим божеством дикаря, мне тоже не понятно до сих пор, но вот он стоит передо мной — голый, с зеленоватой кожей, лицо частично скрыто поднятой рукой, в которой он держит грозовую тучу. В другой руке он сжимает лук, а на бедре у него висит колчан, полный молний.

Вскоре все находящиеся здесь пейанцы и люди подхватили звучащую литанию. Новые прихожане спускались по лестнице, постепенно заполняя помещение.

В моей груди возникло чувство невиданной легкости и силы, вскоре охватившее меня целиком.

Я не знаю, что служит тому причиной, но всякий раз, когда я вхожу в пейанский храм, изображение Шимбо начинает светиться — вот так же, как сейчас, — и меня охватывает дикий восторг. Я был единственным землянином, который смог одолеть тридцатилетний курс обучения и двадцатилетнюю стажировку. Быть может, это и определило мою судьбу. Ведь все остальные миротворцы — пейанцы. Каждый из нас получает Имя — имя одного из пейанских богов, — и это каким-то неведомым образом помогает нам в наших делах. Я выбрал имя Шимбо — или он выбрал меня, —

ведь он так похож на человека! Считается, что, покуда я жив, он будет существовать в материальном мире. Когда же я умру, он вернется в счастливое небытие, пока кто-нибудь другой не примет его Имя. И всякий раз, когда Имя-носящий входит в пейанский храм, изображение этого божества начинает светиться во всех святилищах Вселенной. Я не понимаю, как это происходит. Даже сами пейанцы, по-моему, не понимают.

Я привык думать, что Шимбо уже давным-давно покинул меня — после того, что я сделал с Силой и со своей собственной жизнью. И в храм я пришел, кажется, только затем, чтобы убедиться в этом.

Я поднялся и направился к выходу. Проходя под аркой, я почувствовал непреодолимое желание поднять свою левую руку. Лишь напряжением всех своих мускулов, крепко сжав пальцы поднятой руки в кулак, я смог заставить руку опуститься. Едва мне это удалось, как раскат грома прозвучал прямо у меня над головой.

Изображение Шимбо все еще сияло на стене, а в моих ушах звучало пение, когда, поднявшись по лестнице, я вышел из храма.

Начинался дождь...

Глава 2

В 6.30 мы встретились с Глидденом в конторе Дюбуа и заключили сделку на продажу дома за пятьдесят шесть тысяч. Адвокат Дюбуа оказался невысоким мужчиной с красным обветренным лицом и длинными прядями седых волос. Уступая моему желанию завершить все формальности сегодня же, он согласился открыть контору в столь поздний для работы час. Я отдал деньги, бумаги были подписаны, ключи от дома опущены в мой карман, мы пожали друг другу руки и вышли на улицу. Когда мы не спеша шагали по влажному асфальту тротуара к своим глайдерам, я вдруг воскликнул:

— Проклятие, я, кажется, забыл у вас на столе свою ручку!

Мы с Дюбуа остановились.

— Не беспокойтесь, я вам ее пришлю. Вы, если не ошибаюсь, остановились в «Спектруме»?

— Боюсь, мне придется скоро уехать оттуда.

— Я могу послать вам домой, на улицу Нуаж.

Я покачал головой:

— Она понадобится мне уже сегодня вечером.

— Пожалуйста, возьмите мою, — он протянул мне ручку.

К этому времени Глидден отошел уже достаточно далеко и не мог слышать, о чем мы говорим. Я помахал ему рукой и произнес:

— Это был просто предлог, чтобы поговорить с вами наедине.

Сетка мелких морщин в тот же миг окружила его темные глаза, и появившуюся было в них тень презрения сменило любопытство.

— Хорошо, — сказал он, и мы повернули обратно.

— Так в чем дело? — осведомился он, располагаясь в своем кресле за рабочим столом.

— Я ищу Рут Лэрис.

Дюбуа закурил сигарету — самый верный способ выиграть немного времени, чтобы все обдумать.

— Зачем? — спросил наконец адвокат.

— Она — мой старый друг. Вы знаете, где она?

— Нет, — покачал он головой.

— А вам не кажется несколько э-э-э... необычным распоряжаться имуществом, притом немалым, лица, чье местонахождение вам не известно?

— Да, — согласился он. — Пожалуй, вы правы. Но такова была воля клиента.

— Самой Рут Лэрис?

— Что вы имеете в виду?

— Она лично дала вам поручение или кто-то сделал это от ее имени?

— Я не понимаю, какое вам дело до всего этого, мистер Коннер. Думаю, пора прекратить этот разговор.

Поразмыслив секунду, я наконец решился.

— Хорошо, — сказал я, — только прежде, чем мы закончим, я хотел бы, чтобы вы знали — дом Рут я купил в надежде найти хоть какой-нибудь намек на ее нынешнее местонахождение. После того как я внимательно осмотрю дом, я собираюсь трансформировать его в гасиенду, потому что архитектура этого города мне абсолютно не нравится. Это вам ни о чем не говорит?

— Только о том, что у вас, видимо, не все в порядке с головой, — сделал вывод адвокат.

Я кивнул и продолжил:

— Да, но я — сумасшедший, который может позволить себе любые прихоти. Ненормальный, способ-

ный доставить кучу неприятностей. Вот, например, это здание... Сколько оно стоит? Миллион? Два?

— Не знаю, — на его лице отразилось некоторое беспокойство.

— Что, если его кто-нибудь купит и вам придется подыскивать новое помещение для своей конторы?

— Арендный договор не так-то легко разорвать, мистер Коннер.

Я усмехнулся.

— ...а кроме того, — продолжил я, — вдруг местная Адвокатская Коллегия решит поподробнее изучить вашу деятельность?

Он вскочил на ноги.

— Вы сошли с ума!

— Вы действительно так думаете? Я ведь не знаю, в чем вас будут обвинять. — Я сделал небольшую паузу. — Пока не знаю. Однако вы же понимаете, что любое расследование само по себе может доставить массу хлопот. А кроме того, снять новое помещение не так-то просто... Ну как?

Я очень не люблю добиваться своей цели таким образом, но времени у меня было в обрез.

— Так вы все еще думаете, что я сумасшедший? Вы действительно в этом уверены? — нанес я последний удар.

Дюбуа молчал.

— Нет. Не уверен, — произнес он наконец мрачным тоном.

— Ну тогда, если вам нечего скрывать, может быть, вы расскажете мне об этом деле? Меня ведь не интересуют ваши профессиональные секреты, просто расскажите, каким образом вы должны были осуществить продажу дома. Меня удивляет, что Рут не оставила письма или чего-нибудь в этом роде.

Он откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на меня сквозь сигаретный дым.

— Все переговоры велись по телефону...

— Ее ведь могли накачать наркотиками, припугнуть в конце концов...

— Глупости, кому это надо? — воскликнул Дюбуа. — Не понимаю, что вам до всего этого?

— Я же сказал, она мой старый друг.

Он испуганно моргнул: кое-кто до сих пор помнил, что за человек был одним из старых друзей Рут Лэрис.

— Кроме того, — продолжил я, — недавно я получил от нее письмо, в котором была просьба срочно приехать по важному делу. Я приехал, но не нашел ни ее, ни письма. Даже нового адреса нет. Может, это чья-то грязная шутка? В любом случае мне нужно ее разыскать, мистер Дюбуа.

Конечно, он был не слепой и представлял, сколько должен стоять, например, мой костюм. К тому же в моем голосе, пожалуй, еще остались властные нотки, выработанные в течение долгих лет, когда отдавать приказания было моим основным занятием. Во всяком случае, он не собирался звонить в полицию.

— Все переговоры велись по телефону, иногда по почте, — сказал он. — И я, честное слово, не знаю, где сейчас находится мисс Лэрис. Просто она сказала, что покидает город, и попросила продать дом со всей обстановкой, а деньги поместить на ее счет в банке. Я согласился обо всем позаботиться, а продажу дома поручил компании «Солнечный дождь».

Адвокат посмотрел в окно, потом снова на меня.

— Кроме того, она действительно оставила письмо для некоего лица. Но это не вы. Если же в течение тридцати дней письмо не будет востребовано, то я должен отослать его по указанному там адресу.

— Могу ли я узнать имя этого лица?

— К сожалению, сэр, я не могу вам его раскрыть.

— Будьте добры, — попросил я, позвоните по телефону в Гленкой — номер 73-737-373 и попросите к телефону лично Доменика Малисти — директора «Нашего Объединения» на этой планете. Назовите себя и скажите ему следующее: «Бе-бе, я — черная овечка», затем попросите его установить личность Лоуренса Джона Коннера.

Дюбуа проделал все, как я сказал, затем повесил телефонную трубку, встал, подошел к маленькому, встроенному в стену сейфу, достал конверт и протянул его мне. Конверт был запечатан, а сверху было написано: «Фрэнсису Сандоу».

— Благодарю вас, — произнес я и вскрыл конверт.

Мне с трудом удалось взять себя в руки, когда я увидел содержимое конверта. Там были новая фотография Кати в другом ракурсе, на другом фоне; фотография Рут, чуть постаревшей и пополневшей, но все еще привлекательной, и записка.

Записка на пейанском. Приветствие, обращенное ко мне, которое сопровождалось маленьким условным знаком. Обычно таким знаком в священных текстах обозначался Шимбо-Громовержец. Послание было подписано именем «Грин-Грин»*, а рядом стоял знак Белиона.

Я был сбит с толку. Во-первых, очень многие знают личности Имя-носящих. А во-вторых, Белион, насколько мне известно, не принадлежал к числу двадцати семи ныне живущих пейанских богов, поскольку никто не носил его Имя. Считалось, что Белион — заклятый враг Шимбо. Жил он под землей и был богом огня. Периодически они с Шимбо вступали в яростную схватку, заканчивавшуюся гибелью одного из них. И после нового возрождения все опять повторялось.

Я внимательно прочитал записку. В ней говорилось следующее:

Ищи своих женщин на Острове Мертвых. Боджис, Данго, Шендон и карлик ждут тебя там же.

Дома, на Вольной, у меня остались объемные фото Боджиса, Данго, Шендона, Ника-карлика, леди Карль (ее они тоже, наверное, посчитали «моей женщиной») и Кати. Это были те снимки, которые позвали меня в дорогу. И вот теперь они захватили Рут.

Но кто «они»?

* Зеленый-презеленый.

Сколько я ни старался, но вспомнить что-нибудь об имени «Грин-Грин» мне так и не удалось. Однако что такое Остров Мертвых, я-то знал!

— Благодарю вас, — еще раз произнес я.

— Что-нибудь не так, мистер Сандоу?

— Да, — сказал я, — но я все улажу сам. Не волнуйтесь, вас это уже не касается. И пожалуйста, забудьте мое имя.

— Как вам угодно, мистер Коннер.

— Прощайте.

— Всего хорошего.

Приехав в свой дом на улице Нуаж, я прошел по комнатам, внимательно все осмотрев. Особенно тщательно я проверил спальню Рут.

Вещи лежали на своих местах. В гардеробе висела ее одежда, остались нетронутыми всякие мелочи, которые люди обязательно берут с собой, переезжая на новую квартиру.

Было несколько странно бродить по дому, который стал тебе уже совсем чужим, но время от времени наткаться на знакомые предметы: антикварные часы, разрисованную ширму, инкрустированный портсигар... Все это напомнило мне о Времени, которое самым причудливым образом перемешивает старое и новое, предметы, которые вы любили, и те, что не значили для вас ровным счетом ничего. Память продолжает хранить давно, казалось, забытые образы, и когда вы вновь оказываетесь там, где не были черт знает сколько лет, воспоминания внезапно захлестывают вас, заставляя все переживать заново.

Вот что творилось в моей душе, пока я искал хоть какой-нибудь намек на то, что здесь могло произойти. Время шло, каждая вещь, каждый укромный уголок дома были подвергнуты самому тщательному осмотру. И наконец мысль, впервые пришедшая мне в голову лишь в конторе Дюбуа, хотя смутные подозрения не покидали меня с той самой минуты, как я получил первую фотографию, встала передо мной во всей оче-

видности. Мысль, родившаяся в моем мозгу и прошедшая сквозь мое нутро, вернулась обратно в мозг, усиленная тысячекратно.

Я сел в кресло и закурил.

Рут фотографировали в этой комнате. Похоже, им надоели скалы, голубое небо и прочие декорации, как на других снимках. Тщательный обыск дома ничего не дал. Нет ни следов насилия, ни каких-либо намеков на личность моего врага. «Моего врага», — я произнес это вслух. Это были первые слова, сказанные мною после прощания с внезапно ставшим любезным седым адвокатом. Я не узнал собственного голоса — так странно он звучал в большом розовом аквариуме этого дома. «Мой враг!»

Теперь все было ясно. Им нужен был я. Почему? Пока не понятно, но вероятнее всего — чтобы убить меня. Если б только знать, кто из моих многочисленных врагов стоит за этим, все было бы гораздо проще.

Мой мозг напряженно работал. Почему для нашей встречи выбрано столь странное место? Станет ли оно полем нашей битвы?

Я вспомнил свой недавний сон, в котором видел Остров Мертвых.

Если кто-то хотел причинить мне вред, то с его стороны глупо было заманивать меня именно туда. Что он мог знать о той силе, которую я обрету, ступив на землю созданного мной мира? Все вокруг будет помогать мне, когда я вернусь на свою Иллирию, которую создал много веков тому назад, на которой возвел Остров Мертвых. Мой Остров Мертвых!

...Я вернусь туда. Я уже не сомневался в этом. Ведь там Рут, а может быть, и Кати... Да, я должен вернуться в этот странный Эдем, который я когда-то воздвиг.

Рут и Кати... Мне не хотелось бы ставить эти два образа рядом, но другого выхода не было. Раньше они просто не могли существовать для меня одновременно, и эта перемена мне совсем не нравилась. Ну что ж, я отправляюсь туда, и тот, кто приготовил мне ловуш-

ку, вскоре горько пожалеет об этом. Остров Мертвых станет его последним приютом.

Я смял окуроч своей сигареты, потом запер ржавые воротца мармеладного замка и вернулся в «Спектрум». Мне вдруг ужасно захотелось есть.

Я переоделся для ужина и спустился в холл. Где-то здесь я, кажется, видел маленький ресторанчик. Но, как назло, он закрылся несколько минут назад, поэтому пришлось обратиться к портье, чтобы тот посоветовал мне какое-нибудь приличное место, где можно поесть в это время.

— Рекомендую Башню Бертоля, у залива, — сказал мне он, с трудом подавив зевоч. — Они не закрывают до самой ночи, так что у вас еще есть несколько часов.

Кто мог знать, что именно там мой злополучный бизнес с вересковым корнем завершится столь удивительным образом. Точнее было бы сказать забавным, чем удивительным. Но, в конце концов, все мы живем в тени Большого Дерева! Помните?

Следуя данным мне советам, я достаточно быстро добрался до ресторана и припарковал глайдер у подъезда. Какой-то тип в ливрее сразу вызвался позаботиться о моей машине. Не люблю таких. С сияющей улыбкой на розовом лице они торопятся открыть перед вами дверь, которую вы и сами отлично бы открыли, подают полотенце, которое тебе совсем не нужно, выхватывают из рук чемодан, который ты собираешься донести сам. Ладонь правой руки они всегда держат на уровне пояса, готовые в любой момент подставить ее, едва слышав хруст банкнота или звон мелочи. А карманы у них глубокие, туда много может поместиться. Они преследуют меня уже тысячи лет, и я выхожу из себя вовсе не из-за их ливрей, а из-за этой проклятой улыбки, которая появляется при виде лишь одной вещи — денег.

Мой глайдер быстренько припарковали на стоянке у ресторана, точно между двух полос дорожной разметки. Знаете почему? Потому что все мы — туристы.

В свое время «на чай» давали лишь тогда, когда требовалось, чтобы вам быстро и расторопно оказали какую-нибудь услугу. В некотором смысле это должно было хоть как-то компенсировать низкую заработную плату определенного класса служащих. Все это понимали и принимали как должное. Но уже в двадцатом веке, когда я родился, туризм для большинства развивающихся стран стал основным источником доходов. Местные жители смотрели на туристов лишь как на денежные мешки. Вскоре это стало традицией, и постепенно такая точка зрения возобладала во всех остальных странах, даже в тех, откуда приезжали туристы. Отныне каждый, кто носил униформу, знал о той выгоде, которую несли совершенно бесполезные, но выполненные с угодливой улыбкой услуги. Человек в ливрее завоевал весь мир. С тех пор мы все превращаемся в туристов, едва перешагнув порог собственного дома. Мы становимся гражданами второго сорта, которых безжалостно эксплуатируют армии улыбающихся слуг. Бескровная революция, которую совершили швейцары, официанты и привратники, победила! Навеки!

Теперь в любом городе, куда бы я ни приехал, люди в ливреях бросаются мне навстречу, смахивают перхоть с моего воротника, суют в руку рекламную брошюрку, сообщают последний прогноз погоды, молятся за мою душу, следят, чтобы я не промочил ноги в ближайшей луже, протирают стекла моего глайдера, держат над головой зонтик — как в дождливые, так и в солнечные дни, светят на меня ультрафиолетовым фонариком, если небо закрывают тучи, сдувают с одежды прилипшие нитки, чешут мне спину, бреют мне шею, застегивают мне ширинку, начищают мои ботинки... И главное, улыбаются. Прежде чем я успеваю послать их куда подальше, их правая рука уже наготове. На уровне пояса, ладонью вверх.

Черт возьми! Каким благодатным местом стала бы Вселенная, если бы мы все носили ливреи — блестящие и поскрипывающие. Нам бы всем пришлось улыбаться друг другу.

Я вошел в лифт и поднялся на шестидесятый этаж, где находился главный зал ресторана. Тут я сообразил, что следовало бы заказать столик заранее по телефону. Все места были заняты. Я совсем забыл, что завтра на Дрисколле праздник.

Метрдотель записал мое имя и попросил подождать минут пятнадцать-двадцать, поэтому мне ничего не оставалось, как отправиться в один из баров тут же поблизости и заказать кружку пива.

Сделав пару глотков, я, не торопясь, стал рассматривать посетителей. Напротив, в другом конце фойе находился точно такой же бар, погруженный в полумрак. Там я заметил чью-то толстую физиономию, которая показалась мне подозрительно знакомой.

Для таких случаев я запасся специальными очками, впрочем, очки они напоминали только с виду и были не хуже иного телескопа. Я нацепил их на нос и внимательно изучил лицо, теперь повернутое ко мне в профиль.

Нос и уши я узнал сразу. Правда, волосы были совсем другого цвета, да и кожа стала чуть темнее, но ведь это так просто сделать.

Я встал и направился было в тот бар напротив, как вдруг меня остановил официант и заявил, что выносить выпивку за пределы заведения не разрешается. Когда я объяснил, что направляюсь всего лишь в соседний бар, он улыбнулся и предложил отнести кружку за меня. Ох уж мне эта улыбка и рука у пояса! Я прикинул и решил, что купить новую кружку обойдется дешевле. Поэтому я ответил, что разрешаю ему допить пиво за меня.

Толстяк сидел один, с бокалом чего-то искристого перед собой. Подойдя поближе, я снял очки и сознательно шепелявя, спросил:

— Вы позволите, мистер Бейнер?

Он слегка вздрогнул под броней своей толстой шкуры. При этом слои его подкожного жира колыхались еще некоторое время. Он уставился на меня своими свиными глазками. Похоже, что мысли его в это мгновение закутулись, как дьявол в беличьем колесе.

— Должно быть, вы ошиблись... — начал было он, улыбаясь, потом улыбка дрогнула и пропала. Он поправился: — Нет, похоже, это я ошибся. Но прошло столько времени, Фрэнк, мы оба так сильно изменились.

— Еще бы, — подхватил я, вернув своему голосу нормальное звучание. — Нас совсем не просто узнать, когда мы путешествуем инкогнито.

Я сел за столик напротив него. Он, на удивление быстро, будто притянув его на аркане, подозвал официанта и спросил меня:

— Что будешь пить?

— Какого-нибудь пива, — ответил я.

Официант кивнул и удалился.

— Ты уже ужинал?

— Нет, я ждал в баре напротив, пока освободится место, и тут увидел тебя.

— Я уже поел, — сообщил он мне, — и если бы перед уходом мне внезапно не захотелось пропустить рюмочку, мы бы, наверное, не встретились.

— Странно, — сказал я, потом добавил: — Грин-Грин.

— Что?

— Verde, Verde. Grün, Grün*.

— Боюсь, что не понимаю тебя. Это что, какой-то пароль, и я должен дать отзыв?

Я пожал плечами:

— Считай это молитвой о сокрушении всех моих врагов, если хочешь. Что у тебя нового?

— Теперь, раз уж мы встретились, — произнес он, — нам, конечно, стоит кое о чем поговорить. Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе?

— Ну разумеется.

Тут как раз метрдотель объявил о заказе Лоуренса Коннера, и мы перешли за столик в одном из бесчисленных залов ресторана, расположенных на этом этаже. В ясную погоду отсюда открывался прекрасный

* Зеленый-презеленый (исл., нем.)

вид на залив, но сегодня все небо было затянуто тучами, и лишь огни буев да изредка вспыхивающий луч прожектора пробивал темную завесу над бушующим океаном.

Бейнер решил, что его голод еще не до конца утолен, и заказал себе новый ужин. Я не успел и наполовину расправиться со своим бифштексом, как он с поразительным проворством уплел целую гору спагетти. Вскоре к ней присоединилось огромное блюдо жареных колбасок, и Бейнер приступил к сэндвичам и кофе.

— Ух, — перевел он наконец свое дыхание, — совсем неплохо.

Рот его расплылся в широкой улыбке, в которую он тут же залез зубочисткой. Признаюсь, я впервые за последние сорок лет видел его улыбающимся.

— Сигару? — предложил я.

— Спасибо, не откажусь.

Зубочистка уступила место сигаре, и нам сразу принесли счет. Я всегда так поступаю в людных ресторанах, когда официанты не спешат со счетом. Клубы табачного дыма действуют на них потрясающе — они моментально вырастают рядом с вашим столиком со своим блокнотом.

— Плачу я, — заявил Бейнер, когда я взял счет.

— Не говори ерунды. Ты же мой гость.

— Ладно... Как хочешь.

В конце концов, не зря же Билл Бейнер был сорок пятым в списке самых богатых людей Галактики. Да и мне не каждый день выпадает удача поужинать со столь удачливым человеком.

Когда мы выходили из ресторана, он произнес:

— У меня тут есть одно местечко, где мы сможем поговорить. Я сяду за руль.

Мы залезли в его машину и тронулись вперед, оставив без внимания очередного типа в ливрее, который досадливо нахмурился. Минут двадцать мы кружили на машине по городу, чтобы оторваться от гипотетических «хвостов». Наконец подъехали к заурядному зданию, всего в нескольких кварталах от Башни Бертоля.

Когда мы проходили через холл, Бейнер кивнул привратнику и удостоился ответного кивка.

— Как думаете, дождь завтра будет? — мимоходом спросил он.

— Ясное дело, — буркнул привратник в ответ.

Лифт поднял нас на шестой этаж. Стены коридора, по которому мы прошли, были украшены мозаикой из фальшивых самоцветов. Где-то среди них наверняка были замаскированы объективы видеокамер. Бейнер остановился около одной из дверей и постучал три коротких удара, потом пауза, еще удар. Завтра сигнал будет иным, уж я-то знаю Бейнера.

Угрюмый молодой человек в темном костюме открыл дверь. После того как Бейнер жестом приказал ему удалиться, он кивнул и куда-то исчез. Мы прошли в одну из комнат, и Бейнер запер за нами дверь, но все же я успел разглядеть, что безобидная с виду дверь представляет собой толстую металлическую плиту, прикрытую, на манер бутерброда, с обеих сторон деревянными панелями. Бейнер коснулся пальцем своих губ, давая знак пока помолчать, и, вооружившись самыми различными приборами, принялся рыскать по комнате, выискивая подслушивающие устройства. Минут пять я терпеливо ждал и совсем не удивился, когда он, не доверяя результатам своего исследования, включил на всякий случай генератор помех и лишь после этого облегченно вздохнул. Затем он снял пиджак, повесил его на спинку стула и, повернувшись ко мне, сказал:

— Порядок. Теперь можно говорить. Тебе что-нибудь налить?!

— А ты уверен, что это безопасно?

Он на миг задумался, потом произнес:

— Да.

— Тогда, пожалуйста, виски с содовой, если есть, конечно.

Бейнер удалился в соседнюю комнату и через несколько секунд вернулся с двумя стаканами в руках. В свой он наверняка налил чай, поскольку собирался говорить со мной о каком-то деле. Впрочем, меня это мало волновало.

— Итак, что скажешь? — усмехнулся я.

— Черт! Неужели это правда, что о тебе болтают?
И откуда ты только узнал?

Я лишь пожал плечами.

— Надеюсь, ты не собираешься опять обскакать меня, как тогда, с акциями горных разработок на Веге?

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Попробуй вспомнить. Шесть лет тому назад.

Я рассмеялся.

— Послушай, — постарался объяснить я ему, — меня совсем не заботит, во что вкладываются мои деньги, пока я уверен, что они в надежных руках. Я доверяю своим служащим, которые распоряжаются ими с пользой для меня. И если я и нагрел руки на какой-то сделке шесть лет тому назад, как ты утверждаешь, то лишь потому, что кто-то из моих людей позаботился об этом. Понимаешь? Это ты присматриваешь за своими капиталами, как пастух за стадом. А за меня пусть работают другие.

— Конечно, Фрэнк, — съязвил он, — ты ведь чисто случайно оказался в Дрисколле именно в тот момент, когда я как раз собирался заключить сделку. Лучше признайся честно, кого из моих людей ты подкупил?

— Никого, честное слово.

Бейнер даже обиделся.

— Уверю тебя, — пообещал он, — я ему ничего не сделаю, просто переведу работать в другое место, где он мне больше не сможет навредить.

— Но я не собираюсь заниматься здесь бизнесом, — заметил я. — И тебя встретил совершенно случайно.

— Посмотрим, посмотрим, хотя предупреждаю сразу: весь банк тебе сорвать не удастся, даже если ты и припрятал в рукаве козырную карту.

— Я и не собирался, клянусь.

— Проклятие! — выругался он. — Все шло так гладко! — В отчаянии Бейнер ударил кулаком по ладони.

— Я даже не видел предмета нашего спора, — сказал я.

Он вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся, держа в руках курительную трубку.

— Хорошая трубка, — похвалил я.

— Пять тысяч, — ответил он. — Почти задаром.

— Вообще-то, я трубку не курю, но...

— Учти, — оборвал он меня, — больше чем за десять процентов я тебя в долю не возьму. Я первым про это пронюхал, а ты решил прийти на готовенькое. Не выйдешь!

Тут я разозлился. Этот ублюдок, кроме жратвы, может думать только о том, как бы ему преумножить свои капиталы. Соответственно он считал, что и я все свое время трачу лишь на то, чтобы на Большом Дереве было как можно больше листьев с моим именем.

Ну что ж, пусть пеняет на себя.

— Я хочу треть, — заявил я, — иначе буду действовать самостоятельно.

— Треть?!

На его лице был неподдельный ужас. Он вскочил на ноги, и тут такое началось! Хорошо, что хоть комната была звукоизолированной и без «клопов». Давненько я не слышал подобных выражений в свой адрес. Он без остановки бегал по комнате, размахивая руками. А жадный, прижимистый торгаш, который сидел во мне, уже подсчитывал прибыли от этих проклятых трубок, пока Бейнер с багровым перекошенным лицом что-то вопил о справедливости.

За долгие годы в моей голове скопилась уйма самой разнообразной информации. Например о том, что в былые дни на Земле самые хорошие трубки делали из пенки либо верескового корня. Глиняные трубки слишком быстро нагреваются, и их неудобно держать в руке, а деревянные трескаются или слишком быстро прогорают. В конце девятнадцатого века, благодаря постоянным предостережениям медиков о вреде сигаретного дыма, курение трубок испытывало небывалый подъем. И к началу следующего столетия мировые запасы пенки и вереска были почти полностью

исчерпаны. Пенка или точнее гидросиликат магния — осадочная горная порода, встречающаяся среди многовековых отложений морских раковин, спрессованных огромным давлением. Очень быстро все ее выработки истощились, и поставки этого сырья были прекращены. А белый вереск, по-латыни *Erica Arborea*, из корня которого изготавливаются трубки, рос лишь в некоторых районах Средиземноморья и достигал крупных размеров, в лучшем случае, лет за сто. Собирали его все кому не лень, ничуть не заботясь о новых посадках для будущего урожая.

Поэтому нынешним курильщикам трубок приходится довольствоваться продукцией из пиролитического углерода, а пенковые и вересковые трубки остались лишь в воспоминаниях да у некоторых коллекционеров. Время от времени небольшие залежи пенки обнаруживаются на других планетах, мигом обогащая счастливиц, которым удастся их найти. Но *Erica Arborea* или что-либо сравнимое с ней нигде, кроме Земли, обнаружено не было...

В наши дни люди, вроде меня или Дюбуа, являют собой редкое исключение. Подавляющее большинство курильщиков предпочитают именно трубки, и цена на вересковый корень может быть очень приличной. Именно такую трубку мне и показывал Бейнер. Следовательно...

— ...пятнадцать процентов, — настаивал он. — Это едва позволит мне надеяться хоть на небольшую прибыль.

— Черта с два! Вереск стоит вдесятеро дороже куска платины такого же веса!

— Ты заставишь мое сердце разорваться, если потребуешь больше восемнадцати процентов.

— Тридцать.

— Фрэнк, будь благоразумен.

— Может быть, бросишь молоть чепуху и перейдешь к делу?

— Двадцать процентов — вот все, что я могу позволить. Больше нам говорить не о чем. Это тебе обойдется в пять миллионов.

Я расхохотался ему в лицо.

Из чистого упрямства я торговался еще целый час, отвергая одно за другим предложения Бейнера и не веря ни единому его слову. Я ведь тоже в этом собаку съел. Наконец мы сошлись на двадцати пяти с половиной процентах и четырех миллионах. Мне пришлось звонить Малисти, чтобы распорядиться о финансировании этой затеи. Я искренне пожалел, узнав, что поднял его с постели.

Вот так мне и удалось уладить дело с вересковым корнем, завершившееся столь удивительным образом. Точнее было бы сказать забавным, чем удивительным. Но, в конце концов, все мы живем в тени Большого Дерева! Помните? Впрочем, я это уже говорил.

Когда мы наконец закончили, он похлопал меня по плечу, сказав, что я хладнокровный игрок и что лучше быть со мной по одну сторону баррикад. Затем мы выпили еще по одной, и Бейнер стал жаловаться, что ему никак не удастся подыскать себе повара-ригелианца и намекнул о желании перекупить у меня Мартина Бремена. Под конец он снова стал допытываться, кто же все-таки дал мне знать об этом деле.

Потом Бейнер отвез меня к Башне Бертоля. Мы попрощались, и он уехал.

Ливрея подогнала мой глайдер к подъезду ресторана и открыла дверцу. Получив причитающиеся деньги, она выключила улыбку и удалилась. Я поехал в «Спектрум», жалея, что, вместо того чтобы спокойно поужинать в отеле и завалиться спать пораньше, я весь вечер ставил свой автограф на все новые и новые листья.

Радио в моей машине наигрывало какую-то легкую мелодию, которую я лет сто уже не слышал, и в сочетании с начавшимся дождем она вызвала у меня чувство легкой грусти и одиночества.

На следующее утро я отправил курьерграмму Марлингу с Мегапеей, в которой заверял, что Шимбо будет у него еще до начала пятого периода. Еще спрашивал,

не известен ли ему пейзаж по имени Грин-Грин или что-то в этом роде, причем может ли он быть связан каким-нибудь образом с Белионом. Я попросил ответить курьерграммой с оплатой получателем, адресованной на имя Лоуренса Дж. Коннера, п/о Вольная. Подписываться не стал.

Я планировал в этот же день покинуть Дрисколл и вернуться домой. Курьерграмма — самый быстрый и самый дорогой вид межзвездной связи, но тем не менее я был уверен, пройдет пара недель, прежде чем я получу ответ.

Конечно, я несколько рисковал своим инкогнито, посылая депешу подобного рода с Дрисколла, да еще с обратным адресом на Вольной. Но я собирался улететь сегодня же и стремился закончить дела побыстрее.

Расплатившись за номер в отеле, я поехал на улицу Нуаж, чтобы окинуть дом Рут прощальным взглядом. По дороге я позавтракал в какой-то забегаловке.

В Мармеладном Дворце меня поджидало кое-что новенькое. Из щели почтового ящика я извлек большой белый конверт без обратного адреса.

На нем значилось: «Фрэнсису Сандоу, дом Рут Лэрис». Я вошел в дом и, прежде чем распечатать послание, убедился, что, кроме меня, тут никого нет. Затем достал из кармана безобидную с виду тонкую трубочку, несущую тихую мгновенную смерть любому живому существу, сел в кресло и положил ее перед собой. И лишь приготовившись подобным образом, я наконец вскрыл конверт.

Так и есть. Еще один снимок.

Это был Ник, старина Ник, Ник-карлик... Покойный Ник. Он скалился сквозь свою бороду, стоя на скалистом утесе, словно собираясь кинуться на чело века, его фотографировавшего.

«Прилетай на Иллирию. Здесь все твои друзья», — гласила записка, написанная по-английски.

Я закурил первую за сегодняшний день сигарету.

О том, кто скрывался под именем Лоуренса Дж. Коннера, знали лишь трое: Малисти, Бейнер и Дюбуа.

Малисти был моим агентом на Дрисколле, и я платил ему достаточно, чтобы быть уверенным, что его не подкупят. Правда, к человеку можно применить и другие средства воздействия, но Малисти сам узнал о том, кто такой Лоуренс Дж. Коннер, только вчера, когда произнесенный пароль «Бе-бе, я — черная овечка» позволил ему расшифровать специальные инструкции. Так что для применения особых мер воздействия времени было явно недостаточно.

С другой стороны, Бейнер тоже ничего не выигрывал, ставя мне палки в колеса. Ведь мы были партнерами в совместном предприятии, к тому же достаточно мелком и незначительном, чтобы о нем заговорили люди. Так, капля воды в море бизнеса. Если изредка интересы наших с Бейнером капиталов каким-то образом и вступали в противоречие, то этот конфликт никогда не носил личного характера. Нет, Бейнер исключается.

Дюбуа тоже не произвел на меня впечатление человека, который разбалтывает чужие имена и секреты. Чтобы получить от него нужную информацию, мне даже пришлось намекнуть о своей готовности прибегнуть к чрезвычайным мерам.

На Вольной никто не знал, куда и зачем я направляюсь. Никто, кроме моего электронного секретаря, но все сведения о цели моей поездки я стер из его памяти еще перед отлетом.

Я прикинул другую возможность.

Если Рут похищена и ее принудили написать мне ту записку, то злоумышленник, кто бы он ни был, вполне мог допустить, что я еще вернусь в ее дом и обнаружу конверт, а если и нет — ничего страшного не произойдет.

Такой вариант казался мне более вероятным.

А это означало, что на Дрисколле есть человек, с которым я хотел бы познакомиться поближе.

Вот только стоит ли терять время? С помощью Малисти я, пожалуй, смогу добраться до того, кто отправил мне письмо с фотографией Ника. Но за его спиной наверняка стоит кто-то другой — гораздо более умный

и ловкий. А в моих руках окажется пешка, обыкновенный исполнитель, которому будет мало что известно или не известно совсем ничего.

Однако я все-таки решил пустить Малисти по следу и о результатах приказал доложить на Вольную. Само собой, из дома я звонить не рискнул, а воспользовался платным телефоном-автоматом на улице.

Через несколько часов уже не будет иметь значения, знал ли кто-либо, что Коннер и Сандоу — одно и то же лицо, или нет. Потому что к тому времени я буду уже в пути и никогда больше не воспользуюсь именем Коннер.

Когда-то Ниц-карлик сказал:

— Все несчастья в мире случаются из-за красоты

— Может быть, из-за правды? Или доброты?

— Они тоже к этому причастны, но все же главный виновник — красота. Именно в ней кроется источник всего зла!

— А не в богатстве? — спросил я.

— В деньгах тоже есть красота.

— Значит, если чего-нибудь хватает не всем — еды, вина, женщин...

— Точно! — воскликнул он, с силой ударив пивной кружкой по крышке стола, из-за чего несколько пьяных рож повернулось в нашу сторону. — Красота, черт ее побери!

— А как насчет красивых парней?

— Все они — или подонки, потому что пользуются своей красотой в корыстных целях, или самоуверенные гордецы, потому что знают, как все остальные им завидуют. Подонки мешают жить честным людям, гордецы — отравляют жизнь себе. Обычно и те, и другие плохо кончают, и все из-за проклятой красоты!

— Ну, а разные там красивые вещи, произведения искусства?

— Эти толкают людей на воровство или заставляют их мучиться всю жизнь потому, что они никогда не смогут ими обладать. Проклятие...

— Но подожди, — возразил я, — разве вещи виноваты, что они красивы? Разве люди выбирают — родиться им красавцами или уродами? Так уж получилось, вот и все.

Он пожал плечами:

— Виноваты? Кто сказал, что они виноваты?

— Ты говоришь о зле, а это подразумевает чью-то вину. Должен же кто-то за все ответить, рано или поздно?

— Конечно. Во всем виновата только красота! — повторил он. — Черт бы ее побрал.

— Красота как абстракция?

— Да.

— А красота в конкретных вещах?

— Да.

— Это же нелепо! Вина подразумевает ответственность, некий злой умысел...

— Разумеется, красота за все ответит!

— Уж лучше выпей еще кружечку пива.

Он выпил и снова рыгнул.

— Взгляни-ка вон на того смазливового парня возле стойки, который старается подцепить девицу в зеленом платье. Боюсь, что скоро кое-кто набьет ему морду. А этого могло бы и не случиться, будь он уродом.

Чуть позже Ник доказал правоту своего предсказания, лично расквасив парню нос за то, что тот обозвал его коротышкой. А значит, в его словах была некоторая доля правды. Хотя ростом Ник чуть выше четырех футов, у него были руки и плечи настоящего атлета, он мог кого угодно побить «на кулачки». Голова у него была нормальных размеров с копной светлорыжих волос, голубыми глазами и чуть свернутым набок, вздернутым носом. Сквозь густую бороду просвечивала улыбка, открывавшая с полдюжины редких желтоватых зубов. Обыкновенный человек, если бы не короткие скрюченные ноги.

Родился Ник в семье, где все были сплошь военными. Отец у него был генералом, и все его братья и сестры, за единственным исключением, тоже были офицерами в тех или иных войсках. Детство он про-

вел, окруженный со всех сторон атрибутами воинской профессии. Какое бы оружие вы ни назвали — будьте уверены, Ник умел с ним обращаться. Он мог фехтовать, стрелять, ездить верхом, закладывать мины, мог ломать доски и чьи-нибудь шеи голыми руками, мог выжить в любых условиях и... проваливался на всех медкомиссиях любой армии в Галактике, потому что был карликом. Я нанял его в свое время, чтобы он уничтожал последствия всех моих экспериментов, окончившихся не слишком удачно. Он ненавидел все красивое и всех, кто был выше его ростом.

— То, что тебе или мне кажется красивым, может вызвать отвращение у ригелианца и наоборот, — заметил я. — Следовательно, красота — понятие относительное. Ты не можешь осуждать ее как абстракцию, потому что...

— Ты опять ничего не понял, — сказал он. — Просто они грабят, режут друг другу глотки, мучают себя из-за совершенно других вещей. Но в них есть своя красота, пусть другая, но красота! А она влечет за собой зло.

— Но ведь красота в конкретных вещах для них...

— Постой, мы ведь торгуем с ригелианцами?

— Ну и что?

— Значит, здесь может быть что-то общее. И вообще, хватит об этом трепаться.

А потом тот смазливый парень, что хотел подцепить девку в зеленом, прошел мимо нас, направляясь в туалет, и по дороге обозвал Ника коротышкой, потребовав, чтобы Ник убрал свой стул с его пути. На этом наш вечер в баре и закончился.

Однажды Ник поклялся, что умрет в своих походных сапогах во время какого-нибудь сафари, однако нашел свое Килиманджаро в больнице на Земле, где его почти что вылечили от всех болезней, за исключением быстротечной пневмонии, подхваченной в той же самой больнице.

Случилось это около двухсот пятидесяти лет тому назад.

На похоронах я нес крышку гроба.

Потушив сигарету о край пепельницы, я покинул дом и направился к своему глайдеру. Кем бы ни был мой противник, окопавшийся в этом городишке, я займусь им позднее. А сейчас мне пора улетать.

В моей жизни и так слишком много мертвецов.

Две недели пути я провел в раздумьях, не забывая при этом уделять время ежедневным гимнастическим упражнениям. Когда же мой корабль вошел в систему Вольной, я неожиданно обнаружил, что у планеты появился новый спутник. Искусственного происхождения, разумеется.

«ЧТО ЗА ЧЕРТ восклицательный знак» — послал я запрос в кодированном виде.

«НЕИЗВЕСТНЫЙ точка ЗАПРОСИЛ РАЗРЕШЕНИЯ НА ПОСАДКУ точка ОТКАЗАНО точка ОСТАЕТСЯ НА ОРБИТЕ точка УТВЕРЖДАЕТ ЧТО ОН ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЛУЖБУ БЕЗОПАСНОСТИ ЗЕМЛИ точка» — был ответ.

«ПУСТЬ САДИТСЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЧАСА ПОСЛЕ МЕНЯ точка» — приказал я.

Получив подтверждение, что приказ получен и принят к исполнению, я включил тормозные двигатели и начал заходить на посадку.

После теплого приема, оказанного мне зверюшками, я прошел домой и принял душ, заодно избавившись от грима, делавшего из меня Л. Дж. Коннера, потом побрился и начал переодеваться к ужину.

Похоже, что-то наконец вынудило самое богатое и могущественное правительство санкционировать полет на Вольную одного из самых многочисленных и низкооплачиваемых чиновников на самом дешевом межпланетном средстве передвижения.

Ну что ж, по меньшей мере хорошее угощение он заслужил.

Глава 3

Разделенные широким столом, уставленным пустыми тарелками, мы с Льюисом Бриггсом внимательно изучали друг друга.

В предъявленном им удостоверении значилось, что он является агентом Центрального Бюро Безопасности Земли. Это был маленький сморщенный человек с тяжелым взглядом профессионального инквизитора, похожий на старую, бритую наголо мартышку. Ему явно давно было пора на пенсию.

Представляясь, он слегка заикался, похоже от волнения, но обед подействовал на него самым благотворным образом, и он почувствовал себя немного увереннее.

— Большое спасибо, мистер Сандоу. Обед был просто превосходен, — поблагодарил он. — А теперь, если вы не против, я хотел бы перейти к делу, которое привело меня к вам.

— Тогда давайте поднимемся наверх. Там у нас будет возможность побеседовать на свежем воздухе.

Мы встали из-за стола и, захватив с собой стаканы с выпивкой, направились к лифту.

Спустя несколько секунд мы оказались на крыше, где был разбит небольшой, но уютный сад. Жестом я предложил Бриггсу опуститься в шезлонг под каштаном.

— Вам здесь нравится?

Он кивнул, устраиваясь поудобнее. Легкий ветерок обдувал наши лица. Мы наслаждались, вдыхая свежую прохладу сумерек.

— Впечатляет, — произнес Бриггс, с интересом оглядываясь по сторонам. — Вы умеете удовлетворять свои прихоти.

— Да. Кроме того, благодаря моим прихотям, которые вы сейчас похвалили, — пояснил я, — мой дом совершенно невозможно обнаружить средствами воздушной разведки.

— О! Об этом я даже не подумал.

Я предложил ему сигару. Он отказался. Тогда я закурил сам.

— Так о чем же вы хотели со мной поговорить?

— Не согласились бы вы отправиться со мной на Землю, чтобы встретиться с моим начальством?

— Нет, — ответил я. — Я уже раз десять письменно отвечал на этот вопрос. Земля вредно влияет на мою нервную систему. Она принесла мне слишком много боли, поэтому я и живу здесь. Земля перенаселена, кишмя кишит бюрократами, там видимо-невидимо разных болезней и массовых психозов. Короче, если вашему шефу нужно мне что-то сказать, то он вполне может передать это через вас — я отвечу, а вы передадите мой ответ.

— Обычно, — сказал Бриггс, — подобные вопросы решаются на уровне Отдела.

— Что ж, — пожал я плечами, — я готов, если потребуется, оплатить кодированную курьерграмму на Землю.

— Ответная курьер-грамма — слишком дорогое удовольствие для Бюро, — произнес он. — Вы же понимаете, что наш бюджет не...

— О, ради Бога, я оплачу в оба конца. Только прекратите забивать мой почтовый ящик своими посланиями, которые вы почему-то все еще называете повестками.

— Нет, нет! Ни в коем случае! — В его голосе звучали неподдельные нотки ужаса. — Так еще никто не поступал. Человеко-часы, затраченные нами на разре-

шение вопроса о правомерности оплаты вами курьерграмм, влетят нам в копеечку.

О Мать-Земля! Глубоко скорблю я о твоей судьбе и о детях твоих неразумных, населяющих тебя! Рождаются правительства, расцветают, укрепляя «национальное единство» и окружая себя «нерушимыми границами». Затем наступает период окостенения: происходит разделение сфер влияния, появляются все новые управляющие структуры — да еще Макс Вебер об этом говорил. Он рассматривал бюрократию как неизбежный продукт развития любого института власти и считал, что это в порядке вещей. Бюрократия необходима и неизбежна! Бюрократия абсолютна! Можете зачеркнуть слово «Бог» и написать сверху «Бюрократ».

Но в истории любой бюрократии рано или поздно наступает момент, когда она становится пародией на саму себя. Вспомните, ведь развал огромной управляющей машины в Австро-Венгерской империи породил Кафку, в России — Гоголя. Бедняги, они свихнулись, но так и не поняли природу бюрократа.

И вот сейчас передо мной сидел человек, выживший в условиях несравненно более абсурдной и нелепой системы, чем все существовавшие до настоящего времени. Это указывало на то, что он безнадежно глуп и эмоционально обделен либо — мазохист с несгибаемой волей. Именно такие должности, в которых сочетаются все худшие родительские черты — навязчивая забота мамыши о своем чаде и дутый авторитет всезнающего папаши, — всегда привлекали идиотов.

Вот почему, Мать-Земля, глубоко скорблю я о твоей судьбе в этот миг бесконечного парада, что зовется ВРЕМЕНЕМ — парада миллиардов клоунов с разбитыми сердцами.

— Так скажите же, что вам от меня нужно, и я тут же дам ответ, — предложил я.

Бриггс достал из внутреннего кармана пиджака запечатанный конверт с многочисленными печатями, уверявшими, что послание «совершенно секретно», и протянул мне.

— В случае, если вы откажетесь лететь со мной на Землю, — сказал он, — мне поручено передать вам вот это.

— А если бы я согласился, что бы вы сделали с письмом?

— Вернул своему начальнику.

— Чтобы он смог вручить мне его лично?

— Вероятно.

Я вскрыл конверт и извлек оттуда листок бумаги.

Спустились сумерки, и мне пришлось поднести письмо к самым глазам, чтобы разобрать содержание. Это был список из шести имен. И пока я его читал, мне стоило большого труда сохранять невозмутимое выражение лица.

Всех этих людей я когда-то любил или ненавидел, и объединяло их лишь одно — смерть.

Впрочем, нет. Была у них еще одна общая черта. Все они были на тех фотографиях, которые я получил в последнее время.

Я выдохнул клуб дыма, сложил лист, засунул его обратно в конверт и положил на середину стола.

— И что же сие означает? — после нескольких секунд молчания поинтересовался я.

— То, что все эти люди потенциально живы, — ответил Бриггс. — И прошу вас, уничтожьте письмо при первой же возможности.

— Хорошо, — ответил я. — Но почему вы считаете, что они потенциально живы?

— Потому что были похищены их Воспроизводящие Ленты.

— Каким образом?

— Мы не знаем.

— А зачем их украли?

— Тоже неизвестно.

— Значит, вы прилетели ко мне...

— Потому что вы — единственный человек, который знал их всех. Единственное звено, которое их объединяет.

Сначала я ему не поверил, но не подал вида и ничего не сказал. Еще бы, я не сомневался, что Воспро-

изводящие Ленты — единственная вещь во Вселенной, которую невозможно украсть или раздобыть каким-либо другим способом. Они хранятся всего тридцать дней, а затем от них не остается следа. Когда-то я сам пытался заполучить такую ленту, и у меня, разумеется, ничего не вышло. Их охранники неподкупны, а хранилище недоступно.

Кстати, это одна из причин, по которым я никогда не посещаю Землю. Мне не хочется, хотя бы и временно, носить Воспроизводящую Панель. Каждому человеку, родившемуся на Земле, такая панель имплантируется еще в детстве, и по закону он не имеет права от нее избавиться, пока живет на планете. Все эмигранты, прибывающие на Землю, в обязательном порядке подвергаются операции по ее вживлению. И даже лица, временно проживающие на Земле, обязаны носить панель все время, пока там находятся.

Нужны эти панели, чтобы считывать и запоминать электромагнитную матрицу вашей нервной системы. Таким образом они записывают постоянно изменяющийся отпечаток человеческой личности, столь же уникальный, как отпечатки пальцев. Назначение панели состоит в том, чтобы передать информацию о последнем состоянии матрицы в момент смерти. Спусковой крючок — смерть, психический образ — пуля, а цель — сенсоры приемного устройства. Это устройство представляет собой огромную машину, которая записывает вашу матрицу на крохотный отрезок ленты, свободно помещающийся в ладони. Все ваши надежды и мечты, все, чем вы были и могли стать, — все это весит меньше утиного перышка. А через тридцать дней такую ленту уничтожают. И не остается ничего.

И очень редко — считанное число раз за последние несколько столетий — ленты ждала иная участь.

Цель посмертного матрицирования личности, крайне сложного и дорогого процесса, заключается в следующем. Некоторые люди, в случае неожиданной смерти по той или иной причине, уносят с собой в небытие жизненно важные для Земли сведения эко-

номического, политического или военного характера. И вся система матрицирования направлена на то, чтобы обеспечить возможность восстановления таких сведений. Но даже столь сложная машина не в силах извлечь из ленты всю необходимую информацию. Поэтому у каждого, кто носит Панель, берется и замораживается образец живой ткани. После смерти эта ткань хранится вместе с лентой и также уничтожается по истечении тридцати дней. Если же необходимо совершить Воспроизведение, то из образца ткани выращивается новое тело с помощью РУРа — Регенератора Ускоренного Роста. Такое тело является абсолютной копией утраченного, только мозг его пуст, как чистый лист бумаги. Теперь на этот чистый лист накладывается запись матрицы сознания, и воспроизведенная личность обладает памятью погибшей вплоть до момента смерти. Таким образом появляется возможность получить доступ к утраченной информации, если она действительно настолько важна, что Всемирный Конгресс даст санкцию на Воспроизведение.

Вся эта сложнейшая система занимает несколько сот акров и защищена надежными стенами Далласского Форта. Охраняют ее, как зеницу ока.

— Вы полагаете, что я украл ленты? — спросил я. Бриггс нервно заерзал на стуле.

— Согласитесь, во всем этом есть какая-то система, — сказал он, — и вы имеете к ней самое непосредственное отношение.

— Согласен. Но лент я не крал.

— Однако, признайтесь, как-то раз вы уже были под следствием по обвинению в попытке подкупить должностное лицо, чтобы завладеть лентой вашей первой жены — Катрин.

— Это зафиксированный факт, и я не стану его отрицать, но в конце концов обвинение было снято.

— Верно, вы могли позволить себе нанять целую свору первоклассных адвокатов, да и до ленты вы так и не добрались. Ее украли позже. Мы узнали об этом лишь много лет спустя, когда обнаружили, что лента

не была уничтожена в положенный срок. У нас не было причин обвинять в этом вас, к тому же наша юрисдикция не распространялась на места тогдашнего вашего проживания. В общем, нам так и не удалось связаться с вами по этому поводу.

Я улыбнулся, обратив внимание на то, что он сделал ударение на слове «связаться». Еще бы, у меня ведь есть своя система безопасности.

— И что же, по-вашему, я стал бы делать с этими лентами, в случае если бы мне посчастливилось их получить?

— Вы — богатый человек, мистер Сандоу. Вы — один из немногих, кто может позволить себе построить дубликат машины для Воспроизведения. Ваши способности...

— Ну что ж, признаюсь, когда-то я действительно об этом подумывал. Но поскольку ленту я не достал, то осуществить задуманное мне так и не удалось.

— Тогда как вы объясните последующую цепь хищений на протяжении нескольких веков, причем на всех украденных лентах были либо ваши друзья, либо враги?

— А с чего вы взяли, что я вам что-то буду объяснять? — Мой голос был тверд и спокоен. — Никому в мире, особенно вам, я не должен объяснять свои поступки. Единственное, что могу вам сообщить, — я этих лент не брал. Более того, до настоящего момента я даже не знал, что они пропали.

Все это время настойчивая мысль крутилась в моей голове: «Великий Боже! Это та самая шестерка!»

— Предположим, что это правда, — произнес наконец маленький агент, — тогда не могли бы вы сообщить, кто, кроме вас, способен пойти на столь чрезвычайные меры, чтобы получить эти ленты. Кого вы подозреваете?

— Понятия не имею, — пробормотал я, и перед моим внутренним взором предстал Остров Мертвых. Я знал, что должен сам найти ответ на заданный вопрос.

— Должен вам напомнить, — сказал Бриггс, — что мы не имеем права закрыть дело, пока не выясним, где находятся ленты в настоящее время.

— Понимаю, — кивнул я, — и сколько в вашем Бюро незакрытых дел на сегодняшний день?

— Количество не имеет значения, — с вызовом ответил он. — Дело в принципе — мы никогда не сдаемся.

— Просто я слышал, что подобных дел у вас уже немало, — заметил я, — и некоторые из них изрядно заросли пылью.

— Как я понял, вы отказываетесь сотрудничать?

— Нет, не отказываюсь. Просто не могу рассказать вам ничего интересного.

— И на Землю вы со мной не полетите?

— Чтобы еще раз выслушать эту историю из уст вашего шефа? Нет, спасибо. Передайте ему, что мне очень жаль и что я рад бы был помочь, но не вижу способа, как это сделать.

— Хорошо. Тогда, полагаю, мне пора. Спасибо за обед.

Он поднялся из-за стола.

— Вы вполне могли бы остаться до утра и хорошенько выспаться в удобной постели, — сказал я.

Он покачал головой:

— Спасибо, не могу. Я в командировке и должен отчитаться за каждый день, потраченный на выполнение задания.

— А как учитываются дни, которые вы проводите в подпространстве? — поинтересовался я.

— По очень сложной системе, — ответил Бриггс.

Итак, я сидел и ожидал курьерграмму от Марлинга. Почтовый факс превратит полученное по лучу сообщение в обыкновенное письмо и передаст электронному секретарю, а тот, отделив его от прочей корреспонденции, отправит в приемную корзину в моем кабинете. Чтобы не тратить времени зря, я готовился к визиту на Иллирию.

Перед этим я проводил Бриггса до самого корабля и убедился, что он задраил за собой крышку люка. Затем я лично проследил на мониторе, как его корабль покинул систему Вольной. Я был уверен, что мне еще не раз придется столкнуться с ним или с его коллегами. Разумеется, если я сумею распутать эту историю и вернуться домой живым и невредимым. Ясно было одно: кто бы ни ждал меня на Иллирии, банкетов в мою честь он устраивать не будет. Вот почему моя подготовка к путешествию заключалась в основном в выборе оружия. И пока я подыскивал в своем арсенале самые смертоносные и самые миниатюрные образцы, я думал о Воспроизведении.

Бриггс, безусловно, был прав. Только очень богатый человек может позволить себе построить Воспроизводящую машину — копию той, что спрятана в Далласе. К тому же ему придется пойти на затраты, связанные с определенными исследованиями, поскольку о некоторых тонкостях процесса осведомлен лишь узкий круг специалистов.

Я стал перебирать возможных кандидатов из числа моих конкурентов. Дуглас? Нет. Он меня ненавидит, но вряд ли стал бы прибегать к столь замысловатому способу, если бы решил со мной разделаться. Креллсон? Этот еще и не такое способен, но я следил за ним и точно знал, что возможности для столь крупномасштабной акции у него не было. Леди Куилл с Ригеля? Фактически уже впала в старческий маразм. Империей руководят ее дочери, которые вряд ли пойдут на столь значительные расходы. Какое им дело до давно забытых обид?

Тогда кто?

Я проверил свои записи. Финансовых операций подобного масштаба за последнее время отмечено не было. На всякий случай я послал курьерграмму в Центральное Регистрационное Отделение в нашем секторе Галактики. Но прежде чем оттуда пришел ответ, я получил сообщение от Марлинга.

«Прилетай на Мегапёю немедленно», — гласило оно.

Никаких формальных приветствий и витиеватых иносказаний, столь характерных для пейанского стиля, не было. Лишь единственная фраза, причем в повелительном наклонении! Значит, надо было спешить. Либо состояние здоровья Марлинга оказалось гораздо хуже, чем он рассчитывал, либо мне на крючок действительно попало нечто стоящее.

Я послал сообщение, что вылетаю немедленно, и отправился в путь.

Глава 4

Мегапея. Если вы ищете место, где можно спокойно умереть, то стоит подобрать местечко поудобней. Пейанцы так и сделали и, как мне кажется, поступили мудро. Когда они открыли этот мир, то, насколько мне известно, хорошего в нем было мало. Поэтому вначале они как следует поработали над ним, а лишь затем переселились сюда, чтобы спокойно встретить старость.

Диаметр Мегапеи составляет около семи тысяч миль. В Северном полушарии имеется два больших континента и три помельче — в южном. Большой из северных континентов напоминает высокий чайник с отломанной ручкой, который наклонили, чтобы плеснуть в чашку чая. Второй напоминает лист плюща, от которого прожорливая гусеница отгрызла солидный кусок на северо-западе. Эти два континента разделяют восемьсот миль океана, причем нижняя часть листа залезает на пять градусов в пояс тропиков. Тот, что похож на чайник, размером примерно с Европу. Континенты южного полушария выглядят как единое целое. Они напоминают мне раскиданные тут и там серо-зеленые стеклышки, окруженные кобальтом моря. По всей планете разбросано множество мелких островков, но есть и несколько довольно крупных. Полярные шапки невелики и тенденции к увеличению пока не имеют. Климат приятный, поскольку плоскость эклиптики почти совпадает с экватором. У всех континентов красивая линия побережья, а горы выглядят

вполне мирно. Здесь всегда можно найти именно тот райский уголок, о котором вы мечтали всю жизнь, и поселиться там. Именно так пейзажи и задумали.

Тут нет крупных городов, и даже столица планеты Мегапеи под названием Мегапея, расположенная на континенте Мегапея — совсем небольшой городок. (Мегапея — это тот континент, что похож на обгрызенный лист.) Столица Мегапеи лежит на берегу моря примерно посередине выеденного куска. Причем, как правило, между двумя соседними домами расстояние в городе не меньше мили.

Я сделал пару витков, любуясь планетой и мастерством тех, кто ее благоустроивал. По-прежнему я не мог найти ни одной режущей глаз детали. Я учился и всегда буду учиться у пейзажистов всему, что касается искусства.

Внезапно нахлынули воспоминания о тех далеких счастливых днях, когда я еще не был богат и знаменит, и поэтому никто не испытывал ко мне ненависти.

Население всей планеты численностью не превышало и миллиона. Вероятно, я мог бы затеряться там, внизу, как уже было однажды, и провести на Мегапее остаток своих дней. Я знал, что не стану этого делать — по крайней мере сейчас. Но как иногда приятно помечтать!

На исходе второго витка я вошел в атмосферу, и вскоре вокруг меня запел рассекаемый кораблем воздух, а небо из цвета индиго превратилось сначала в фиолетовое, затем — в темно-лазурное. Здесь, на границе реальности и небытия, парили легкие облака.

Я посадил «Модель Т» прямо во дворе дома Марлинга и, заперев люк, с небольшим чемоданчиком зашагал в направлении башни. Путь предстоял неблизкий — до башни было больше мили.

Я шел по знакомой дороге, что петляла в тени раскидистых деревьев, и тихонько насвистывал что-то себе под нос. То и дело мой свист подхватывала какая-нибудь птица. Я чувствовал дыхание моря, хотя самого моря отсюда еще не было видно. Все было таким же, как и много лет назад, когда я поставил перед собой,

казалось, неразрешимую задачу и вступил в схватку с богами, надеясь обрести забвение, а нашел нечто совсем иное...

Воспоминания, словно слайды в демонстрационном аппарате, одно за другим вспыхивали в моем мозгу, когда я невольно бросал взгляд то на поросший мхом валун, то на гигантское партоновое дерево. Вот на глаза мне попался крибл — животное размером с пони, похожее на бледно-лиловую собаку с длинными ресницами и короной из розовых перьев; бедолага при моем приближении испуганно умчался... Потом я заметил парус желтоватого цвета, а вслед за ним показалось и море.

Чуть позже я увидел саму башню — массивную, суровую, белую, словно зуб, и страшно древнюю — гораздо старше меня самого... Она словно дышала спокойствием, вознося высоко свои стены над залитыми ярким солнечным светом спокойными водами небольшой бухты.

Преодолев бегом последние сто ярдов, я постучал в решетку ворот под аркой, что вела в небольшой внутренний дворик.

Минуты через две показался незнакомый мне молодой пейанец, который остановился у ворот, разглядывая меня. Я обратился к нему по-пейански:

— Меня зовут Фрэнсис Сандоу. Я пришел, чтобы повидать Дра Марлинга.

Услышав это, юноша отворил ворота и впустил меня внутрь, но по пейанскому обычаю не проронил ни слова, пока я не вошел в дом.

— Добро пожаловать, Дра Сандоу, — произнес он наконец. — Дра Марлинг примет вас, как только колокол известит о начале прилива. Позвольте показать вашу комнату. Я сейчас принесу вам туда еду и освежающие напитки.

Поблагодарив его, я последовал за юношей по винтовой лестнице.

В комнате, что была предоставлена в мое распоряжение, я немного подкрепился. До прилива оставалось еще не меньше часа, поэтому я закурил сигарету

и стал смотреть на океан сквозь широкое низкое окно, рядом с которым стояла кровать. Я облокотился на подоконник, сделанный из неизвестного мне материала, который обладал большей прочностью, чем даже металлизированный пластик.

Довольно странный образ жизни, скажете вы. И это, черт возьми, та самая раса, для которой практически нет ничего невозможного? А это тот самый Марлинг, что создал столько миров?

Невероятно, но это так. Марлинг мог бы стать богаче меня и Бейнера вместе взятых и помноженных на десять, если бы только захотел. Однако он предпочел башню на крутом берегу моря, решив жить здесь до самой смерти, которая была уже не за горами. Я не собираюсь выводить из этого какую-то мораль, рассуждая, например, о стремлении избежать контактов с представителями сверхцивилизаций, наводнивших Галактику, об отвращении к обществу любых других существ, не исключая и своих соплеменников — всякое объяснение будет слишком примитивно и неполно. Марлинг жил здесь, потому что ему хотелось здесь жить — и больше мне нечего сказать. При всем при том, мы с ним были родственными душами, различны были лишь размеры наших убежищ. Марлинг сразу же понял это, хотя я до сих пор не могу понять, как он определил, что огонек Силы тлеет где-то в душе несчастного чужака, постучавшего в ворота его башни много веков тому назад.

Устав от скитаний, испугавшись необъятности Времени, я отправился за советом к древнейшей расе во всей Галактике. Страх, завладевший мной в ту пору, не поддается описанию. Вряд ли вам ведомо это чувство — видеть, как все вокруг умирает. Вот что привело меня на Мегапёю.

Однако не пора ли мне рассказать вам немного о себе? А почему бы и нет? Пока я дожидаясь прилива, вполне можно восполнить этот пробел.

Я родился на планете Земля в середине двадцатого века. В этот период истории человеческой расы люди отбросили многие табу и традиции, некоторое вре-

мя веселились вовсю, а потом вдруг обнаружили, что особых причин для радости нет — человек был так же смертен, как и прежде, и перед ним все еще стояли старые проблемы жизни и смерти, осложненные еще и тем, что Мальтус все же оказался прав. Я бросил колледж в конце второго курса и записался в армию. Вместе со мной воевать отправился и мой младший брат, только что закончивший школу. Так я впервые оказался на берегу Токийского залива. Потом я вернулся в колледж, чтобы получить диплом инженера, но вскоре решил, что выбор сделан мной неверно, и перешел на медицинский факультет. Потом увлекся биологией, получил степень доктора, специализируясь в области экологии. Мне было двадцать шесть лет, шел 1991 год. Отец мой умер, мать снова вышла замуж. Я влюбился, сделал предложение, получил отказ, после чего отправился в одну из самых первых межзвездных экспедиций. Мне помогло то, что я имел несколько специальностей. Путешествие длилось около ста лет, но экипаж все время находился в анабиозе. Наконец мы достигли одной из планет Бартона и начали создавать колонию. Но не прошло и года, как меня поразила местная болезнь, против которой наши лекарства были бессильны. Тут меня вновь погрузили в анабиоз до тех пор, пока не найдется целительное средство. Разморозили меня через двадцать два года. К тому времени на планету прибыли еще восемь транспортов с колонистами, и вокруг возник совершенно новый мир. В тот же год прибыли четыре больших корабля, но из них на планете остались лишь два. Остальным предстоял полет к еще более отдаленной звезде, где предполагалось основать колонию. Я полетел на одном из этих кораблей, заменив колониста, который решил, что ему хватит за глаза и одного путешествия. Другой такой возможности могло и не представиться, а поскольку я не мог вспомнить даже лица, не то что имени, той девушки, что побудила меня ввязаться в эту авантюру, то желание мое было продиктовано, как мне кажется, лишь любопытством

и еще тем, что эта планета была уже укрощена, а я не принимал в этом никакого участия.

Через более чем столетие холодного небытия мы высадились на намеченной планете, и место это мне совсем не понравилось. Поэтому, проведя там всего лишь восемь месяцев, я попросился в экспедицию к еще более отдаленной звезде и отправился к Бифросту, которому в случае успешного завершения нашего полета предстояло стать самым отдаленным форпостом человечества.

Перелет длился двести семьдесят шесть лет. Бифрост оказался мрачным и неприветливым, он напугал меня. Я стал догадываться, что колониста, скорее всего, из меня не выйдет, и тут же отправился в еще одну экспедицию, но было слишком поздно. Неожиданно выяснилось, что люди уже расселились повсюду, установили контакт с другими разумными расами, так как межзвездные перелеты стали занимать недели и месяцы, а не столетия, как прежде.

Смешно? Мне тоже так сперва показалось. Я решил, что все это — какой-то грандиозный розыгрыш. Потом мне сообщили, что я, по всей видимости, оказался самым старым представителем человеческой расы и, похоже, единственным человеком из ныне живущих, который родился в двадцатом веке. Они рассказывали о Земле, показывали ее фотографии. Мне уже было совсем не до смеха, поскольку Земля стала абсолютно иным миром, и я вдруг остро почувствовал свое одиночество. Все, что я изучал в школе и колледже, было уже давно забытым анахронизмом.

Что же я сделал? Решил слетать на Землю и увидеть все своими глазами. Я вернулся в школу, обнаружив, что не утратил прежних способностей. Однако страх не покидал меня ни на минуту. Я чувствовал себя не в своей тарелке. И тогда я впервые услышал о расе, которая могла бы помочь мне обрести опору в жизни, найти себя в том странном мире, куда забросило меня течение времени, о расе, способной избавить меня от чувства, что я — последний житель Атлантиды, бредущий по Бродвею.

Я узнал о пейанцах, в те времена только открытой расе, для которых все чудеса Земли двадцать седьмого века — не исключая и достижений медицины, добавившей человеку пару лишних веков жизни — были давно пройденным этапом. И в полубезумном состоянии прилетел на Мегапёю, подошел к первой попавшейся башне, постучал в ворота и попросил вышедшего на стук пейанца:

— Научите меня, пожалуйста.

Это была башня Марлинга — одного из двадцати шести Имя-носящих, о чем я в то время, естественно, не подозревал.

Когда послышался звон колокола, возвещавший о начале прилива, за мной пришел молодой пейанец и проводил меня по винтовой лестнице наверх. Он первым вошел в комнату, и я услышал, как Марлинг о чем-то спрашивает его.

— Дра Сандоу здесь, он ждет, когда вы его примете, — послышался ответ юноши.

— Пусть войдет.

Молодой пейанец выглянул из комнаты и сказал:

— Он просит вас войти.

— Благодарю.

Я вошел.

Как я и ожидал, Марлинг сидел спиной ко мне — лицом к окну с видом на море. Три высокие стены веерообразной комнаты были светло-зелеными, словно сделанными из нефрита, а его кровать была длинной, низкой и узкой. Одна стена являла собой огромную, слегка запылившуюся консоль, на маленьком столике у кровати, который, возможно, не двигали с места несколько веков, все еще стояла фигурка оранжевого животного, похожего на рогатого дельфина.

— Добрый день, Дра, — поздоровался я.

— Подойди поближе, чтобы я мог тебя видеть.

Я обошел вокруг кресла и встал перед ним. Он похудел, его кожа стала значительно темнее.

— Ты быстро добрался, — произнес он, пристально вглядываясь в мое лицо.

Я кивнул:

— Ты же сказал: «Немедленно!»

Он зашипел и защелкал языком, что у пейанцев было равносильно смеху.

— Как поживаешь?

— Моя жизнь достойна одновременно страха и уважения.

— А как твоя работа?

— Одну я закончил, а за следующую пока не брался.

— Садись.

Он указал на скамью у окна, и я устроился на ней.

— Расскажи мне, что тебя беспокоит.

— Фотографии, — ответил я. — С недавнего времени я стал получать снимки людей, которых знал раньше — людей, что умерли давным-давно. Все они скончались на Земле, а недавно я узнал, что их Воспроизводящие Ленты были похищены. Поэтому вполне вероятно, что все они сейчас живы и находятся в некотором месте... Потом я получил вот это, — я протянул ему письмо, подписанное «Грин-Грин».

Он поднес его почти к самым глазам и медленно прочел.

— Ты знаешь, где находится Остров Мертвых?

— Да, на одной из созданных мною планет.

— Ты полетишь?

— У меня нет другого выхода.

— Я полагаю, что «Грин-Грин» — это Грингрин-тарл из города Дилпеи. Он тебя ненавидит.

— За что? Я никогда даже не слышал о нем.

— Это не имеет никакого значения. Его оскорбляет сам факт твоего существования. Естественно, он намеревается отомстить, что весьма прискорбно.

— В самом деле, особенно если ему это удастся. Но чем я ему так насолил, сам того не зная?

— Ты единственный инопланетянин, ставший Имя-носящим. Одно время считалось, что лишь пейанец, да и то не всякий, способен овладеть тем искусством, в котором ты так преуспел. Грин-Грин тоже одолел весь курс обучения. Он должен был стать

двадцать седьмым, но провалился на последнем испытании.

— На последнем испытании? Я полагал, что это чистая формальность.

— Возможно, у тебя и сложилось такое впечатление, но это не так. Проведя полвека в учениках у Делгрена из Дилпеи, Грин-Грин не был принят в наши ряды. Он несколько раз подчеркивал тот факт, что последний Имя-носящий даже не был пейанцем. Затем он покинул Мегалею. Конечно, при его знаниях Грин-Грин очень быстро разбогател.

— Когда это произошло?

— Лет шестьсот тому назад.

— И ты считаешь, что все это время он продолжал ненавидеть меня, планировал, как бы получше отомстить?

— Да. Спешить ему незачем, а хорошая месть требует тщательной подготовки.

Всякий раз испытываешь странное чувство, когда слышишь от пейанца нечто подобное. Сверхцивилизованный народ, но тем не менее месть нередко становится образом жизни пейанца. Несомненно, в этом кроется главная причина их малочисленности. Некоторые ведут даже книги вендетт — длинные, подробные списки лиц, с которыми следует рассчитаться, — чтобы, не дай Бог, кого-нибудь не пропустить. Сюда же включаются подробные отчеты о проведенных операциях. Месть ничего не стоит, если она не служит логическим завершением сложного плана, требующего тщательной проработки, который претворяется в жизнь через много-много лет после того, как была нанесена обида. Мне в свое время объяснили, что весь кайф состоит именно в разработке плана и предвкушении результата. Собственно, само мщение — смерть врага или превращение его в калеку, отходит на второй план. Марлинг как-то рассказывал мне, что однажды одновременно вел подготовку к мщению сразу в трех направлениях, что заняло чуть больше тысячелетия, и это еще не предел... Таков уж на самом деле их образ жизни. Они получают от этого массу поло-

жительных эмоций, даже когда все прочие дела идут отвратительно. Само наблюдение за тем, как череда маленьких триумфов приводит к окончательной развязке, доставляет им истинное наслаждение. И когда приходит время финальной сцены и старательно вырезанная дубина, наконец, опускается на голову жертвы, автор получает громадное эстетическое удовольствие. Некоторые даже утверждают, что они переживают мистическое озарение. Детей с раннего возраста приучают к этой системе, ибо только те, кто овладел ею в совершенстве, доживали до преклонного возраста. Мне пришлось ознакомиться с системой лишь мельком, и я абсолютный профан в некоторых вопросах.

— Какие будут предложения? — спросил я.

— Бесплезно пытаться избежать мести пейанца, — ответил Марлинг. — Я бы советовал тебе побыстрее найти его и отправить скитаться по океану ночи. Для этого я дам тебе в дорогу несколько свежих корней глиттена.

— Но ты же знаешь, что я не слишком силен во всем этом.

— Все очень просто: один из вас умрет. Если погибнет он, то тебе больше не о чем будет беспокоиться. Если же тебе суждено умереть, мои наследники отомстят за тебя.

— Спасибо, Дра.

— Не за что.

— А какое отношение Грин-Грин имеет к Белиону?

— Тот с ним.

— Как же это могло случиться?

— Эти двое каким-то образом сумели договориться.

— И?..

— Больше мне ничего не известно.

— Как ты думаешь, может, он считает меня слабым?

— Не знаю. — Помолчав, он добавил: — Давай посмотрим, как прибывает вода.

Я повернулся к окну и смотрел на море до тех пор, пока Марлинг не заговорил снова:

— Вот и все.

— Все?

— Да.

Небо потемнело, парусов больше не было видно. Я слышал гул, ощущал запах моря, раскинувшего передо мной черной беспокойной бесформенной массой, в которой отражались звезды. Я вдруг почувствовал, что сейчас должна крикнуть птица, и она крикнула. Долго я сидел неподвижно, перебирая в памяти давние, казалось, уже забытые события; передо мной вставали образы, смысла которых я никогда не пойму до конца... Мое Большое Дерево рухнуло, Долина Теней исчезла, а Остров Мертвых оказался всего лишь обломком скалы, который бросили в море посреди залива, и он пошел ко дну, даже не оставив кругов на поверхности. Я остался один, совсем один. Я догадывался, какие слова сейчас услышу, и не ошибся:

— Проводишь меня этой ночью? — спросил Марлинг.

— Дра...

Молчание.

— Именно этой ночью? — переспросил я.

Снова лишь молчание.

— Где же теперь будет пребывать Лоримель Многорукий?

— В счастливом ничто, чтобы когда-нибудь прийти опять. Так было всегда.

— А как же твои долги, твои враги?

— Все и всем уплачено сполна.

— Ты говорил о пятом сезоне следующего года.

— Теперь срок другой.

— Понимаю...

— Мы проведем ночь за беседой, сын Земли, чтобы до рассвета я успел передать тебе свои главные секреты. Садись.

И я опустился на пол у его ног, совсем как в те далекие дни, когда я был гораздо моложе. Он начал говорить, и я закрыл глаза, вслушиваясь.

Он знал, что делает и чего хочет. Но от этого моя печаль и мой страх не стали меньше. Он избрал меня своим спутником, и я буду последним, кто увидит его живым. Это было величайшей честью, которой я не заслуживал. Я не использовал так, как мог бы, все то, чему он меня когда-то научил... Я многое испортил. И я знал, что он тоже знает об этом. Но для него все это не имело никакого значения. Он выбрал меня. И, быть может, поэтому во всей Галактике лишь он один напоминал мне отца, который умер много веков тому назад. Марлинг простил мне все мои грехи.

Страх и печаль...

Почему он выбрал это время? Почему именно сейчас? Потому что другого раза могло и не быть.

Марлинг, без сомнения, считал, что я, скорее всего, не вернусь из своего путешествия. И поэтому эта встреча должна была стать нашей последней.

«Человек, я пойду с тобой бок о бок, буду всегда и во всем помогать тебе, направлять тебя», — эти слова приписывают Знанию, но их с тем же успехом мог произнести и Страх. Ведь у этих двух чувств много общего, если хорошенько подумать.

Вот почему я боялся.

О печали мы не говорили. Такой разговор был бы просто неуместен. Мы говорили о мирах, что мы создали; о прекрасных городах, построенных нами; о науке, превращающей кучу хлама в удобное жилище для миллионов людей, и, конечно, об искусстве. Экологические игры намного сложнее шахмат, они лежат за пределами возможностей даже самых мощных компьютеров. Это связано с тем, что данное увлечение имеет скорее эстетическую, нежели научную подоплеку... Да, требуется максимальное напряжение всех извилин, но, кроме этого, что-то еще, для чего слово «вдохновение» подходит лучше всего. Мы говорили о вдохновении, а ночной ветер с моря постепенно становился все более резким и пронизывающим, так что в конце концов мне пришлось закрыть окно и разжечь камин. Дрова весело потрескивали в богатой кислородом атмосфере. Я не могу вспомнить ни единого слова

из всего, что было сказано в ту ночь. Только где-то в глубинах моей памяти хранятся безмолвные картины, укрытые покрывалом времени.

— Вот и все, — наконец сказал Марлинг, и вскоре занялась заря.

Когда начало светать, он дал мне корни глиттена, после чего мы занялись последними приготовлениями.

Примерно через три часа я позвал слуг и приказал им приготовить все необходимое для погребального обряда, в частности отправить людей в горы, чтобы те подготовили фамильный склеп. Я послал формальные приглашения остальным двадцати пяти Имя-носящим, а также тем друзьям и родственникам, кого сам Марлинг просил пригласить на свои похороны.

Приготовив к погребению старое темно-зеленое тело, я отправился на кухню завтракать. Потом курил сигару и бродил по залитому солнечным светом берегу. Яркие пурпурно-желтые паруса снова чертили горизонт. Я нашел что-то вроде небольшой бухточки и сел на берегу.

Я был сбит с толку... Я уже бывал там, откуда только что вернулся, и так же, как в прошлый раз, мои чувства пребывали в полном смятении. Я хотел бы вновь ощутить печаль или страх, но не чувствовал вообще ничего, даже злобы. Это придет позже, сомнений нет, но пока я был слишком молод или, наоборот, слишком стар.

Отчего солнце светит так ярко, а море так весело искрится у моих ног? Почему мне так приятно вдыхать соленый морской воздух, почему крики живых существ в лесу звучат для меня сейчас райской музыкой? В природе нет того участия, как представляют себе поэты. Лишь другие люди могут сожалеть о том, что ты закрыл за собой дверь, чтобы никогда больше не открыть ее снова. Я останусь на Мегалее еще какое-то время и услышу литанию Лоримелю Многоручному — флейты, вырезанные тысячи лет назад, соткут для него полог. Потом Шимбо в который уже раз отправится в горы вместе с остальными двадцатью пятью, и я, Фрэнсис Сандоу, увижу, как отворится черная пасть

склепа. Я задержусь еще на несколько дней, чтобы помочь привести в порядок дела моего наставника, а затем отправлюсь в дорогу. И если в конце пути меня ждет та же участь — что ж, такова жизнь.

Ну, пожалуй, хватит предаваться столь мрачным мыслям в самый разгар дня. Я поднялся и вернулся в башню. Ждать.

Через несколько дней Шимбо явился вновь. Я смутно, словно во сне, помню раскаты грома, трели флейт и огненные иероглифы молний среди туч над горами. Словно зарыдала сама Природа, когда Шимбо дернул за шнурок звонка.

Помню серо-зеленую процессию, что пробиралась сквозь лес по извилистой тропке, помню, как хлюпающую под ногами грязь сменил камень горной дороги. Я шел следом за поскрипывающей повозкой, на голове у меня был положенный Имя-носящему убор, плечи жег траурный плащ, а в руках я держал маску Лоримеля, глаза которой закрывала полоска черной ткани. Еще долго не загорится изображение Лоримеля Многорукого в святилищах, пока кто-то другой не получит этого Имени. Во время церемонии оно в последний раз зажглось во всех святилищах Галактики. Затем закрылись последние двери — серые, черные, угольные... Какой странный сон, не правда ли?

Когда все закончилось, я, как от меня и ожидали, целую неделю не выходил из башни. Все это время я провел в размышлениях, но этими мыслями я не собираюсь делиться ни с кем. В один из дней моего затворничества пришел ответ из Центрального Регистрационного Отдела — его переслали с Вольной. Я не распечатывал конверт до самого конца этой недели, а когда вскрыл его, то узнал, что Иллирия в настоящее время является собственностью компании «Гриновские разработки».

Через день я мог со всей ответственностью утверждать, что компания «Гриновские разработки» — Грингрин-тарл собственной персоной, в прошлом житель города Дилпеи, ученик Делгрена, носящего Имя Клиса, Из Чьего Рта Берет Начало Радуга.

Я связался с Делгреном и попросил его принять меня. Он назначил встречу на следующий день. Потом я лег спать и спал долго-долго. Если мне что-то и снилось, то я все забыл.

Малисти не смог ничего разузнать на Дрисколле. От Делгрена из Делпеи тоже толку было мало, поскольку он не видел своего бывшего ученика уже несколько веков. К тому же он намекнул: если Грин-Грин решит когда-нибудь вернуться на Мегапеею, то его будет ждать здесь большой сюрприз. Я подумал, что чувства и намерения его ученика, скорее всего, аналогичны.

Как бы то ни было, это не играло никакой роли. Время моего пребывания на Мегапее подошло к концу. Я забрался в «Модель Т» и продолжил свой путь, разгоняя корабль до тех пор, пока пространство и время не превратились в нечто неопределенное.

Я рассек средний палец своей левой руки, предварительно обезболив место разреза, вложил в рану лазерный кристалл и несколько пьезоэлектрических контуров, наложил швы и четыре часа держал палец в заживляющем аппарате. Шрама не осталось. Пусть будет чертовски больно и придется пожертвовать клочком кожи, но зато теперь луч лазера рассекает надвое гранитную плиту толщиной в два фута, стоит мне лишь выставить этот палец вперед, сжать остальные и повернуть руку ладонью вверх. В небольшой рюкзак я упаковал концентраты и медикаменты, туда же я бросил и корни глиттена. Компас и карты были мне ни к чему, а вот несколько динамитных шашек, лист тонкой пленки и инфракрасные очки очень даже могут пригодиться. Я положил в рюкзак все, что считал необходимым. О, если б можно было упаковать туда и план будущей кампании...

Я решил использовать для посадки на Иллирию небольшую космошлюпку, не имеющую металличе-

ских частей, а «Модель Т» оставить на орбите. Я посчитал, что недели вполне должно хватить для решения всех проблем, и запрограммировал «Модель Т» по истечении этого срока зависнуть над самым мощным узлом-энергопроводом и затем возвращаться туда каждый день в определенное время.

Я спал, ел, ждал и ненавидел.

В один прекрасный день послышался гул, переходящий в вой. Затем все стихло. Звезды вдруг посыпались огненным дождем, но вскоре застыли в неподвижности. Одна, особенно яркая, горела прямо по курсу.

Я определил точные координаты Иллирии и двинулся к ней. Не два дня, а, казалось, две жизни спустя я увидел ее: отливающую зеленью, словно опал; со сверкающими морями и бесчисленными заливами, озерами и фьордами; с буйной растительностью на трех континентах, расположенных в тропиках; с прохладными лесами и многочисленными озерами четырех континентов умеренной зоны; без особенно высоких гор, но с множеством холмов; с девятью небольшими пустынями — так, для разнообразия. Имелись также одна извилистая река, длиной в несколько Миссисипи; система океанических течений, которой я по праву гордился, и пятисотмильный скалистый хребет-мост между двумя континентами, который я создал лишь потому, что геологи ненавидят их не меньше, чем антропологи — обожают. Я наблюдал за формированием штормового фронта в экваториальной зоне, потом — по грозovým тучам — за его движением на север.

Одна за другой, по мере моего приближения, на фоне планеты появились три ее луны — Флопсус, Мопсус и Каттонталлус.

Я вывел «Модель Т» на эллиптическую орбиту, оставаясь за пределами самой далекой из лун и, как я надеялся, вне зоны чувствительности средств обнаружения. Потом занялся подготовкой шлюпки, а также программированием последующего спуска самого корабля.

Затем я определил положение корабля на настоящий момент и немного подремал.

Проснувшись, я сходил в туалет, потом еще раз проверил космошлюпку и стартовый механизм. Приняв ультразвуковой душ, надел черные рубашку и брюки из водоотталкивающей ткани, названия которой я никак не мог запомнить, хотя компания по ее производству принадлежала мне, обулся в тяжелые ботинки, которые называл армейскими (хотя все остальные называли их туристскими), и заправил в них штанины брюк. Потом застегнул мягкий кожаный ремешок. Из него в случае необходимости можно было вытащить проволоку-удавку, спрятанную в центральном шве. На бедро я повесил кобуру с ручным лазером, а к поясу прикрепил гирлянду маленьких гранат. На шее у меня болтался медальон с бомбой внутри, а на правое запястье я надел хронометр, который извергал ровно в девять часов нервно-паралитический газ, если предварительно был нажат рычажок. В карманы я положил носовой платок, расческу и остатки кроличьей лапки тысячелетней давности. Теперь я был готов ко всему.

Однако следовало обождать. Я намеревался совершить спуск ночью — черной пушинкой опуститься на континент Великолепия в точке, удаленной от пункта назначения не менее чем на сто, но и не более чем на триста миль.

Я взвалил рюкзак на спину, закурил и отправился к отсеку шлюпки. Заняв кресло пилота, я надвинул на кабину прозрачный колпак и сразу почувствовал, как легкий ветерок начал обдывать мое лицо, а ноги обдала волна теплого воздуха. Потом я нажал кнопку, и створки внешнего люка стали подниматься.

Наконец люк открылся, и вдали возник сияющий полумесяц моей планеты. «Модель Т» должна была в нужный момент придать шлюпке начальное ускорение. Мне оставалось лишь управлять спускающимся аппаратом, когда он войдет в атмосферу. Вес машины вкупе с моим собственным, благодаря антигравам, встроенным в корпус, составлял всего несколько фун-

тов. У шлюпки имелись рули высоты, элероны, а также паруса и парашют. Однако она была гораздо меньше похожа на планер, чем могло вам показаться из моего описания. Скорее, это был парусник трехмерного воздушного океана.

Итак, я ждал, сидя в нем, и смотрел, как волна ночи смывает краски дня с лица Иллирии. Взошел Мопсус, а Каттонталлус исчез. У меня зачесалась правая лодыжка.

Пока я ее чесал, над головой загорелся голубой огонек сигнала. Не успел я пристегнуть ремни, как голубой огонек сменился красным.

Я расслабился, прожужжал зуммер, красный огонек потух, и тут же меня в спину будто лягнул мул. И вот — вокруг меня блещут звезды, подо мной темнеет Иллирия, а люк остался далеко позади.

Потом был дрейф, только не вниз, а вперед. Не падание, а скольжение, причем настолько незаметное, что я даже закрыл глаза. Планета казалась бездонной ямой, черной дырой, которая постепенно увеличивалась в размерах. В капсуле стало теплее. Я слышал лишь свое учащенное дыхание, стук сердца да шипение воздуха, обдувающего лицо.

Когда я посмотрел назад, корабль уже скрылся из виду. Начало было неплохим.

Давненько я не летал на дрифтере, кроме как для развлечения. И всякий раз, когда я сажусь в его кабину, в моей памяти всплывает одна и та же картина: серое предрассветное небо, волны, запах пота, горький привкус драмамина во рту, первые «угх» артиллерийского огня, и наша десантная баржа приближается к берегу. Сейчас, как и тогда, я вытер ладони о колени и коснулся высохшей кроличьей лапки. У брата была точно такая же. Ему понравились бы шлюпки-дрифтеры. Он вообще любил самолеты, парусники, планеры. Любил кататься на водных лыжах и нырять с аквалангом, а еще любил акробатику. Поэтому он пошел в авиацию. Из-за чего, наверное, так рано и встретил свою смерть. Да и многого ли можно ждать от какой-то паршивой кроличьей лапки?

Звезды сияли, как благодать Господня — холодные и далекие. Вскоре я надвинул на купол щиток фильтра, укрываясь от спящих лучей солнца. Мопсус сверкал отраженным светом, бросая лучи в бездонную яму планеты. Флопсус вращался по более низкой орбите и в настоящее время находился по другую сторону планеты. Благодаря наличию трех лун моря на Иллирии были относительно спокойными — лишь раз в несколько лет, когда все спутники оказывались на одной линии, им удавалось изобразить солидную приливную волну. Воды, вздыбившись зеленой горой, прокатывались вокруг планеты, и на месте отхлынувших волн возникали оранжево-пурпурные пустыни с островками кораллов. Камни, кости, рыбины и плавник оставались лежать на высыхающем дне, словно следы легендарного Протея. Все это сопровождалось ураганами, смерчами, резкими колебаниями температуры и скоплением грозовых туч. В небе словно выстраивались соборы из облаков, пока наконец на землю не обрушивался ливень. Водяные горы разбивались о берега, рушились сказочные города, волшебные острова возвращались на дно морское, а Протей, спрятавшийся неведомо где, каждый раз хохотал как безумный, когда раскаленный трезубец Нептуна вонзался в отвечающие шипением волны. Удар — шипение, удар — шипение. Потом долго приходилось тереть глаза.

Сейчас Иллирия лишь мягко светилась под тонкой кисеей облаков. Скоро где-то там, внизу, пробудится ото сна похожее на кошку существо. Проснувшись, потянется и примется, крадучись, обходить окрестности. Немного погодя бросит взгляд на небо. Затем его мурлыканье разбудит сонную долину, и зашелестят листья на деревьях. Они почувствуют. Все они, родившиеся сперва в моем мозгу и получившие право на жизнь, лишь благодаря моей Силе, несущие в клетках своих тел мои ДНК, почувствуют мое приближение. Предчувствие... Да, дети мои, я иду к вам. Ибо Белион осмелился появиться здесь, среди вас...

Скольжение...

Если бы там, на Иллирии, меня ждал обычный человек, все было бы проще простого. В любом случае мое оружие — скорее бутафория. Если бы там жил обычный человек, я даже не стал бы с ним возиться. Но Грин-Грин не был человеком, более того, он был не просто пейанцем, хотя и это уже достаточно неприятно, а кем-то гораздо более могущественным.

Он носил Имя, а Имя-носящий может оказывать влияние на живые существа и даже на части их тел, неким образом взаимодействуя с тенью, стоящей за Именем... Я вовсе не ударяюсь в теологию. Мне приходилось слышать вполне наукообразные объяснения феномена Имени. Например, если вас это интересует: автогенерированная шизофрения с комплексом божественного величия и экстрасенсорными способностями. Выбирайте, что вам больше по вкусу, но не упускайте из виду и то, сколько времени уходит на подготовку миротворца и сколько учеников успешно заканчивают курс обучения.

Я чувствовал, что у меня все же есть некоторое преимущество — Грин-Грин выбрал в качестве поля битвы мой собственный мир. Конечно, я и понятия не имел, сколько лет он уродовал его. И меня сильнее всего беспокоил вопрос — что же ему удалось с ним сделать? Приманку он выбрал умело. Но так ли хороша сама ловушка? Какие, на его взгляд, у него есть преимущества передо мной? В любом случае в противоборстве с другим Имя-носящим ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным. То же самое относится и ко мне.

Вам никогда не доводилось видеть, как сражаются *Betta splendis* — бойцовые рыбки? Это совершенно не похоже ни на петушинные бои, ни на драку собак, ни на схватку кобры с мангустой. Двух самцов помещают в один аквариум. Они начинают быстро плавать туда-сюда, словно красно-сине-зеленые тени, расправив плавники и раздувая жабры, пока не начинают казаться, что они значительно увеличились в размерах. Потом они медленно сближаются и плывут бок о бок минут двадцать. Затем следует выпад, настолько

быстрый, что глаз не может уследить за ним. Потом они снова плывут вместе, медленно и мирно. И внезапно опять сплетаются в разноцветном вихре, затем снова замирают. Это повторяется несколько раз — мелькание разноцветных плавников и вновь обманчивое спокойствие. Вскоре их уже окутывает красноватая дымка. Новая схватка. Рыбки замирают, сцепившись пастями. Проходит минута, иногда — две. Один из самцов отплывает в сторону. Другой — всплывает вверх брюхом.

Нечто подобное, мне кажется, произойдет вскоре между мной и Грин-Грином.

Я оставил позади луну. Впереди, заслоняя звезды, рос темный диск планеты. По мере приближения к ней космощлюпка скользила все медленнее и медленнее. Включились тормозные двигатели, и когда я наконец вошел в верхние слои атмосферы, скорость посадки упала до минимума. Подо мной в лунном свете сияли сотни озер, словно монеты на дне глубокого колодца.

Я попытался засесть огни искусственного происхождения, но ничего не обнаружил. Еще одна луна — Флопсус — показалась над горизонтом, присоединившись к своим сестрам. Примерно через полчаса я уже различал смутные очертания континентов. Я сравнил их с теми, что хранились в моей памяти, и впервые взялся за рули шлюпки-дрифтера.

Словно лист с дерева в безветренный день, кружась и заваливаясь на крыло, я планировал к поверхности планеты. По моим прикидкам выходило, что озеро Ахерон, посреди которого находится Остров Мертвых, находится примерно в шестистах милях к северо-западу.

Далеко внизу показались облака. Я продолжал скользить вниз, и вскоре они исчезли. За следующие полчаса, потеряв несколько сот футов высоты, я продвинулся миль на сорок к своей цели. Не следят ли за мной какие-либо средства обнаружения — этот вопрос волновал меня прежде всего.

Дрифтер попал в полосу сильных воздушных течений, и я некоторое время сражался с ними, но потом мне все же пришлось спуститься на несколько тысяч футов, чтобы избежать наиболее мощных из них.

В течение нескольких часов я упорно двигался на северо-запад. На высоте пятьдесят тысяч футов меня отделяло от цели четыреста с лишним миль. Так все-таки следят за мной или нет?

За следующий час я преодолел еще семьдесят миль, потеряв при этом двадцать тысяч футов высоты. Пока все шло прекрасно.

На востоке стала занимать заря, и я пожертвовал тысячью футов, чтобы избежать ее лучей. Скорость спуска заметно возросла. Было такое впечатление, словно я погружаюсь в океан — из светлых слоев воды в темные.

Но солнечные лучи преследовали меня. И вскоре мне вновь пришлось скрываться от зари. Пробившись сквозь слой облаков, я продолжал спуск, пытаюсь одновременно определить свое местоположение. Сколько еще миль до Ахерона?

Наверное, около двухсот.

Тут полоска зари настигла и обогнала меня.

Я быстро снизился до пятнадцати тысяч футов, выиграв еще миль сорок. Затем отключил несколько пластин-антигравов.

Когда до поверхности оставалось примерно три тысячи миль, уже совсем рассвело.

Минут через десять я нашел подходящее место и приземлился.

Солнце встало на востоке. Я находился примерно в сотне милях от Ахерона, плюс-минус миль десять. Подняв купол кабины, я дернул за шнур системы самоуничтожения, прыгнул на землю и побежал.

Минуту спустя шлюпка бесшумно развалилась на куски и сгорела. Я перешел на шаг, закинул рюкзак за спину, сориентировался и направился через поле к видневшимся вдали деревьям.

Глава 5

Прошло всего пять минут, и Иллирия вновь вернулась ко мне, словно я никогда и не покидал ее. Просочившись сквозь густой туман, повисший среди деревьев, солнечный свет приобрел розово-янтарный оттенок; на травинках и листьях деревьев блестели капельки росы; воздух был прохладен, сладко пахло влажной землей и прелыми листьями. Маленькая желтая птичка, описав круг над моей головой, опустилась мне на плечо, недолго посидела там и вновь улетела.

Я остановился, чтобы вырезать себе посох, и запах очищенной от коры древесины напомнил мне Огайо и ручей, на берегу которого я делал свитки из срезанных ивовых веток. Я сначала вымачивал их целую ночь в ведре, а потом снимал с них кору, предварительно постучав по ней рукояткой ножа, чтобы отделить от древесины. А еще неподалеку от того ручья росла земляника. Здесь я тоже нашел несколько ягод, крупных и пурпурно-красных, и, раздавив их пальцами, слизнул кислый сок.

Пока я занимался ягодами, украшенная гребнем, красная, как помидор, ящерица лениво сползла с верхушки камня и устроилась на моем ботинке. Я прикоснулся к ее короне, потом осторожно отодвинул животное в сторону и продолжил свой путь. Когда я обернулся, ее карие глаза встретились с моими.

Я шел среди огромных, сорока—пятидесятифутовых деревьев, и с ветвей мне на голову время от времени капала роса. Постепенно просыпались птицы, появились дневные насекомые. Надувшийся, как воздушный шарик, свистун завел свою долгую песню, сидя на ветке прямо надо мной, постепенно выпуская запасенный воздух. Откуда-то слева доносились голоса его друзей или родственников. Шесть пурпурных цветков *Sobra de sarella* как молнии выскочили из-под земли, покачиваясь на стебельках и размахивая лепестками, словно сигнальными флажками, а их терпкий аромат наполнил воздух, разя наповал. Но я даже не вздрогнул — все здесь осталось по-прежнему, как будто я никогда и не покидал планеты.

Я шел вперед, и ковер из травы постепенно становился все реже и реже, а деревья — еще выше, некоторые экземпляры были около семидесяти футов высотой. На моем пути стали попадаться валуны. Неплохое место для засады; с другой стороны, здесь можно было и самому от кого-нибудь спрятаться.

Вдруг лес погрузился в полумрак, и над моей головой заверещали мартышки — с запада стеной надвигались грозовые тучи. Встающее из-за горизонта солнце окрасило их в кровавый цвет, его лучи с трудом пробивались сквозь густую листву деревьев. На обвивавших лесные гиганты лианах распустились цветы, похожие на серебряные канделябры, и воздух вокруг них был пропитан запахом ладана. Я перешел вброд журчащий ручей, и хохлатые водяные змейки плыли за мной, ухая, словно совы. Они были довольно ядовиты, но отличались дружелюбным нравом.

На другом берегу дорога пошла вверх. Чем дальше я шел, тем сильнее становилось чувство, что в окружающем меня мире что-то изменилось. Что именно было не в порядке, я определить не мог, просто чувствовал, что произошла какая-то почти неуловимая перемена.

Прохлада утра и лесной чащи не исчезла с наступлением дня. Напротив, она, казалось, усиливалась. Воздух явно становился все холоднее и холоднее, по-

ка меня не начал бить озноб. Правда, небо было почти целиком затянуто тучами, а ионизация, которая предшествует грозе, часто вызывает подобные ощущения.

Когда я остановился перекусить и прислонился спиной к стволу могучего дуба, то невольно вспугнул пандрилла, выкапывавшего что-то среди корней. Так как он сразу бросился наутек, я понял — что-то тут не так.

Сосредоточившись, я мысленно приказал ему вернуться.

Он замер, повернулся и посмотрел на меня. Потом медленно приблизился. Я угостил его крекером и попытался заглянуть ему в глаза, пока он ел.

Страх, благодарность, снова страх... На мгновение — непонятная паника.

С чего бы это?

Я отпустил пандрилла, но он остался, твердо намереваясь доесть мои крекеры. Однако нельзя было забывать о его первоначальной реакции. Она указывала на то, чего я так опасался — я вступил на вражескую территорию.

Покончив с едой, я двинулся дальше. Мне пришлось спуститься в покрытую туманом долину, а когда я выбрался из нее, то клочья тумана будто прилипли к моему телу. Грозовые облака почти полностью затянули все небо. Маленькие зверушки разбегались при моем появлении, и я уже не пытался настроить их на другой лад. Я шел вперед, и дыхание влажным белым облаком вырывалось у меня из груди. Я осторожно обошел два энергопровода. Стоило мне попытаться воспользоваться хоть одним, как это сразу выдало бы мое местоположение тому, кто также был способен ощущать их.

Что такое энергопровод? Могу рассказать. Это часть любой системы, содержащей электромагнитные поля. У каждой планеты есть особые точки в ее гравитационном поле. Если в них поместить специальные устройства или людей, обладающих особым даром, то они могут черпать энергию прямо из электромагнитного поля планеты. Энергопровод — довольно удачное слово

для обозначения источника энергии. Данный термин принят среди тех, кому часто приходится иметь дело с этим природным явлением. К их числу относятся все Имя-носящие.

Мне не хотелось использовать энерговод до тех пор, пока я не узнаю что-либо о своем враге. Поэтому я не стал подсушивать насквозь промокшие одежду и ботинки и по-прежнему шагал вперед. Посох — в левой руке, правая свободна, чтобы в любой момент можно было выхватить лазер.

Однако пока никто не пытался на меня напасть. Более того, уже давно ни одно живое существо не попало мне на глаза.

Я шел вперед до наступления темноты, преодолев за день, наверное, миль двадцать. Воздух был по-прежнему пропитан влагой, но дождь так и не пошел. Я обнаружил небольшую пещерку на склоне одного из холмов, забрался внутрь, расстелил пленку — кусок прочного пластика размером десять на десять футов и толщиной в три молекулы, чтобы защитить себя от грязи и сырости, поел всухомятку и заснул с пистолетом под рукой.

Утро выдалось столь же унылым, как весь предыдущий день, туман стал почти непроницаемым. Я подозревал, что все это неспроста, и двигался с удвоенной осторожностью. Но если враг рассчитывал потрясти меня туманом, пробирающим до костей холодом и отчуждением некоторых моих зверушек, то он ошибался. Подобные неудобства лишь раздражают меня, укрепляя намерение добраться до их источника и покончить с ним поскорее.

Весь второй день прошел довольно однообразно: я взбирался на вершину очередного холма, затем спускался вниз и брел к следующему. Однако ближе к вечеру у меня появился попутчик.

Слева от меня загорелся огонек, который стал двигаться параллельным курсом. Он парил на высоте от двух до восьми футов над поверхностью земли, а

цвет его менялся от бледно-желтого до белого. Расстояние между ними колебалось от двадцати до ста футов. Время от времени он исчезал, но всегда возвращался. Может, это блуждающий огонек, посланный заманить меня в какую-нибудь расщелину или бездонную трясину? Не исключено. И все же я был рад его появлению — гораздо приятнее идти вдвоем.

— Добрый вечер, — сказал я. — Между прочим, я иду, чтобы прикончить того, кто тебя послал. Хотя, возможно, ты и в самом деле всего лишь болотный огонек, — добавил я. — В таком случае можешь пропустить мимо ушей мое последнее замечание. Как бы то ни было, что-то у меня пока нет никакого желания заблудиться. Можешь пойти выпить чашечку кофе, если хочешь.

Потом я принялся насвистывать «Долог путь до Типперери». Огонек продолжал следовать за мной. Я укрылся от ветра под деревом, чтобы зажечь сигарету. Все время, пока я стоял там и курил, огонек парил в пятидесяти футах от меня и, казалось, ждал. Я попытался мысленно коснуться его, но там, похоже, вообще ничего не было. Я выхватил пистолет, потом передумал и сунул его обратно. Докурив сигарету, затоптал окурочок и двинулся дальше...

Огонек по-прежнему держался поблизости.

Примерно через час я разбил лагерь на небольшой поляне. Прислонившись спиной к скале, я завернулся в пленку, разжег костерок и разогрел банку с супом. В такую ночь его пламя вряд ли было видно издалека.

Блуждающий огонек висел в воздухе у самой границы освещенного пространства.

— Не желаешь чашечку кофе? — спросил я его

Ответа не последовало.

— Ну и ладно, все равно у меня с собой только одна чашка.

Я закончил ужин и, закулив, смотрел, как догорит костер. Жаль, что не видно звезд. Ночь была безмолвной, и холод пробирал меня до мозга костей. Он уже проглотил пальцы моих ног и теперь усердно

переваривал их. Я посетовал, что не взял с собой не-много бренди.

Мой попутчик по-прежнему висел на том же самом месте, когда я снова взглянул на него. Если это не явление природы, значит, он послан, чтобы следить за мной. Осмелюсь ли я уснуть?

Разумеется.

Когда я проснулся, хронометр показывал, что прошло всего около часа. Все осталось по-прежнему. Так же, как и еще через сорок минут, и через два часа, когда я просыпался вновь. Утром я обнаружил, что огонек все еще ждет меня.

Третий день выдался такой же промозглый и серый, как и предыдущие. Я свернул лагерь и двинулся в путь.

Внезапно что-то произошло. Мой спутник покинул свою позицию слева от меня и переместился вперед. Затем свернул направо и замер, паря в воздухе футах в шестидесяти от меня. Когда я приблизился к нему, он переместился вперед, словно предугадывая направление моего движения.

Мне это совсем не понравилось. Это выглядело так, будто некий разум, управляющий огоньком, насмеялся надо мною, как бы говоря: «Смотри, старина, я знаю, куда ты путь держишь и как намерен туда добраться. Почему бы не позволить мне существенно облегчить тебе задачу?»

Да, это был неплохой трюк, и я чувствовал себя полным идиотом. Можно было, конечно, кое-что предпринять по этому поводу, но я решил не торопиться.

Итак, я шел за ним до самого обеда. Огонек вежливо ждал, пока я покончу с едой. Так же он поступил и вечером, во время ужина.

Однако вскоре огонек вновь изменил линию поведения. Он отплыл куда-то влево и исчез. Я остановился и с минуту стоял неподвижно, так как успел привыкнуть к нему. Может, кто-то предполагал, что у меня уже выработался условный рефлекс и я неволь-

но последую за ним, отклоняясь от выбранного направления? Что ж, не исключено.

Я подумал, как далеко завел бы он меня, представь я ему эту возможность.

Тем не менее, решив рискнуть, я расстегнул кобур и стал ждать повторного приглашения. Никто не помешает мне повернуть обратно минут через двадцать, если не произойдет ничего интересного.

Вскоре огонек появился и повторил свой трюк. Я последовал за ним. Он парил впереди, время от времени замирая, чтобы подождать меня.

Минут через пять заморосил мелкий дождик. Хотя стало еще темнее, я все ясно видел без фонарика. Скоро я промок насквозь и, дрожа от холода, тихо ругался.

Примерно через полмили, когда стало еще холоднее, а чувство присутствия чего-то чуждого усилилось, я остался в одиночестве. Огонек исчез. Я терпеливо ждал, однако он не возвращался.

Я осторожно вернулся на то место, где видел его в последний раз, с пистолетом в руке, настороженный и готовый ко всему.

Я случайно задел сухой сук, и тот с треском сломался.

— Стой! Ради Бога, не надо!

Я бросился на землю и откатился в сторону.

Крик раздался откуда-то справа, примерно с расстояния двадцати футов от меня.

Крик? Кричал ли кто-то на самом деле или это продукт моего воспаленного разума? Я не знал.

Вдруг кто-то всхлипнул, причем так тихо, что я не смог точно определить источник звука. Я медленно осмотрелся, но никого не заметил.

— Кто здесь? — негромко спросил я, чтобы мое местоположение было так же сложно определить.

Молчание. Однако всхлипывания не прекратились. Я попробовал мысленно коснуться незнакомца, но не ощутил ничего, кроме боли и растерянности.

— Кто здесь?

И снова тишина.

Затем чей-то голос произнес:

— Фрэнк?

Теперь уже замолчал я. Но, выждав с минуту, решил все-таки назвать себя.

— Помогите мне, — застонал голос.

— Кто ты? Где ты?

— Здесь...

Когда я понял, кто это, мурашки побежали у меня по спине, а рука сама сжала рукоять бластера.

— Данго! Данго-Нож!

Теперь я понял, что произошло, но никак не мог собраться духом и включить фонарь, чтобы хорошенько все разглядеть. Хотя в этом уже не было необходимости — именно в этот момент мой блуждающий огонек решил вернуться.

Он проплыл мимо меня, поднимаясь все выше и разгораясь все ярче, пока наконец не замер на высоте пятнадцати или двадцати футов, сияя, как сигнальная ракета. Прямо под ним стоял Данго. У него не было выбора, он мог только стоять.

Корни держали его на месте...

Его худое треугольное лицо обрамляла длинная черная борода, пряди волос неразрывно переплелись с ветками и листьями. Глаза у него были ввалившиеся и измученные. В стволе, который являлся частью его тела, виднелись червоточины и дупла, а у подножия чернели следы кострища. Я видел, как со сломанной мной ветки капает кровь.

Я медленно поднялся на ноги.

— Данго... — начал я.

— Они грызут мои ноги! — простонал он.

— Извини, мне очень жаль. — Я опустил пистолет, едва не выронив его.

— Зачем он оживил меня?

— Потому что когда-то ты был моим другом, а потом — врагом, — ответил я. — Ты хорошо знал меня.

— Так все это из-за тебя? — Дерево затряслось, словно пытаясь дотянуться до меня.

Он принялся осыпать меня проклятиями, а я стоял и слушал, как кровь капает на землю, смешиваясь с каплями дождя.

Когда-то мы были партнерами в одном рискованном предприятии, но он попытался обмануть меня. Я выдвинул против него обвинения, и его выгнали. Потом он пытался убить меня. Я поместил его в больницу на Земле, и он погиб в автокатастрофе через неделю после выхода оттуда. Я знаю, что Данго без тени сомнения расправился бы со мной, если б его подпустили ко мне с ножом в руках. Но я лишил его этой возможности, устроив ему эту аварию, поскольку знал, что он не успокоится, пока не прирежет меня или сам не умрет. А я совсем не хотел, чтобы мне продырявили шкуру.

В мертвенно-белом свете блуждающего огонька Данго выглядел ужасно. С виду он напоминал мухомор, на котором горели глаза дикой кошки. Все зубы у него были выбиты, а на щеке гноилась глубокая рана. Затылок его сросся с деревом, плечи плавно переходили в ствол, а руки ему заменяли две большие ветви.

— Кто это сделал? — спросил я.

— Этот вонючий зеленый подонок, пейанец... Ничего не понимаю. Была авария, потом я вдруг оказался на этой планете...

— Я доберусь до него, — пообещал я. — Сейчас я как раз ищу его, а когда найду — убью, как бешеную собаку. Потом вытащу тебя...

— Нет! Не уходи!

— Иначе нельзя, Данго.

— Ты не понимаешь, как я страдаю, — сказал он. — Я не могу ждать... Пожалуйста.

— Всего лишь несколько дней, Данго.

— ...А может, он расправится с тобой. Тогда я останусь здесь навсегда. Боже, как больно! Фрэнк, мне очень жаль, что я пытался обмануть тебя тогда. Поверь мне... Пожалуйста!

Я посмотрел вниз, на землю, затем вверх — на огонек, и поднял пистолет, но затем медленно опустил его.

— Я не могу снова убить тебя.

Он закусил губу, и струйка крови побежала у него по подбородку, а глаза наполнились слезами. Мне было тяжело видеть его мучения.

Я отступил в сторону и принялся что-то бормотать по-пейански. Только тогда я вдруг почувствовал, что где-то совсем неподалеку есть энерговод. Я внезапно ощутил прилив сил и стал расти, становиться все выше и выше, а сам Фрэнсис Сандоу как личность становился все меньше и меньше. Стоило мне лишь повести плечом, как раздавались раскаты грома. Я поднял левую руку, и громовые раскаты переросли в непрерывный гул. Потом я резко опустил руку, и последовавшая вспышка молнии ослепила меня, а волосы на голове встали дыбом.

...Я снова был один, вокруг пахло дымом и озоном. Я стоял подле обугленных останков того, кто был некогда Данго-Ножом. Даже блуждающий огонек куда-то исчез.

Дождь хлынул как из ведра, смыв все запахи. Я побрел в том направлении, откуда пришел. В ботинках хлюпала вода, одежда промокла насквозь. Как и где я уснул — не помню.

Наверное, именно сон помогает человеку сохранить рассудок. Периоды сна служат скобками, в которые заключен каждый прожитый день. Если вы сморозили какую-нибудь глупость или причинили кому-то боль, то вы начинаете злиться, когда вам напоминают об этом, но — сегодня. А если вас спросят о чем-то, что произошло вчера, то вы лишь кивнете или усмехнетесь. Вы уже перенеслись через небытие или сновидение на другой островок в океане Времени. Много ли образов можно вызвать из памяти? Сначала кажется, что много. На самом деле — все это лишь малая толика того, что хранится где-то в глубинах души. И чем дольше вы напрягаете свой мозг, тем больше подробностей всплывает на поверхность. Поэтому,

стоит мне поспать, и я освобождаюсь от тех воспоминаний, что причиняют мне боль.

Может показаться, что это проявление черствости. Нет, это вовсе не означает, что я живу, не испытывая боли, не жалея ни о чем. Просто за долгие века у меня выработался условный рефлекс: после всякого эмоционального потрясения голова забита мыслями о происшедшем. Но спустя некоторое время память, как стервятник, постепенно сужает круги и наконец камнем падает на источник боли, раздирает его в клочья и пожирает, а прошлое безмолвным свидетелем стоит рядом. Мне кажется, это называется «взгляд со стороны».

Много людей умерло у меня на глазах. Их смерть принимала самые разные обличья. Равнодушным я никогда не оставался. Но сон дает памяти возможность вновь завести пружину, и на следующий день моя голова снова принадлежит мне. Потому что кроме смерти есть еще жизнь, в которой соседствуют любовь и ненависть, радость и печаль, война и мир...

Я нашел однажды утром, высоко в горах, девушку. Губы ее уже посинели, а пальцы стали холодными, как лед. На ней было лишь полосатое трико, и она лежала, свернувшись калачиком под крохотным кустиком. Я завернул ее в свою куртку и оставил сумку с инструментами и образцами минералов на той скале, так потом и не вернувшись за ними. Девушка бредила, мне показалось, что она несколько раз произнесла имя «Нозль», пока я нес ее к машине. На ее теле были следы нескольких серьезных ушибов, а также множество мелких порезов и ссадин.

Я отвез ее в больницу. На следующее утро пришел навестить и узнал, что она отказалась назвать себя. Кроме того, у нее не оказалось денег, чтобы оплатить счет за медицинскую помощь. Я сделал это за нее и заодно поинтересовался, что она собирается делать дальше. Она сказала, что не знает. Я предложил ей пока пожить в снимаемом мной коттедже, и девушка согласилась.

Всю первую неделю мне казалось, будто в доме поселилось привидение. Девушка постоянно молчала, не отвечая на мои вопросы. Она готовила и убиралась, а все остальное время проводила, запершись в своей комнате. Но вот неделю спустя она услышала, как я играю на старой мандолине — я впервые взял в руки инструмент за последние несколько месяцев, — села напротив меня и стала слушать. И я играл намного дольше, чем рассчитывал, так как впервые за все это время девушка хоть как-то отреагировала на то, что происходило вокруг нее. Когда я наконец отложил мандолину в сторону, она спросила, нельзя ли ей поиграть. Я кивнул, и девушка подошла ко мне, взяла инструмент и заиграла. Играла она довольно средне, как, впрочем, и я. Я послушал, потом принес ей чашечку кофе и пожелал «доброй ночи». И все.

Однако на следующий день это был уже совершенно другой человек. Она слегка подстригла свои темные волосы и сделала прическу. Припухлость под глазами также почти исчезла. За завтраком мы с ней болтали обо всем понемножку: о погоде, о последних новостях, о моей коллекции минералов, о музыке, о предметах антиквариата и даже об экзотических рыбках. Обо всем, кроме нее самой. После этого мы повсюду стали ходить вместе: в рестораны, в театры, на пляж... Только не в горы. Так прошло почти четыре месяца, и в один прекрасный день я вдруг понял, что влюбился. Конечно, я ей ничего не сказал, но она наверняка догадалась обо всем сама. Хотя, черт побери, я ведь не знал о ней ровным счетом ничего и чувствовал себя неловко. Может, у нее где-то есть муж и шестеро детей!

Однажды она попросила меня сводить ее на танцы. Мы пошли и танцевали на террасе под звездами до четырех утра, пока заведение не закрылось. Когда около полудня я проснулся, ее уже не было. На кухонном столе лежала записка: «Спасибо за все. Пожалуйста, не ищите меня. Я должна вернуться. Я люблю вас». Подписи, разумеется, не было. Вот и все, что мне

известно об этой девушке, имени которой я так и не узнал.

Когда мне было лет пятнадцать, подстригая газон, я нашел под деревом птенца скворца с переломанными лапками. Точнее, у меня сложилось такое впечатление, так как они торчали в разные стороны под невероятным углом. Он сидел, упираясь в землю перьями хвоста, а когда заметил меня, то откинул голову назад и широко разинул клюв. Я наклонился и увидел, что его со всех сторон облепили муравьи, поэтому поднял и стряхнул с него насекомых. Затем, поискав куда бы его положить, решил, что небольшая корзинка со свежескошенной травой подойдет лучше всего. Я поставил корзинку с птенцом на столик под кленами и попытался при помощи пипетки залить ему в горло несколько капель молока, но он едва не захлебнулся. Я снова принялся за работу. Чуть позже я вернулся, чтобы взглянуть на птенца, и обнаружил рядом с ним на траве пять или шесть больших черных жуков. Я с отвращением выбросил их. На следующее утро, когда я вернулся с молоком и пипеткой, рядом с ним опять лежали жуки. Я опять навел порядок. Некоторое время спустя я увидел, как на край корзины опустилась большая черная птица. Она что-то бросила туда и снова улетела. Я продолжал наблюдать за ней. За следующие полчаса она прилетала три раза. Когда я подошел и заглянул в корзину, там было полным-полно черных жуков. Я понял, что мать пыталась накормить ими птенца, однако он не мог их есть, поэтому она просто оставляла их в корзине. В ту ночь птенца обнаружил кот, и, когда я на следующий день вновь пришел с пипеткой и молоком, в корзине остались лишь несколько перышек и капли крови.

Где-то в просторах Галактики есть место, где вокруг красного солнца кружится пояс астероидов. Несколько веков назад мы обнаружили там разумных членистоногих, которые звали себя «виллисами». Контакт с ними установить не удалось. Они отказывались от предложений дружбы и сотрудничества всех известных рас разумных существ. Кроме того,

они убили наших послов и прислали нам их тела в расчлененном виде. Когда мы впервые встретились с ними, у виллисов были лишь межпланетные корабли. Однако совсем скоро они овладели секретом межзвездных путешествий. Они грабили и убивали везде, где появлялись, а затем вновь укрывались в своей системе. Возможно, виллисы не представляли себе тогда силы межгалактического сообщества или им на это было просто наплевать, но тем не менее они верно рассудили, что пройдет немало времени, прежде чем мы договоримся выступить единым фронтом.

Вообще-то, межзвездная война — крайне редкое явление. Пейанцы — единственная раса, имевшая о ней представление. И когда все наши атаки были отбиты, а остатки объединенного флота — отозваны, мы начали обстреливать планету издалека. Однако виллисы обладали более совершенной техникой, чем мы сперва предполагали, в частности почти идеальной системой противоракетной обороны. В конце концов мы отступили, взяв их в кольцо блокады.

Они не прекращали своих рейдов. Тогда на помощь пришли Имя-носящие. Три мироформиста — Санг-Ринг из Кредей, Карф'тинг из Мордей и я — были выбраны при помощи жребия для проведения операции. Мы должны были объединить наши силы. И вот в системе виллисов, вдали от орбиты их родной планеты, пояс астероидов стал собираться в нечто, напоминающее планетоид. Осколок за осколком пояс рос, постепенно меняя орбиту. Мы со своими машинами расположились за пределами их звездной системы, управляя образованием нового мира и его продвижением к намеченной цели. Когда виллисы поняли, что происходит, и попытались разрушить планетоид, было уже слишком поздно. Но пощады они не просили, и ни один из них не пытался бежать. Они ждали, и день настал. Орбиты двух планет пересеклись, и теперь лишь кольцо из осколков некогда населенного мира кружится вокруг красного солнца... После этого я целую неделю беспробудно пил.

А однажды я погибал в пустыне, пытаясь добраться пешком до ближайшего поселка, поскольку моя машина была безнадежно разбита. Я шел уже четыре дня, из них два — без воды, и моя глотка была, казалось, набита наждачной бумагой, а ноги болтались где-то за миллион миль от меня. Наконец я потерял сознание. Сколько я провалялся в беспомощности, не знаю. Наверное, весь день. Когда я очнулся, ко мне подошло некое существо, поначалу показавшееся мне продолжением кошмара, и склонилось надо мной. Оно было пурпурного цвета, с подобием жабы на шее и тремя роговыми образованиями на ящероподобном лице. В длину оно достигало примерно четырех футов и было покрыто чешуей. Добавьте сюда короткий хвост и когти на пальцах, а также темные, овальные, с мембранами глаза. С собой у него были лишь длинная тростинка и маленький мешочек. Я до сих пор не знаю, что это за существо. Некоторое время оно изучало меня, потом отбежало в сторону. Перекатившись на бок, я наблюдал за ним. Существо воткнуло тростинку в землю, а другой конец взяло в рот. Затем перешло в другое место и повторило операцию. После того как оно сделало это раз десять, его щеки раздулись, как воздушные шары. Оставив тростинку воткнутой в землю, существо подбежало ко мне и коснулось моего рта передней конечностью. Я все понял и открыл рот. Наклонившись так, чтобы ни одна капля драгоценной влаги не пропала зря, существо медленно и осторожно наполнило мой рот грязной горячей водой. Шесть раз оно возвращалось к тростинке и пополняло запасы воды, которой потом поило меня. Вскоре я снова потерял сознание. Когда я пришел в себя, солнце уже зашло, и существо снова напоило меня. Утром я уже сам мог подойти к тростинке, чтобы, встав на колени, вытянуть из почвы очередную порцию влаги.

Существо медленно просыпалось, вялое в утреннем холоде. Когда оно подошло ко мне, я вытащил свой хронометр, охотничий нож, деньги и разложил все это перед ним. Оно посмотрело на вещи. Я подтолкнул их поближе к нему и указал пальцем на его ме-

шок. Оно отодвинуло их прочь и щелкнуло языком. Поэтому я лишь коснулся его передней лапки и поблагодарил на всех известных мне языках, затем подобрал свои вещи и двинулся дальше. На следующий день, к вечеру, я добрался до поселка.

Девушка, планета, глоток воды и Данго-Нож, превращенный в дерево...

В наших воспоминаниях боль соседствует с мысленными образами, картинами из прошлого, с извечными: кто? почему? зачем? Сон сохраняет мне рассудок. Больше я ничего не знаю. И не думаю, что я так уж зачерствел, хотя и проснулся на следующее утро больше обеспокоенный тем, что ждет меня впереди, нежели оставшимся за спиной.

А передо мной лежали пятьдесят—шестьдесят миль сухой скалистой местности, которая постепенно становилась все более трудно проходимой. У листьев появились изъеденные края и шипы.

Не только деревья, но и животные тут были совершенно иные. Теперь они стали карикатурами на тех зверушек, которыми я так гордился: мои Полночные Певуны издавали какое-то хриплое карканье, у насекомых появились жала, а цветы просто воняли. Стройные высокие деревья исчезли, уступив место низкорослым уродцам с кривыми стволами. Мои газели едва передвигали ноги, а мелкие зверьки, завидев меня, удирали изо всех сил. Некоторых из тех, что покрупнее, наоборот, пришлось усмирять.

В моих ушах стоял непрерывный звон, который усиливался по мере того, как я взбирался все выше и выше. Туман по-прежнему окутывал все вокруг, но я упорно продвигался вперед и к вечеру прошел, наверное, миль двадцать пять.

Идти еще дня два, прикинул я, если не меньше. И день на все остальное.

В эту ночь меня разбудил самый жуткий взрыв из всех когда-либо слышанных мной в жизни. Я сел и стал вслушиваться в эхо, а может, у меня просто зве-

нело в ушах. Прислонившись спиной к старому лесному великану, я ждал, сжимая в руке пистолет. На северо-западе сквозь туман пробивалось багровое зарево, которое постепенно становилось все ярче и ярче.

Второй взрыв был не столь оглушающим, как первый. Впрочем, третий и четвертый оказались еще слабее. Однако это были лишь цветочки — под моими ногами вдруг ходуном заходила земля.

Я выжидал, оставаясь на месте. Сила толчков быстро нарастала.

Судя по цвету неба, добрая четверть планеты была охвачена огнем.

Поскольку пока я ничего не мог с этим поделать, то, сунув пистолет в кобуру, я сел, прислонившись спиной к дереву, и закурил.

Что-то здесь не так. Грин-Грин лез из кожи вон, чтобы поразить меня, хотя должен был бы знать, что произвести на меня впечатление столь дешевыми трюками вряд ли удастся. Естественных процессов подобной интенсивности на этой планете быть не могло, а кроме моего недруга и меня самого здесь вряд ли найдется кто-нибудь способный на нечто подобное. Тогда что же, черт возьми, здесь происходит? Не хотел ли враг просто сказать: «Смотри, сейчас я разнесу твой мир в щепки, Сандоу. Ну что ты на это скажешь?» Неужели он демонстрировал мощь Белиона лишь с целью испугать меня?

На миг у меня возникло желание отыскать поблизости энергозавод и устроить ему такую электромагнитную бурю, какой он в жизни не видывал. Пусть знает, как я «испугался». Но вскоре мне пришлось отбросить эту идею. Я не желал вести бой на расстоянии. Мне хотелось встретиться с противником лицом к лицу и высказать все, что я о нем думаю. Я хотел встать перед ним и спросить, неужели он уродился таким законченным идиотом, что лишь из-за моей принадлежности к расе *homo sapiens* прилагает столько усилий, стараясь причинить мне боль.

Он, конечно, знал, что я уже прилетел и нахожусь где-то поблизости, иначе блуждающий огонек не вы-

вел бы меня к Данго. Поэтому отныне я мог не опасаться, что выдам свое местоположение.

Я закрыл глаза и, наклонив голову, вызвал Силу. Потом мысленно нарисовал следующую картину — вот стоит где-то на Острове Мертвых этот чертов пейзаж и смотрит, следя за конусом вулкана, как летит черными хлопьями пепел, как дымится и кипит лава, как клубы сернистого дыма устремляются в небеса — и послал ему следующее послание, вложив в него всю свою ненависть: «Терпение, Грин-Грин. Терпение, Грингрин-тарл. Терпение. Через несколько дней мы встретимся. Только очень ненадолго».

Ответа не последовало, но я его и не ждал.

Утром идти стало еще труднее. С неба непрерывно сыпались хлопья пепла; туман по-прежнему не желал рассеиваться. Животные в панике спешили убраться прочь из этого проклятого места, двигаясь мне навстречу. Они полностью игнорировали мое присутствие, а я, в свою очередь, старался не замечать их.

Казалось, весь север охвачен огнем. Если бы на любой из созданных мной планет ко мне не приходило абсолютное чувство направления, я мог бы подумать, что иду навстречу восходящему солнцу.

И все это дело рук пейзажа, почти Имя-носящего, представителя самой утонченной в искусстве вендетты расы... Сейчас он строил из себя клоуна перед презренным землянином. Да, он меня ненавидел и хотел прикончить, но это еще не повод для того, чтобы заниматься подобными глупостями, попирая старые добрые традиции своей расы. Ведь вулкан — не что иное, как детская демонстрация силы, хотя я, честно говоря, предполагал, что столкнусь с чем-то подобным. Мне даже было немного стыдно за столь явную безвкусицу с его стороны на данном этапе нашей игры. Похоже, я за краткий период моего ученичества узнал гораздо больше об изящном искусстве вендетты, чем он за всю свою жизнь. Я, кажется, начинал догадываться, почему он не прошел последнего испытания.

Я пожевал на ходу немного шоколада и решил идти без привалов до самого вечера, намереваясь пройти

как можно больше за сегодняшний день, чтобы утром осталось сделать лишь короткий марш-бросок. Я шел в среднем темпе, а свет впереди разгорался все ярче, пепла на голову сыпалось все больше, и где-то с интервалом в час следовали довольно ощутимые подземные толчки.

Около полудня на меня напал бородавчатый медведь. Я попытался успокоить его, но не смог. Пришлось убить бедолагу, проклиная того, кто довел зверя до такого состояния.

Туман к тому времени почти рассеялся, однако дождь из пепла с лихвой компенсировал его отсутствие. Кашляя, я шагал вперед в постоянном полумраке. Сильно пересеченная местность заставила меня прибавить еще один день к своей одиссее.

Однако к тому времени, как пришла пора устраиваться на ночлег, я все же покрыл немалое расстояние и не сомневался, что достигну Ахерона к полудню следующего дня.

Я отыскал место посуше на склоне холма, который покрывали наполовину вросшие в землю валуны, торчащие под самыми невероятными углами, привел в порядок снаряжение, расстелил пленку и развел костер. Подкрепившись, я закурил одну из последних сигарет, таким образом внеся свою лепту в загрязнение окружающей среды, и забрался в спальный мешок.

Это случилось, когда мне снился какой-то сон. Теперь трудно уж вспомнить, что именно мне снилось, помню лишь, что вначале это был приятный сон, а потом он превратился в кошмар. Мне послышался какой-то подозрительный шорох невдалеке от моей постели из камыша, и я проснулся. Однако глаз не открыл и продолжал ровно дышать, как глубоко спящий человек. Моя ладонь легла на рукоять пистолета. Я лежал и прислушивался, одновременно мысленно зондируя все вокруг.

В воздухе стоял запах остывшего пепла и недавно выкуренной мной сигареты. От земли веяло пронизывающим холодом. Я чувствовал, что поблизости притаился кто-то или что-то.

Внимательно прислушавшись, я уловил справа от себя слабый стук задетого кем-то камня. Затем вновь наступила тишина.

Мой палец лег на спусковой крючок. Я направил ствол в нужную сторону.

И вот нежно-нежно, словно колибри, опускающийся на цветок, в темный склеп моего мозга проникло нечто извне.

«Ты спишь, — словно нашептывал мне кто-то, — и пока просыпаться не будешь. Не будешь, пока я тебе не разрешу. Ты спишь и слышишь меня. Так и должно быть. Нет причины для беспокойства. Спи крепко и глубоко, как я тебе велю. Очень важно, чтобы ты не...»

Я не мешал воздействию, легко подавив действие чар и разогнав дремоту.

Минутой позже, когда существо, видимо, решило, что я крепко сплю, там же, где прежде, послышался шорох.

Я открыл глаза и, не поднимая головы, стал пристально всматриваться в темноту.

Очертания валунов изменились по сравнению с тем, что было в момент моего отхода ко сну. Я наблюдал за подозрительным местом до тех пор, пока не заметил легкого шевеления.

Определив местонахождение противника, я снял оружие с предохранителя, тщательно прицелился и нажал на спуск, прочертив огненную линию примерно футом в пяти от силуэта. Благодаря углу выстрела в его сторону полетели обломки камня, пыль и грязь.

«Попробуй только вздохнуть, и я рассеку тебя надвое», — мысленно пообещал я. Затем поднялся на ноги, не сводя с него пистолета.

Я сразу заговорил по-пейански, поскольку при вспышке разглядел фигуру того, кто прятался за камнем.

— Грин-Грин, таких болванов среди пейанцев я еще не встречал.

— Я допустил несколько ошибок, — согласился он, не выходя из тени.

Я усмехнулся:

— Да уж, пожалуй.

— У меня есть смягчающие обстоятельства.

— Это все оправдания. Ты даже не выучил как следует закон скалы. Она кажется неподвижной, но при этом все время незаметно движется. — Я покачал головой. — Бедные твои предки, как они смогут покоиться в мире после столь неудачной мести?

— Боюсь, что с трудом, если это уже конец.

— А почему бы и нет? Не станешь же ты отрицать, что заманил меня сюда с единственной целью — уничтожить?

— Зачем мне отрицать очевидное?

— Тогда почему бы мне не довести дело до логического конца?

— Но подумай, Фрэнсис Сандоу... Дра Сандоу, будет ли это в самом деле логично? Что заставило меня действовать подобным образом, когда я мог бы спокойно дожидаться твоего появления в более удобном для себя месте?

— Вероятно, я произвел на тебя сильное впечатление прошлым вечером.

— Ну, не такой уж я нервный. Нет, я пришел, чтобы обрести власть над тобой.

— И проиграл.

— ...и проиграл.

— Зачем тебе это понадобилось?

— Ты мне нужен.

— Зачем, в конце-то концов?

— Мы должны как можно скорее убираться отсюда. У тебя есть какое-нибудь средство передвижения?

— Естественно. Но чего ты боишься?

— За свою долгую жизнь, Фрэнсис Сандоу, ты приобрел несколько друзей и множество врагов.

— Зови меня просто Фрэнк. У меня такое чувство, будто мы с тобой знакомы давным-давно, мертвец.

— Тебе не следовало посылать то сообщение, Фрэнк. Теперь твое пребывание здесь больше не сек-

рет. И если ты не поможешь мне бежать, то встретишься с куда более страшным мстителем, чем я.

Ветер изменил направление, и до меня донесся сладковатый, отдающий плесенью запах — так пахла кровь пейанцев. Я включил фонарик и направил луч на Грин-Грина.

— Ты ранен?

— Да.

Я опустил фонарик, отступил к рюкзаку и открыл его левой рукой. Отыскав пакет первой помощи, бросил его пейанцу.

— Наложил повязку, — посоветовал я, снова поднял фонарик. — Твои раны неважно пахнут.

Он развернул бинт и обмотал его вокруг глубокой раны на правом плече и предплечье. На несколько более легких ран на груди и руках он даже не обратил внимания.

— Похоже, тебе пришлось драться.

— Да, пришлось.

— И как дела у твоего противника?

— Он тоже ранен. Мне повезло — я почти прикончил его. Но теперь уже слишком поздно.

Я увидел, что Грин-Грин не вооружен, и, засунув пистолет в кобуру, подошел к нему.

— Делгрэн из Делпеи шлет тебе горячий привет, — сказал я. — По-моему, тебе посчастливилось пополнить его ассенизаторский список.

Пейанец ухмыльнулся.

— Он должен быть следующим после тебя.

— Ты пока не привел достаточно веских доводов, которые заставили бы меня сохранить тебе жизнь.

— Но я разбудил в тебе любопытство, потому и жив до сих пор. И даже получил от тебя бинты.

— Однако терпение мое скоро лопнет, как кожура переспелого плода.

— Тогда и ты не постиг закона скалы.

Я закурил сигарету и сказал:

— Здесь пословицы выбираю я.

Он закончил перевязку.

— Предлагаю сделку.

- Какого рода?
- У тебя где-то спрятан корабль. Возьми меня с собой, увези с этой планеты.
- А что я получу взамен?
- Жизнь.
- Едва ли ты можешь мне сейчас угрожать.
- Я тебе не угрожаю. Я тебе помогу спасти твою шкуру, если ты спасешь мою.
- Спасешь меня от чего?
- Ты знаешь, что я вернул к жизни нескольких людей?
- Да, ты стащил их Воспроизводящие Ленты. Кстати, как тебе удалось?
- Телепортация. Это мой дар. Я могу перемещать небольшие предметы из одной точки пространства в другую. Много лет назад, на начальном этапе подготовки мести, я неоднократно посещал Землю. Кстати, каждый раз в это время умирал кто-то из твоих друзей или врагов. Потом я несколько лет собирал средства на покупку этой планеты, которая оказалась мне наиболее подходящим местом для того, что я задумал. А научиться правильно обращаться с лентами для миротворца не составляет никакого труда...
- ...И ты их всех воспроизвел здесь?
- Да.
- Зачем?
- Чтобы твои друзья и близкие снова умерли у тебя на глазах, прежде чем тебя постигнет та же участь. А твои враги должны были присутствовать при твоих мучениях.
- Зачем же ты тогда обошелся так с человеком по имени Данго?
- Он действовал мне на нервы. Я решил, что его смерть послужит хорошим уроком остальным и предостережением для тебя. Заодно я от него избавился, причинив ему максимум страданий. Таким образом я сразу убил трех зайцев.
- А откуда взялся третий?
- Все это доставило мне немало радости.
- Понятно. Но почему все-таки Иллирия?

— Разве после Вольной, которая недосягаема, эта планета не любимое твоё детище?

— Что ж, верно.

— Так где же найти лучшее место?

Я бросил окурочок на землю и затоптал его каблучком.

— Ты оказался сильнее, чем я думал, Фрэнк, — произнес Грин-Грин после некоторой паузы. — Ведь справился же ты с ним когда-то, а вот меня он одолел, отобрал вдобавок нечто бесценное...

Я вдруг мысленно перенёсся домой, на Вольную, в мой зимний сад. Я курил сигару, напротив сидела бритая мартышка по имени Льюис Бриггс. Я только что открыл конверт и пробежал глазами список имен.

Так что телепатия здесь ни при чём. Просто хорошая память и умение логически мыслить.

— Майк Шендон, — тихо произнес я.

— Да. Я не знал, что это за человек, иначе ни за что на свете не воспроизвел бы его.

Черт возьми, следовало догадаться и раньше, зная, что пейанец воспроизвел их всех. Но мозг мой был затуманен жаждой крови и мыслями о Кати.

— Ты тупоголовый ублюдок, — проговорил я, — тупоголовый ублюдок...

Я родился во второй половине двадцатого века, и в те времена искусство и ремесло — смотря с какой стороны посмотреть — шпионажа пользовалось куда большей популярностью среди широких масс населения, чем, скажем, морская пехота США или Американская Ассоциация Врачей. Мне кажется, в какой-то степени это был просто привлекательный способ бегства от неприглядной действительности эпохи «холодной войны». Однако со временем явление вышло из-под контроля, как обычно случается со всем, что оставляет свой след в веках. В длинном перечне популярных героев, что открывается принципами Возрождения и заканчивается бедными юношами, которые «жили честно, старательно трудились и женились на

дочерях своих начальников», нашлось место и для человека с капсулой цианистого калия в дупле зуба, умопомрачительными любовницами и невыполнимыми заданиями, которому мимолеетный секс и насилие заменяли любовь и смерть. Эти люди были на гребне успеха в 70-х годах двадцатого века, и теперь о них вспоминают с той же ностальгией, что и о Рождестве в средневековой Англии.

Конечно, нарисованный образ весьма далек от реального. В наши дни шпионы являют собой еще более жалкое зрелище, чем тогда. Они собирают самые незначительные подробности, которые только могут получить, и передают их кому-то, кто вводит оные в компьютер, где хранятся тысячи подобных фактов. Таким образом проясняется какое-то малозначительное обстоятельство, кто-то пишет маловразумительную служебную записку, которую сдают в архив и тут же забывают о ее существовании.

Как я уже говорил, межзвездная война — редчайшее явление, а классический шпионаж имел дело как раз с военными тайнами. Когда война как способ продолжения политики иными средствами практически исчерпала себя, надобность в подобных секретах отпала. Сейчас настоящие, талантливые шпионы работают исключительно в сфере промышленного шпионажа. В двадцатом веке мало кто слышал о человеке, доставившем в руки «Дженерал моторз» микрофильмы чертежей последнего детища Форда, или о девице, у которой в подкладке лифчика уместился эскиз новейшей модели Диора. Эти шпионы не удостаивались в ту пору особого внимания. Но теперь лишь у их коллег сохранились навыки древней профессии.

В межзвездной торговле правит закон джунглей. Все, что может дать хоть какое-то преимущество перед конкурентом — новый технологический процесс или расписание поставок между двумя фирмами, — становится не менее важным, нежели когда-то был Манхэттенский проект. Так что шпион, способный раздобыть эти сведения, ценится на вес пенковых трубок.

Майк Шендон был подлинным асом шпионажа, лучшим из всех, кто когда-либо работал на меня. Каждый раз, когда я думаю о нем, меня гложет зависть. У него было многое из того, о чем я мог лишь мечтать.

На два дюйма выше меня и фунтов на двадцать тяжелее. Глаза цвета только что отполированного красного дерева, а волосы — черны как ночь. Шендон был дьявольски ловок, имел до отвращения приятный голос и всегда безукоризненно одевался. У этого сына фермера с аграрной планеты Вава в одном месте сидело шило. А уж какие были у него запросы!.. Он до всего дошел своим умом, так как из школы его исключили и изолирован «за антиобщественные поступки». В дни моей молодости выразились бы яснее: он проводил все свое свободное время в тюремной библиотеке, отбывая срок за крупную кражу. Сейчас говорят иначе, но смысл от этого не меняется. Судя по тому, что вновь он попался нескоро, перевоспитание прошло успешно. Конечно, у него были блестящие способности — настолько неординарные, что я всегда удивлялся, как его вообще смогли еще раз выследить. Сам Шендон говорил, что ему просто на роду было написано попасться во второй раз. Он был телепатом и обладал почти фотографической памятью. Он был силен, вынослив и умен, умел пить, а женщины буквально вешались ему на шею. Поэтому, как мне кажется, оснований для зависти у меня было более чем достаточно.

Шендон работал на меня несколько лет, прежде чем я познакомился с ним лично. Один из моих вербовщиков направил его в «Специальную учебную группу при Объединении Сандоу» (читай: шпионскую школу). Через год он был уже вторым на своем курсе. Впоследствии Шендон проявил себя и когда дело дошло до так называемых производственных исследований. Его имя периодически появлялось в секретных донесениях, и однажды я решил пригласить его на обед.

Искренен и обладает хорошими манерами — такое у меня осталось впечатление после нашей встречи. Врожденный проходимец.

Телепаты среди людей встречаются крайне редко, и, хотя полученная с помощью телепатии информация не имеет веса в суде, этот дар явно чего-то стоил.

Однако несмотря на блестящие способности, работать с Шендоном было нелегко. Сколько бы ему ни платили, он всегда тратил больше.

Лишь после его смерти я смог оценить размах деятельности Шендона в сфере шантажа. Но попался он, как и большинство шпионов, при работе «на сторону».

Мы обнаружили, что в «Объединении Сандоу» идет серьезная утечка секретной информации, вот только не знали, где и как это происходит. На ее источник мы вышли через пять лет. К тому времени «Объединение Сандоу» уже начало лихорадить.

Но мы его все же прищучили. Это было не так-то просто сделать. Мне пришлось нанять четырех телепатов, и лишь после этого Шендона все же загнали в угол и отдали под суд. Он был признан виновным, осужден и направлен на очередное перевоспитание. Мне же пришлось взять три контракта на мироформирование, чтобы поддержать свою организацию. Мы успешно выпутались из кризиса, хотя и не без ощутимых финансовых потерь.

На этом наши неприятности не закончились — через несколько лет Шендон сбежал из тюрьмы. Слухи о побеге мгновенно достигли моих ушей. Приговор, на мой взгляд, был слишком мягок.

Словом, его имя занесли в списки разыскиваемых полицией, но Вселенная велика...

Это произошло в окрестностях Кусбея, что в штате Орегон, где я отдыхал на побережье во время пребывания на Земле. Я собирался провести там два-три месяца, пока шли переговоры о слиянии нашей организации с парой североамериканских компаний.

Прогулки у водной глади оказывают целительное воздействие на утомленную психику. Запах моря, чайки, плеск волн, шорох песка; сменяющие друг друга

жара и прохлада, сырость и сухость; привкус морской воды и постоянное присутствие сине-серо-зеленого пространства, испещренного барашками пены, — все это как бы очищает душу, омывает взор, проясняет сознание. Каждый день я прогуливался по пляжу: до завтрака и после ужина. Звали меня тогда Карлос Палермо, если кому интересно. После шести недель такого времяпровождения я стал чувствовать себя свежим и бодрым, а когда договор об объединении был подписан, финансовая империя Сандоу вновь обрела равновесие.

Мой дом — белое каменное строение с крытой красной черепицей крышей и небольшим задним двориком — стоял на берегу крохотной бухточки. В стене, что смотрела на море, имелись черные железные ворота, а сразу за ними лежал пляж. С юга его ограничивал высокий глиняный откос, а с севера — непроходимые заросли. Здесь все дышало спокойствием, и я ощущал мир в самом себе.

Ночь была прохладной, можно сказать, зябкой. Почти полная луна медленно опускалась в море, разбрасывая мириады бликов по его поверхности. Звезды сияли ярко, как никогда. Качающаяся вдали на волнах океана цепь из восьми бурильных платформ время от времени загораживала звезды. На полированном металле плавучего острова сверкали лунные блики.

Я не слышал, как он подошел. Очевидно, он пробрался сюда сквозь заросли кустарника на севере, дождал, пока я подойду поближе, и напал, едва только я ощутил его присутствие.

Телепату гораздо проще скрыть свое присутствие от другого телепата, чем это может показаться на первый взгляд. Более того, он может при этом еще и следить за действиями второго. Это достигается при помощи «блокировки» — когда телепат окружает себя мысленным экраном, стараясь как можно меньше проявлять свои чувства.

Скажем честно, задача не из легких, особенно если вы смертельно ненавидите своего противника и

подкрадываетесь, чтобы его прикончить. Это обстоятельство, скорее всего, и спасло мне жизнь.

Я не могу сказать, будто и в самом деле почувствовал чье-то зловещее присутствие за своей спиной. Просто, прогуливаясь вдоль линии прибоя и вдыхая ночной воздух, я был вдруг охвачен тягостным предчувствием. Подобные неопределенные мысли проскальзывают в вашем подсознании, когда вы вдруг просыпаетесь без явной причины посреди душной летней ночи, некоторое время лежите с открытыми глазами, раздумывая, какого черта вам не спится, а затем вдруг слышите непонятный звук в соседней комнате, усиленный тишиной, которая наэлектризована вашей неожиданной тревогой и леденящими внутренность мрачными предчувствиями — примерно такое же чувство охватило меня в тот миг, и по спине забегали мурашки: древний антропoidный рефлекс. Внезапно ночь стала еще темнее, а в морских глубинах вдруг появились невысказанные чудеса, чьи скрытые волнами жадные щупальца тянулись ко мне. Стратосферный транспортник, яркой полоской пронесшийся надо мной, в любой момент мог выйти из строя и обрушиться на мою голову.

Словом, когда я услышал хруст песка за спиной, адреналин уже подавался в кровь.

Я быстро пригнулся, оборачиваясь, но моя правая нога увязла в песке, и я упал на одно колено.

Удар в голову бросил меня на правый бок. Противник кинулся на меня, и мы сцепились на песке. Каждый старался занять более выгодную позицию. Кричать было бесполезно — поблизости ни души. Я попытался запорошить врагу песком глаза, потом нанести удар в пах или любое другое чувствительное место. Однако он был в хорошей форме, весил больше, чем я, да и реакция у него была лучше моей.

Может показаться странным, но прошло минут пять, прежде чем я узнал его. Мы уже скатились туда, где волны лизали влажный песок. Он успел сломать мне нос и вывихнуть два пальца на руке, когда я попытался задушить его. И тут на мокрое лицо моего

врага упал лунный свет, я узнал Шендона и понял, что мне придется убить его, чтобы остановить. Просто изувечить будет недостаточно. Тюрьма или больница могут лишь оттянуть нашу встречу. Одному из нас суждено сейчас умереть. Мне кажется, он рассуждал примерно так же.

Секундой позже что-то острое и твердое уперлось мне в спину, и я невольно дернулся в сторону. Если человек пытается расправиться со мной, не все ли равно, как я прикончу его. Главное — успеть первым.

Волны прибоя уже заливали мне уши, а Шендон все сильнее прижимал мою голову к песку. И тут я нащупал рукой камень.

Первый удар пришелся в предплечье руки, которую он поднял, защищая голову. Телепаты имеют определенное преимущество в драке, так как чаще всего знают, куда будет нанесен следующий удар. Но как страшно знать и не иметь при этом возможности помешать противнику!.. Вторым ударом я раздробил ему левую глазницу, и Шендон, почувствовав близость смерти, завыл как собака. Через мгновение камень разбил ему череп. На всякий случай я ударил его еще пару раз, потом оттолкнул тело и откатился прочь. Камень выскользнул из моих пальцев и упал в воду.

Я долго лежал там, глядя на звезды, а волны прилива омывали меня и слегка покачивали тело поверженного врага неподалеку.

Придя в себя, я обыскал покойника и среди прочих вещей обнаружил заряженный пистолет.

Это могло означать лишь одно — Шендон хотел убить меня голыми руками. Он считал, что у него на это хватит сил, и был готов получить увечье, лишь бы именно таким образом расправиться со мной. Он мог спокойно пристрелить меня из кустов, если бы не послушался голоса своей ненависти. Шендон стал бы самым опасным противником из всех, с кем меня сталкивала жизнь, если бы иногда не забывал пораскинуть мозгами. И за это я его уважал, поскольку сам на его месте пошел бы по пути наименьшего сопротивления. Даже если причина единоборства, в которое я оказыва-

ваюсь втянут, лежит в сфере эмоций, я никогда не позволяю себе руководствоваться чувствами при выборе средств достижения цели.

Я заявил о нападении, и тело Шендона похоронили на Земле. Где-то в Далласе вся его сильная и неоднозначная личность превратилась в кусочек ленты, который целиком умещался на ладони и весил меньше унции. Примерно через месяц ленту должны были уничтожить.

Несколько недель спустя, накануне отлета, я стоял на том же самом месте. Передо мной лежал Токийский залив, и я знал, что, если кто-то попал в его воды, обратной дороги нет и быть не может. Отражения звезд дрожали и двоились на спокойной глади океана. Тогда я еще не догадывался, что где-то посмеивается зеленокожий пейанец, что он уже вышел на рыбалку в залив...

— Ты — тупоголовый ублюдок, — повторил я.

Глава 6

Необходимость начинать все сначала раздражала меня, даже слегка пугала. Один раз Шендон ошибся, поддавшись эмоциям, но вряд ли он повторит ту же ошибку дважды. Это и без того был жестокий и опасный человек, а теперь он, возможно, обрел нечто сделавшее его еще более опасным. Кроме того, он знал о моем присутствии на Иллирии из посланного мной Грин-Грину сообщения.

— Ты усложнил стоящую передо мной задачу, — сказал я, — поэтому поможешь мне ее разрешить.

— Не понимаю, — произнес Грин-Грин.

— Ты поставил на меня капкан, — пояснил я, — и хотя у него теперь выросли новые зубья, приманка осталась на прежнем месте. Я продолжу свой путь вместе с тобой.

Он засмеялся:

— Прошу прощения, но мне в другую сторону. Добровольно я назад не пойду, а в качестве пленника я совершенно бесполезен и буду тебе только мешать.

— Есть три варианта, — сказал я. — Можно убить тебя прямо сейчас, можно отпустить на все четыре стороны или, наконец, можно заставить тебя идти со мной. Первую возможность я пока отбрасываю, так как от мертвеца проку никакого. Предположим, я тебя отпущу и продолжу свой путь все так же в одиночестве. Если все обойдется и я вернусь на Мегалею, то там я всем поведаю, как позорно провалился твой мно-

говековой план мести землянину. Я расскажу, как ты бросил все и бежал, до смерти напуганный другим противником — тоже землянином. Если ты когда-нибудь надумаешь жениться, то искать невесту тебе придется среди своих соплеменниц, живущих на других планетах, хотя слухи о твоей трусости рано или поздно дойдут и туда. Никто больше не назовет тебя Дра, несмотря на все твое богатство. А когда ты умрешь, Мегапая откажется принять твой прах. Никогда не зазвонит по тебе приливной колокол.

— Да будут слепые твари на океанском дне, чье брюхо напоминает выгребную яму, с удовольствием вспоминать вкус твоих потрохов, — пожелал он.

Я выпустил колючку дыма.

— ...А если я отправлюсь дальше один и сложу голову, — продолжил я, — неужели ты рассчитываешь спасти свою шкуру? Разве ты не проник в мысли Шендона, когда сражался с ним? Ты ведь, кажется, сказал, что ранил его? Неужели ты полагаешь, что такой человек проглотит обиду? Он не столь изощрен в мести, как пейанцы, и не станет тратить время на всевозможные ритуалы. Он попросту найдет тебя и прирежет. Поэтому, вне зависимости от того, проиграю я или выиграю, конец у тебя один — бесчестье или смерть.

— А если я решу пойти с тобой и помочь, что тогда? — спросил он.

— Я забуду о том зле, что ты причинил мне, — пообещал я. — И докажу, что оскорбление не было нанесено. Тогда ты можешь отказаться от мести, не потеряв при этом лица. Я тоже не буду сводить с тобой счеты, и каждый отправится своей дорогой, не опасаясь внезапного нападения.

— Нет, — возразил Грин-Грин, — твое посвящение в Имя-носящие — это оскорбление. Твой план неприемлем.

Я пожал плечами.

— Хорошо. Тогда что ты скажешь на это: поскольку мне твои намерения известны, то придерживаться классических канонов мести будет для нас обо-

их верхом идиотизма. Более того, значение финальной сцены, когда враг осознает, что явилось орудием мести и кто им управлял, понимает, что вся его жизнь была лишь прелюдией к этому окрашенному черным юмором финалу, в данном случае значительно ослаблено, если не сведено на нет. Поэтому, — продолжил я, — позволь мне предложить тебе удовлетворение вместо прощения. Помоги мне сейчас, и я предоставлю тебе прекрасную возможность уничтожить меня, когда все будет позади. Хотя, конечно, и я спокойно ждать не буду. Что ты на это скажешь?

— Какое оружие ты намерен избрать для дуэли?

— Пока об этом не думал. Любое, устраивающее нас обоих.

— Какие ты дашь мне гарантии?

— Я клянусь Именем, которое ношу.

Он отвернулся и некоторое время размышлял над моим предложением.

— Я согласен на твои условия, — наконец ответил он. — Я пойду с тобой и буду помогать.

— Тогда давай вернемся в мой лагерь и расположимся поудобней. Надо расспросить тебя кое о чем.

Я повернулся к нему спиной и направился к лагерью. Там поставил тент и расстелил пленку таким образом, чтобы мы оба смогли поместиться на ней, затем подбросил дров в костер.

Прежде чем мы хорошенько устроились, земля снова слегка вздрогнула.

— Твоя работа? — спросил я, указывая на северо-запад.

— В какой-то мере.

— К чему все это? Пытался меня напугать?

— Не тебя.

— И что, Шендон здорово испугался?

— Скорее, наоборот.

— Может, наконец ты мне толком расскажешь, что там между вами произошло?

— Сперва касательно нашего соглашения, — сказал Грин-Грин. — У меня только что появилась одна идея, которая может тебя заинтересовать.

— Какая же?

— Ты ведь идешь туда, чтобы спасти своих друзей? — Он махнул рукой в сторону зарева. — Предположим, имеется возможность освободить их без ненужного риска, оставив пока Майка Шендона в покое. Согласен ли ты на это или непременно жаждешь его крови?

Я сидел и обдумывал предложение. Если я оставлю Шендона в живых, то рано или поздно он все равно до меня доберется. С другой стороны, если я сейчас получу желаемое, не вступая с ним в схватку, то потом я найду тысячу безопасных способов вывести Майка из игры. Однако я прилетел на Иллирию, готовый схватиться со смертельным врагом, и что с того, если декорации и действующие лица несколько изменились? Хотя...

— Я готов выслушать твое предложение.

— Люди, которых ты хочешь спасти, находятся здесь, потому что я воспроизвел их. Ты знаешь, как это было сделано. Ленты целы и невредимы. Они спрятаны в надежном месте. Я уже рассказывал, каким образом я их получил. То же самое я могу проделать прямо сейчас, если ты того пожелаешь. Как только мы покинем Иллирию, ты сможешь воскресить их, когда захочешь. Мы взлетим, я покажу тебе, куда надо сбросить бомбу, и мы прикончим Майка Шендона, не подвергая свою жизнь опасности. Разве это не наиболее простой и безопасный путь? Наши разногласия можно обсудить позже, как и договаривались.

— В твоем предложении есть два слабых места, — произнес я. — Ленты Рут Лэрис у тебя нет — это раз. Во-вторых, я не брошу своих друзей на произвол судьбы, даже если потом смогу их воскресить.

— Двойники не будут помнить об этом.

— Не имеет значения. Эти люди столь же реальны, как ты и я. И неважно, что их можно продублировать... Они на Острове Мертвых, не так ли?

— Да.

— Значит, если я разрушу остров, чтобы прикончить Шендона, то стану убийцей и всех остальных?

- Одно связано с другим. Но...
- Я отклоняю твое предложение.
- Твое право.
- Есть какие-либо другие идеи?
- Нет.

— Хорошо. Тогда давай вернемся к тому, с чего начали. Расскажи мне, что произошло между тобой и Шендоном.

— Теперь у него есть Имя.

— Что?!

— Тень Белиона стоит за ним.

— Этого быть не может! Черт возьми, это же просто невозможно. Он не миротворец...

— Потерпи минутку, Фрэнк, я понимаю, что здесь необходимо кое-что пояснить. Очевидно, о некоторых вещах Дра Марлинг не счел нужным сообщить. Он был из ревизионистов, так что не удивительно... Ты знаешь, — продолжал Грин-Грин, — что просто иметь Имя недостаточно для того, чтобы стать миротворцем...

— Да, конечно. Оно лишь часть некоего психологического приема, который позволяет высвободить скрытый в подсознании потенциал, необходимый на определенных стадиях работы. Чтобы творить миры, нужно чувствовать себя богом.

— Тогда почему я способен на это?

— Я никогда о тебе не слышал, пока ты не стал моим врагом. Я не видел твоих творений, если не считать того дерьма, во что ты превратил мои... Если это образец твоего творчества, то должен тебе сказать, что работать ты не умеешь. Паршивый из тебя вышел мастер.

— Думай обо мне, что хочешь, — сказал он, — однако я могу управлять всеми необходимыми для работы процессами.

— Этому можно научить кого угодно. Ты говорил о творческой работе, следов которой здесь нет и в помине.

— Ты знаешь, что пантеон Странтри существовал еще до появления миротворцев?

— Знаю, и что из того?

— Дра Марлинг и прочие ревизионисты просто использовали старую религию в своих целях. Они видели в ней прежде всего средство психологической настройки. Присвоение тебе Имени Шимбо-Громовержца было лишь способом закрепить в твоём подсознании основы приемов, необходимых в работе. Для фундаменталиста это святотатство.

— А ты — фундаменталист?

— Да.

— В таком случае к чему тебе было учиться ремеслу, которое ты считаешь греховным?

— Чтобы получить Имя.

— Поподробнее.

— Мне нужно было Имя, а не профессия. Я руководствовался религиозными, а не меркантильными соображениями.

— Но это всего лишь психологический прием...

— Ошибаешься! На самом деле это таинство, результатом которого является подлинный контакт с божеством. Это обряд посвящения высших жрецов Странтри.

— Тогда зачем же ты изучал технику создания миров, когда мог просто принять сан?

— Потому что обряд может совершить только Имя-носящий, а все двадцать семь ныне живущих Имя-носящих — ревизионисты. Они никогда не дали бы разрешения на обряд по известным тебе причинам.

— Двадцать шесть, — поправил я.

— Двадцать шесть?

— Дра Марлинг покоится в недрах горы, а Лоримель Многорукый пребывает в счастливом ничто.

Грин-Грин склонил голову и немного помолчал.

— Еще одним меньше, — сказал он. — Я помню время, когда их было сорок три.

— Печально.

— Да.

— Так зачем же тебе потребовалось Имя?

— Чтобы стать жрецом, а не миротворителем. Но ревизионисты не потерпели бы такого в своих рядах.

Они позволили мне завершить курс, а потом отвергли меня. Затем, чтобы еще больше унижить меня, следующим Имя-носящим позволили стать чужаку.

— Понимаю. Поэтому ты и решил мне отомстить.

— Да.

— Однако я не виновен в случившемся. Всю эту историю я слышу впервые. Я всегда считал, что религиозные разногласия значат крайне мало для странт-рийцев.

— Теперь ты знаешь, что это не так. И ты должен понять, что лично к тебе я зла не питаю. Но, мстя тебе, я ударяю по тем, кто святотатствует.

— Зачем же ты тогда занялся миротворением, если считаешь это занятие аморальным?

— Само по себе миротворение не является чем-то зазорным, я протестую лишь против использования религии в чисто утилитарных целях. Я не ношу Имени в полном смысле этого слова, а миротворение хорошо оплачивается. Почему бы не заняться?

— Действительно, — согласился я, — если кто-то рискнет дать тебе подряд. Но какое же тогда отношение ты имеешь к Белиону, а он, в свою очередь, к Майку Шендону?

— Я преступил закон и теперь наказан за это. Однажды ночью я сам совершил обряд присвоения Имени в храме Прилбеи. Ты знаешь, как это делается: приносится жертва, произносится молитва, после чего ты идешь вдоль внешней стороны храма, почтительно приветствуя каждое божество, пока перед тобой не загорается одно из изображений и в тебя не вливается Сила. Так ты узнаешь свое Имя.

— Да.

— Передо мной загорелось изображение Белиона.

— Значит, ты выбрал себе его Имя.

— Скорее, это он выбрал меня. Я желал вовсе не его, поскольку он — бог разрушения, а не созидания. Я-то надеялся, что Кирвар Четырхликий, Отец Цветов, придет ко мне...

— Да воздастся каждому по деяниям его...

— Я поступил неверно. Белион управлял мною даже тогда, когда я его не звал. Может, это он заставил меня мстить тебе, поскольку ты носишь Имя его исконного врага. Когда я думаю об этом, то чувствую, как изменился ход моих мыслей с тех пор, как он меня покинул.

— Но как он мог тебя оставить? Ведь Союз заключается на всю жизнь.

— Сам характер моего посвящения мог и не обязывать его к этому. Теперь Белиона со мной нет.

— Шендон...

— Да. Он, как и ты, обладает редким у вас, людей, даром — умением говорить без слов.

— Я не всегда умел это делать. Дар развивался постепенно, пока я проходил обучение у Марлинга.

— Когда я вернул Шендона к жизни, он был вне себя от того, что ты смог одолеть его. Однако тут же взял себя в руки, мгновенно разобравшись в создавшейся ситуации. Его дар заинтересовал меня, и я стал выделять его среди остальных, некоторые из которых содержались как пленники. Я часто разговаривал с ним и многому его научил. Он помогал мне вести подготовку к твоему прилету.

— Давно он здесь?

— Примерно около восьми с половиной земных месяцев, — ответил Грин-Грин. — Я воспроизвел их всех почти одновременно.

— Зачем ты похитил Рут Лэрис?

— Я решил, что ты не поверил в воскресение мертвых, поскольку никак не отреагировал на мои послания. Да, приятно было бы заставить тебя метаться по всей Галактике, пока ты наконец не обнаружил бы, что они находятся именно здесь. Но ты не двинулся с места, и мне пришлось сделать более прозрачный намек. Я похитил человека, который что-то значил для тебя. Я даже не поленился послать тебе весточку. Если бы ты никак не прореагировал и на это, похищения продолжались бы до тех пор, пока ты не отправился бы на поиски.

— Значит, Шендон был твоим протеже. И ты ему доверял.

— Конечно. Он был старательным учеником и хорошим помощником. Умен, прекрасно воспитан. С ним было приятно общаться.

— ...до последнего времени.

— Да. Теперь я могу лишь сожалеть о том, что неправильно расценил его старательность и услужливость. Естественно, как и все твои враги, он разделял мое желание отомстить тебе. Однако остальные твои недруги оказались, к сожалению, не столь умны, и среди них не было больше телепатов. Я был рад, что нашелся хоть кто-то, с кем я мог общаться напрямую.

— Что же произошло между двумя старыми друзьями?

— Это случилось вчера. Поначалу казалось, что мы спорим о праве отомстить тебе. Хотя на самом деле встал вопрос о власти. Шендон оказался хитрее, чем я предполагал. Он провел меня.

— Каким образом?

— Он сказал, что его не удовлетворит та участь, что мы тебе уготовили. Он желал лично отомстить тебе, уничтожив тебя собственноручно. Начался спор. В конце концов Шендон отказался выполнять мои приказы, и я пригрозил наказать его.

С минуту Грин-Грин молчал, потом продолжил:

— Тогда он ударил меня. Напал на меня с голыми руками. Я защищался, и во мне постепенно рос гнев. Решив немного помучить его, прежде чем уничтожить, я воззвал к Имени, которое носил. Белион услышал и пришел ко мне. Я отыскал энерговод и, стоя в тени Белиона, заставил землю дрожать, вызвав извержение пламени и дыма из недр планеты. Шендон зашатался на краю бездны, находясь в шаге от гибели, но сумел удержаться на ногах, хотя сильно обжегся. Он достиг своей цели: вынудил меня вызвать Белиона.

— Зачем ему это понадобилось?

— Я рассказал ему, как и тебе, историю своего посвящения. И он, узнав, каким образом я получил Имя, составил план действий, который сумел от меня

скрыть. Но если б я даже прознал о нем, то лишь посмеялся бы, и только. Когда мне стали ясны его намерения, я расхохотался. Я, как и ты, был уверен, что подобное невозможно. Но я ошибся. Он заключил договор с Белионом.

Пейанец сделал паузу.

— Он разозлил меня и тем самым подверг свою жизнь опасности, будучи уверен, что я вызову Белиона, если того потребует ситуация и у меня хватит времени. И рискуя, он медлил, чтобы дать мне это время... А когда тень нависла надо мной, он собрал все силы своего мозга и вступил с ней в контакт. Таким образом, ради власти он поставил на карту свою жизнь. Он сказал: «Взгляни на меня. Разве я не лучше избранного Тобою? Сочти все силы моего разума и тела. Сделав это, Ты, быть может, поймешь, что Тебе следует оставить пейанца и перейти ко мне на весь остаток моих дней. Я зову Тебя. Я лучше всех ныне живущих способен служить Тебе, а значит — огню и разрушению. Тот, кто стоит между нами, слаб — он был бы рад заключить Союз с Отцом Всех Цветов, если б смог... Приди ко мне, и мы оба только выиграем от этого союза».

Тут Грин-Грин вновь сделал паузу.

— И что же? — спросил я.

— Я вдруг остался в одиночестве.

Где-то хрипло каркнула птица. Ночь запасла достаточно влаги и теперь принялась поливать ею весь мир. Вскоре на востоке начнет заниматься заря... Я смотрел на огонь невидящим взглядом.

— Да, похоже, теории автономного комплекса пришел конец, — пробормотал я. — Однако я слышал о переносе психоза от одного телепата к другому. Может, произошло нечто подобное?

— Нет. Нас с Белионом связывает обряд. Затем он встретил лучшего носителя и покинул меня.

— Я не уверен, что Белион как таковой существует на самом деле.

— Ты, Имя-носящий, не веришь?.. Я начинаю разочаровываться в тебе.

— Давай не будем разжигать новую ссору, а? Посмотри, куда тебя завела прежняя. Я ведь только сказал, что не совсем уверен в этом... А что произошло после того, как Шендон заключил союз с Белионом?

— Он медленно отвернулся от разверзшейся перед ним трещины, став ко мне спиной, словно я перестал для него существовать. Я мысленно прозондировал его мысли и ощутил стоящего за ним Белиона. Тут Шендон простер руки к небу, и остров весь задрожал. Тогда я повернулся и побежал к причалу. Столкнув лодку в воду, залез в нее и принялся лихорадочно грести. Вскоре вода в озере закипела. Чуть позже началось извержение. Я добрался до берега и, посмотрев назад, увидел показавшийся из воды конус вулкана. Вокруг фигуры Шендона, все еще стоявшего с простертыми над головой руками, сверкали молнии. Потом я отправился искать тебя. И вскоре получил твое послание.

— А прежде Шендон мог пользоваться энерго-вводами?

— Нет, он даже не ощущал их присутствия.

— Что с остальными воспроизведенными?

— Они все на острове. Некоторые одурманены наркотиками, чтобы не путались под ногами.

— Понятно.

— Может, ты все-таки передумаешь и последуешь моему совету?

— Нет.

Мы еще несколько минут просидели у костра, пока не занялась заря. Туман начал рассеиваться, но небо по-прежнему затягивали багровые в лучах восходящего солнца тучи. Порывами налетал холодный ветер. Я думал о бывшем шпионе, который заключил союз с Белионом и повелевал теперь вулканами. Пришло время нанести удар, пока он еще опьянен обретенной мощью. Если б только его можно было выманить с острова в неиспорченный Грин-Грином район Иллирии, где все живое будет на моей стороне... Но он явно не попадет на эту удочку. Еще мне хотелось

по возможности отделить его от остальных, но как это сделать, я пока не знал.

— И долго ты здесь гадил? — спросил я.

— Этот район я начал изменять лет тридцать назад, — ответил Грин-Грин.

Я сокрушенно покачал головой, потом встал и забросал костер комьями земли.

— Пошли. Нам лучше поторопиться.

Как считали древние скандинавы, на заре времен в центре мироздания находился остров Гиннунга, погруженный в вечный полумрак. Его северная часть была закована во льды, а южная — пылала в огне. Тысячелетиями лед сражался с пламенем, в результате чего потекли реки, а в бездне затеплились первые искорки жизни. Согласно шумерскому мифу, Еп-ки вступил в схватку с морским драконом и одолел его, тем самым отделив море от суши. Сам Еп-ки был чем-то вроде языка пламени. Ацтеки не сомневались в том, что первые люди были сделаны из камня, а пламенеющее небо знаменует начало новой эры. В разное время люди по-разному представляли себе конец света: Судный День, Геттердаймерунге, расщепление ядра. Что же касается меня, то я видел рождение и смерть миров и людей, как в прямом, так и в переносном смысле. И всегда одно и то же — огонь и вода.

Вне зависимости от вашей ученой степени в глубине души вы всегда остаетесь алхимиком. Вы живете в мире жидкостей, твердых тел и теплового обмена, который сопровождает изменение состояния вещества. Эти процессы вы понимаете и ощущаете. Однако все, что вам известно об их подлинной природе, хранится где-то в глубинах памяти. И когда речь идет о таких повседневных занятиях, как приготовление кофе или запуск воздушного змея, вы имеете дело с четырьмя стихиями древних философов: землей, воздухом, огнем и водой.

Скажем прямо, в воздухе нет ничего интригующего. Конечно, без него долго не протянешь, но поскольку

ку его не видно, то, пока он ведет себя спокойно, вы принимаете его существование за должное и не обращаете на него никакого внимания.

Земля? Все дело в том, что она практически вечна. Все твердые тела тяготеют к неизменной упорядоченности.

Но вода и огонь — совсем другое дело. Они не имеют ни формы, ни постоянного цвета и все время находятся в движении. Предрекая возмездие богов пророки очень редко грозят землетрясением или ураганом. Нет, за многочисленные прегрешения обычно наказывают пожаром или потопом. Первобытный человек встал на верный путь: научившись разжигать костер, он всегда держал под рукой достаточно воды, чтобы при надобности быстро погасить его. Разве случайно мы заполняем океан чудовищами, а преисподнюю — пламенем? Мне кажется, нет.

Огонь и вода подвижны, а движение — свойство, присущее всему живому. То и другое загадочно, может легко искалечить или даже убить. Неудивительно, что и другие разумные существа относятся к огню примерно так же. Все это — подход алхимика.

И в наших отношениях с Кати было нечто подобное — что-то грозное, подвижное, загадочное, полное разрушительной силы, способное и дать жизнь, и отобрать ее. Она была моей секретаршей почти два года, прежде чем мы поженились.

Маленькая темноволосая девушка с красивыми руками, которой шли яркие платья. Она любила кормить крошками птиц. Я нанял ее через агентство на Маеле. Во времена моей молодости люди были довольны, принимая на работу сообразительную девушку, умеющую печатать на машинке, стенографировать и вести переписку. Однако в наш задыхающийся в потоке информации век агентство рекомендовало мне ее, поскольку она имела диплом доктора секретарского дела, полученный в Маельском университете.

Боже! Первое время дела шли хуже некуда. Она перепутала все, что только возможно перепутать. Из-за неразберихи переписка стала запаздывать на полго-

да. Наконец, за солидную плату мне по индивидуальному заказу изготовили пишущую машинку двадцатого века, и я научил Кати печатать на ней, а также дал ей несколько уроков стенографии. И она стала справляться со своими обязанностями на уровне выпускницы колледжа со специальностью бухгалтера моего времени. Вскоре все пришло в норму, и, кроме того, лишь мы с ней могли разобрать каракули Грегга — что было совсем неплохо с точки зрения секретности и как-то сближало нас.

Она была маленьким ярким огоньком, а я — ушатом холодной воды, и в течение первого года нашей совместной работы я нередко доводил ее до слез. Но вскоре я уже не мог обходиться без нее и понял, что дело не только в том, что она хорошая секретарша. Мы поженились и счастливо прожили шесть лет — почти шесть с половиной... Она погибла во время пожара в космопорту Майами, куда приехала, чтобы встретить меня. У нас было два сына, один жив до сих пор. Огонь преследовал меня, так или иначе, всю жизнь. Вода, напротив, всегда была добра ко мне.

И хотя вода мне гораздо ближе, чем огонь, мои миры порождены ими обоими. Кокутас, Новая Индиана, Св. Мартин, Бунинград, Милосердная, Иллирия и все прочие планеты появились на свет, пройдя через нагрев, остывание, испарение и обводнение. И вот я пробирался сквозь леса Иллирии — мира, задуманного как курортный рай, — рядом со мной шел враг, отобравший у людей, для которых я ее создал: влюбленных пар, просто отдыхающих — людей, которым еще нравились деревья, озера и горы, соединенные между собой тропами.

Все очарование исчезло: стволы деревьев, среди которых мы шли, были искривлены; озеро, куда мы направлялись, — осквернено. Эта земля была покрыта ранами, ее огненная кровь сочилась из вздымающейся впереди горы. Огонь, как всегда, угрожал мне. Над головой нависли тучи, и из их сероватой белизны на черную землю продолжали сыпаться хлопья пепла — бесконечный поток приглашений на похороны. Иллирия

понравилась бы Кати, если бы она попала не в это место и не в это время.

Одна мысль о том, что она сейчас находится там, где Шендон правит бал, вызывала у меня боль. Продвигаясь все дальше, я тихо слал ему проклятия. Вот что я думаю об алхимии.

Мы шли молча примерно часа полтора, потом Грин-Грин начал хныкать, что у него болит плечо и вообще он устал. Я сказал, что он может рассчитывать на мое милосердие лишь до тех пор, пока передвигаются ноги. Удовлетворенный таким ответом, он заткнулся. Где-то через час я позволил ему перевести дух, а сам залез на дерево, чтобы посмотреть, что нас ждет впереди. Мы уже прошли немало и скоро должен был показаться холм, по склону которого нам предстояло спуститься к озеру.

Стало немного светлее, туман практически рассеялся. Это был самый жаркий день с момента моего приземления. Карабкаясь на дерево, я весь вспотел и ободрал ладони, в последние годы не подвергавшиеся таким испытаниям. Кроме того, все ветви были покрыты толстым слоем пепла и пыли, которые клубами взвивались в воздух при малейшем прикосновении. Глаза у меня горели и слезились. Я несколько раз чихнул.

Мне удалось разглядеть скалистые утесы острова, возвышающиеся над вершинами деревьев. Чуть дальше и немного левее виднелся дымящийся конус новорожденного вулкана. Я снова выругался и слез с дерева.

Примерно часа через два мы стояли на берегу Ахерона.

В маслянистой воде озера не отражалось ничего, кроме языков пламени. Лава и раскаленные камни громко шипели, падая в воду. Глядя на то, что стало с делом рук моих, я ощущал себя вывалянным в грязи. Ленивые волны выбрасывали на берег хлопья пены и комочки пемзы. Целые островки подобной грязи плы-

ли в направлении берега. На мелководье, белая брюхом, покачивалась на волнах дохлая рыба, жутко воняло тухлыми яйцами. Я сел на камень и закурил, глядя на все это.

В миле от нас возвышался Остров Мертвых. Он несколько не изменился, остался похожим на мрачную и величественную тень чего-то скрытого от глаз.

Я наклонился и кончиками пальцев попробовал воду. Она была горячей, очень горячей. К востоку от острова тоже что-то поыхало. Похоже, там рос еще один конус.

— Я выбрался на берег примерно в четверти мили к западу отсюда, — сказал Грин-Грин.

Я кивнул и продолжал свои наблюдения. Все равно еще слишком рано, а мне было над чем подумать.

Чуть ниже утесов южного берега острова — той части, что была обращена к нам, — лежала узенькая полоска песчаного пляжа, оканчивающаяся небольшой, примерно футов двести в поперечнике, бухточкой. От нее к высоким остроконечным пикам острова вела извилистая, казавшаяся естественной тропинка.

— Как ты думаешь, где он сейчас? — спросил я.

— В домике на этой стороне острова, — ответил Грин-Грин, — примерно в двух третях пути вверх. Там у меня была лаборатория. Я расширил естественные пещеры в скале.

План наших дальнейших действий был очевиден, поскольку берега острова со всех сторон, кроме обращенной к нам, отвесно вздымались к небу прямо из воды.

Однако все было не так просто.

Я сомневался, что Грин-Грин, Шендон или кто-либо другой знали о том, что можно проникнуть на остров и с севера. На вид северная стена казалась совершенно неприступной, как и было задумано, а на самом деле... Я люблю на всякий случай иметь, кроме парадного, еще и черный ход. Если мы решим воспользоваться этим путем, то нам придется вскарабкаться на самый верх скалы, но потом мы сумеем подобраться к убежищу с тыла.

Я решил, что так мы и сделаем. Но этот план я буду держать при себе до последней минуты, поскольку вся поведанная Грин-Грином история могла оказаться кучей дерьма, поверьте моему богатому опыту, и не исключено, что они с Шендоном заодно. А Грин-Грин телепат...

А может, никакого Шендона не было и в помине. Я не верил Грин-Грину ни на грош (впрочем, ими давным-давно уже перестали пользоваться).

— Двинули, — сказал я, поднимаясь и бросая сигарету в сточную канаву, которая некогда звалась Ахероном. — Покажи мне, где ты оставил лодку.

Мы пошли вдоль берега влево — туда, где, по словам Грин-Грина, он пристал к берегу. Однако лодки там не оказалось.

— Ты уверен, что это то самое место?

— Да.

— А где же лодка?

— Возможно, ее столкнул в воду один из подземных толчков, и она уплыла.

— Сможешь доплыть до острова с больным плечом?

— Я пейанец, — ответил он с таким видом, будто мог спокойно переплыть Ла-Манш с оторванными руками, а затем повернуть и пересечь его в обратном направлении.

Я специально задал этот вопрос, чтобы поддеть его.

— ...Но мы не доберемся до острова вплавь, — тут же добавил Грин-Грин.

— Это почему же?

— Из-за вулкана вода слишком горяча. И чем ближе к острову, тем хуже.

— Значит, надо построить плот. Я буду срезать лазером деревья, а ты пойдешь и найди что-нибудь, чем можно связать бревна.

— Например? — поинтересовался он.

— Ты загадил этот лес, — огрызнулся я, — тебе и карты в руки. Впрочем, я заметил довольно прочные с виду лианы.

- Мне понадобится нож.
- Какой-то миг я колебался.
- Ладно. Держи.
- Вода будет заливать плот. А она очень горячая.
- В таком случае ее придется охладить.
- Каким образом?
- Скоро пойдет дождь.
- Но вулканы...
- Дождь не будет настолько силен.

Он пожал плечами, кивнул и пошел срезать лианы. Я принялся валить деревья, стараясь выбирать экземпляры примерно одной высоты и толщины, не забывая при этом следить за тем, что происходит у меня за спиной.

В течение следующих нескольких часов непрерывно моросил мелкий холодный дождик, который промочил нас до нитки и частично смыл пыль и пепел с прибрежной растительности. Я выстругал два широких весла и пару длинных шестов, дожидаясь Грин-Грина, который должен был набрать достаточно лиан, чтобы связать бревна.

Вдруг земля сильно вздрогнула, и жуткого вида трещина рассекла надвое ближайший конус вулкана. Река лавы цвета закатного неба хлынула из нее, а у меня в ушах еще долго звенело эхо взрыва. Потом поверхность озера вздыбилась, и миниатюрное цунами устремилось в мою сторону. Я бросился бежать, не чуя под собой ног, и вскарабкался на самое высокое дерево из тех, что были неподалеку.

Вода добралась до подножия дерева, но поднялась лишь на фут. За двадцать минут прошли еще три такие волны. Потом вода отступила, оставив мне кучу ила, видимо, в обмен на весла и уже собранные в кучу бревна.

Вся работа пошла на смарку. Я был зол, как черт, хотя предполагал, что дождь не только не погасит этот проклятый вулкан, но скорее всего раскоचेгарит его еще сильнее...

Откуда-то издали донесся крик пейанца, но мне было не до него.

В общем, в этот миг я был не только Фрэнсисом Сандоу...

Я прильнул к земле и почувствовал, что в нескольких сотнях ярдах отсюда находится энерговод. Я пошел в ту сторону и взобрался на небольшой холмик, под которым была искомая точка. Отсюда открывался прекрасный вид на озеро и сам остров, что вздымался среди спокойных вод. Видимо, острота зрения у меня повысилась, поскольку я совершенно отчетливо разглядел убежище. Мне даже почудилось, что я уловил какое-то движение у металлического поручня на краю острова. Глаза землян уступают глазам пейанцев. Грин-Грин потом сказал мне, что он ясно видел фигуру Шендона на открытой площадке.

Я стоял на одной из крупных вен Иллирии или, быть может, над небольшой артерией, ощущая ее пульс, и в меня вливалась Сила, а я слал ее вперед.

Вскоре морозящий дождик перешел в мощный ливень, а когда я взмахнул рукой, сверкнула молния и гром глухо ударил в жестяной барабан неба. Внезапный, как бросившийся за мышью кот, и холодный, как северное сияние, ветер ударил мне в спину и провел своими холодными ладонями по моему лицу.

Грин-Грин снова что-то крикнул. Кажется, он находился где-то справа от меня.

Потом небеса разверзлись, и хлынули бурные потоки мутной воды, так что убежище сразу скрылось из виду, а сам остров превратился в расплывчатый серый силуэт. Вулкан сыпал каскадами ярких искр. Вскоре ветер стал пронизывающим, его завывания слились с раскатами грома в один непрерывный грохот. На озере вздыбились волны, подобные той, от которой я спасался на дереве, но на этот раз они двинулись в противоположном направлении. Если Грин-Грин и кричал мне что-то, то я не слышал его.

Вода ручьями струилась по моим волосам, стекая по лицу и шее. Но чтобы видеть, мне не нужны были глаза. Меня окутывала энергия, и температура вокруг стремительно падала, дождь напоминал широкое полотно, которое с треском рвали на части. Стало

темно, как ночью. Я захохотал, и волны поднялись над озером, словно сказочные джинны, молнии сверкали одна за другой... А я чувствовал, что это не предел моих возможностей.

— *Фрэнк, остановись! Он узнает, что ты здесь!* — пришла мысль, адресованная той части меня, что была Фрэнсисом Сандоу.

— *Но он и без того знает, не так ли?* — «прозвучал» мой ответ. — *Спрячься, пока все не кончится. Жги!*

Вдобавок к урагану и дождю подо мной вновь задрожала земля. Огонь вулкана, маячивший впереди, разгорался все ярче и ярче, пока не засиял так, словно под землей было спрятано солнце. Вокруг него заплясали молнии, ударяя в макушку острова. Они выжигали в этом хаосе имена, среди которых было и мое.

Очередной толчок заставил меня упасть на колени, но я тут же поднялся на ноги и простер руки к небу.

...Теперь я находился там, где не было ни тверди, ни жидкости, ни газа. Здесь не было света, но не было и тьмы. Не было ни жарко, ни холодно. Возможно, это место было плодом моего воображения. А может, и нет.

Мы смотрели друг на друга. В своих бледно-зеленых руках я сжимал, словно винтовку, гром и молнии. Он напоминал огромную серую колонну, покрытую чешуей. На крокодильей морде сверкали налитые яростью глаза. Пока мы разговаривали, три пары его рук находились в постоянном движении, хотя сам он, как и я, стоял совершенно неподвижно.

— Старый враг, старый друг, — обратился он ко мне.

— Да, Белион, я здесь.

— ...Твой цикл подошел к концу. Избавь себя от унижения — пасть от моей руки. Уступи, Шимбо, и ты сохранишь мир, тобою созданный.

— Едва ли этому миру суждено погибнуть, Белион.

Молчание.

— Тогда будет противоборство.

— ...Если ты сам не отступишь.

— Я не отступлю

— Пусть все решится в бою.

Он выдохнул пламя

— Быть по сему

С этими словами он исчез.

...Я стоял на вершине маленького холма. Мои руки медленно опустились, и Сила покинула меня.

Это было странное, ни на что не похожее чувство — сон наяву, если хотите. Или просто фантазия, рожденная перенапряжением и гневом.

Дождь потерял прежнюю силу, а ветер утратил большую часть своей неистовости. Молнии перестали сверкать, земля больше не вздрагивала. Лава уже не лилась из вулкана, и лишь светился оранжевым светом кратер на вершине конуса.

Глядя на все это, я внезапно ощутил холод и понял, что промок до нитки. Наша схватка была прервана в самом зародыше, приток энергии прекратился. Лично мне это было на руку — судя по всему, вода в озере стала прохладнее и чище, серая громада острова уже не казалась такой неприступной.

Ха!

На миг сквозь пелену облаков пробилось солнце, и я увидел радугу. Она изогнулась сверкающей аркой в промытом бурей воздухе, заключив Ахерон, остров и дымящийся конус вулкана в рамку, похожую на блестящую окантовку картины, отчего все стало казаться некой нереальной миниатюрой.

Я спустился с холма и вернулся туда, откуда пришел. Нужно было строить плот

Глава 7

Стоило мне только посетовать на то, что моя природная трусость уже давно не дает о себе знать — в прошлом она не раз спасала мне жизнь, — как у меня вдруг задрожали коленки. Я был напуган до смерти.

Я живу на свете уже слишком долго, и с каждым днем вероятность того, что меня скоро прикончат, неминуемо возрастает. Например, отношение ко мне страховой компании отражается на размере страховой премии, хотя и не влияет непосредственно на величину ежегодных взносов. Согласно донесениям моих шпионов, по классификации страховщиков я отношусь к тому же разряду, что и больные неизлечимой ксенопатией. Это придает уверенности, поскольку они, вероятно, правы.

И вот впервые за долгие годы я пустился в рискованную авантюру. Я чувствовал, что несколько потерял форму, но не слишком жалел об этом. Если Грин-Грин и заметил, что у меня дрожат руки, то никак не отреагировал. В этих руках я держал его жизнь, что само по себе наводило на мрачные мысли. Сейчас он мог убить меня в любой момент — если вы хорошенько пораскинете мозгами, то увидите, что я прав, — и знал об этом. И я знал. А он знал, что я знаю. А...

Однако Грин-Грин сдерживал себя, поскольку без моей помощи он не мог покинуть Иллирию. Следовательно, его корабль остался на острове. А если в рас-

поражении Шендона имеется корабль, то он наверняка отправится разыскивать нас с воздуха, что бы там ни болтали о честном единоборстве наши иллюзорные покровители. Значит, лучше будет работать под защитой деревьев, а в путь следует пуститься под покровом ночи. Поэтому я решил перейти подальше в лесные дебри. Грин-Грин нашел эту мысль превосходной.

Когда мы к вечеру связали плот, облака несколько поредели, но не более. Хотя дождь лил не переставая, стало чуть светлее, поскольку в небе возшли две ослепительно белые луны — Флопсус и Каттонталус.

Вечером с острова поднялось огромное серебристое насекомое, втрое больше «Модели Т» и ужасно уродливое, словно личинка комара. Оно раз шесть облетело озеро, сначала расширяя витки спирали, затем сужая их.

Мы укрылись в тени ветвей раскидистого дуба и оставались там до тех пор, пока аппарат не вернулся на остров. Все это время я сжимал в ладони свой древний амулет. Старина-кролик и сейчас не подвел меня.

Мы закончили постройку плота за пару часов до заката и остаток дня провели, сидя у деревьев.

— Плачу пенни за идею, — сказал я.

— Что такое пенни?

— Древняя монета, некогда имевшая хождение на моей родной планете. Впрочем, поразмыслив, я снимаю свое предложение. Теперь пенни, должно быть, стоит бешеные деньги.

— Странно как-то звучит — купить мысль. Это что, в древности было в порядке вещей у твоего народа?

— Это было связано с развитием торговли, — ответил я. — У всего на свете есть своя цена.

— Очень интересная концепция. И мне понятно, почему люди, вроде тебя, свято верят в это. Ты заплатил бы мне, чтобы я не вынашивал плана мести в отношении тебя?

— Нет.

— Почему?

— Ты взял бы деньги, но не оставил бы своих замыслов, надеясь внушить мне чувство ложной безопасности.

— Я не себя имел в виду. Тебе известно, что я богат и, кроме того, пейанец не откажется от вендетты ни за что на свете... Нет, я подумал о Майке Шендоне. Он твой соплеменник и, быть может, тоже полагает, что все продается и покупается. Насколько мне известно, вражда между вами началась из-за того, что он, как всегда нуждаясь в средствах, решил поживиться за твой счет. А теперь он тебя ненавидит — ведь ты посадил его в тюрьму, а потом прикончил. Но он человек, а ваша раса ставит деньги превыше всего. Быть может, если ты заплатишь ему достаточно много, он забудет о мести и уберется с дороги?

Откупиться от Шендона? До сих пор эта мысль как-то не приходила мне в голову. Я прилетел на Иллирию, чтобы сразиться с пейанцем. Но пока я ему нужен, он не опасен. Теперь врагом номер один стал землянин, следовательно, такая возможность не исключена. Мы вряд ли самый корыстный народ в Галактике, но многие расы в этом аспекте и в самом деле превосходим. Да и неприятности Шендона в первую очередь были связаны с любовью пожить на широкую ногу. События на Иллирии развивались стремительно и совершенно непредсказуемо, мне просто не успел прийти в голову такой способ разрешения конфликта.

С другой стороны, я вспомнил перечень его расходов, что был представлен на суде, — деньги Шендона утекали, как вода из решета. Допустим, я дам ему полмиллиона в универсальных кредитках. Любой другой положил бы денежки в банк и жил бы себе на проценты. Он же их промотает за пару лет, и у меня снова возникнут проблемы. Шендон решит, что раз это сработало однажды, почему бы не попробовать еще разок. И все начнется сначала. Скорее всего, он не станет резать курицу, которая несет золотые яйца. Но такой вариант меня не устраивал, да и кто знает, что взбредет ему в голову.

И все же, если бы он пошел на соглашение, пожалуйста, я попробовал бы откупиться от Шендона на какое-то время. Позже я подобрал бы команду наемных убийц, и они быстренько вывели бы его из игры.

Но если им это не удастся...

Тогда он тут же вцепится в меня мертвой хваткой, и снова встанет вопрос — он или я.

Я обдумал предложение Грин-Грина со всех сторон и в конце концов принял решение.

У Шендона был пистолет, однако он хотел убить меня голыми руками...

— Ничего не выйдет, — сказал я. — Он не пойдет на сделку.

— Гм-м... Не думай, что я хотел оскорбить тебя. Просто я не до конца понимаю вас, землян.

— Ты не один такой.

Я смотрел, как угасает день и стена туч смыкается над нами. Вскоре наступит время подтащить плот к воде и пуститься в плавание по утихомирившимся водам озера. Лунный свет нам не помеха.

— Грин-Грин, — сказал я, — в тебе я узнаю себя, поскольку теперь во мне больше от пейанца, чем от землянина. Хотя я не думаю, что дело действительно только в этом, ведь все мои нынешние поступки — следствие того, что было заложено во мне давным-давно. Я, как и ты, могу убивать и не продам своей мести, развернись передо мной хоть ворота ада.

— Я знаю, — кивнул он, — и уважаю тебя за это.

— Я вот что хочу сказать: когда все кончится — при условии, что мы с тобой оба до этого доживем, — ты мог бы стать моим другом. Я даже мог бы попросить остальных Имя-носящих, чтобы они дали согласие на твое посвящение. Я был бы рад видеть среди нас высшего жреца Странтри, носящего Имя Кирвара Четырехликого, Отца Всех Цветов, да прославится его Имя.

— Ты пытаешься узнать мою цену, землянин?

— Нет, я предлагаю от чистого сердца. Впрочем, думай, как знаешь. И все же ты не нанес мне обиды...

— Несмотря на то что пытался убить тебя?

— Из-за ложной мысли. Меня это не волнует.

— Ты знаешь, что я могу прикончить тебя, как только захочу?

— Я знаю, что ты так думаешь.

— А мне казалось, что я надежно спрятал эту мысль.

— Это дедукция, а не телепатия.

— Ты действительно во многомходишь на пейзажцев, — чуть погодя признался Грин-Грин. — Я обещаю не пытаться свести с тобой счеты, пока мы не покончим с Шендоном.

— Уже скоро нам пора будет трогаться в путь, — сказал я.

Мы сидели и ждали наступления ночи.

— Пора, — наконец произнес я.

— Пора, — согласился он, вскакивая на ноги.

Мы взяли плот с двух сторон, отнесли к озеру и опустили в его теплые воды.

— Весла не забыл?

— Нет.

— Тогда поплыли.

Мы вскарабкались на плот, подождали, пока он перестанет раскачиваться, и оттолкнулись от берега шестью.

— Если Шендон выше того, чтобы брать взятки, — спросил Грин-Грин, — почему же он продавал твои секреты?

— Если бы мои люди заплатили больше, — усмехнулся я, — он продал бы моих конкурентов.

— Тогда почему его нельзя подкупить?

— Потому что Шендон ненавидит меня. Вот и все. Это не продается.

Тогда я искренне верил в свои слова.

— Мне иногда бывает непонятен ход мыслей землян, — произнес Грин-Грин.

— Мне тоже, — сказал я.

Тут взошла едва различимая сквозь пелену туч луна и стала медленно двигаться к зениту.

Вода тихо плескалась между бревнами, облизывая подошвы наших ботинок. Нас обдавал холодный бриз, дувший со стороны берега.

— Вулкан успокоился, — сказал Грин-Грин. — О чем ты говорил с Белионом?

— Значит, ты все-таки заметил?

— Я несколько раз пытался установить с тобой мысленный контакт, так что это не удивительно.

— Белион и Шимбо настороже, — сказал я. — Вскоре последует быстрый выпад, и один из них сойдет со сцены.

Вода была теплой, как кровь, и черной, как тушь. Остров напоминал гору угля на фоне серого беззвездного неба. Когда шесты уже не доставали до дна, мы взялись за весла и стали тихо грести. Грин-Грину, как и всем пейанцам, была свойственна любовь к воде. Я заметил это по тому, как он греб, и по тем клочкам эмоций, что мне удалось уловить.

Путь наш лежал над пучиной черной воды... Неповторимое чувство — это место слишком много значило для меня. Его создание затронуло какие-то потаенные струны в душе. Здесь полностью отсутствовало чувство умиротворения, спокойного расставания с жизнью, свойственное Долине Теней. Это место было просто бойней в конце пути. Я ненавидел и боялся его. Я знал, что у меня не хватит духу создавать его еще раз. Подобные чувства испытываешь лишь раз в жизни. Путь по черным водам озера вызывал во мне какое-то непонятное противодействие. Гуляешь себе по берегу Токийского залива, и вдруг перед тобой неясно вырисовывается ответ на все вопросы в виде бесформенной груды того, что давно кануло в Лету и не должно было снова оказаться на берегу — гигантское мусорное ведро жизни, куча хлама, оставшаяся от прошлого, место, символизирующее тщетность всех усилий и намерений, как плохих, так и хороших, кладбище былых ценностей, где все напоминает о том, что вся твоя жизнь — лишь суета сует, и однажды она подойдет к концу, чтобы никогда больше не начаться вновь.

У меня под ногами плескалась теплая вода, однако я дрожал, как в лихорадке, и сбился с ритма. Грин-Грин коснулся моего плеча, и мы снова стали грести в лад.

— Зачем ты создал его, если так ненавидишь? — поинтересовался он.

— Мне хорошо заплатили, — ответил я и продолжил: — Бери влево — воспользуемся черным ходом

Мы стали забирать к западу. Я орудовал веслом потише, а Грин-Грин стал грести в полную силу.

— Черным ходом? — переспросил он.

— Да, — ответил я, решив пока не вдаваться в подробности.

Когда мы приблизились к острову, я выкинул все из головы и стал лишь бездушным механизмом, как поступаю всегда, когда мой мозг раздирают противоречивые мысли. Я греб, и мы скользили сквозь ночь. Вскоре громада острова выросла справа по борту. Где-то наверху мерцали таинственные огоньки, а впереди пылала вершина вулкана, бросая красноватые отблески на воду и прибрежные скалы.

Мы обогнули остров и направились к северному гребню. Несмотря на полную тьму, я ориентировался не хуже, чем при свете дня. На карте памяти отпечатались все шрамы и рубцы острова, подушечки пальцев словно чувствовали шероховатость его камней.

Мы гребли до тех пор, пока я не задел веслом поверхность утеса и не остановил плот

— На восток, — скомандовал я, осмотревшись.

Через несколько сотен ярдов мы оказались там, где начинался предусмотренный мною «черный ход». Здесь скалу пересекала расщелина футов сорок длиной, по которой, упираясь в камень ногою и спиной, можно было вскарабкаться на узкий уступ длиной футов в шестьдесят и добраться по нему до лестницы из скоб, вбитых в утес. Лестница вела к самой вершине.

Я объяснил все это Грин-Грину, пока тот привязывал плот. И он без жалоб полез за мной, хотя плечо наверняка сильно болело

Когда я дополз до конца расщелины, пятнышко плота внизу скрылось из виду. Я сказал об этом Грин-Грину, и он выругался. Я подождал его и помог вылезти из расщелины. Затем мы двинулись вдоль карниза в восточном направлении.

Примерно минут через пятнадцать мы добрались до лестницы. И снова первым пошел я, объяснив, что нам предстоит подниматься до следующего уступа целых пятьсот футов. Пейанец снова выругался, но полез за мной.

Вскоре мои руки были стерты до крови, и когда мы добрались до небольшого уступа, я лег и закурил сигарету. Минут десять мы отдыхали, потом продолжили подъем. К полуночи мы без всяких приключений достигли вершины.

Мы шли еще минут десять, прежде чем увидели его.

Он слонялся с отсутствующим видом, несомненно накачавшись наркотиков по самые уши. Хотя, быть может, и нет. Ни в чем нельзя быть уверенным до конца.

В общем, я подошел к нему и, положив руку ему на плечо, спросил:

— Как дела, Корткор?

Он посмотрел на меня из-под тяжелых век. Корткор весил примерно триста пятьдесят фунтов, был одет во все белое (идея Грин-Грина, надо полагать), у него были голубые глаза и тихий, слегка шепелявый голос.

— Мне кажется, у меня имеются все данные, — ответил он.

— Отлично, — произнес я. — Ты знаешь, я явился сюда, чтобы устроить своего рода дуэль с этим вот человеком — Грин-Грином. Однако с некоторых пор мы стали союзниками, объединившись против Майка Шендона...

— Одну минуту, — перебил он меня.

— Да, — сказал он немного погодя, — ты проигрываешь.

— Что ты имеешь в виду?

— Шендон убьет тебя через три часа десять минут.

— Нет, — возразил я, — он не сможет.

— А если не убьет, — добавил Корткор, — то лишь потому, что ты успеешь прикончить его раньше. Тогда мистер Грин убьет тебя через пять часов двадцать минут.

— С чего это ты так уверен в этом?

— Грин — тот мироформист, что сработал Коррлин?

— Это ты? — спросил я у Грин-Грина.

— Да.

— Тогда он тебя убьет.

— Каким образом?

— Вероятно, с помощью тупого предмета, — ответил Корткор. — Если тебе удастся этого избежать, ты, возможно, прикончишь его голыми руками. Ты всегда оказывался сильнее, чем можно предположить, глядя на тебя. Это многих обмануло. Впрочем, я не думаю, что это спасет тебя и сейчас.

— Спасибо, — сказал я. — Тебе не мешало бы немного поспать.

— ...Если только кто-либо из вас не запасся каким-то тайным оружием, — продолжал он, — что не исключено.

— Где сейчас Шендон?

— В убежище.

— Мне нужен его скаल्प. Как до него добраться?

— В тебе присутствует некий демонический фактор. Ты обладаешь даром, который непонятен до конца.

— Да, знаю.

— Не используй его.

— Почему?

— Шендон обладает тем же.

— Я и это знаю.

— Если тебе все-таки удастся прикончить его, обойдешься без помощи своего дара.

— Ладно.

— Ты мне не доверяешь.

— Я никому не доверяю.

— Помнишь тот вечер, когда ты принял меня на работу?

— Смутно.

— Это был лучший ужин в моей жизни. Свиные отбивные... И сколько душе угодно.

— Теперь припоминаю.

— Ты мне тогда рассказал о Шимбо. Если ты вызовешь его, Шендон вызовет другого... Слишком много неучтенных факторов. Возможен фатальный исход.

— Может ли Яри Всемогущий сотворить камень, поднять который ему не под силу? — вмешался Грин-Грин.

— Нет, — ответил Корткор.

— Почему нет?

— Он не взялся бы за эту работу.

— Это не ответ.

— Нет, ответ. Подумай-ка, а ты сам взялся бы?

— Я ему не верю, — сказал Грин-Грин. — Когда я его воспроизвел, он был совершенно нормален. Может, Шендон подкупил его?

— Нет, — покачал головой Корткор, — я пытаюсь помочь вам.

— Тем, что предрекаешь Сандоу гибель?

— Но он и так погибнет.

Грин-Грин поднял руку, в которой внезапно оказался мой пистолет — очевидно, телепортировал его из кобуры с той же легкостью, с какой некогда заполучил Воспроизводящие Ленты. Он дважды нажал на спуск и вернул оружие на место.

— Зачем ты это сделал?

— Он врал, пытаюсь запугать тебя, лишить уверенности в себе.

— Когда-то Корткор был самым близким моим помощником. Он научился мыслить наподобие компьютера. Мне кажется, что он просто старался быть объективным.

— Когда получишь ленты, можешь воспроизвести его заново.

— Ладно, пошли. У меня осталось два часа пятьдесят восемь минут.

Мы двинулись дальше.

— Мне не следовало этого делать? — спросил Грин-Грин немного погодя.

— Нет.

— Мне очень жаль.

— Прекрасно. Больше никого не убивай, если только я тебя сам об этом не попрошу.

— Хорошо... Ты многих убил, Фрэнк, правда?

— Да.

— Почему?

— Или я, или они — так стоял вопрос. Иногда мне кажется, что лучше были бы «они».

— Разве?

— Ты мог бы и не убивать Боджиса.

— Я думал...

— Заткнись, лучше просто заткнись.

Мы пошли дальше, перепрыгивая через расщелины в скале. Щупальца тумана, извиваясь, обыскивали нашу одежду. Чуть в стороне показалась другая призрачная фигура, преградив нам путь к тропинке, ведущей вниз.

— ...Идете на верную смерть, — промолвила она, и я остановился, глядя на нее.

— Леди Карль...

— Проходи, проходи, — сказала она. — Спеш навстречу своей судьбе. Ты и представить себе не можешь, сколько радости мне это доставит.

— Когда-то я тебя любил, — произнес я совершенно не к месту.

Она покачала головой:

— Кроме самого себя, ты любил только деньги. Теперь они у тебя есть. Чтобы сохранить свою империю, Фрэнк, ты убил больше людей, чем мне довелось встретить за всю свою жизнь. И вот наконец появился человек, который в силах справиться с тобой. Я горжусь тем, что присутствую при этом.

Я направил на нее луч фонарика. Волосы ее горели, как пламя, а лицо было белым, словно мрамор...

Овал ее лица напоминал по форме сердце, зеленые глаза жгли меня. На какой-то миг я вдруг страшно захотел ее.

— А что, если я справлюсь с ним?

— Тогда, быть может, я снова на какое-то время стану твоей, — ответила она, — однако надеюсь, что этого не случится. Ты — дьявол во плоти. Я желаю тебе смерти и найду способ убрать тебя, если ты снова попытаешься мною завладеть.

— Остановись, — приказал Грин-Грин. — Я вернул тебя к жизни, и я завлек сюда этого человека, чтобы погубить его, но мне пришлось подчиниться воле другого человека, который, к счастью или к несчастью, имеет те же намерения в отношении Фрэнка, что и я. Теперь наши с Фрэнком судьбы связаны воедино. Не забывай. Я воскресил тебя, и я сохраню тебе жизнь. Помоги одолеть нашего врага и получишь щедрую награду.

Она вышла из освещенного круга, и до нас донесся ее смех.

— Нет уж, спасибо.

— Когда-то я любил тебя, — сказал я.

Минутная пауза, затем:

— А ты смог бы начать все сначала?

— Не знаю, но ты что-то значила для меня, что-то очень важное...

— Проходи, — сказала она. — По всем счетам уплачено сполна. Найди Шендона и умри.

— Пожалуйста, — сказал я, — когда-то ты была моей и значила для меня все. Леди Карль, я не смог забыть тебя, даже когда ты меня покинула. И Алгольскую Десятку я не трогал, хотя так утверждают многие...

— Это сделал ты.

— Я уверен, что смогу доказать тебе обратное.

— Не старайся зря, уходи.

— Хорошо, — согласился я. — Но только я не перестану...

— Не перестанешь — что?

— ...думать о тебе, уходи!

И мы ушли.

Все это время мы с ней разговаривали на ее родном языке — драмине, — а я даже не заметил, как переключился на него с английского. Забавно.

— Ты многих женщин любил, Фрэнк? — спросил Грин-Грин.

— Да.

— Ты сказал правду... Ну, что будешь думать о ней?

— Да.

Тропинка вела нас вниз, и вскоре я увидел освещенные окна дома. Мы продолжили спуск, и тут перед нами возник еще один силуэт.

— Ник!

— Верно, мистер.

— Ник, это я — Фрэнк!

— Будь я проклят, если это не его голос. Подойдите-ка поближе.

— Сейчас. Вот свет, — и я осветил себя лучом фонарика, чтобы развеять его сомнения.

— Боже! Это действительно ты! Тот парень внизу совсем свихнулся — намерен тебя прикончить.

— Ага, знаю.

— Он хотел, чтобы я помог ему, но я сказал, что ему лучше пойти заняться онанизмом. Он обезумел от ярости, и мы подрались. Я расквасил ему нос и смотался оттуда. Да он и не стал меня преследовать. Сильный малый.

— Верно.

— Я помогу тебе справиться с ним.

— Отлично.

— Но мне не нравится тот тип, что с тобой.

Старина Ник бушует, совсем как в старое доброе время... Это было здорово.

— То есть?

— Это он во всем виноват. Он вернул меня к жизни, как и всех прочих, скользкий сукин сын. На твоём месте я убрал бы его, да поскорее.

— В настоящий момент мы с ним союзники.

Ник сплюнул.

— Мистер, я вас не забуду, — пообещал он Грин-Грину. — Когда мы покончим с Шендоном, я вами займусь. Помните, как вы меня допрашивали? Думаете, было смешно? Теперь настал мой черед.

— Хорошо.

— Нет, не «хорошо»! Совсем не «хорошо». Ты обзывал меня «коротышкой» или каким-то близким по смыслу пейанским словом, тупое ты растение! Теперь я тебя зажарю! Я, конечно, рад, что снова живу, и обязан этим тебе. Но я тебя отгуплю, ублюдок! Погоди немного, и я с тобой расправлюсь тем, что попадет под руку.

— Сомневаюсь, малыш, — покачал головой Грин-Грин.

— Поживем — увидим, — сказал я.

Итак, к нам присоединился Ник. Теперь я шагал между ними.

— Он где, в убежище? — спросил я.

— Да. У тебя есть граната?

— Есть.

— Тогда лучше всего будет прикончить его гранатой. Убедись, что он внутри, и брось ее в окно.

— Он один?

— Ну... не совсем. Но ведь это не будет убийством. Как только получишь ленты, воскресишь девушку.

— Кто она?

— Ее зовут Кати. Я ее раньше не видел.

— Она была моей женой, — сказал я.

— Ладно. Тогда этот вариант отпадает. Придется нам как-то проникнуть в дом.

— Наверное, ты прав, — согласился я. — Сделаем так: я займусь Шендоном, а ты прикроешь Кати.

— Он ее не тронет.

— Да?

— Понимаешь, Фрэнк, мы здесь торчим уже несколько месяцев. Сперва мы не знали, где находимся и как здесь оказались. Этот вот зеленый тип сказал, что знает об этом не больше нашего. Все, что нам было известно — мы когда-то на самом деле умерли. И о

тебе мы узнали лишь тогда, когда он стал спорить с Майком. А однажды Грин забыл о защите, и Майк, я полагаю, влез ему в мозги. Словом, Майк и девушка... да, Кати... что-то между ними такое произошло... вроде как любовь.

— Грин-Грин, почему ты мне об этом не сказал?

— Я думаю, это не имеет значения. Разве не так?

Я не ответил, потому что и сам не мог понять. Моя голова напряженно работала. Я прислонился спиной к скале и вдавил педаль газа в мозгу до упора.

Я прилетел сюда, чтобы найти и убить врага. Теперь он стоит рядом со мной, а его место занял другой. И вот я узнаю, что этот другой спит с моей воспроизведенной Грин-Грином женой, которую я явился спасать... Это меняло дело. Но каким образом, я и сам не мог пока сказать. Если Кати любит Майка, я не могу ворваться туда и застрелить его у нее на глазах. Даже если Шендон просто использует ее, а на саму Кати ему глубоко наплевать, я не могу это сделать, пока он что-то значит для нее. Похоже, мне осталось лишь последовать совету Грин-Грина — вступить с Шендоном в переговоры и попытаться откупиться. Теперь у него есть Сила и красивая девушка. Добавьте к этому кучу денег — и человек может забыть о мести. К тому же мне все-таки не хотелось его убивать, хотя он и пытался расправиться со мной.

В принципе, я мог просто повернуться и уйти. Взобраться на борт «Модели Т» и менее чем через сутки стартовать к Вольной. Если Кати нужен Шендон, так пусть забирает его. Я мог бы свести счеты с Грин-Грином и вернуться в мою «крепость».

— Нет, это важно, — произнес я.

— Планы меняются? — спросил Грин-Грин.

— Да.

— И все из-за какой-то девушки?

— Да, из-за какой-то девушки, — ответил я.

— Ты странный человек, Фрэнк. Пройти такой путь и передумать из-за девушки, которая всего лишь память о прошлом, не более...

— У меня очень хорошая память.

Мне не нравилось, что придется оставить в покое исконного врага того, чье Имя я носил, причем в облике талантливого и умного человека, мечтающего о моей смерти. Этот союз будет стоить мне бессонных ночей даже на Вольной. С другой стороны, какой смысл резать курицу, несущую золотые яйца... Когда живешь так долго, забавно видеть, как друзья, враги, любимые водят вокруг тебя хоровод, словно на каком-то маскараде, то и дело меняясь масками.

— Что будем делать?

— Я поговорю с ним. Может, нам удастся поладить.

— Ты же утверждал, что он не продаст мечь, — заметил Грин-Грин.

— В то время я так и думал. Но теперь из-за Кати мне необходимо попытаться подкупить его.

— Я тебя не понимаю.

— И не старайся. Наверное, вам лучше подождать здесь: вдруг он поднимет пальбу.

— А как нам быть, если он тебя убьет? — спросил Грин-Грин.

— Это уж ваши трудности... До скорого, Ник.

— Пока, Фрэнк.

Я начал спускаться по тропинке, скрывая свои мысли за ментальным экраном. Приблизившись к дому, я пополз, используя обломки скал в качестве прикрытия. И вот, наконец, я лежу на брюхе примерно футах в ста пятидесяти от дома. Меня прикрывают два громадных валуна, отбрасывающих обширную тень. Я положил ствол пистолета на сгиб локтя и взял на прицел запасной вход.

— Майк! — крикнул я. — Это Фрэнк Сандоу! — и стал ждать ответа.

Прошло почти полминуты, прежде чем он решил-ся:

— Что тебе?

— Я хочу поговорить с тобой.

— Ну, говори.

Свет в домике внезапно потух.

— Это правда? То, что мне рассказали насчет тебя и Кати?

Он помолчал, затем крикнул:

— Думаю, да.

— Она с тобой?

— Возможно. А что?

— Пусть она сама мне все объяснит.

Потом я услышал ее голос:

— Наверное, это правда, Фрэнк. Мы тогда не понимали, каким образом оказались здесь и вообще... а я никак не могла забыть пожар... Я не знаю, как...

Я закусил губу.

— Не надо извиняться, — сказал я. — Прошло уже столько лет. Я как-нибудь переживу.

Майк захихикал:

— Кажется, ты в этом ни капли не сомневаешься.

— Да. Я выбрал самый простой путь.

— Какой же?

— Сколько ты хочешь?

— Деньги? Фрэнк, да ты никак струсил?

— Я пришел, чтобы убить тебя, но я не могу это сделать, если тебя любит Кати. А она говорит, что любит... Но если хочешь и дальше наслаждаться жизнью, оставь меня в покое. Сколько ты возьмешь за то, чтобы упаковать свое наследство и смыться отсюда?

— Какое еще наследство?

— Ладно, забудь об этом. Так сколько?

— Я не ждал такого предложения, дай-ка мне пораскинуть мозгами... Много, во всяком случае. Я потребую гарантированный пожизненный доход, и притом немалый. Скажем, несколько крупных приобретений на мое имя... Я составлю список... Но ты правда не шутишь? Это не розыгрыш?

— Мы оба телепаты. Я предлагаю одновременно снять экраны. Я даже настаиваю на этом как на одном из условий нашего договора.

— Кати просила не убивать тебя, — сказал он, — убей я тебя, она бы мне не простила... Ладно... Я возьму твои деньги и жену, и на этом мы расстанемся.

— Огромное тебе спасибо.

— В конце концов, мне повезло. Как ты думаешь все это обставить?

— Если не возражаешь, я выдам тебе сумму наличными, а потом мои юристы оформят все, как полагается.

— Не возражаю. Я хочу, чтобы все было законно. Мне нужен миллион сразу и по сто тысяч ежегодно.

— Это много.

— Только не для тебя.

— Я просто комментирую... Ладно, согласен.

Интересно, что обо всем этом думает Кати? Она вряд ли сильно изменилась за последние несколько месяцев, так что ее должно было тошнить от всех этих разговоров.

— Еще два условия, — добавил я. — Пейанец Грингрин-тарл — теперь мой. У нас с ним свои счета.

— Да, ради Бога, забирай. Он мне не нужен. Что еще?

— Ник-карлик тоже уйдет со мной.

— А, этот маленький... — рассмеялся Шендон. — Конечно. Он мне даже понравился... Это все?

— Все.

Первые лучи солнца защекотали брюхо неба, вулканы дымились над водами озера, словно факелы Титанов.

— Что дальше?

— Подожди, мне надо переговорить с остальными, — сказал я.

— *Грин-Грин, он согласен. Я купил его. Скажи Нику. Мы улетаем через несколько часов,* — послал я мысленное сообщение.

— *Хорошо, Фрэнк. Идем к тебе.*

Дело уладилось даже чересчур просто. Теперь оставалось только рассчитаться с пейанцем. Все это еще могло оказаться ловушкой, но тогда это была дьявольски хитрая западня. Да и вряд ли Грин-Грин сговорился с Майком. Как бы то ни было, все прояснится через несколько минут, когда мы с Шендоном снимем экраны со своих разумов.

Но, черт возьми, как можно после всего того, что было между нами, спокойно заключать сделку, подобно двум бизнесменам?

И вдруг я почувствовал: что-то здесь не так.

Я не мог понять, что именно меня смущало. Срабатывал какой-то древний инстинкт, дремавший с тех пор, как мои предки жили в пещерах или даже на деревьях. А может — чем черт не шутит — в океане. Сквозь пепел, дым и туман просвечивал Флопсус, и был он цвета крови...

Ветер стих, мир окутала первозданная тишина. Леденящий душу страх вновь охватил меня, но я переборол себя. Гигантская ладонь была готова опуститься с неба на мою голову, но я не дрогнул. Я завоевал Остров Мертвых, и вокруг пылал Токийский залив. А теперь я смотрел вниз — на Долину Теней. С моим возмущением легко найти злое предзнаменование в чем угодно, и все вокруг будто старалось напомнить мне об этом. Я вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Не стоит показывать Шендону, что я испугался.

Я уже не мог больше ждать.

— Шендон, я убираю экран. Присоединяйся.

— Ладно.

...И наши разумы встретились, проникнув друг в друга.

— Ты не лгал.

— Ты тоже...

— Тогда по рукам?

— Да.

И вдруг неизвестно откуда пришло громовое «НЕТ!», отразилось от небесных башен и, подобно цимбалам, затрепетало в сознании каждого из нас.

Волна нестерпимого жара пронзила мое тело. Потом я медленно поднялся на ноги, вдруг ставшие мощными, словно горные пики. Несмотря на мелькание в глазах зеленых и красных полос, я все видел ясно, словно днем.

Где-то внизу из домика вышел Шендон и медленно поднял голову к небесам. Потом наши глаза встретились, и я понял, что сказанное в тот миг, когда я

держал в руках гром и молнии, было правдой: «Тогда будет поединок». Огненная вспышка... «Быть по сему». Тьма... Изначальный рок, что ведал всем, начиная от моего отбытия с Вольной и кончая этим самым моментом, оказался сильнее соглашений людей. Наш конфликт с Шендоном был мелок и жалок, его исход был совершенно безразличен тем, кто сейчас управлял нами.

Да, нами управляли.

Я всегда считал Шимбо неким искусственным довеском к своей личности, который встроили в меня пейанцы лишь для того, чтобы я мог создавать новые миры. Наши интересы прежде никогда не противоречили друг другу. Он приходил по моему зову, и сразу уходил, едва нужда в нем отпадала.

Он никогда не возникал неожиданно, не пытался принудить меня к чему-либо. Скорее всего, в глубине души я нуждался в нем, как в божестве, поскольку мне всегда хотелось верить, что где-то существует Бог или боги. Может, именно эта потребность и была той движущей силой, проявлением которой являлись все мои паранормальные способности. Не знаю... Однажды, когда он пришел, вспыхнул столь яркий свет, что я вдруг заплакал безо всякой на то причины. Черт возьми, я понимаю, что это не ответ. Но я просто не знаю ответа.

Итак, мы стояли, глядя друг на друга, — старые враги, которыми управляли два еще более давних противника. Я мог представить себе, как удивился Майк такому повороту событий. Я попытался связаться с ним, но все мои усилия были тщетны. Майк наверняка тоже вспомнил о том странном видении.

Затем над нашими головами стали сгущаться тучи. Я понимал, что это означало. Земля под ногами слегка вздрогнула — еще одно знамение. Кто-то должен был сейчас умереть, хотя ни один из нас не искал смерти.

«Шимбо, Шимбо, — мысленно обратился я к самому себе. — Так ли все это необходимо тебе, Повелитель Башни из Черного Дерева?»

Задавая этот вопрос, я уже заранее знал, что ответа не будет, если не считать ответом то, что сейчас должно произойти.

Прокатился гром — негромкий и протяжный, как отдаленная барабанная дробь.

Огни вулканов над водой вспыхнули ярче.

Мы стояли, словно по разные стороны дуэльного барьера в аду. Нас омывали волны света, испещренного хлопьями пепла и размытого туманом. Флопсус спрятал от нас свой лик, обагрив кровью края облаков.

Когда напряжение Сил достигает предела, им требуется некоторое время для того, чтобы прийти в движение. Я чувствовал, как из ближайшего энергопровода в меня вливается поток энергии, выплескиваясь наружу гигантскими волнами. Я стоял, не в силах даже пошевелить пальцем или закрыть глаза, чтобы не видеть противника. Сквозь всполохи молний я заглянул в его немигающие глаза и увидел в них тень того, кто был известен мне как Белион.

Я будто съезжился и рос одновременно, и только потом до меня дошло, что это Фрэнк Сандо как личность становится все меньше и беспомощнее. Но в то же самое время я чувствовал, что мне подвластны молнии, притаившиеся высоко в небесах и готовые по моему приказу обрушиться на врага... Я стал Шимбо-Громовержцем.

Серый конус вулкана слева от меня был рассечен вдруг сверху донизу, словно человеческая рука. Оранжевая кровь фонтаном брызнула в Ахерон, заставив воду кипеть и испаряться. Окровавленные пальцы лавы четко выделялись на фоне туч. Тогда я расколол небо стрелами хаоса и обрушил их на землю водопадом света. Небесные мортиры приветственно загрохотали, потом снова завыл ветер, и хлынул дождь.

Шендон превратился сначала в фантом, затем совсем исчез, но, как только свет угас, призрачная тень моего врага вновь появилась на прежнем месте. Домик за его спиной вспыхнул, и кто-то вскрикнул:

— Кати!

— Фрэнк! Назад! — заорал зеленокожий человек, а карлик схватил меня за руку, но я отмахнулся от них и сделал первый шаг навстречу врагу.

Зеленокожий что-то прокричал и утащил карлика прочь.

Мой враг сделал ответный шаг, и земля сперва задрожала, а потом начала трескаться и проваливаться сама в себя.

Он сделал еще шаг, и порыв ветра сбил его с ног. Вокруг него зазмеились трещины. Я сделал второй шаг и тоже упал, ибо земля ушла у меня из-под ног.

Мы никак не могли подняться — остров трясся, вздрагивал, стонал, подергивая каменным плечом, на котором мы находились. Из трещин в каменном теле повалил дым...

Когда мы наконец сумели встать на ноги и сделали еще по шагу, то оказались примерно на одной высоте. Четвертым шагом я разнес в пыль скалу за спиной врага, а он в ответ обрушил на меня сверху лавину камней. Пятым моим шагом был ветер, а шестым — дождь. Он ответил огнем и землетрясением...

Свет вулканом залил все небо ниже облаков и теперь сражался над ними с моими молниями. Неистовый ветер поднимал огромные волны, а сам остров, и мы вместе с ним, с каждым толчком погружался все глубже и глубже. Несмотря на вой ветра, раскаты грома, грохот вулканов и постоянный шум дождя, я слышал, как они разбиваются о скалы. За спиной моего врага догорало полуразрушенное убежище.

После моего двенадцатого шага на нас обрушился ураган, а когда он сделал ответный шаг, весь остров затрясся, будто в лихорадке, и из трещин повалил еще более густой и едкий дым...

Неожиданно я почувствовал чье-то прикосновение и оглянулся по сторонам.

На обломке скалы, держа в руках бластер, стоял человек с зеленой кожей. Секундой раньше оружие находилось у меня в кобуре, как бесполезное на данной стадии нашего противоборства.

Сперва он направил бластер на меня, но не успел я отреагировать, как ствол переместился вправо.

Огненный луч прорезал тьму, и мой враг упал.

Но колебания острова спасли его, поскольку зеленокожий не удержался на ногах после толчка и выпустил пистолет. А мой враг вновь поднялся, оставив на земле кисть правой руки. Зажав рану левой рукой, он сделал еще один шаг навстречу мне.

Между нами зазмеилась трещина, и в этот миг я увидел Кати. Она выбралась из горящего убежища и двигалась к тропинке, что вела наверх. Потом замерла, глядя, как мы медленно сближаемся...

Вдруг прямо под ее ногами разверзлась трещина, и у меня в груди что-то оборвалось — я знал, что не дотянусь до нее, и она погибнет.

...В тот же миг раздался страшный грохот, Шимбо исчез. Я с трудом устоял на ногах и тут же бросился к Кати.

— Кати! — в ужасе закричал я, когда она пошатнулась и упала в пропасть.

...И откуда-то вдруг выпрыгнул Ник. Он замер на краю трещины и поймал ее за запястье. На миг мне показалось, что он ее удержит.

Но лишь на миг.

Дело даже было не в физической силе, ее у Ника хватало, а в весе и соотношении моментов сил.

Я услышал, как выругался Ник, когда полетел в пропасть вместе с Кати.

Я поднял голову и повернулся к Шендону. Смертельная ярость буквально сжигала меня. Я потянулся к кобуре за бластером и только тогда вспомнил, что с ним случилось.

Тут Шендон сделал еще шаг, и меня накрыло лавиной камней. Падая, я почувствовал, как сломалась правая нога.

Должно быть, я на мгновение потерял сознание, но боль привела меня в чувство. Шендон за это время успел сделать еще один шаг и был совсем близко, а весь мир вместе со мной скользил в ад. Я посмотрел на обрубок его руки, на глаза маньяка, на рот, открытый

для того, чтобы расхохотаться или что-то сказать напоследок. А потом я поднял левую руку с помощью правой и сделал нужное движение пальцами... Я невольно вскрикнул, когда боль пронзила палец.

Его голова отделилась от туловища и полетела вниз, последовав за моей женой и лучшим другом в бездонную трещину. Обезглавленное тело рухнуло на землю, и я смотрел на него, пока не провалился в яму беспомощности.

Глава 8

Когда я очнулся, уже светало. Сверху по-прежнему накрапывал дождь. Моя правая нога была сломана примерно в восьми дюймах над коленом — скверная и болезненная рана. Хорошо хоть мелкий дождик пришел на смену урагану. Да и земля больше не вздрагивала. Но когда я приподнялся на локтях и огляделся, то от потрясения даже забыл на мгновение о боли.

Большая часть острова исчезла, погрузившись в Ахерон, а оставшаяся изменилась до неузнаваемости. Я лежал на широком плато всего лишь футах в двадцати от водной глади. Дом исчез, а возле меня валялся обезглавленный труп. Я отвернулся и стал обдумывать положение, в котором оказался.

Затем в свете догорающих факелов вулканов, что освещали кровавый пир минувшей ночи, я медленно протянул руку и стал снимать с себя камни. Один чертов камень за другим.

Боль и монотонное повторение движений предохраняют от мыслей, притупляя восприятие.

Даже если боги действительно существуют, что это меняет? Что они значат для меня? Я снова вернулся в шкуру человека, появившегося на свет примерно тысячу лет тому назад, только теперь со сломанной ногой. Если боги существуют на самом деле, то мы — всего лишь пешки в их играх. Да пошли они все...

— Это относится и к тебе, Шимбо, — сказал я. — Больше ко мне и не приближайся.

На кой черт мне искать справедливость там, где ее нет и в помине? А если и есть, то не для таких, как я.

Я вымыл руки в ближайшей луже. Боль в обожженном пальце немного утихла. Вода была реальна, как земля, воздух и огонь — лишь их существование я не подвергал сомнению. Примем это за аксиому и не будем вдаваться в подробности. В конце концов, в основе всего лежат вещи, которые можно потрогать или купить. Если я смогу подольше удержаться на плаву, то обязательно завоюю рынок этих товаров, и каких бы Имен они там ни напридумывали, плевать — все, что есть в этом мире, будет принадлежать мне. И пусть они кусают локти. Я буду владеть Большим Деревом — Деревом Познания Добра и Зла.

Я откатил в сторону последний камень и на секунду расслабился — я был свободен.

Теперь осталось лишь добраться до энерговода и спокойно отдыхать. Вечером над этим районом должна пролететь «Модель Т». Раскрыв свой разум, я почувствовал, что где-то слева от меня есть кто-то живой. Я немного отдохнул, потом сел и выпрямил ногу при помощи рук. Когда боль несколько утихла, я разорвал штанину и увидел, что перелом закрытый. Я перевязал ногу настолько крепко, насколько это было возможно без шины, сверху и снизу от места перелома, потом медленно, очень медленно, перевернулся на живот и пополз в направлении энерговода, оставив труп Шендона мокнуть под дождем.

По ровному месту ползти было не так уж тяжело, но когда пришлось затаскивать себя на десятифутовый склон с наклоном градусов в сорок пять, то я так выдохся, что некоторое время был не в силах даже выругаться. Чертов склон оказался не только крутым, но еще и скользким.

Я оглянулся на Шендона и покачал головой. Он словно предчувствовал, что ему будет дана еще одна попытка. Вся его жизнь служила тому подтверждением. Бедняга... Я почувствовал укол жалости. Он был

так близко к цели. Но ввязался в скверную игру в неподходящее время и в неподходящем месте, совсем как мой брат. И где теперь его голова и рука, хотел бы я знать?

Я пополз дальше. До энерговода было всего несколько сотен ярдов, однако я выбрал более длинный, но, как мне казалось, менее трудный путь. Однажды во время отдыха мне почудилось, будто слышится чье-то всхлипывание, которое прекратилось так быстро, что я не успел определить направление, откуда оно доносилось.

Потом я услышал его снова. На этот раз оно было громче и источник находился где-то за моей спиной.

Я подождал немного, и когда опять услышал его, пополз в ту сторону. Через несколько минут я уперся в огромный валун, лежавший у подножия высокой каменной скалы. Похоже, валун закрывал вход в пещеру, но у меня не было ни времени, ни желания заниматься исследованиями, поэтому я просто крикнул:

— Эй! В чем дело?

Тишина.

— Эй!

— Это ты, Фрэнк? — прозвучал голос леди Карль.

— Ну что, сучка, — сказал я. — Прошлой ночью ты советовала мне поспешить навстречу своей гибели. А как твои делишки?

— Меня завалило, Фрэнк. Я не смогу сдвинуть с места этот камень.

— Дорогуша, это не камень, а каменище. Я как раз по другую сторону.

— Ты в состоянии вытащить меня отсюда?

— А как ты здесь оказалась?

— Я тут спряталась, когда началась вся эта свистопляска. Я пыталась вырыть ход под землей, но лишь сломала ногти и рассекла в кровь пальцы... Никак не могу обойти камень...

— Его, кажется, и не обойдешь.

— Что произошло?

— Была целая битва. Все погибли. Остались только мы с тобой да кусочек острова. Идет дождь.

— Ты вытащишь меня?

— Мне повезет, если я сам выберусь отсюда... в таком состоянии.

— Ты в другой пещере?

— Нет, я снаружи.

— Тогда что значит «отсюда»?

— С этой проклятой скалы обратно на Вольную — вот что это значит.

— Значит, придет помощь?

— Ко мне, — уточнил я. — К вечеру сюда спуститься «Модель Т». Она так запрограммирована.

— На борту есть инструменты... Ты сможешь взорвать скалу или прорыть подземный ход?

— Леди Карль, — ответил я, — у меня сломана нога, парализована рука и такое количество мелких порезов, растяжений, ушибов, ссадин и синяков, что я даже не стал их считать. Мне очень повезет, если я сумею забраться на корабль прежде, чем отрублюсь. И просплю потом не меньше недели. Прошлой ночью я предложил вам начать все сначала. Помните, что вы мне ответили?

— Да...

— Ну вот, теперь пришел ваш черед.

Я развернулся на локтях и пополз прочь.

— Фрэнк!

Я промолчал.

— Фрэнк! Подожди, не уходи! Ну пожалуйста!

— А почему бы и нет? — поинтересовался я.

— Помнишь, что ты сказал мне тогда, ночью?..

— Да, и прекрасно помню ваш ответ. Впрочем, все это было прошлой ночью, когда я был совсем другим человеком... У вас был шанс, и вы его упустили. Если бы у меня еще оставались силы, я выцарапал бы на валуне ваше имя и дату... И все же приятно было с вами поболтать.

— Фрэнк!

Я даже не обернулся.

— *Перемены в твоём характере продолжают изумлять меня, Фрэнк.*

— Ага, ты уцелел, Грин. Подозреваю, что ты в соседней пещере и тоже хочешь, чтобы тебя освободили.

— Нет, я, собственно, всего в нескольких сотнях футов от тебя, прямо по направлению твоего движения. Рядом со мной энерговвод, но он уже ничем не может мне помочь. Я окликну тебя, когда ты подползешь поближе...

— Зачем?

— Близится мое время. Скоро я уйду в край смерти. Меня сильно потрепало прошлой ночью.

— А что ты от меня-то хочешь? У меня своих забот по горло.

— Я прошу о последнем обряде. Ты говорил, что совершил его для Дра Марлинга, поэтому наверняка знаешь, как и что. Ты также сказал, что у тебя есть глиттен...

— Я в это больше не верю. И никогда не верил. Я помог Марлингу, потому что...

— Ты — высший жрец, носящий Имя Шимбо-Громовержца из Башни Темного Дерева. Ты не сможешь отказать мне.

— Я отрекся от Имени.

— Но ты же обещал походатайствовать о моем новом посвящении на Мегане, если я тебе помогу. А я помог.

— Все это так, но теперь уже слишком поздно — ты умираешь.

— Тогда сделай то, о чем я прошу.

— Я сделаю для тебя все, что в моих силах, кроме последнего обряда. После прошедшей ночи я в такие игры больше не играю.

Я дополз до него. К тому времени дождь перешел в легкую морось. Он честно делал свое дело, вымывая из Грин-Грина жизненные соки... Пеайнец лежал, прислонившись спиной к камню, и, по крайней мере, в четырех местах сквозь его плоть проглядывала белизна кости.

— Живучесть пейанцев поистине невероятна, — заметил я. — И все это ты умудрился заработать, когда упал тогда, прошлой ночью?

Он кивнул.

— Мне больно говорить, поэтому я вынужден продолжать общаться с тобой тем же способом. Я знал, что ты остался жив, и не позволял этому телу умереть, пока ты меня не найдешь.

Я стащил со спины то, что осталось от моего рюкзака.

— Вот, прими. От боли, действует на представителей пяти рас, в том числе и на вас.

Он отстранил мою руку.

— Не хочу туманить сознание в свои последние минуты.

— Грин, я не стану совершать обряд. Я дам тебе корень глиттена, и ты можешь сам пройти его, если хочешь. Но без меня.

— Даже если я предоставлю тебе взамен то, о чем ты мечтаешь?

— Что?

— Возможность снова воскресить их всех. И они не будут помнить о том, что произошло здесь.

— Ленты!

— Да.

— Где они?

— Услуга за услугу, Дра Сангоу.

— Отдай их мне!

— Обряд...

...Кати, новая Кати, которая никогда не встречалась с Майком Шендоном, моя Кати... И Ник — любитель разбивать носы...

— Это нелегкий выбор, пейанец.

— У меня нет другого выхода... и, пожалуйста, быстрее.

— Хорошо, я пройду через все это вместе с тобой, в последний раз... Где ленты?

— Когда обряд уже нельзя будет остановить, я скажу тебе.

Я рассмеялся:

— Ладно, ты мне не доверяешь, но я тебя не виню.

— Ты скрываешь свои мысли за экраном. Может, ты задумал какую-то хитрость.

— Возможно. Я сам толком не знаю.

Я достал глиттен и разломил корень на куски нужной величины.

— Мы отправимся в путь вместе, — начал я, — но лишь один из нас вернется обратно...

Пройдя сквозь холодную сырость и сквозь теплую черную мглу, мы зашагали в сумеречном свете. Здесь не было ни ветра, ни звезд — лишь ярко-зеленая трава, высокие холмы и тусклое северное сияние, которое мерцало над линией горизонта. Казалось, что все звезды рухнули наземь с голубовато-серо-черного неба, после чего их растолкли в пыль и рассеяли по вершинам холмов.

Шли мы не спеша, тела наши снова были целы и невредимы. Могло показаться, что мы просто праздно шатаемся, но у нас была вполне определенная цель. Грин шел слева от меня среди холмов сна, навешанного глиттеном... А может, это был не сон? Все казалось вполне реальным. Вот наши измученные и искалеченные тела, мокнущие сейчас под дождем на голой скале, — лишь полузабытый сон давно минувших дней. На самом деле мы всегда бродили здесь — а может, так только казалось, — и нас окутывала атмосфера мира и спокойствия. Все было почти таким же, как и тогда, когда я посетил это место в последний раз. А может, я никогда и не уходил отсюда.

Некоторое время мы пели старинную пейанскую песню, затем Грин-Грин сказал:

— Я отдаю тебе месть, Дра. Теперь мы с тобой квиты.

— Это хорошо, Дра-тарл.

— Я обещал тебе еще что-то... Ах да, ленты... Они лежат под той пустой зеленой оболочкой, что я имел честь носить все это время.

— Понимаю.

— Но они бесполезны. Я перенес их туда из тайника, где они хранились, но землетрясение, разрушившее остров, повредило их так же, как и образцы тканей. Однако я сдержал свое слово, хотя и не лучшим образом. Но у меня не было выбора... Я не смог бы пройти этот путь один.

Я должен был по идее расстроиться, но подобные чувства здесь были неуместны.

— Ты сделал то, что должен был сделать, — успокоил я его. — Не тревожься. Быть может, это даже к лучшему, что я не смогу вернуть друзей. С тех пор как они умерли в первый раз, все так переменялось. Они могли бы чувствовать себя одиноко в непривычном для них мире, как это когда-то было со мной. У них могло и не хватить сил бороться с этим миром. Пусть лучше все останется как есть. Назад пути нет.

— Теперь я должен рассказать тебе о Рут Лэрис, — сказал он. — Она находится в лечебнице для умалишенных в Кобочо на Дрисколле. Зарегистрирована как Рита Лоуренс. Ее лицо изменено, сознание — тоже. Ты должен вызволить ее оттуда и направить к хорошему доктору.

— Почему она там?

— Это было проще, чем переправлять ее на Иллирию.

— Ты никогда не задумывался, сколько боли ты причинил людям?

— Нет. Видимо, я слишком долго работал с живой материей...

— ...И весьма паршиво работал. Мне кажется, в этом повинен Белион.

— Я не говорил об этом, чтобы ты не подумал, что я оправдываюсь, но мне тоже так кажется. Вот почему я пытался убить Шимбо. Именно эта часть моей личности жаждала твоей смерти. Как только Белион покинул меня, я понял, что натворил, и ужаснулся. Он должен был отправиться обратно в ничто, потому и явился Шимбо. Нельзя было позволить Белиону плодить уродство и коварство. Шимбо, кто рассыпает планеты в пространстве, как сверкающие жемчужины в

океане темноты, должен был вновь вступить с ним в единоборство. Он победил, и во Вселенной появится еще много прекрасных миров.

— Нет, — покачал я головой. — Без меня он бессилен, а я отрекся от Имени.

— Ты огорчен и подавлен тем, что тебе довелось пережить. Но нельзя так легко отказаться от своего призвания, Дра. Быть может, пройдет время...

Я не ответил, ибо мои мысли уже текли по другому руслу.

Мы шли путем смерти, каким бы приятным он ни казался под действием глиттена. И если обычный человек может пристраститься к нему из-за вызываемой им эйфории и видений, то телепаты используют глиттен в иных целях.

Когда его принимает один человек, то у него обостряется ментальная восприимчивость. Если его одновременно примут двое — они увидят одинаковый сон. Для странтрийцев сон всегда один и тот же, после длительных религиозно-психических тренировок подсознание воспроизводит его чисто рефлекторно. Такова традиция.

...И оба они видят один сон, но лишь один пробуждается от грез.

Глиттен используют в обряде смерти, чтобы умирающий уходил в некое место — от которого я вот уже тысячу лет стараюсь держаться подальше — не в одиночестве.

Кроме того, этот эффект используется для проведения дуэлей, ибо назад всегда возвращается тот, чей дух сильнее. Такова природа наркотика — благодаря ему вступают в единоборство некие скрытые потенциалы двух разумов, хотя человек может и не подозревать об их существовании.

Грин-Грин был в таком состоянии, что я мог не опасаться какой-нибудь прощальной ловушки мстительного пейанца. Даже если это было задумано как дуэль, мне нечего было бояться при данном соотношении сил.

Но, шагая рядом с ним, я вдруг сообразил, что под видом приятного мистического обряда я ускоряю его смерть на несколько часов.

Убийство при помощи мысли.

Я был рад помочь сотоварищу пройти его последний путь, раз ему того хотелось, но это заставило меня подумать о собственной смерти... Не сомневаюсь, она вряд ли будет приятной.

Говорят, что, как бы вы ни любили жизнь, как бы ни желали, чтобы она длилась вечно, однажды вы будете с нетерпением ждать прихода смерти и молиться, чтобы она пришла поскорее. Когда говорят об этом, имеют в виду избавление от мучений. Мол, все были бы рады тихо и мирно угаснуть.

Я надеюсь, что не уйду так же мягко и спокойно в вечную ночь. Как сказал кто-то из великих: меня бесит умирание света. И я буду выть и драться за каждый миг жизни. Болезнь, что забросила меня в такую даль времен, заставила испытать страшные муки, даже мучительную агонию, прежде чем меня заморозили. Я много думал об этом и решил, что никогда не соглашусь на облегчение своего ухода из жизни. Я хочу жить и чувствовать до самого конца...

Есть книга, автора которой я уважаю, — это Андре Жид. Она называется «Яства земные». Он дописывал ее уже на смертном одре, зная, что жить ему осталось всего несколько дней. Закончил ее за три дня и умер. В ней он описывает все прекрасные взаимопревращения земли, воздуха, огня и воды — того, что его окружало и что он так любил, чему напоследок хотел сказать свое последнее «прощай». Несмотря ни на что, он цеплялся за жизнь до последнего.

В этом я с ним солидарен. Поэтому не мог одобрить сделанный пейзажем выбор. Я бы предпочел лежать на камнях с переломанными костями, ощущать падающие капли дождя и удивляться им, слегка негодуя, в чем-то раскаиваясь и многого еще желая... Быть может, именно жажда жизни сделала меня мироформистом, чтобы я сам мог творить жизнь, пока у меня есть еще на то силы...

Мы поднялись на холм и остановились, глядя на раскинувшуюся внизу долину. Я уже заранее знал, какой она окажется.

...Беря начало меж двух массивных серых валунов, поросшая ярко-зеленой травой, что становилась все темнее и темнее по мере удаления от нас, она лежала перед нами — большая, темная долина. И вдруг где-то вдали я увидел полоску абсолютной тьмы — место, где царило Ничто.

— Я пройду с тобой еще сотню шагов, — сказал я.

— Спасибо, Дра.

Мы спустились с холма и пошли по зеленой траве.

— Как ты думаешь, что скажут на Мегапее, когда узнают, что я ушел?

— Не знаю.

— Скажи им, если тебя спросят, что я был глупцом, который раскаялся в своих поступках, прежде чем оказался здесь.

— Скажу.

— И...

— Да, это я тоже передам, — пообещал я. — Я попрошу, чтобы твои останки были перевезены в горы, где ты родился.

Он склонил голову в знак благодарности.

— Тогда все. Ты посмотришь, как я буду уходить?

— Да.

— Говорят, в конце дороги виден свет.

— Так говорят.

— Я пойду искать его.

— Счастливого пути, Дра Грингрин-тарл.

— Ты выиграл битву и покинешь это место. Создашь ли ты новые миры? Мне уже не суждено этого сделать...

— Быть может, — ответил я, глядя в беспросветную тьму. Там не было ничего — ни звезд, ни комет, ни метеоров.

И вдруг там что-то возникло...

Во тьме плыла Новая Индиана. До нее было, казалось, не менее миллиона миль, но все детали ясно различались. Планета сияла мягким торжественным све-

том. Она медленно двигалась вправо, пока ее не скрыла скала, но к тому времени в поле зрения появился Кокитус. За ним последовали все остальные: Св. Мартин, Бунинград, Неприветливая, М-2, Хонки-тонк, Милосердная, Вершина Тангия, Безумство Родена, Вольная, Кастор, Поллукс, Центриллиа, Денди и все прочие.

Внезапно глаза мои наполнились слезами. Мимо один за другим проходили созданные мною жизни. Я уже забыл, как они прекрасны...

Меня вновь переполняли те чувства, что я испытывал, работая над ними. Я бросил семена в почву. Там, где была когда-то лишь мрачная пустота, ныне светились новые миры. Это и был мой ответ. Когда я наконец уйду, они пребудут. Что бы ни предпринял залив, у меня найдется в запасе какой-нибудь способ оставить его с носом.

Я уже сделал кое-что в жизни и не собирался останавливаться на достигнутом.

— Там действительно свет! — воскликнул Грин, схватив меня за руку.

Я сжал его плечо.

— Желаю тебе встретиться там с Кирваром Четырехликим, Отцом Всех Цветов!

Он что-то ответил, прошел меж двух валунов, пересек Долину и скрылся из виду.

Я повернулся лицом к востоку и зашагал в обратный путь.

Возвращение домой...

Медные гонги и головастики.

...Я прилип к шершавому потолку. Нет. Я лежал лицом вниз, глядя в Ничто, пытаюсь удержать весь мир на своих плечах. Он был довольно-таки тяжел, камни впивались в спину... Потом подо мной возник залив со своими презервативами, кусками полусгнившей древесины, водорослями, пустыми бутылками и плавающим дерьмом. Я слышал, как плещутся волны. Их брызги долетали до моего лица. Тут царили жизнь, холод, запах моря и смрад свалки. Я когда-то чуть не испулся в нем и теперь, глядя на него с высоты, по-

чувствовал, что снова падаю в неглубокие воды. Быть может, я даже слышал крики птиц. Я побывал в Долине и теперь возвращаюсь обратно. Если повезет, я снова выскользну из ледяных пальцев залива.

Я упал, и мир вокруг меня раскололся надвое, а потом вновь стал таким, каким я его покинул...

Небо было унылым и мрачным. Моросило. Камни впились мне в спину. Ахерон покрывала мелкая рябь. Было холодно.

Я сел и потряс головой, чтобы прочистить мозги. Я невольно вздрогнул, когда мой взгляд упал на лежащее рядом тело пейанца. Когда я произносил последнее слово обряда, мой голос дрожал.

Уложив тело Грина поудобнее и накрыв его пленкой, я бросил взгляд на ленты и биоцилиндры, что лежали под ним. Он не лгал. Они были сильно повреждены. Я положил их в свой рюкзак. По крайней мере, хоть Бюро Безопасности будет радо такому исходу. Потом я дополз до энергопровода и стал ждать, непрерывно вызывая «Модель Т».

...Я смотрел, как она уходит от меня. Ее стройные бедра, обтянутые белой тканью, слегка покачивались, сандалии шлепали по плиткам патио. Мне хотелось догнать ее, объяснить мою роль в том, что произошло. Но я знал, что все без толку... Так зачем «терять лицо»? Когда сказка кончена и звездная пыль грез развеяна по ветру, вы вдруг понимаете, что последняя строчка никогда не будет дописана, поэтому к чему предпринимать заведомо бесплодные попытки? Ведь были же великаны и карлики, жабы и грибы, пещеры, полные драгоценных камней, и не один, а сразу десять волшебников...

Я почувствовал приближение «Модели Т» прежде, чем увидел ее.

Десять волшебников — финансовых — десять торговых баронов Алгола.

И все они были ее дядьями.

Я надеялся, что союз сохранится. Я не планировал двойной игры, но когда та сторона стала передергивать, я был вынужден принять ответные меры. И все

же это было не моих рук дело. Работала гигантская машина, и я не мог ее остановить, даже если бы захотел...

«Модель Т» шла на посадку. Я потерял ногу выше перелома, но тут же отдернул руку из-за резкой боли.

Сперва деловое соглашение, потом сказка, а затем — вендетта. И уже слишком поздно давать отбой. В конце концов я победил и по идее должен был бы чувствовать себя превосходно.

Корабль завис надо мной, словно огромный шар. Я управлял посадкой через энерговод.

В этой жизни мне пришлось побывать в шкуре труса, бога, сукина сына и многих других. Когда живешь так долго, неизбежно проходишь определенные фазы. Сейчас я просто устал и паршиво себя чувствовал, поэтому желание у меня было лишь одно...

Я приказал «Модели Т» открыть люк и пополз к нему.

Теперь все, о чем я думал, когда пожар был в самом разгаре, уже не имело никакого значения. С какой стороны на это ни взгляни, ничего не изменится.

Я добрался до корабля и вполз внутрь.

Доковыляв до пульта управления, я перевел «Модель Т» на ручное управление.

Нога болела невыносимо.

Мы медленно взлетели.

Потом я посадил корабль, взял все необходимое и снова вылез наружу.

Прости, что заставил тебя ждать, малышка.

Я тщательно прицелился и разрезал валун.

— Фрэнк, это ты?!

— Нет, Красная Шапочка.

Леди Карль выбежала из пещеры — вся в земле, с обезумевшими от радости глазами.

— Ты вернулся за мной!

— Я никуда и не уходил.

— Ты ранен.

— Я упоминал об этом.

— Ты же сказал, что улетишь, бросив меня...

— Пора бы уж тебе научиться различать, шучу я или говорю серьезно.

Она помогла мне встать на здоровую ногу, положив мою левую руку себе на плечи, и поцеловала меня.

— Ну что ж, сыграем в кенгуру, — пошутил я уже на пути к «Модели Т».

— А что это такое?

— Одна старинная игра. Когда встану на ноги, я, быть может, тебя научу.

— Куда мы теперь?

— Домой, на Вольную. Ты можешь остаться со мной или уйти — как хочешь.

— Мне следовало и самой догадаться, что ты не бросишь меня, но когда ты сказал... Боги! Какой жуткий день! Что происходит?

— Остров Мертвых медленно, но верно погружается в Ахерон. Идет дождь.

На руках у нее запеклась кровь, волосы были спутаны.

— Ты знаешь, я вовсе не думала о тебе так плохо...

— Знаю.

Я огляделся. Когда-нибудь я все это обязательно восстановлю.

— Боги! Ну что за жуткий день! — повторила она.

— Где-то наверху сияет солнце... Вскоре мы доберемся до корабля, если ты мне поможешь.

— Обопрись на мое плечо.

Я послушался.

**УМЕРЕТЬ
В ИТАЛБАРЕ**

Глава 1

В намеченную несколько месяцев назад ночь Малакар Майлз пересек Седьмую улицу, проскользнув под фонарем, который разбил еще днем.

Все три луны планеты Бланчен скрылись за линией горизонта, а на затянутом тучами небе тускло светилась горстка едва различимых звезд.

Внимательно оглядевшись и сделав вдох из ингалятора, Малакар двинулся вперед. На нем было черное одеяние с продольными прорезными карманами, которое плотно запахивалось спереди. Переходя улицу, он проверил, не помешает ли ему что-нибудь добраться до пакетов, спрятанных в боковых карманах. Еще три дня назад Малакар перекрасил все свое тело в черный цвет, и теперь, оказавшись в тени, стал практически невидимым.

На противоположной стороне улицы, на крыше одного из зданий устроился Шинд — неподвижный меховой шар диаметром в два фута, который немигающим взглядом уставился в темноту.

Прежде чем подойти ко Входу для Служащих номер четыре Малакар засек положение трех ключевых точек на дюррилидовой стене и дезактивировал систему сигнализации, не нарушив при этом целостности соответствующих цепей. Над дверью Входа номер четыре ему пришлось хорошенько потрудиться; впрочем, уже через пятнадцать минут он вошел внутрь здания. Здесь было совсем темно.

Надев очки, Малакар зажег специальный фонарик и двинулся вперед, осторожно лавируя между рядами одинаковых машин. Он потратил немало времени, чтобы научиться быстро собирать и разбирать соответствующие секции таких машин.

— *Охранник-человек проходит перед фронтонном зданием.*

— Спасибо, Шинд.

Через некоторое время:

— *Повернул за угол и вышел на улицу, которую вы только что пересекли.*

— *Дай мне знать, когда он начнет делать что-нибудь необычное.*

— *Просто идет вперед и освещает фонариком темные места.*

— Скажи мне, если он остановится там, где побывал я.

— *Он прошел мимо первого такого места.*

— Хорошо.

— *Теперь миновал второе.*

— Отлично.

Малакар вскрыл кожух одной из машин и вынул деталь размером с пару сжатых кулаков.

— *Охранник остановился у входа. Проверяет дверь.*

Малакар начал быстро устанавливать на место вынутой детали ту, что принес с собой, прерывая работу только затем, чтобы сделать несколько вдохов из ингалятора.

— *Уходит.*

— Хорошо.

Поставив деталь на место, Малакар закрепил кожух.

— Скажи мне, когда он скроется из виду.

— Скажу.

Малакар вернулся ко Входу для Служащих номер четыре.

— *Ушел.*

После этого Малакар Майлз покинул здание, предварительно остановившись в трех ключевых ме-

стах, чтобы уничтожить все следы своего пребывания.

Через три квартала он задержался на перекрестке и внимательно огляделся по сторонам. Неожиданно красная вспышка осветила небо, отметив прибытие на планету очередного транспортного корабля. Дальше идти нельзя.

Бланчен был необычным миром. Пока Малакар находился внутри квадрата двенадцать на двенадцать, а охранная сигнализация на одном из зданий без окон, сделанных из дюррилидия, молчала, он мог не опасаться, что его обнаружат. Однако каждое строение охранялось еще и людьми, в распоряжении которых имелись роботы, контролировавшие все прилегающие территории. Именно поэтому Малакар и держался в тени. Он старательно избегал осветительных шаров, развешенных возле каждого здания — их тусклое сияние служило ориентиром для охранников и низко летящих самолетов.

Не увидев с перекрестка ничего подозрительного, Малакар вернулся внутрь квартала и принялся осматривать подходы к месту встречи.

— *Один квартал направо и два вперед. Механическая машина. Свернула за угол. Идите направо.*

— Благодарю.

Малакар повернул направо, стараясь запомнить все повороты, которые делал.

— *Машина уже далеко.*

— Хорошо.

Он отошел подальше от охранника, вернулся назад на один квартал, свернул направо и прошел еще три квартала. Услышав шум двигателей флайера, замер на месте.

— Где он?

— *Оставайтесь на месте. Они вас не заметят.*

— Что это такое?

— *Маленький гидросамолет. Прилетел с севера, довольно быстро, сейчас замедляет скорость. Завис над улицей, с которой вы недавно проникли в здание.*

— О Господи!

Самолет начал спускаться.

Малакар взглянул на свое левое запястье, где у него был хронометр, и с трудом сдержал стон. Потом проверил оружие, которое в избытке захватил с собой.

Они приземлились.

Малакар ждал.

Прошло некоторое время.

— *Из самолета вышли двое мужчин. Похоже, больше там никого нет. Охранник встречает их.*

— *Откуда он взялся? Не из здания?*

— *Нет. С соседней улицы. Как будто их ждал. Они разговаривают. Охранник пожимает плечами.*

Малакар почувствовал, что у него отчаянно забилось сердце, и постарался взять дыхание под контроль, чтобы в легкие не проник воздух Бланчена. Еще два транспортных корабля прочертили небо, один вслед за другим — они летели на юго-восток и на запад.

— *Мужчины вернулись в свой самолет.*

— *Что делает охранник?*

— *Стоит и смотрит.*

Малакар насчитал двадцать три удара сердца.

— *Самолет очень медленно поднимается вверх. Сейчас он летит вдоль фронтона здания.*

Хотя ночь была довольно прохладной, на высоком темном лбу Малакара выступил пот. Он стер его указательным пальцем.

— *Самолет завис на месте. Что-то делают. Не могу определить. Слишком темно... Понятно! Зажегся свет. Они заменили осветительный шар, который вы повредили. Теперь снова поднимаются в воздух. Охранник машет им рукой.*

Большое тело Малакара сотрясилось от неожиданного приступа смеха.

Но уже через несколько минут он успокоился и начал медленно пробираться к месту встречи — выбрав его, Малакар потратил немало времени, поскольку Бланчен был совсем необычным миром.

В дополнение к охранникам и сложной системе сигнализации здесь была организована еще и хитрая сеть воздушного наблюдения. Вечером предыдущего дня, подлетая к планете, корабль Малакара успешно ее блокировал. И, судя по всему, сумел справиться с этой задачей на обратном пути. Малакар посмотрел на свой хронометр и еще раз вдохнул из ингалятора препарат, очищающий легкие. Он не стал заранее подготавливать свой организм к атмосфере Бланчена так, как это делали охранники, рабочие и техники, которые там жили.

Меньше сорока минут...

На Бланчене нет ни океанов, ни озер, ни рек, ни даже маленьких ручейков. Здесь не осталось никаких следов разумной жизни — только атмосфера, которая указывала на то, что на планете когда-то кто-то жил. Одно время обсуждалась идея создания на Бланчене нормальной среды обитания. Эту идею не приняли по двум причинам: во-первых, переоборудование планеты стоило колоссальных денег, а во-вторых было внесено альтернативное предложение. Объединившиеся между собой производители и торговцы заявили, что сухой климат и отсутствие воды являются идеальными условиями для превращения планеты в гигантский склад. Они предложили первооткрывателям полноценное партнерство, взяв на себя все необходимые расходы. Их предложения устроили всех, были приняты и довольно быстро реализованы.

Теперь Бланчен походил на дюррилидовый ананас с миллионами глаз. Тысячи межпланетных грузовых кораблей постоянно кружили возле него, а между ними и посадочными доками без конца сновали небольшие транспортные суда. На трех лунах Бланчена размещались центры контроля за движением и базы отдыха. Наземные отряды, подчинявшиеся единому командному посту, непрерывно перемещались от доков к складам и обратно, разгружая или загружая корабли товарами. В зависимости от воли производителей и потребностей других миров дан-

ный док, район или целый комплекс могли работать с максимальной нагрузкой, использоваться только иногда или вообще крайне редко. Наземные команды формировались в зависимости от количества поступающих грузов. Платили им хорошо, а жили они по законам военных отрядов в мирное время. Однако, в отличие от склада, служащего тому миру, на котором он находится, пространство равноценно деньгам, а длительное хранение означает убытки — транспортировка товара на межзвездные расстояния стоит невероятно дорого.

Соответственно, товары, не пользующиеся спросом, могут пролежать на складе годы или даже целые столетия. В здание, где побывал Малакар, никто не входил почти два земных месяца. Зная об этом, он не ожидал особых проблем; если только приближающаяся сделка, о которой ему сообщали, не была заключена раньше, чем предполагалось.

Учитывая, что центры контроля за движением работали с перегрузкой, а его личный маленький корабль «Персей» имел надежную систему, защищавшую его от нежелательных встреч, Малакар считал, что совсем не рискует, решив покинуть ДИНАБ и вторгнуться на территорию Объединенной Лиги, во владения которой входил Бланчен. Если его поймают и убьют, значит, он ошибся. Если же просто возьмут в плен и примут капитуляцию Малакара Майлза, им не останется ничего иного, как отослать его домой. Правда, сначала они, вероятно, прибегнут к допросу под воздействием наркотиков, узнают, что он сделал, и все исправят.

Однако если его не обнаружат на территории планеты, через некоторое время...

Малакар негромко рассмеялся.

...Птица ударит еще раз, разорвав надвое очередного маленького червяка.

Хронометр показывал, что ему осталось ждать еще минут пятнадцать или двадцать.

— Шинд, ты где?

— *Над вами, несущий гозор.*

— На этот раз, Шинд, нам, похоже, сопутствует удача.

Три транспортных корабля промчались на восток прямо у них над головами. Малакар следил за ними, пока самолеты не скрылись из виду.

— *Вы устали, командор.*

Давно забытое формальное обращение в соответствии со званием Малакара Майлза.

— Нервное истощение. Теперь дело сделано, лейтенант. А как ты?

— *Я тоже немного устал. Однако больше всего, конечно, я беспокоюсь о своем брате...*

— Он в безопасности.

— *Знаю. Но уже, наверное, забыл наши уверения. Сначала он подумает, что мы его бросили, а потом ему станет страшно.*

— Ему ничто не грозит, скоро мы снова будем все вместе.

Ответа не последовало, и Малакар сделал новый вдох из ингалятора.

Он немного задремал (интересно, как долго это продолжалось?), как вдруг услышал Шинда.

— *Вот она! Сейчас! Идет!*

Улыбнувшись, Малакар потянулся и посмотрел вверх: пройдет несколько секунд, прежде чем он сможет увидеть то, что уже успели засечь глаза Шинда.

Корабль, словно огромный паук, свалился откуда-то сверху и застыл в воздухе, напоминая выцветшую фестивальную гирлянду. Пока в него забирался Шинд, корабль висел прямо над головой Малакара. После этого он опустился еще ниже и сбросил специальную планку. Малакар ухватился за нее, и в следующий миг его затащило внутрь «Персея», мимо изображения Медузы с улыбкой Монны Лизы на лице — Малакар нарисовал ее сам. Он мечтал о могучем змее, однако приходилось довольствоваться червяками.

Он плюнул в открытый люк перед тем, как тот закрылся, и попал в стену здания, находившегося прямо под ними.

Хейдель фон Хаймек, по пути в Италбар, наблюдал за тем, как умирали его спутники. Их было девять — все добровольцы, они сами вызвались сопровождать его через джунгли Клича в горы, где расположился Италбар. Там в нем нуждались.

Город Италбар находился в тысяче милях от космического порта, и Хейдель взял флайер, чтобы до него добраться. После вынужденной посадки Хейдель рассказал свою историю жителям деревушки с берегов реки Барт, в которую забрел, продвигаясь на запад. Теперь из тех девяти человек, что, несмотря на его протесты, покинули деревню вместе с ним, осталось лишь пятеро. Один из них все время потел, а остальные периодически кашляли.

Хейдель провел рукой по своей песочного цвета бороде и устремился вперед, без усталости сражаясь с густой травой, которой заросло то, что его проводники почему-то называли тропой. Черные тяжелые сапоги оказались надежными союзниками в этой борьбе. Было жарко, рубашка противно прилипла к спине. Хейдель предупредил жителей деревни об опасности, грозящей тем, кто находится рядом с ним. Он им все сказал.

Они же, в свою очередь, слышали про него и про то, что его называли святым. Им было известно: он направляется в Италбар ради спасения ребенка.

— В последней части вы правы, — сказал Хейдель, — но, помогая мне, вы вряд ли получите дополнительные очки на небесах.

Они рассмеялись. Нет, он не сможет обойтись без проводников, которые защитят его от диких зверей и выведут на тропу.

— Ну, это же просто смешно! Покажите мне нужное направление, и я сам доберусь до Италбара, — продолжал возражать Хейдель. — Моим спутникам будет грозить куда более серьезная опасность, чем мне, если я отправлюсь в путь один.

Они снова рассмеялись и сказали, что не покажут ему дороги, если он не позволит почетному эскорту сопровождать его в пути.

— Тем, кто долго находится в моем обществе, грозит смерть! — не сдавался Хейдель.

Однако жители деревни были непреклонны.

Хейделю оставалось только вздыхать.

— Ладно. В таком случае дайте мне возможность провести в одиночестве один день. Конечно, я потеряю время, но оно не будет потрачено зря. Я должен попытаться оградить вас от опасности, раз уж вы считаете, что мне без вас не обойтись.

Так они и сделали. Его будущие спутники ликовали: им предстояло замечательное приключение. Хейдель фон Хаймек, зеленоглазый святой со звезд, очевидно, намеревается просить Богов о том, чтобы они обеспечили безопасность и успех их путешествия.

В двух или трех днях пути, так сказали ему жители деревни. Поэтому он попытался ускорить катарсис, чтобы побыстрее отправиться в Италбар. Там умирал ребенок, и Хейдель измерял время минутами его дыхания.

Голубая Госпожа велела ему подождать, но он не мог думать ни о чем другом, кроме этого дыхания и сокращений большого сердца, которое когда-то было совсем крошечным. Он собрался в дорогу через пятнадцать часов, и это было ошибкой.

Из-за усталости и страшной жары в джунглях Хейдель не обратил внимания на лихорадочное состояние двух своих спутников. Они умерли вечером второго дня. Он не определил, от какой именно болезни. Но только потому, что не очень старался. Когда человек был уже мертв, причина смерти представляла для Хейделя чисто академический интерес. Кроме того, он так спешил, что не позволил остальным устроить даже короткую погребальную церемонию и похоронить своих товарищей по всем правилам. Его охватило лихорадочное ощущение уходящего впустую времени, когда на следующее утро не проснулись двое из оставшихся семи проводников, и ему снова пришлось стать свидетелем похоронного ритуала. Отчаянно ругаясь на чужих для этих людей языках, он помог подготовить могилы.

Безликие и жизнерадостные — такими Хейдель с самого начала представлял себе жителей деревни, отправившихся с ним в Италбар, — больше не смеялись, и теперь у них появились лица. При каждом подозрительном шорохе широко раскрытые рубиновые глаза начинали испуганно шарить среди кустов. Все шесть пальцев на руках непрерывно дрожали, извивались и щелкали. Теперь, когда уже ничего нельзя было изменить, они поняли, почему Хейдель не хотел брать их с собой.

Ему сказали: два или три дня пути... Шел третий, а гор все еще не было видно.

— Глей, где горы? — спросил Хейдель того из своих спутников, что кашлял сильнее остальных. — Где Италбар?

Глей пожал плечами и показал вперед.

Громадный желтый шар солнца висел прямо над тропой, по которой они шли. Его свет легко проникал сквозь зазубренные пятиконечные листья, но там, куда лучи не попадали, было сыро и росли странные грибы. Маленькие животные или большие насекомые — тут у Хейделя не было никакой уверенности — выскакивали прямо из-под ног путников и бросались в чащу, шуршали там листьями кустарника, перепрыгивали с ветки на ветку и резвились в той части джунглей, откуда люди только что ушли. Хейделя предупреждали об опасности встречи с крупными зверями, но они так ни разу и не появились у него на пути, до его слуха лишь время от времени доносились какие-то странные звуки: свист, лай и шипение; несколько раз совсем близко от тропы раздавался шум и треск — какое-то огромное существо пробиралось через лес.

Хейдель размышлял над тем, в какую парадоксальную ситуацию попал. Спасение одной жизни стоило уже четырех.

— Вы были правы, Госпожа, — прошептал он, вспомнив о своем сне.

Прошло еще около часа, и приступ сильного кашля заставил Глея опуститься на землю, а его

оливковая кожа приобрела землистый оттенок. Подойдя к нему, Хейдель сразу понял, что явилось причиной кашля. Если бы у него было несколько дней на подготовку, ему, возможно, удалось бы спасти этого человека. Он потерпел поражение с остальными из-за того, что катарсис еще не был полностью завершен. Он еще не достиг необходимого равновесия. Бросив на первого из упавших всего один взгляд, Хейдель уже знал, что всем девяти его спутникам суждено очень скоро умереть. Он помог Глеу устроиться поудобнее — прислонил его спиной к стволу дерева, пристроив рюкзак в качестве подушки. Дав несчастному воды, Хейдель посмотрел на свой хронометр. От десяти минут до полутора часов, прикинул он.

Потом вздохнул и закурил сигару, у которой был отвратительный вкус. Влажность уже давным-давно сделала свое дело — а грибы Клича, очевидно, не имели ничего против никотина. Запах сигары навевал мысли о горящей сере.

Глей посмотрел на Хейделя. Похоже, пришла пора горьких обвинений.

Благодарю вас, Хейдель, — неожиданно проговорил Глей, — за то, что вы позволили нам сопровождать вас.

И улыбнулся.

Хейдель вытер ему лоб... Глей умер через полчаса.

Когда его хоронили, Хейдель больше не бубнил себе под нос, он лишь наблюдал за оставшейся четверкой. Выражение их лиц не изменилось. Они отправились с ним в путь, словно на развлекательную прогулку. А потом ситуация изменилась, и они покорно приняли эту перемену. Дело тут было вовсе не в смирении. На темнокожих лицах было написано счастье. Хейдель не сомневался: его спутники прекрасно понимают, что их ждет. Им известно, что они умрут еще до Италбара.

Как любой нормальный человек, Хейдель с уважением относился к благородному самопожертвованию, но бессмысленная гибель... без всякой причи-

ны... Умереть напрасно... Он знал — и они знали, Хейдель был в этом уверен, — что он вполне мог дойти до Италбара и в одиночку. Все это время они просто шли рядом с ним. Им не пришлось отбиваться от опасных животных; тропинка уверенно вела их вперед. Насколько было бы приятнее и проще оставаться геологом, как в тот день...

Двое его спутников умерли после ужина, к которому практически не притронулись. К счастью, им почти не пришлось мучиться — они заболели неизвестной до этих пор на Кличе лихорадкой, которая вызывает остановку сердца и искажает лицо умирающего так, словно он улыбается.

Глаза обоих мужчин остались открытыми после смерти. Хейдель сам закрыл их.

Живые снова принялись копать могилы. Заметив, что могил четыре, Хейдель промолчал. Помог и стал ждать. Это не заняло много времени.

Когда все было кончено, Хейдель надел рюкзак и снова пустился в путь. Он не оглядывался назад, но перед глазами у него стояли четыре могильных холмика в лесу. Ему в голову пришла очевидная и мрачная аналогия. Собственная жизнь представилась Хейделю тропой. Могилы символизировали сотни — нет, возможно, тысячи — мертвецов, оставшихся вдоль этой тропы. Люди умирали от одного его прикосновения. Дыхание Хейделя уничтожало города. Иногда там, где падала его тень, не оставалось ничего живого.

И все же он был в силах исправить зло, которое нес людям. Ведь даже сейчас он карабкался вверх по холмам именно с этой целью. Многие слышали о нем, хотя имя, которое называли люди, состояло только из одной буквы — Х.

Хейделю показалось, что день посветлел, несмотря на то, что он знал: близится вечер. Пытаясь понять, в чем тут причина, он заметил, что деревья стали меньше, а просветы между листьями увеличились. Теперь его дорога была залита солнцем, кое-где даже появились цветы — красные и багряные, в зо-

лотом и бледно-желтом ореоле, они свисали с тонких лиан, которые раскачивал легкий ветерок. Тропинка начала подниматься в горы, но трава, раньше доходившая ему до щиколоток, теперь была не такой высокой, а мелкие животные почти исчезли.

Примерно через полчаса видимость существенно улучшилась. Впереди лежала широкая тропа. Когда Хейдель прошел около ста метров, впервые за все время путешествия листва раздалась в стороны, и его глазам предстал огромный бледно-зеленый бассейн неба. Уже через десять минут Хейдель шел по открытой местности — обернувшись, он увидел волнуемое зеленое море листвы, оставшееся позади. В четверти мили высилась вершина холма, на который, как Хейдель только сейчас сообразил, он и поднялся. Над холмом повисли маленькие нефритовые облака. Избегая крутых подъемов, Хейдель постепенно приближался к вершине.

Добравшись до нее, он разглядел последний участок своего долгого пути. Нужно было спуститься на несколько десятков метров, а потом ему предстояла примерно часовая прогулка по долине, в конце которой ждало трудное восхождение на довольно высокий холм. Он отдохнул, немного поел, запил свою скромную трапезу водой и снова пустился в дорогу.

Переход по равнине прошел довольно спокойно, однако ему пришлось вырезать себе посох, прежде чем он начал подниматься в горы.

Пока Хейдель шел по склону, похолодало, солнце стало быстро опускаться к горизонту. Пройдя половину пути, он стал задыхаться, а мышцы у него начали болеть от накопившейся за последние дни усталости. Теперь он мог оглянуться назад, на пройденный путь — верхушки деревьев напоминали огромную равнину под темнеющим небом, в котором кружило несколько птиц.

По мере приближения к вершине Хейдель останавливался гораздо чаще, чтобы передохнуть, и через некоторое время заметил первую вечернюю звезду.

Он заставил себя идти вперед до тех пор, пока не оказался на широкой площадке наверху длинной серой скалистой гряды; к этому времени уже спустилась ночь. На Кличе не было лун, но великолепные звезды сверкали в ночи, словно факелы, а за ними бесчисленные мелкие звездочки вскипали и пенились до самого горизонта. Ночное небо было синим и светлым.

Хейдель прошел оставшееся расстояние, следя глазами за тропинкой — повсюду свет, свет, свет и много темных пятен, которые могли быть только домами, высокими зданиями или просто машинами. Еще два часа, прикинул Хейдель, и он пройдет по этим улицам, мимо жителей мирного Италбара, остановится в какой-нибудь симпатичной гостинице, чтобы поесть, немного выпить и с кем-нибудь поговорить.

Потом, вспомнив о тропе, по которой он пришел сюда, Хейдель фон Хаймек отвел от города взгляд, — он знал, что пока еще не может войти в город. Однако видение Италбара, представшего перед ним в безудержном сиянии звезд, останется с ним до последних дней его жизни.

Отойдя в сторону от тропы, Хейдель нашел ровное место, где можно было удобно разложить спальный мешок. Заставил себя как следует поесть и выпить побольше воды, чтобы подготовиться к тому, что впереди.

Причесал волосы и бороду, облегчился, разделся, закопал снятую одежду и забрался в спальный мешок. Растянулся во всю свою почти шестифутовую длину, сложил руки вдоль тела, сжал зубы, последний раз взглянул на звезды и закрыл глаза.

Через некоторое время его лицо разгладилось и крепко сцепленные зубы слегка разжались. Голова склонилась к левому плечу. Дыхание замедлилось, стало более глубоким, а потом словно совсем остановилось; только значительное время спустя Хейдель снова начал дышать — очень, очень медленно.

Когда голова Хейделя была повернута направо, могло показаться, что его лицо покрыто лаком или на нем лежит идеально подогнанная стеклянная маска. Потом выступил пот, капельки которого засверкали в бороде, будто драгоценные камни. Лицо потемнело, стало красным, затем пурпурным, рот открылся, из него высунулся язык, а прерывистое дыхание начало с хрипом вырываться из груди; по подбородку потекла струйка слюны.

Тело Хейделя дернулось, он сжался в комок и мелко задрожал. Дважды он открывал невидящие глаза, а потом они очень медленно закрывались снова. Из рта пошла пена, Хейдель застонал. На усах засыхала кровь, вытекавшая из носа. Периодически он что-то бормотал. Затем его тело надолго застыло в неподвижности, окончательно расслабилось, и до следующего приступа он лежал совершенно неподвижно.

Его ноги утонули в голубоватом тумане, который клубился вокруг, словно он шел сквозь почти невесомый снег — до сих пор он никогда такого не видел. Извивы тумана причудливо переплетались, перетекая друг в друга и создавая новые замысловатые узоры. Было ни тепло, ни холодно. У него над головой не горело ни одной звезды; в этом странном месте, где всегда царил сумрак, на небе висела неподвижная, бледно-голубая луна. Слева от него тянулись заросли индиговых роз, а справа в самое поднебесье уходили синие стволы деревьев.

Обойдя скалы, он оказался на пологой лестнице, конец которой терялся где-то в облаках. У подножия лестница была очень узкой, но постепенно становилась все шире, и вскоре он уже не мог разглядеть, что находится сбоку от нее. Он медленно пошел вперед, осторожно пробираясь сквозь голубую пустоту.

И вышел в сад.

Где увидел кустарники самых разнообразных оттенков голубого цвета, а ползучие растения были по-

хожи на затейливое покрывало, брошенное на стены и каменные скамейки, расставленные тут и там.

Тонкий полог серовато-голубой дымки окутывал сад. Где-то пели птицы.

Время от времени ему встречались большие валуны, сверкавшие в лунном свете, точно отполированный кварц. Над ними в изысканном танце трепетали маленькие разноцветные радуги, казалось, их сияние притягивает больших синих бабочек. Они подлетали к валунам, делали сложные пируэты, присаживались на одно короткое мгновение и снова поднимались в воздух.

Далеко впереди он увидел едва различимые очертания исполинской человеческой фигуры — если бы сейчас он был в состоянии критически оценивать происходящее, то вряд ли поверил бы в реальность ее существования.

Женщина скрывалась в голубой дымке, а ее иссиня-черные волосы касались неба у самого горизонта; он не видел ее глаз, лишь чувствовал, что необыкновенная женщина смотрит на него со всех сторон; откуда-то ему было совершенно точно известно, что она является душой этого мира. И тут на него снизошло ощущение бесконечной силы и могущества.

Когда он приблизился к тому месту, где будто бы только что стояла эта непостижимая женщина, она уже исчезла. Хотя он по-прежнему чувствовал ее присутствие.

Вдруг среди синего кустарника он заметил домик из голубого камня.

Когда он подошел поближе, свет стал меркнуть, и он в который раз с горечью подумал, что снова увидит только след улыбки, взмах ресниц, мочку уха, локон, сияние голубых лунных лучей на руке или плече. Еще ни разу ему не удалось заглянуть загадочной женщине в лицо, охватить взглядом ее всю с головы до ног. Впрочем, он подозревал, что ему это не дано.

— Хейдель фон Хаймек, — услышал он. Эти слова женщина произнесла шепотом, который показался ему гораздо более понятным, чем обычная речь.

— Госпожа...

— Ты не послушался меня. И слишком рано отправился в путь.

— Я знаю. Знаю... Но когда я не сплю, вы кажетесь такой нереальной, а сейчас все остальное представляется мне сном.

Он услышал, как женщина тихо рассмеялась.

— Ты имеешь все самое лучшее, что могут дать два мира, — сказала она. — Редкий человек обладает таким даром. Пока ты находишься здесь, со мной, в этом уютном доме, твое тело корчится в муках от ужасных болезней. Проснувшись, ты почувствуешь себя здоровым и отдохнувшим.

— На время, — произнес он, сев на каменную скамейку и прислонившись спиной к холодной стене.

— ...А когда это время пройдет, ты в любой момент сможешь вернуться сюда... (Интересно, это игра лунного света или ему было позволено увидеть темные, темные глаза таинственной незнакомки) ...чтобы снова излечиться.

— Да. А что происходит здесь, когда я нахожусь там?

Кончики пальцев легко коснулись его щеки, и он испытал изысканное наслаждение.

— А ты счастливее, когда находишься здесь? — спросила она.

— Да, Мира-о-ариам. — Он повернул голову и поцеловал ее пальцы. — Но когда я прихожу сюда, там остаются не только мои болезни, но и многое другое. А тут я... я все забываю.

— Так и должно быть, Дра фон Хаймек... Ты останешься со мной до тех пор, пока не отдохнешь как следует, потому что все жидкости в твоем теле должны находиться в полном равновесии, иначе ты не сможешь справиться с задачей, которую тебе предстоит решить по возвращении в свой мир. Ты вправе покинуть мои владения в любое время — тебе ведь

хожи на затейливое покрывало, наброшенное на стены и каменные скамейки, расставленные тут и там.

Тонкий полог серовато-голубой дымки окутывал сад. Где-то пели птицы.

Время от времени ему встречались большие валуны, сверкавшие в лунном свете, точно отполированный кварц. Над ними в изысканном танце трепетали маленькие разноцветные радуги, казалось, их сияние притягивает больших синих бабочек. Они подлетали к валунам, делали сложные пируэты, присаживались на одно короткое мгновение и снова поднимались в воздух.

Далеко впереди он увидел едва различимые очертания исполинской человеческой фигуры — если бы сейчас он был в состоянии критически оценивать происходящее, то вряд ли поверил бы в реальность ее существования.

Женщина скрывалась в голубой дымке, а ее иссиня-черные волосы касались неба у самого горизонта; он не видел ее глаз, лишь чувствовал, что необыкновенная женщина смотрит на него со всех сторон; откуда-то ему было совершенно точно известно, что она является душой этого мира. И тут на него снизошло ощущение бесконечной силы и могущества.

Когда он приблизился к тому месту, где будто бы только что стояла эта непостижимая женщина, она уже исчезла. Хотя он по-прежнему чувствовал ее присутствие.

Вдруг среди синего кустарника он заметил домик из голубого камня.

Когда он подошел поближе, свет стал меркнуть, и он в который раз с горечью подумал, что снова увидит только след улыбки, взмах ресниц, мочку уха, локон, сияние голубых лунных лучей на руке или плече. Еще ни разу ему не удалось заглянуть загадочной женщине в лицо, охватить взглядом ее всю с головы до ног. Впрочем, он подозревал, что ему это не дано.

— Хейдель фон Хаймек, — услышал он. Эти слова женщина произнесла шепотом, который показался ему гораздо более понятным, чем обычная речь.

— Госпожа...

— Ты не послушался меня. И слишком рано отправился в путь.

— Я знаю. Знаю... Но когда я не сплю, вы кажетесь такой нереальной, а сейчас все остальное представляется мне сном.

Он услышал, как женщина тихо рассмеялась.

— Ты имеешь все самое лучшее, что могут дать два мира, — сказала она. — Редкий человек обладает таким даром. Пока ты находишься здесь, со мной, в этом уютном доме, твое тело корчится в муках от ужасных болезней. Проснувшись, ты почувствуешь себя здоровым и отдохнувшим.

— На время, — произнес он, сев на каменную скамейку и прислонившись спиной к холодной стене.

— ...А когда это время пройдет, ты в любой момент сможешь вернуться сюда... (Интересно, это игра лунного света или ему было позволено увидеть темные, темные глаза таинственной незнакомки) ...чтобы снова излечиться.

— Да. А что происходит здесь, когда я нахожусь там?

Кончики пальцев легко коснулись его щеки, и он испытал изысканное наслаждение.

— А ты счастливее, когда находишься здесь? — спросила она.

— Да, Мира-о-ариам. — Он повернул голову и поцеловал ее пальцы. — Но когда я прихожу сюда, там остаются не только мои болезни, но и многое другое. А тут я... я все забываю.

— Так и должно быть, Дра фон Хаймек... Ты останешься со мной до тех пор, пока не отдохнешь как следует, потому что все жидкости в твоём теле должны находиться в полном равновесии, иначе ты не сможешь справиться с задачей, которую тебе предстоит решить по возвращении в свой мир. Ты вправе покинуть мои владения в любое время — тебе ведь

это известно. Однако я советую тебе немного подождать.

— На этот раз я воспользуюсь вашим советом, Госпожа... Расскажите мне.

— Что рассказать, сын мой?

— Я... я пытаюсь вспомнить. Я...

— Тебе не следует напрягаться. Это ничего не даст...

— Дейба! Вот один из вопросов, на которые я не могу найти ответа! Расскажите мне про Дейбу.

— Тут не о чем рассказывать, Дра. Это маленький мир в далеком уголке Галактики. В нем нет ничего особенного.

— Нет есть! Я уверен. Храм?.. Да. На плоскогорье. Разрушенный город?

— Во Вселенной множество подобных мест.

— Но это особенное. Ведь так?

— Да, в некотором странном, печальном смысле так оно и есть, потомок Земли. Только один человек из всей твоей расы сумел понять то, что там находится.

— И что же это такое?

— Нет, — сказала она и коснулась его лба.

Он уловил музыку, тихую и печальную, женщина запела — для него. Он не слышал, а если и слышал, то не сумел разобрать слов, которые она произносила; его окутал голубой туман, он ощутил тонкие, незнакомые ароматы, подул легкий ветерок... его душа ликовала; а когда он снова открыл глаза, то уже не помнил своих вопросов.

Доктор Лармон Пелс вышел на орбиту планеты Лавон и передал свои сообщения в Медицинский Центр, Центр Эмиграции и Натурализации и Главного Бюро Статистики. Потом сложил руки на груди и стал ждать.

По правде говоря, ничего другого ему не оставалось. Он не ел, не пил, не курил, не спал, не испражнялся, не чувствовал боли и не интересовался ника-

кими другими проблемами человеческой плоти. Более того, его сердце не билось. Множество очень сложных химических реактивов — вот и все, что стояло между ним и разложением. В движение доктора Пелса приводило несколько вещей.

Одной из них была крошечная батарейка, имплантированная в его тело. Она позволяла ему двигаться, не затрачивая собственной энергии (впрочем, он никогда не высаживался на планеты, потому что там его способности передвигаться разом пришел бы конец и доктор Пелс моментально превратился бы в живую статую). Кроме того, эта же система питала его мозг, стимулируя на нейтронном уровне процессы, которые способствовали непрерывному мышлению.

Таким образом доктор Пелс был вынужден постоянно находиться в космосе, вечный скиталец, навсегда высланный из мира живых и обреченный, к тому же, на бесконечные размышления; человек ищущий и человек ждущий — по обычным стандартам, ходячий мертвец.

Другая причина была не столь материальной, как система физического поддержания жизни. Тело доктора заморозили за несколько секунд до клинической смерти. Его Распоряжение о Движимом и Недвижимом Имуществе было прочитано через некоторое время. Так как замороженный человек «не может в полной мере насладиться статусом мертвеца» (Хермс против Хермса, 18777, гражданский номер 187-3424), он в состоянии «распоряжаться собственным имуществом посредством ранее высказанных желаний, так же точно, как человек, который спит» (Нейс против Нейса, 794, гражданский номер 14-187-В). В соответствии с этим, несмотря на протесты нескольких поколений питающих самые лучшие намерения потомков доктора Пелса, все его имущество было обращено в наличные и куплен космический корабль, способный к межзвездным путешествиям, с полной медицинской лабораторией на борту, а самого Доктора Пелса привели в состояние, позволяющее

ему мыслить и перемещаться внутри этого корабля. Вместо того чтобы сидеть и покорно ждать бесконечного сна, без особой надежды на то, что кто-нибудь придумает средство от болезни, поразившей доктора, он решил, что станет бесконечно скитаться во Вселенной, замороженный за десять секунд до смерти, пока будет в состоянии продолжать свои исследования.

«В конце концов, — сказал он однажды, — подумайте о тех людях, которых в данный момент от смерти отделяют всего десять секунд, а они об этом даже и не подозревают и, следовательно, не имеют возможности делать то, чего больше всего хотели бы».

Сам доктор Пелс просто обожал патологию, причем весьма экзотический ее раздел. Он был известен тем, что не раз открывал новые болезни в самых дальних уголках Галактики. За десятилетия он опубликовал блистательные исследования, нашел не одно средство борьбы с этими болезнями, написал учебники, читал лекции из своей орбитальной лаборатории, его кандидатура рассматривалась на предмет получения Медицинских Наград от Диархических Наций, Союзных Тел и Объединенной Лиги (по слухам, ему не была присвоена ни одна из этих наград, поскольку каждая организация полагала, что его награждает другая). Доктор Пелс имел неограниченный доступ ко всем банкам медицинской информации любой планеты, на орбите которой появлялся. Да и другая информация предоставлялась ему практически без ограничений.

Вот доктор Пелс стоит у своих лабораторных столов — худой, безволосый, ростом в шесть с половиной футов, бледный, словно кость, длинные тонкие пальцы поправляют пламя горелки или выжимают содержимое спринцовки в вакуумную сферу — он кажется самой подходящей кандидатурой для исследования великолепного многообразия форм смерти. Впрочем, хотя доктор Пелс и не способен к обычным проявлениям эмоций, свойственным живым существам, все-таки одно удовольствие, кроме работы, ему

доступно. Всюду, куда бы он ни направлялся, его сопровождает музыка. Легкая и серьезная. Оказалось, что его бесчувственному телу дано ощущать красоту звуков: и не важно, прислушивается он к музыке в данный момент или не обращает на нее никакого внимания. Возможно, в некотором роде она заменила ему биение сердца, дыхание и все другие звуки, окружающие живых людей.

Так что доктору Пелсу только и оставалось сложить на груди руки и, погрузившись в музыку, ждать ответа на свои запросы.

Он бросил взгляд на Лавону, на ее черно-рыжую красоту — тигр в ночи. А потом вернулся к проблемам, которые его беспокоили. В течение двух десятилетий он боролся с одной болезнью. Сообразив, что за все это время ему практически не удалось продвинуться вперед, доктор Пелс решил изменить направление атаки: нужно разыскать единственного человека, пережившего болезнь, и выяснить, как ему это удалось. Он направился к самому центру Объединенной Лиги — Салону, Элизабет и Линкольну, трем искусственным мирам, созданным самим Сэндоу, которые находились на орбите звезды Квейл, — дабы проконсультироваться с Главным Медицинским Компьютером по поводу местонахождения человека по имени Х, чью личность доктор Пелс недавно установил. Там наверняка должна содержаться нужная ему информация, просто не все знают, какие именно вопросы следует задать машине.

По дороге доктор Пелс сделал несколько остановок, чтобы навести справки об интересующем его человеке в других мирах. Таким образом он мог сэкономить немало времени, если ему, конечно, сопутствовала бы удача. Когда он доберется до СЭЛа (Салона, Элизабет и Линкольна), придется около года ждать доступа к главному компьютеру, поскольку все крупные общественные оздоровительные проекты имеют автоматический приоритет.

Поэтому он направился в сторону СЭЛа, центрального ядра Объединенной Лиги, кружной доро-

гой, в которой его сопровождали бесчисленные концертные номера и совершенная аналитическая аппаратура. Пелс сомневался, что когда-нибудь доберется до СЭЛа, или что в этом возникнет необходимость. За два десятилетия борьбы против мвалакхарран кхур, дейбианской лихорадки, доктору Пелсу удалось узнать про нее совсем немного, но он был уверен, что сможет распознать в качестве улики детали, на которые другой специалист не обратит внимания, посчитав их случайностями. Кроме того, доктор Пелс не сомневался: по этим уликам он обязательно отыщет нужного ему человека и получит оружие, при помощи которого победит еще одно воплощение Смерти.

В десяти секундах от вечности доктор Пелс оскалил зубы в белой, белой усмешке, в то время как темп музыки увеличился. Скоро он получит ответ от тигра в ночи.

Когда он проснулся, хронометр показывал, что прошло два с половиной дня. Он приподнялся на локте, взял одну из фляжек с водой и начал пить. Ему всегда ужасно хотелось пить после выхода из катарсиса-комы. Однако, несмотря на жажду, он чувствовал себя превосходно. Его переполняла энергия, он ощущал себя единым целым с окружающим миром. Обычно такое состояние продолжалось несколько дней.

Прошло совсем немного времени, прежде чем он заметил, что утро обещает быть ясным и приятным.

Он быстро помылся, взяв для этого воду из фляжки и носовой платок. Надел чистую одежду, собрал рюкзак и, подхватив посох, направился к тропинке. Спускаться вниз по склону было легко, и он принялся насвистывать. Трудный путь через джунгли, казалось, проделал кто-то другой годы назад. Меньше чем за час он спустился в долину и вскоре уже проходил мимо небольших домиков. Потом они стали попадаться на его пути все чаще. А вскоре он и

сам не заметил, как оказался на главной улице небольшого городка.

Спросил у первого встречного, как пройти к больнице. Обратился к какому-то прохожему на втором из самых распространенных языков планеты, и сразу получил вразумительный ответ. Десять кварталов. Никаких проблем.

Подходя к восьмиэтажному зданию, он достал небольшой кристалл из коробочки, которую нес в рюкзаке. Как только он вставит кристалл в медицинский компьютер, доктора сразу узнают все, что нужно, о Хейделе фон Хаймеке.

Однако когда он вошел в задымленный, заваленный газетами вестибюль, оказалось, что представляться не требуется. Регистратор, брюнетка средних лет в серебристом одеянии без рукавов, стянутом ремнем на талии, поднялась на ноги и пошла ему навстречу. У нее на шее висел местный амулет на изящной цепочке.

— Мистер X! — воскликнула она. — Мы так волновались! Мы получили сообщение...

Он прислонил свой посох к вешалке.

— Маленькая девочка..?

— Слава Богу, Люси еще держится. Нам сообщили, что вы сюда летите, а потом радиосвязь прервалась, и...

— Отведите меня к лечащему врачу этой девочки.

Трое других людей, находящихся в вестибюле — двое мужчин и женщина, — уставились на него.

— Одну минуту. — Регистраторша вернулась к своему столику, прикоснулась к каким-то кнопкам и заговорила в микрофон: — Пожалуйста, пришлите кого-нибудь вниз, проводить мистера X. — Потом, обращаясь к Хейделю, добавила: — Может, вы пока присядете?

— Благодарю вас, я постою.

Тогда женщина снова стала разглядывать Хейделя своими голубыми глазами, которые почему-то его смутили.

— Что случилось? — спросила она.

— Отказало питание сразу нескольких систем, — ответил он, глядя в сторону. — Я был вынужден произвести аварийную посадку и добираться пешком.

— И далеко вам пришлось идти?

— Да, довольно далеко.

— Прошло столько времени, никаких сообщений не поступало, и мы подумали...

— Я должен был принять кое-какие меры предосторожности, прежде чем войти в ваш город.

— Понятно. Мы так рады, что вы наконец пришли. Я надеюсь...

— И я тоже, — со вздохом сказал Хейдель, вспомнив в этот момент девять могил, которые были заполнены с его помощью.

Вскоре дверь возле столика регистратора распахнулась, и из нее вышел пожилой человек в белом, который, заметив Хейделя, направился прямо к нему.

— Хелман, — сказал он, протягивая руку. — Я лечащий врач девочки Дорн.

— Тогда вам понадобится вот это, — проговорил Хейдель и протянул ему свой сверкающий кристалл.

Доктор был невысоким розовощеким человечком. Остатки волос пучками торчали у него на висках. Как и у всех докторов, которых Хейделю приходилось видеть, руки и ногти этого человека казались самыми чистыми предметами во всей комнате. Человек взял Хейделя за плечо правой рукой с тонким кольцом необычной формы и подтолкнул к двери.

— Давайте пройдем в мой кабинет, где мы сможем все спокойно обсудить.

— Я надеюсь, вам известно, что у меня нет медицинского образования, — сказал Хейдель.

— Нет, я этого не знал. Не думаю, что это имеет сколько-нибудь принципиальное значение, если вы Х.

— Я действительно Х. Но мне не хотелось бы, чтобы об этом стало широко известно. Я...

— Понимаю, — перебил Хелман и повел Хейделя по широкому коридору. — Мы сделаем все, что от нас зависит.

По дороге он остановил другого человека в белом.

— Пропустите это через наш медицинский компьютер, — велел он, — и пришлите результаты в кабинет номер семнадцать. Сюда, пожалуйста, — добавил доктор, обращаясь к Хейделю. — Садитесь.

Они уселись за большим столом для совещаний, Хейдель взял пепельницу, поставил ее рядом с собой и достал из кармана куртки сигару. Потом выглянул в окно на зеленое небо. В одном из углов комнаты, на небольшом пьедестале, сидело на корточках местное божество, искусно вырезанное из какого-то белого желтого вещества.

— Ваше состояние меня завораживает, — сказал врач. — Оно было описано столько раз, что у меня такое ощущение, будто я лично с вами знаком. Ходячие антитела, живой резервуар с лекарствами...

— Ну, — прервал его Хейдель, — наверное, можно сказать и так, но вы уж очень все упрощаете. После соответствующих приготовлений я действительно могу выдать вакцину практически от любой болезни, если пациент еще не безнадежен. С другой стороны, мое собственное состояние не столь однозначно. Вероятно, правильнее было бы сказать, что я живой резервуар болезней, которые мне удастся контролировать. Когда достигается равновесие, я превращаюсь в лекарство — но только в этот момент. В остальное время я представляю опасность для окружающих.

Доктор Хелман снял темную нитку со своего рукава и аккуратно положил ее в пепельницу. Хейдель улыбнулся, заметив это и раздумывая над тем, как он выглядит в глазах врача.

— И вы не знаете принципов работы этого механизма?

— Никто не может сказать ничего определенно, — ответил Хейдель и поднес спичку к сигаре. —

Просто всюду, где бы я ни появлялся, ко мне приста-ют болезни. Я заболеваю, а потом что-то помогает мне победить болезнь, и я поправляюсь. После этого, при определенных обстоятельствах, из моей крови может быть приготовлена сыворотка, эффективная против аналогичной болезни.

— А в чем конкретно заключаются эти пригото-вления и обстоятельства?

— Я впадаю в кому, — начал объяснять Хей-дель. — Я умею входить в это состояние по собст-венному желанию. Пока я в ней нахожусь, мое тело подвергается каким-то очистительным процессам. Обычно это занимает от полутора до нескольких дней. Мне говорили... — Он немного помолчал, сде-лал хорошую затяжку, а потом продолжил: — Мне говорили, что в это время мое тело проходит через стадии всех болезней, которые я ношу. Не знаю. Я ничего потом не могу вспомнить. В такие моменты я должен оставаться один, поскольку мои болезни становятся очень заразными.

— Ваша одежда...

— Сначала я раздеваюсь. Когда я прихожу в се-бя, на моем теле ничего нет. Я надеваю чистую одежду.

— Как долго продолжается это... равновесие?

— Обычно пару дней, потом я возвращаюсь в прежнее состояние — достаточно медленно. Как только равновесие нарушается, я снова становлюсь очень опасным и превращаюсь в носителя болезней до следующего катарсиса-комы.

— Когда вы вышли из этого состояния в послед-ний раз?

— Я пришел в себя всего несколько часов назад. И ничего не ел с тех пор. Мне кажется, это помогает продлить безопасный период.

— И вы не испытываете голода?

— Нет. На самом деле я чувствую себя очень сильным, меня переполняет энергия. Однако обычно хочется пить. Как сейчас, например.

— В соседней комнате есть охлажденная вода, — сказал Хелман, поднимаясь. — Я вам покажу.

Хейдель положил сигару в пепельницу и тоже встал.

Когда они проходили в боковую дверь, человек, которого они с Хелманом встретили в коридоре, вошел в комнату, держа в руках несколько листов с данными, полученными с помощью компьютера, и небольшой конверт — Хейдель решил, что в нем, вероятно, лежит его кристалл.

Доктор Хелман показал рукой на термос с водой и вернулся к своему помощнику.

Хейдель взял маленький бумажный стаканчик и начал его наполнять. Он заметил на большом термосе крошечный зеленый странтрианский знак удачи.

Где-то между пятнадцатым и двадцатым стаканчиком в комнату вошел доктор Хелман, держа в руке листки бумаги и конверт. Вернув Хейделю конверт, он сказал:

— Я думаю, нам нужно взять у вас кровь как можно скорее. Если вы будете так любезны и пройдете со мной в лабораторию...

Хейдель кивнул, выбросил стаканчик и положил кристалл обратно в коробочку. Затем проследовал за доктором к лифту устаревшей конструкции.

— Шестой, — сказал доктор, обращаясь к стене, дверь закрылась, и лифт начал подниматься.

— Мы получили довольно странные сведения, — проговорил доктор Хелман через некоторое время, помахав бумагами, зажатыми в руке.

— Да, я знаю.

— Тут говорится, что сразу после комы развитие болезни приостанавливается и начинается выздоровление.

Хейдель подергал себя за мочку уха и очень внимательно посмотрел на носки своих ботинок.

— Так оно и есть, — наконец сказал он. — Я не говорил об этом, потому что никто не верит, но все происходит именно так. Использование моей крови, по крайней мере, дает хоть какое-то научное объяс-

нение. А как происходит все остальное, мне неизвестно.

— Ну, тогда будем готовить вакцину для девочки, — сказал Хелман. — Однако сейчас я хочу спросить у вас, не согласитесь ли вы потом принять участие в одном эксперименте?

— В каком именно?

— Я бы хотел, чтобы вы навестили моих самых безнадежных пациентов. Я представляю вас как коллегу. Вы с ними немного поговорите. О чем угодно.

— Хорошо. С удовольствием.

— Вы знаете, что произойдет после этого?

— Это зависит от того, чем они больны. Если у меня есть это заболевание, они могут поправиться. Если же у них какие-то чисто анатомические повреждения внутренних органов, то их состояние, скорее всего, не изменится.

— Вы делали подобные вещи раньше?

— Да, много раз.

— Сколькими болезнями вы заражены?

— Не могу вам сказать. Иногда я не знаю, что заболел какой-то новой болезнью. Не все возбудители болезней, живущие в моем организме, мне известны.

— Вам хочется использовать меня еще и в ином качестве, — проговорил Хейдель, когда лифт остановился и его дверь открылась, — это интересно. А почему бы тогда не впрыснуть сыворотку из моей крови всем, раз уж я здесь?

Хелман покачал головой.

— В отчетах перечисляются болезни, против которых сыворотка, изготовленная из вашей крови, применялась успешно. Поэтому я рискну применить ее в случае с девочкой Дорн. Остальных болезней в списке нет. Я не могу рисковать.

— Но при этом хотите, чтобы я посетил ваших больных?

Хелман пожал плечами.

— У меня нет предрассудков. Кроме того, я не вижу никакой опасности. Хуже им от этого не станет. Следуйте за мной, лаборатория в конце коридора.

Дожидаясь, пока у него возьмут кровь, Хейдель смотрел в окно. В ярком утреннем свете огромного солнца он увидел, по меньшей мере, четыре храма, представлявших различные религии, и вдобавок деревянное строение с горизонтальной крышей, фасад которого был украшен полосками ленточек, похожих на те, что он видел в поселении на берегу реки Барт. Прищурившись, Хейдель наклонился вперед, чтобы получше разглядеть строение, уходящее под землю — святилище пейанцев, которое находилось справа, немного в стороне от дороги. Потом поморщился и отвернулся от окна.

— Поднимите рукав, пожалуйста.

Джон Морвин играл роль Бога.

Манипулируя рукоятками управления, он готовил рождение нового мира. Осторожно... Розовая дорога от скалы к звезде проходит здесь. Так. Почти готово.

Юноша пошевелился на диванчике, стоящем рядом, но не проснулся. Морвин дал ему еще немного подышать газом и вновь сосредоточился на своей работе. Провел пальцем под передним краем куполообразной корзины, почти полностью скрывавшей его голову, чтобы стереть пот и избавиться от надоедливой зуда в районе правого виска. Потирая рыжую бороду, он медитировал.

Ему еще не удалось достичь идеала — в том виде, как его описывал юноша. Закрыв глаза, Морвин заглянул поглубже в окутанный сном разум. Казалось, он двигается в нужном направлении, но чувства, которое Морвин искал, там не было.

Он решил подождать и, открыв глаза, посмотрел на хрупкое спящее существо — дорогая одежда, узкое, почти женское, лицо, на голове точно такая же, как и у него самого, корзина, окруженная пучками проводов; на кружевном воротнике крошечные форсунки, начиненные наркотиками. Морвин сжал губы и нахмурился, не столько порицая, сколько завидуя.

Больше всего на свете он горевал по поводу того, что не родился в богатой семье, где его окружала бы роскошь, где исполнялась бы каждая его прихоть и он превратился бы в неотразимого щеголя. Ему всегда хотелось стать щеголем, и хотя теперь он вполне мог себе это позволить, оказалось: чтобы успешно играть подобную роль, ему не хватает соответствующего воспитания.

Морвин посмотрел на пустую кристаллическую сферу, стоящую прямо перед ним — метр в диаметре, — из которой в разные стороны отходили патрубки.

Нажми на нужную кнопку и сфера наполнится танцующими пылинками. Задай движению определенную последовательность, и картинка застынет внутри кристалла навсегда...

Он снова вошел в спящий разум юноши, решив воспользоваться более сильными стимуляторами.

Теперь юноша слышал свой собственный, записанный на пленку голос, который пересказывал сон. Возникли новые образы, и спящий разум породил *deja vu*, желаемый эффект наконец был достигнут.

Морвин нажал на кнопку, и патрубки зашипели. В тот же миг он выключил рубильник, соединявший его собственный разум с разумом сына его клиента.

Пользуясь своей мощной визуальной памятью и способностью к телекинезу, которой обладали единицы, Морвин сконцентрировал внимание на частицах внутри кристаллической сферы. В следующий момент он уже воссоздал картинку, которую только что поймал в объятom сном разуме, ее форму и краски — мечту, порожденную детским воображением и восторгом, — и там, внутри кристалла, нажав другую кнопку, заставил сон замереть навсегда.

Нажал еще одну кнопку, и патрубки вынуты. Третья — сфера запечатана, теперь ее можно вскрыть, только уничтожив сон. Рубильник вернулся в свое исходное положение, и записанный голос смолк. Как всегда в подобных случаях, Морвин обнаружил, что дрожит.

Ему снова удалось это сделать.

Он активировал воздушную подушку и убрал опоры. Теперь сфера повисла прямо перед ним. Он опустил черный бархатный занавес, включил скрытый свет и немного его подрегулировал, чтобы тот идеально охватывал кристаллическую сферу.

Картинка получилась довольно-таки впечатляющей: существо, отдаленно напоминающее человека, наподобие змеи свернулось кольцами на оранжевых скалах, которые являются частью этого невероятного существа, оно смотрит на себя, в том месте, где тело уходит в землю; часть неба у него над головой скрывается под аркой поднятой влажной — от слез? — руки; а от скалы к единственной звезде, сияющей в вышине, ведет розовая дорога; внизу в безумной пляске мечутся синие тени.

Джон Морвин внимательно посмотрел на свое творение. Он увидел эту картинку благодаря искусственной телепатической связи, потом вылепил при помощи телекинеза и сохранил механическим путем. Что означала эта юношеская фантазия, он не знал. Впрочем, его это не интересовало. Она просто жила в сознании молодого человека, лежащего на кушетке. Ощущения физической усталости и возбуждения, удовольствие, которое он испытал, размышляя над своим будущим творением, — этого было вполне достаточно. Морвин знал: работа удалась.

Иногда его начинал беспокоить один вопрос: является ли то, что он делает, искусством, или это лишь умелое воплощение чужих фантазий? Он действительно обладал уникальным талантом и владел оборудованием, позволяющим пленять сны, — естественно, за весьма солидную плату. Однако ему нравилось думать о себе как о художнике. Раз он не мог стать щеголем, то этот, запасной, вариант не так уж и плох — ведь художник может вести себя с не меньшей эксцентричностью; впрочем, способность к сопереживанию не позволяет ему относиться к другим людям с тем же безразличием. Ну а если он не является истинным художником...

Морвин потряс головой, чтобы избавиться от посторонних мыслей, и снял корзинку. Потом с удовольствием почесал правый висок.

Он воплощал сексуальные фантазии, мирные и прекрасные ландшафты, кошмары безумных королей, помогал психоаналитикам. Его работой все восхищались. Возможно, не только потому, что ему удалось реализовать смутные ощущения людей... Нет. Однако время от времени Морвин думал о том, что произойдет, если когда-нибудь ему придется сделать изображение собственного сна.

Поднявшись, он отключил и убрал датчики с тела юноши по имени Абз. Затем взял со своего рабочего стола трубку, на которой был вырезан старый военный знак, провел по нему пальцем, набил трубку табак и закурил.

Активировал сервомеханизмы, которые медленно приподняли кушетку, превратив ее в кресло, и уселся за спиной юноши. Все было готово к представлению. Морвин улыбнулся сквозь дым и прислушался к дыханию спящего.

Умение завлечь покупателя. Морвин снова стал бизнесменом, торговцем, выставившим на рынок свой товар. Проснувшись, Абз сразу увидит новое творение. Голос Морвина, сидящего за спиной юноши, разрушит чары, потому что он намеренно скажет какой-нибудь пустяк; и тогда волшебство навсегда останется лишь в памяти того, кто увидел его мельком, на одно короткое мгновение. Он надеялся, что это только увеличит привлекательность произведения его искусства.

Дрогнула рука. Легкое покашливание. Незавершенный жест...

Он подождал почти целых шесть секунд, а потом сказал:

— Нравится?

Юноша ответил не сразу, но когда слова прозвучали, они скорее были произнесены мальчиком, а не тем молодым человеком, что вошел в студию некоторое время назад. Куда-то подевалось едва прикры-

тое презрение, наигранная усталость, показное чувство долга к воле родителя, решившего, что лучшего подарка сыну, у которого уже все есть, придумать невозможно.

— Это оно... — сказал он. — Оно!

— Значит, вы удовлетворены?

— Господи! — Юноша встал и направился к сфере. Медленно протянул к ней руку, но так и не решился коснуться кристалла. — Удовлетворен?.. Да это же просто потрясающе.

Он вздрогнул и замолчал.

Через несколько мгновений юноша повернулся к Морвину — с улыбкой на лице. Морвин тоже улыбнулся ему в ответ, левым уголком рта. Потому что мальчик снова исчез.

— Довольно мило. — Абз небрежно махнул левой рукой в сторону кристалльной сферы. — Отправьте это вместе со счетом моему отцу.

— Очень хорошо.

Абз направился к двери, ведущей к выходу, а Морвин поднялся на ноги. Открыл дверь и стал ждать, когда юноша выйдет. Абз остановился перед Морвином и посмотрел ему в глаза. Только после этого он снова взглянул на сферу.

— Я... я хотел бы видеть, как вы это сделали. Очень жаль, что мы не догадались записать на пленку...

— Со стороны это совсем не так интересно, — ответил Морвин.

— Наверное... Ну, тогда до свидания.

Он не предложил Морвину руки.

— До свидания, — сказал Морвин, глядя вслед уходящему юноше.

Да, быть испорченным, вероятно, очень приятно. Еще год или два, и юноша узнает... все, что ему вообще положено знать.

Алисия Керт, секретарша, откашлялась в своем алькове за углом. Держась двумя руками за дверь, Морвин чуть наклонился вправо и уставился на нее.

— Привет, — сказал он. — Пусть Дженсен упакует и доставит сферу; не забудьте послать вместе с ней счет.

— Да, сэр, — сказала Алисия и указала глазами в сторону.

Морвин проследил за ее взглядом.

— Сюрприз, — объявил человек, сидевший у окна. При этом его голос звучал абсолютно нейтрально.

— Майкл! Что ты здесь делаешь?

— Жду, когда мне нальют чашку настоящего кофе.

— Заходи. У меня кофейник как раз стоит на медленном огне.

Гость Морвина поднялся и, не торопясь, двинулся вперед; своей массой, бледной униформой и волосами альбиноса он уже в который раз напомнил Морвину о ледниковом периоде и айсбергах.

Они прошли обратно в студию, и Морвин принялся разыскивать две чистые чашки. Когда его поиски увенчались успехом, он обернулся и обнаружил, что Майкл бесшумно пересек студию и теперь внимательно изучает последнее творение Морвина.

— Ну как?

— Одно из твоих лучших произведений. Для этого мальчишки?

— Угу.

— Что он по этому поводу думает?

— Сказал, что ему нравится.

— Хм.

Майкл отвернулся и подошел к маленькому столу, за которым Морвин иногда ел.

Морвин налил кофе, и они уселись за стол.

— На этой неделе открывается сезон охоты на ламаков.

— Неужели? — спросил Морвин. — Я и не думал, что уже можно. Ты собираешься?

— На следующих выходных. Слетаем в Голубой Лес и разобьем там лагерь. Возможно, нам даже удастся поймать парочку.

— Заманчиво. Я с тобой. Кто-нибудь еще поедет с нами?

— Я думал об Иоргене.

Морвин кивнул, вытащил трубку, старательно прикрывая пальцем знак на черенке. Иорген, великан ригеллианин, и Майкл с планеты Хонси служили вместе во время войны. Пятнадцать лет назад Морвин застрелил бы любого из них. Теперь он без раздумий доверил бы им свою жизнь. Он ел, пил и шутил с ними, продавал свои работы их друзьям. Военный знак ДИНАБа, Четвертого Межзвездного Флота, казалось, пульсировал под его большим пальцем. Морвин крепко сжимал трубку, ему уже было стыдно, что он пытается спрятать знак от хонсианина, но и открыть его никак не решался. Если бы победили мы, все было бы иначе, сказал он себе, никто не стал бы винить Майкла, если бы он не носил свое проклятое боевое кольцо или спрятал его на шее, чтобы никто не видел. Человек должен иметь возможность жить там, где он находит жизнь наиболее привлекательной. Если бы он остался с ДИНАБом, ему до сих пор пришлось бы за гроши дрессировать электроны в какой-нибудь дурацкой лаборатории.

— Сколько тебе осталось до отставки? — спросил Морвин.

— Около трех лет. Еще довольно долго.

Майкл откинулся на стуле и правой рукой достал из кармана куртки сводку новостей.

— Похоже, один из твоих приятелей не собирается выходить в отставку.

Морвин взял листок бумаги и пробежал глазами колонки сообщений.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он на всякий случай.

— Вторая колонка. Примерно посередине.

— «Взрыв на Бланчене»? Ты про это?

— Да.

Морвин медленно прочитал сообщение.

— Боюсь, я все равно не понимаю, — сказал он, в то время как сердце его переполнилось чувством,

похожим на гордость. Впрочем, он постарался это скрыть.

— Твой старый командующий флотом, Малакар Майлз. Кто же еще?

— «Шесть человек погибло, девять ранено... уничтожено восемь узлов, двадцать шесть повреждено, — прочитал он. — Никаких улик на месте преступления не найдено, однако служба безопасности занимается расследованием...» Если никаких улик не найдено, почему тогда ты подозреваешь командора?

— Из-за того, что лежало на тех складах.

— А что там лежало?

— Высокоскоростные автоматические переводчики.

— Что-то я ничего не понимаю...

— ...Раньше их производили только на планетах ДИНАБа. На Бланчене хранилась первая партия переводчиков, поступившая с одной из планет ОЛ.

— Значит, они пытаются отнять у ДИНАБа и эту отрасль промышленности.

Майкл пожал плечами.

— Мне кажется, они имеют право производить все, что захотят. ДИНАБ поставлял недостаточное количество таких переводчиков, так что некоторые промышленники Лиги решили заняться этим производством. Насколько тебе известно, переводчик — очень сложный прибор, одна из немногих машин, которая требует существенной ручной доводки.

— И ты думаешь, тут замешан командор?

— Всем известно, что это его рук дело. Он занимается подобными вещами уже не один год. Командор Малакар Майлз забывает, что война закончилась и заключен мир...

— Ну, вы ведь не сможете отправиться за ним на ДИНАБ.

— Не сможем. Однако какой-нибудь влиятельный гражданский человек наверняка это сделает — потому что уничтожается собственность и гибнут люди.

— Такие попытки уже предпринимались раньше, тебе должно быть известно, к чему они привели. Кроме того, если кому-нибудь взбредет в голову сунуться к Малакару Майлзу еще раз, мало ему не будет.

— Да знаю я! Может возникнуть серьезная проблема — мы этого совсем не хотим.

— Предположим, служба безопасности поймает его на месте преступления? Они ведь не нарушат свое обещание?

— Тебе известен ответ.

Морвин отвернулся.

— Мы никогда не обсуждаем подобные вещи, — наконец сказал он.

Майкл сжал зубы и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Да, — сказал он. — Мы не собираемся нарушать свои обещания. Мы будем вынуждены вернуть его в ДИНАБ. После этого ОЛ направит официальную жалобу в Управление ДИНАБом, а они, естественно, ничего не станут предпринимать против своего единственного оставшегося в живых и ушедшего в отставку командора. По закону нам придется его вернуть — кроме того, если на месте преступления окажется много свидетелей, у нас просто не будет выбора. Им не следовало делать Майлза своим представителем на первой конференции СЭЛа. Знаешь, мне кажется, они уже тогда знали, чем это может обернуться, и до сих пор продолжают его поддерживать. Мне ужасно хотелось бы найти способ убедить командора в том, что он должен примириться с поражением... или добиться отмены его дипломатической неприкосновенности. Очень неприятная ситуация.

— Да.

— Ты же служил под командованием Майлза. И был его другом.

— Ну.

— Насколько я понимаю, вы по-прежнему друзья?

— Ты же знаешь, время от времени я навещаю командора — по старой памяти.

— А есть какая-нибудь надежда, что ты сможешь убедить его одуматься?

— Я ведь уже говорил: мы не обсуждаем подобных вопросов. Впрочем, он не стал бы меня слушать.

Морвин налил еще кофе в чашки.

— Кем был Малакар Майлз раньше, не имеет значения; сейчас он убийца и террорист. Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— Если он зайдет слишком далеко — и выкинет что-нибудь по-настоящему серьезное — может начаться война. Многие политики и военные только и ждут повода, чтобы вцепиться ДИНАБу в глотку и покончить с ним раз и навсегда.

— А зачем ты мне все это говоришь, Майк?

— В данный момент я не на работе и действую по собственной инициативе. Надеюсь, мое начальство никогда не узнает о нашем разговоре. Ты живешь в этом городе, ты единственный из всех моих друзей знаком с командором Майлзом, ты периодически с ним встречаешься. Проклятие! Я не хочу, чтобы началась еще одна война! Даже если она будет короткой и закончится через сутки. Я старею и мечтаю уйти в отставку, чтобы спокойно ловить рыбу. Ты был одним из его заместителей. Ведь эта твоя замечательная трубка от него — он подарил ее тебе, когда закончилась война. По-моему, она сделана из корня верескового дерева Бейнера-Сандоу? Такие трубки немало стоят. Наверное, командор Майлз хорошо к тебе относится.

Морвин покраснел, кивнул, дым попал ему в глаза, и он грустно покачал головой. «Я продал его, как и все остальные, когда перебрался жить в ОЛ и стал брать их деньги».

— Мы уже очень давно не виделись. Я уверен, что он меня не послушает.

— Извини, — проговорил Майкл, глядя в свою чашку. — Мне не следовало делать подобных предложений. Давай забудем об этом, ладно?

— Ты занимаешься взрывом на Бланчене?

— Только попутно.

— Ясно.

Они долго молчали, а потом Майкл залпом допил свой кофе и встал.

— Ну, ладно, мне пора возвращаться на работу. Увидимся через одиннадцать дней, у меня. На восходе солнца. Договорились?

— Угу.

— Спасибо за кофе.

Морвин кивнул и помахал ему рукой. Майкл очень осторожно прикрыл за собой дверь.

А Морвин довольно долго смотрел на застывший сон юноши, который недавно покинул студию. Затем его взгляд остановился на кофейной чашке. Она медленно поднялась в воздух, повисела там, а потом вдребезги разбилась о стену.

Хейдель фон Хаймек смотрел на девочку и улыбался. Ей, вероятно, лет девять.

— ...А это клаанит, — объяснил он, добавив еще один камень к тем, что лежали рядом с девочкой на подоконнике. — Я нашел его некоторое время назад на планете, которая называется Клаана. Он отполирован, но форма у него осталась естественной.

— А какая она, Клаана? — спросила его девочка.

— Эта планета, в основном, состоит из воды, — ответил Хейдель. — У нее большое голубое солнце, странное розоватое небо и одиннадцать маленьких лун, которые все время что-нибудь вытворяют. Там нет континентов, только тысячи островов, разбросанных по обоим полушариям. Народ Клааны, который называет себя батрачианами, большую часть жизни проводит в воде. У них совсем нет городов. В каком-то смысле жители этой планеты путешественники и торговцы. Батрачиане меняют то, что им уда-

ется найти в море, на ножи и другую утварь. Они поднимают такие камни, как этот, со дна моря. А мой камешек лежал на пляже, и я его там подобрал. Он приобрел свою нынешнюю форму за долгие годы, проведенные в воде, когда терся о другие камни и песок. Деревья на Клаане расположены на значительном расстоянии друг от друга — чтобы добраться до воды, им приходится пускать дополнительные корни. У них множество больших листьев, а на некоторых растут фрукты. На Клаане никогда не бывает жарко, потому что с моря постоянно дует легкий ветерок. Кроме того, в любой момент можно забраться на что-нибудь высокое и посмотреть во все стороны. И тогда ты увидишь, что где-то обязательно идет дождь. Сквозь пелену дождя все кажется искаженным и необычным, как на далеких берегах волшебной страны. Еще там бывают миражи. Ты видишь острова в небе или деревья, растущие кроной вниз. Местные жители считают, что батрачиане отправляются туда после смерти и что предки наблюдают за ними сверху — смотрят на воду и ждут. Если тебе нравится камень, можешь взять его себе.

— О да, мистер Х! Спасибо!

Девочка погладила камень рукой. Потом протерла подарок полой больничного халата.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Хейдель.

— Лучше, — сказала она. — Намного лучше.

Он внимательно посмотрел на ее маленькое, усыпанное веснушками личико с большими темными глазами под длинными ресницами. Сегодня оно было куда менее бледным, чем полтора дня назад, когда ей впрыснули сыворотку. Дыхание перестало быть тяжелым и прерывистым. Девочка уже сидела, опираясь спиной на подушки, и могла довольно долго разговаривать. Лихорадка практически исчезла, кровяное давление почти пришло в норму. Появились живость и любопытство, столь характерные для детей ее возраста. Хейдель считал, что лечение прошло успешно. Теперь он больше не думал ни о моти-

лах в лесу, ни о тех бесчисленных жертвах, что остались у него в прошлом.

— ...я бы хотела когда-нибудь полететь на Клаану, — говорила девочка, — где голубое солнце и много лун...

— Может, ты там побываешь, — проговорил Хейдель, прекрасно понимая, что девочка вырастет, познакомится с каким-нибудь местным парнишкой и проживет остаток возвращенной ей сейчас жизни в Италбаре. Только оранжевый камешек время от времени будет напоминать ей о детской мечте. «Ну, все могло обернуться гораздо хуже», — подумал Хейдель, вспомнив вечер, проведенный в горах над Италбаром. Приятно было бы закончить свои странствия в городке вроде этого...

В комнату вошел доктор Хелман, кивнул им обоим, взял девочку за левое запястье и, глядя на свой хронометр, принялся считать пульс.

— Ты слишком возбуждена, Люси. Наверное, мистер Х чересчур долго рассказывал тебе о своих приключениях.

— О нет! — воскликнула девочка. — Мне так интересно его слушать. Он был всюду. Видите, какой камень он мне подарил? С Клааны — там голубое солнце и одиннадцать лун. Народ Клааны живет в море...

Доктор посмотрел на камень.

— Довольно красивый... А теперь тебе нужно немного отдохнуть.

«Почему он никогда не улыбается? — задал себе вопрос Хейдель. — Он ведь должен радоваться»

Хейдель собрал все свои камни в сумку из кожи кухлы.

— Пожалуй, пойду, Люси, — сказал он. — Я рад, что тебе стало лучше. Приятно было с тобой поболтать. На тот случай, если мы с тобой больше не увидимся, всего тебе хорошего.

Он встал и вместе с доктором Хелманом направился к двери.

— Вы еще придете, правда? — спросила девочка, приподнимаясь с подушек, глаза у нее были широко раскрыты. — Вы не совсем уходите?

— Я и сам точно не знаю, — ответил Хейдель. — Посмотрим.

— Возвращайтесь... — услышал он слова Люси, выходя в коридор.

— Как быстро она поправляется, — сказал Хелман. — Я просто глазам своим не верю.

— А что с остальными?

— У всех больных, которых вы посетили, либо прекратилось ухудшение состояния, либо наметилось небольшое улучшение. Мне очень хочется понять, как это происходит. Ваша кровь, кстати, даже более загадочна, чем вы говорили — если судить по отчетам нашей лаборатории. Они бы хотели взять еще немного, чтобы послать ее в Лэндсенд для более тщательного анализа.

— Нет, — отказался Хейдель. — Я знаю, что моя кровь — целое скопище загадок, но вряд ли в Лэндсенде смогут узнать что-нибудь новое. А если их уж очень заинтересует эта проблема, они могут получить детальный отчет о полном исследовании моей крови из Панопаса в СЭЛе. Там произвели все мыслимые тесты, но так и не смогли прийти ни к каким определенным выводам. Кроме того, я скоро снова стану представлять опасность. Мне пора уходить.

Они направились к лифту.

— Этот ваш «баланс», как вы его называете, — сказал Хелман, — его просто не существует. Вы говорите о нем так, словно все болезнетворные микробы выстроились друг против друга и начали военные действия, а потом подписали перемирие, договорившись на время не совершать никаких дурных поступков. Это же самая натуральная чепуха. Человеческий организм не функционирует подобным образом.

— Мне это известно, — проговорил Хейдель, когда они вошли в лифт. — Я просто придумал похожую аналогию. Как вы, вероятно помните, у меня нет медицинского образования. Так что я выработал свое

собственное, очень простое объяснение тому, что происходит в моем организме. Вы можете переформулировать его, как вам будет угодно. Впрочем, я по-прежнему остаюсь единственным экспертом в данном вопросе.

Лифт остановился на первом этаже.

— Давайте зайдем в канцелярию, — предложил доктор Хелман. — Вы говорите, что собираетесь скоро уходить, а я знаю, когда за вами прилетит флайер. Значит, вы намереваетесь отправиться в горы, чтобы подвергнуться очередному катарсису. Я бы хотел организовать наблюдение и...

— Нет! — резко возразил Хейдель. — Исключено. Однозначно. Я не позволю, чтобы рядом со мной кто-то находился в это время. Слишком опасно.

— Но я могу поместить вас в изолятор.

— Нет, не могу на это согласиться. Я уже и так несу ответственность за множество смертей. И то, что я сделал здесь, — попытка хотя бы частично компенсировать свою вину. Я не должен допустить ни малейшей возможности гибели других людей. Даже специально подготовленным сотрудникам будет грозить серьезная опасность, если они окажутся рядом со мной, когда я войду в кому. Извините. Какие бы меры предосторожности вы ни приняли, все равно кто-нибудь может погибнуть.

Хелман слегка пожал плечами.

— Если вы когда-нибудь измените свое решение, я хотел бы провести этот эксперимент.

— Ну... Благодарю вас. Теперь мне пора идти.

Хелман пожал ему руку.

— Спасибо за все, — сказал он. — Боги были добры.

— До свидания, доктор, — попрощался Хейдель и вышел в коридор.

— ...Благослови вас Бог, — проговорила женщина, хватая Хейделя за руку, когда он проходил мимо.

Он посмотрел на ее усталое лицо с покрасневшими от слез глазами. Мать Люси.

— Теперь с ней будет все в порядке, я думаю, — сказал он. — Люси очень милая девочка.

Пока женщина цеплялась за его левую руку, правую энергично пожимал худой человек в брюках и свитере. Загорелое обветренное лицо светилось улыбкой, обнажившей ряд неровных зубов.

— Огромное вам спасибо, мистер Х, — его влажная ладонь раздражала Хейделя. — Мы молились в каждом храме города, и наши друзья тоже. Наверное, молитвы были услышаны. Пусть Боги благословят вас! Вы не пообедаете с нами сегодня вечером?

— Благодарю вас, но мне и в самом деле нужно уходить, — ответил Хейдель. — У меня назначена встреча — я должен кое-что сделать до того, как за мной прилетит флайер.

Когда Хейделю наконец удалось оторваться от них, он увидел, что вестибюль больницы начал заполняться людьми. Услышал постоянно повторяющиеся слова: «Мистер Х».

— ...Как вам удалось это сделать, мистер Х? — доносились со всех сторон.

— Мы можем получить ваш автограф?

— У моего брата аллергия, нельзя ли...

— Я бы хотел вас пригласить сегодня, сэр. Мой приход...

— Вы можете исцелять на расстоянии?

— Мистер Х, вы не откажетесь сделать заявление для местной прессы?..

— Пожалуйста, — сказал Хейдель, переводя взгляд с одного лица на другое. — Я должен идти. Я польщен вашим вниманием, но мне нечего вам сказать.

Однако вестибюль продолжал наполняться все новыми и новыми людьми. Некоторые поднимали в воздух детей, чтобы те могли увидеть мистера Х. Хейдель посмотрел на вешалку и заметил, что его посох исчез. Выглянув сквозь окно на улицу, он увидел перед входом огромную толпу.

— ...Мистер Х, у меня есть для вас подарок. Я испекла их сама...

— Могу ли я отвезти вас туда, куда вам потребуется?

— Каким богам вы молитесь, сэръ?

— У моего брата такая тяжелая аллергия...

Хейдель отступил к столику и наклонился к женщине, с которой разговаривал, когда пришел в больницу.

— Меня не предупредили об этом, — сказал он.

— Мы и сами не ожидали ничего подобного, — ответила женщина. — Толпа собралась здесь буквально за несколько минут. Никто не мог предположить... Вернитесь обратно в коридор, а я скажу, что дальше вестибюля в больницу проходить запрещено. Потом позову кого-нибудь, чтобы вас вывели через черный ход.

— Спасибо.

Он направился обратно к двери, помахав на прощание разволновавшейся толпе.

Когда Хейдель выходил, раздался общий восторженный крик.

Он некоторое время пробыл в коридоре, пока за ним не пришел санитар и не проводил к другому выходу.

— Отвезти вас куда-нибудь? Если вас заметят, за вами может увязаться толпа.

— Ладно, — согласился Хейдель. — Отвезите меня, пожалуйста, на несколько кварталов, поближе к тем горам.

Он показал на перевал, где ночевал перед тем, как вошел в Италбар.

— Я могу доставить вас прямо к их подножию, сэръ. И тогда вам не придется идти весь этот путь пешком.

— Спасибо, но я бы хотел где-нибудь остановиться, чтобы пополнить свои припасы — и поесть чего-нибудь горячего — перед тем, как отправиться в горы. Вы не знаете подходящего места в той стороне?

— Я отвезу вас в маленькое заведение на тихой улице. Не думаю, что там вас будут беспокоить. Вот моя машина.

Так больше никого и не встретив, они доехали до небольшого магазинчика, о котором упоминал санитар. С одной стороны здесь располагалась бакалейная лавка, а с другой — маленькое кафе, где можно было поесть. Когда машина остановилась возле магазина, санитар засунул руку за пазуху и вытащил зеленый амулет — ящерицу, спина которой была инкрустирована серебром.

— Я знаю, вам это может показаться глупым, мистер Х, — сказал он, — но не прикоснетесь ли вы к моему талисману?

Хейдель выполнил просьбу санитаря, а потом заинтересовался:

— Зачем вам это?

Молодой человек рассмеялся и отвернулся, засовывая амулет обратно.

— Ну, наверное, я немного суеверен, как и все остальные жители Италбара. Это мой талисман, он приносит удачу. Сейчас о вас столько говорят... Вот я и решил, что ваше прикосновение сделает его еще сильнее.

— Говорят? Интересно было бы узнать что? Неужели и сюда дошли слухи о «святости»?

— Боюсь, что да, сэр. Кто знает? Может быть, это правда.

— Вы работаете в больнице и проводите много времени среди ученых.

— О, почти все они рассуждают, как и я. Мы ведь находимся так далеко от остальных. Возможно, причина наших суеверий заключена именно в этом. Некоторые священники говорят, что мы снова приблизились к природе после того, как многие поколения наших предков целые столетия жили в больших городах. Как бы там ни было, я вам очень благодарен за мой талисман.

— А вам спасибо за то, что подвезли меня.

— Удачи!

Хейдель вылез из машины и вошел в магазин.

Пополнив свои запасы, он устроился за столиком в задней комнате без окон, которая освещалась ста-

ринными светильниками. Здесь даже имелся вполне приличный кондиционер. Несмотря на то что Хейдель был единственным посетителем, прошло довольно много времени, прежде чем его обслужили. Он заказал местную отбивную и пиво и решил не спрашивать, из мяса какого животного была приготовлена отбивная — он старался никогда этого не делать, находясь на незнакомых мирах с коротким визитом. Потягивая пиво и дожидаясь, пока будет готово мясо, Хейдель раздумывал о своем положении.

Он по-прежнему оставался геологом. Это единственное, что он умел делать хорошо, да к тому же не подвергая опасности других. По правде говоря, ни одна из больших компаний не хотела принимать его на постоянную работу. Хотя никто из них и не был до конца уверен, что он и есть тот самый X, все чувствовали в нем какую-то странность. Возможно, его считали человеком, подверженным разнообразным несчастным случаям. Впрочем, он и сам ни за что не рискнул бы взяться за работу в неподходящем месте — иными словами там, где рядом находились бы другие люди. Однако большинство компаний с удовольствием предоставляли ему работу в качестве независимого исследователя. Как ни странно, в результате он стал зарабатывать гораздо больше денег, чем раньше. Только вот Хейдель не знал, что с ними делать. Он старался держаться подальше от густонаселенных городов и людей, от всех тех заведений, где принято тратить деньги. Прошли годы и он привык к своему одиночеству, теперь присутствие людей — даже в гораздо меньших количествах, чем толпа, собравшаяся в больнице, — угнетало его. Он с удовольствием представлял себе, как на склоне лет поселится где-нибудь на окраине Вселенной, в небольшом домике на тихом берегу моря. Сигары, коллекция минералов, несколько книг и приемник, по которому можно узнавать новости, — вот все, чего он на самом деле хотел в жизни.

Хейдель ел очень медленно, и хозяин лавки подошел к нему, чтобы поболтать. Интересно, куда это он направляется с рюкзаком и припасами?

Хочу пожить немного в горах, объяснил Хейдель. Зачем? Он уже собрался сообщить старику, что это его совершенно не касается, но сообразил: тот, вероятно, чувствует себя одиноко. Ни магазин, ни кафе, похоже, не привлекали посетителей. Возможно, старику не часто приходилось видеть у себя людей.

Так что Хейдель придумал историю. Старик слушал ее, кивал. Потом рассказывал хозяин магазина, а Хейдель слушал. И кивал.

Он закончил есть и закурил сигару.

Время шло, неожиданно Хейдель понял, что ему нравится этот старик. Он заказал еще пива. Докурил сигару и зажег новую.

В комнате не было окон, и он не заметил, что тени стали совсем длинными. Он рассказал старику о других мирах; показал свои камни. А тот, в свою очередь, поведал о ферме, которой когда-то владел.

Когда первые звезды осветили мир, Хейдель посмотрел на свой хронометр.

— Неужели уже так поздно! — воскликнул он.

Старик бросил взгляд на хронометр Хейделя, а потом на свой собственный.

— К сожалению, да. Извините, что задержал вас, если вы спешили...

— Нет. Все в порядке, просто потерял счет времени. Было очень приятно поболтать с вами. Однако мне пора идти.

Хейдель заплатил по счету и поспешно вышел из магазина. Он не хотел рисковать.

На улице он сразу повернул направо и в сгущающихся сумерках направился в сторону гор.

Через пятнадцать минут центр города остался позади, и Хейдель оказался в уютном жилом квартале. По мере того как темнело небо, усыпанное звездами, фонари, казалось, разгорались все ярче.

Когда Хейдель проходил мимо каменного здания церкви, окна которой украшали цветные витражи,

почти не пропускавшие света, его охватило знакомое неприятное ощущение — оно всегда посещало его рядом с храмами. Это было... десять или двенадцать лет назад? Так или иначе, Хейдель прекрасно все помнил. Воспоминание о том случае часто к нему возвращалось.

На Муртании был душный летний день, а Хейделю пришлось пройти немалое расстояние под лучами палящего солнца. Он спрятался от жары в одном из подземных странтрианских святилищ, где всегда прохладно и темно. Усевшись в самом темном углу, Хейдель собрался отдохнуть. Как только он закрыл глаза, надеясь, что ему удалось напустить на себя вид глубокой задумчивости, в храм вошли двое. Однако только что вошедшие посетители не уселись на скамейки и не стали предаваться тихим молитвам, как ожидал Хейдель, а начали о чем-то взволнованно перешептываться. Потом один из них ушел, а другой устроился впереди, неподалеку от центрального алтаря. Хейделю стало страшно любопытно, и он решил повнимательнее его рассмотреть.

Муртаниец, чьи жаберные мембраны распухли и покраснели, что указывало на крайнюю степень возбуждения, задрал голову и уставился на что-то наверху. Хейдель проследил за его взглядом и увидел, что тот смотрит на ряд гласситовых изображений фигурок божеств, марширующих по стенам храма. Одно из этих божеств светилось ослепительным голубым сиянием — прихожанин не сводил с него глаз.

Посмотрев на божество, Хейдель испытал что-то вроде электрошока. Потом он почувствовал покалывание в руках и ногах и легкое головокружение. В первый момент он испугался, что началось обострение одной из болезней. Однако его болезни раньше так себя не вели. Хейделя охватило странное возбуждение, очень похожее на первую стадию опьянения, хотя в этот день он не пил ничего алкогольного. А в это время храм наполнился прихожанами. И прежде чем Хейдель понял, что происходит, началась служба. Ощущение возбуждения усилилось,

потом появились новые, абсолютно противоречивые, эмоции. Неожиданно ему захотелось вытянуть вперед руки, дотронуться до каждого, кто стоял рядом, назвать его «брат», любить, вылечить от всех болезней; а через несколько мгновений он их всех ненавидел и жалел о том, что совсем недавно прошел через катарсис и теперь не может заразить какой-нибудь смертельной болезнью, которая распространится, словно пламя, и покончит с ними к концу дня. Его сознание металось между этими двумя желаниями, и Хейдель решил, что, по всей вероятности, сходит с ума. Шизофренические тенденции никогда не были ему присущи, а его отношение к человечеству не характеризовалось подобными крайностями. Он всегда был легким в общении человеком, не причинявшим никому никаких хлопот и не искавшим приключений. Нельзя сказать, что он любил или ненавидел людей; просто принимал их такими, какими они были, и старался не усложнять себе жизнь. Поэтому ему никак было не понять безумных желаний, которые неожиданно завладели его душой. Хейдель подождал, пока пройдет последняя волна ненависти, и, почувствовав, что его снова охватывает любовь к ближнему, быстро поднялся и стал пробираться к выходу. Когда он оказался у двери, в душе уже распустился цветок любви, и он извинялся перед каждым, кого так или иначе касался.

«Мир тебе, брат. Молю тебя о снисхождении. Прости меня, ибо я тебя люблю. Всем сердцем взываю о прощении. Прости меня недостойного за то, что я тебя коснулся».

Пройдя через дверь, Хейдель взбежал наверх по ступеням и помчался прочь от храма. Уже через несколько минут все непривычные ощущения исчезли.

Он хотел было обратиться к психиатру, но потом передумал, объяснив себе случившееся реакцией своего организма на жару, которая быстро сменилась прохладой... ну, и вообще различными побочными действиями климата незнакомой планеты на свой организм. К тому же он больше ни разу не испытал ни-

чего подобного. Однако с того самого дня он не посещал никакие церкви; а когда проходил мимо храма, испытывал неприятное чувство страха, следы которого, по его мнению, терялись на Муртании.

Хейдель остановился на углу, чтобы пропустить три машины, и неожиданно услышал у себя за спиной возглас:

— Мистер X!

Из тени стоявшего неподалеку дерева появился мальчик лет двенадцати. В левой руке он держал черный поводок, прикрепленный к ошейнику толстой зеленой ящерицы с короткими кривыми лапами. Ее когти цокали по асфальту, когда она, неловко переваливаясь с боку на бок, следовала за мальчиком, а из открытой пасти периодически высовывался и сразу пропадал длинный красный язык. «Словно улыбается», — подумал Хейдель. Метровая ящерица несколько раз принималась тереться о ногу мальчика.

— Мистер X, я приходил днем в больницу, но вам пришлось уйти обратно, так что я видел вас только мельком. Я слышал о том, как вы вылечили Люси Дорн. Мне так повезло, что я встретил вас на улице.

— Не прикасайся ко мне! — воскликнул Хейдель; однако мальчик успел пожать ему руку и теперь не сводил с него глаз, в которых отражались звезды.

Хейдель опустил руку и отошел на несколько шагов.

— Не подходи слишком близко, — сказал он. — Кажется, я немного простудился.

— В таком случае вам не следует оставаться на улице. Мои родители наверняка смогут устроить вас на ночь.

— Спасибо, но у меня назначена встреча.

— Это мой ларик. — Мальчишка дернул за поводок. — Его зовут Чан. Сидеть, Чан!

Ящерица открыла пасть, присела, а потом свернулась клубком.

— Он не всегда это делает. Во всяком случае, когда не хочет, не садится, — объяснил мальчик. —

А вот когда хочет, тогда у него здорово получается. Он удерживает равновесие при помощи хвоста... Ну, давай, Чан! Сядь для мистера Х.

Мальчик снова дернул за поводок.

— Да ладно, сынок, — сказал Хейдель. — Может быть, он устал. Послушай, мне пора идти. Возможно, мы с тобой еще увидимся до того, как я покину город. Хорошо?

— Хорошо. Я так рад, что встретил вас. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Хейдель перешел на другую сторону улицы и быстро зашагал дальше.

Возле него остановилась машина.

— Эй! Вы доктор Х? — спросил мужчина.

Хейдель повернулся.

— Правильно.

— Мне показалось, что я заметил вас там, на углу. Проехал целый квартал, чтобы убедиться в этом.

Хейдель отшатнулся от мужчины, стараясь держаться как можно дальше от машины.

— Подвезти?

— Нет, спасибо. Я уже почти пришел.

— Правда?

— Да. Спасибо за предложение.

— Ну, ладно... Меня зовут Вили.

Мужчина протянул Хейделю руку.

— У меня рука перепачкана жиром, не хочу вас измазать, — сказал Хейдель; однако мужчина высунулся в окно, схватил левую руку Хейделя, быстро сжал ее и укатил прочь.

Хейделю захотелось крикнуть, чтобы все оставили его в покое, прекратили до него дотрагиваться.

Следующие два квартала он пробежал. Несколько минут спустя другая машина притормозила, когда ее фары выхватили его из темноты, но Хейдель успел отвернуться, и машина проехала мимо. Сидящий на крыльце человек курил трубку; увидев Хейделя, он встал и помахал ему рукой. Человек что-то сказал, но Хейдель снова бросился бежать и не расслышал слов.

Наконец дома стали попадаться все реже и реже. Вскоре последний фонарный столб остался позади, и теперь путь освещали только звезды. Когда мощеная дорога кончилась, Хейдель продолжал идти дальше по тропинке. Теперь горы высились перед ним, почти закрывая горизонт.

Хейдель не бросил последнего взгляда на Италбар, когда начал подниматься вверх по склону.

Джакара мчалась по холмам над Кейпвиллем верхом на восьминогом куррьябе, наклонившись далеко вперед и крепко сжимая коленями гладкие бока скакуна. Ее длинные черные волосы развевались на ветру. Слева, далеко внизу, под утренним зонтиком тумана, прятался город. Со стороны правого плеча девушки восходящее солнце метало длинные желтые стрелы, так что туман над городом мерцал и переливался.

Высокие серебристые здания, бесчисленные окна, сверкающие словно огненные самоцветы, облака, точно гигантская пенящаяся прибойная волна, розовая и оранжевая на самом гребне там, в небе, что поднялась за спиной беззащитного города и готова, пронзив голубой воздух, обрушиться и отсечь перешеек от континента, похоронить его навсегда на океанском дне, чтобы он стал на века потерянной Атлантидой Дейбы — так мечтала Джакара.

Она неслась все дальше, одетая в брюки, короткую белую тунуку с красным поясом и с такой же красной лентой на голове, которая не давала волосам попадать в ее ярко-голубые глаза, и все это время Джакара богохульствовала на языках всех рас, которые ей только были известны.

Повернув своего скакуна и остановив его так резко, что он встал на дыбы и зашипел перед тем, как задыхаясь, опуститься, Джакара свирепо посмотрела вниз на город.

— Сгори, будь ты проклят! Сгори!

Однако город не запылал по ее приказу.

Джакара вытащила не зарегистрированный лазерный пистолет из кобуры, спрятанной под туникой, навела его на ствол небольшого дерева и нажала на курок. Дерево немного постояло, закачалось и с треском рухнуло. Куррьаб вздрогнул, но Джакара успокоила животное тихими словами, одновременно сильнее сжав его бока коленями.

Спрятав пистолет в кобуру, Джакара продолжала свирепо смотреть на город, только теперь не высказанные проклятия горели в ее глазах.

Дело тут было не просто в Кейпвилле или в борделе, где она работала. Нет. Она ненавидела Объединенную Лигу всеми фибрами своей души. Наверное, лишь один человек во Вселенной ненавидел ОЛ больше. Пусть остальные девицы посещают разные церкви, когда у них выдается выходной, пусть едят пирожные и толстеют, пусть развлекаются со своими дружками... Джакара будет ездить в горы и стрелять из пистолета.

Однажды — о, хоть бы этот день наступил, когда она еще будет достаточно молодой — огонь запылает, прольется кровь и сюда придет смерть; расцветут оранжево-красные взрывы бомб и ракет. Она готовилась к этому дню, как невеста готовится к самому главному дню своей жизни. Когда он придет, Джакара хотела только одного: умереть с его именем на устах, убивая всех и вся вокруг.

Она была совсем маленькой — четырех или пяти лет, наверное, — когда ее родители эмигрировали на Дейбу. Едва начался конфликт, как их поместили в центр для перемещенных лиц — местные власти сразу вспомнили, откуда прилетела семья Джакары. Если бы у нее были деньги, она бы обязательно вернулась назад. Однако Джакара знала, что ей никогда не удастся этого сделать. Ее родители не пережили войны между ДИНАБом и ОЛ. Тогда заботу о девочке взяло на себя государство. Когда Джакара выросла и попыталась найти приличную работу, оказалось, что на ней стоит печать принадлежности к ДИНАБу. Только бордель Кейпсвилла, находящийся на содер-

жании властей, готов был принять ее. У нее никогда не было жениха или даже ухажера; она так и не смогла найти другой работы. «Возможно, симпатизирует ДИНАБу», — было написано в ее досье; так ей, во всяком случае, казалось. Где-то посреди короткого жизнеописания Джакары значилась эта коротенькая фраза, напечатанная красным.

«Ну и хорошо, — сказала она себе много лет назад, когда обдумала все эти факты и приняла окончательное решение. — Ну и хорошо. Вы выбрали меня, рассмотрели и отбросили в сторону. Вы дали мне имя, которого я не хотела. Я его принимаю, только уберем слово возможно. Наступит время, когда я стану червоточиной в сердце этого цветка».

Другие девушки редко входили к ней в комнату, они чувствовали себя там неуютно. А когда и решались, то, нервно хихикая, быстро уходили. Ни кружавчиков и рюшечек, ни трехмерных фотографий актеров-красавчиков на стенах — ничего этого не было в аскетичной каморке Джакары. Над ее кроватью висел портрет худого ухмыляющегося Малакара Мстителя, последнего Человека на Земле. Противоположную стену украшала пара хлыстов с серебряными рукоятками. Пусть остальные девицы имеют дело с обычными посетителями. Джакара же принимала только тех из них, над кем могла издеваться. Они прихсдили к ней, и она над ними измывалась, но они снова приходили за очередной порцией оскорблений.

Каждую ночь Джакара разговаривала с ним, для нее это было что-то вроде молитвы: «Я измываюсь над ними, Малакар, так же, как ты разрушал их города и их миры, ты продолжаешь наносить им удары, ты никогда не остановишься. Помоги мне быть сильной, Малакар. Я хочу причинять им боль и уничтожить их всех. Помоги мне, Малакар. Пожалуйста, помоги мне. Убей их всех!» Иногда Джакара просыпалась среди ночи или рано утром от того, что ее тело сотрясали рыдания, причины которых она не знала.

Девушка повернула куррьяба и направилась к тропинке, ведущей через холмы на другой берег перешейка. День только начинался, и сердце Джакары ликовало, потому что совсем недавно ей стало известно о событиях на Бланчене.

Хейдель выпил целую флягу воды и еще половину второй. Влажный полуночный мрак окутывал место, где он разбил свой лагерь.

Он перевернулся на спину, подложил руки под голову и стал смотреть в темное небо. События последних дней казались ему очень далекими. Каждый раз, когда он просыпался после катарсиса-комы, у него было ощущение начатой заново жизни, а то, что произошло с ним перед этим, на какое-то время представлялось таким же холодным и бессмысленным, как найденное за корзиной для мусора письмо годичной давности. Он знал: это пройдет через час или около того.

Падающая звезда прочертила небо, и он улыбнулся. «Она предвещает начало моего последнего дня на Гliche», — сказал себе Хейдель.

Он снова посмотрел на светящийся циферблат своего хронометра. Да, несмотря на то что он совсем недавно пришел в себя, он не ошибся — до рассвета еще оставалось несколько часов.

Он потерял глаза и вспомнил о красоте женщины. Теперь она показалась ему такой тихой... Он редко помнил слова, с которыми обращалась к нему женщина, однако на этот раз она почти ничего не сказала. Только коснулась его лба рукой, а потом он почувствовал что-то влажное на своей щеке.

Хейдель покачал головой и усмехнулся. Неужели он был прав тогда, в странтрианском храме, многие годы назад? Может быть, он действительно спятил? Думать об этой незнакомке, как о реальной женщине, — настоящее безумие.

С одной стороны...

А с другой... Как тогда объяснить повторяющийся сон? Один и тот же, который снится ему вот уже несколько десятилетий? Впрочем, это не совсем сон. Только детали и внешние обстоятельства. Меняются темы разговоров, меняется настроение. И каждый раз та странная женщина, окруженная ореолом любви и силы, уводит его в царство мира и покоя. Возможно, ему все-таки надо поговорить с психиатром. Если он, конечно, хочет, чтобы с этими снами было покончено навсегда. Однако Хейдель тут же решил, что он этого не хочет. Совсем. Он почти все время проводит в одиночестве, кому тут навредишь? Когда он просыпается и имеет дело с другими людьми, сны отходят на второй план. Зато необыкновенная женщина и все, что с ней связано, дарят покой и радость. Зачем же лишать себя одного из самых безобидных удовольствий? Ведь «безумие» не прогрессирует.

Так он лежал в течение нескольких часов. И думал о будущем. Наблюдал за светлеющим небом и за поочередно гаснущими звездами. Ему было страшно любопытно, что происходит на других мирах. Он уже давно не слушал сводок новостей.

Когда начался рассвет, Хейдель поднялся, протер тело губкой, подровнял волосы и бороду, оделся. Позавтракал, сложил все свои вещи, закинул рюкзак за спину и начал спускаться с холма.

Через полчаса он уже был на окраине Италбара.

Переходя на другую сторону улицы, он услышал однообразный перезвон колоколов.

Смерть, возвещали колокола; похороны. Хейдель пошел дальше.

А потом услышал вой сирен, но не стал выяснять, что произошло.

Он подошел к магазину, где ужинал несколько дней назад. Магазин был закрыт, а на двери было что-то прикреплено.

Он пошел дальше, опасаясь самого страшного и зная, что оно уже произошло.

Хейдель подождал, когда мимо угла, у которого он остановился, пройдет процессия. Проехал катафалк, освещенный фонарями.

«Мертвецов все еще хоронят, это совсем не то, чего я так опасался, — попытался успокоить себя Хейдель. — Самая обычная смерть, просто смерть... Кого я пытаюсь обмануть?»

Он пошел дальше, и какой-то мужчина плюнул ему под ноги.

«Снова? Чем я стал?»

Хейдель бродил по улицам, медленно пробираясь к взлетному полю.

«Если виноват действительно я, как им удалось это так быстро узнать? — задавал он себе один и тот же вопрос. — Они не могут быть ни в чем уверены...»

А потом Хейдель подумал о себе: каким он представлялся жителям этого маленького городка. Божественное существо оказалось среди них. Они должны испытывать благоговение, смешанное со страхом. Возможно, он задержался слишком надолго тогда, сотни лет назад. Теперь удовольствие, которое он испытал, находясь в городе, уменьшалось, утекало, пропадало с каждым новым ударом колокола. Сейчас пребывание в Италбаре вряд ли принесет ему радость.

Маленький мальчик увидел Хейделя и закричал: — Вот он! Это Х!

Тон мальчишки заставил Хейделя пожалеть о том, что ему пришлось вернуться в город, чтобы сесть на флайер. Он пошел дальше, а мальчишка — и еще несколько взрослых — последовали за ним.

«Но ведь она жива, говорил он себе. Я вернул ей жизнь... Огромная победа».

Хейдель прошел мимо авторемонтной мастерской, перед которой сидели рабочие в голубой форме. Они не шевелились. Просто сидели на своих стульях, придвинутых к кирпичной стене, курили и молча смотрели на него, пока он не скрылся из виду.

Колокола продолжали свой погребальный перезвон. Из дверей домов и боковых улиц выходили люди — просто стояли и глазели на него.

«Я пробыл здесь слишком долго, — решил Хейдель. — Я же не хотел пожимать им руки. В больших городах у меня не возникает таких проблем. Меня перевозят в управляемых роботами автомобилях, которые потом стерилизуют; мне предоставляется целая палата, ее тоже потом стерилизуют; я встречаюсь всего с несколькими людьми — сразу после катарсиса; и покидаю город тем же способом. Уже много лет прошло с тех пор, как я в последний раз посещал маленький городок. Я стал слишком беспечным, в этом моя вина. Все было бы в порядке, если бы я так долго не разговаривал со стариком после обеда. Все было бы хорошо. Я потерял осторожность».

Он увидел, как люди грузят гроб на катафалк. За углом дождался своей очереди следующий.

Значит, это не эпидемия. Пока. Когда начнется настоящая эпидемия, люди начнут сжигать трупы. И перестанут покидать дома.

Хейдель оглянулся — по доносившимся до него звукам он уже понял, что сейчас увидит.

Теперь людей, следующих за ним, набралось около дюжины. Больше Хейдель не оборачивался. Среди слов, которые раздавались у него за спиной, Хейдель отчетливо услышал постоянно повторяющееся «Х».

Мимо очень медленно проехал автомобиль. Хейдель по-прежнему старался ни на кого не смотреть, хотя чувствовал, что на него направлены десятки глаз. Он добрался до центра города, прошел через маленькую площадь, мимо позеленевшей статуи какого-то местного героя.

Кто-то сказал что-то на языке, которого Хейдель не знал. Он ускорил шаг, а шум у него за спиной стал более отчетливым, словно преследующая его толпа заметно выросла.

«Что же за слова были произнесены?» — пытался сообразить он.

Хейдель прошел мимо церкви, и звук колокола показался ему особенно громким. До него донеслось проклятие какой-то женщины.

Страх все сильнее овладевал им. Солнце обещало приятный день, но Хейделя это уже больше не радовало.

Он повернул направо и пошел в сторону взлетного поля, до которого еще оставалось три четверти мили. Голоса стали громче, они по-прежнему не были обращены к Хейделю, но разговор шел о нем. Он услышал, как кто-то произнес слово «убийца».

Из окон на него смотрели гневные лица, а в спину летели проклятия. Нет, бежать нельзя. Ни в коем случае.

Когда Хейдель переходил на другую сторону улицы, какой-то автомобиль неожиданно выехал ему навстречу, но в самый последний момент свернул и умчался прочь. Раздался резкий крик птицы, устройшейся на карнизе дома, мимо которого он проходил.

Они знали, что это его рук дело. Люди умирали, след вел к нему. Еще несколько дней назад он был героем. А теперь стал преступником. Да будут прокляты примитивные суеверия, что окутали город, точно толстое черное покрывало! Бесконечные разговоры о богах, талисманах, амулетах, приносящих удачу, — все это каким-то образом заставляло Хейделя спешить. В сознании этих людей он теперь ассоциировался с демонами, а не с богами.

...Если бы только он не сидел так долго после обеда, если бы убегал от всех прохожих...

«Мне было одиноко, — сказал себе Хейдель. — Если бы я вел себя так же осторожно, как в прежние дни, этих смертей можно было бы избежать. Никто бы не заболел. Но мне было так одиноко».

Хейдель услышал, как кто-то закричал: «Х!», но не стал оборачиваться.

Ребенок, стоящий возле урны, выстрелил в него из водяного пистолета, когда он проходил мимо.

Колокола продолжали траурный перезвон.

Когда Хейдель остановился перед тем, как перейти улицу, кто-то бросил в него окуроч. Он наступил на окуроч и немного подождал. Преследователи

толпились совсем рядом. Кто-то толкнул его в бок. Хейделю показалось, что это был локоть, но тычок могли произвести и кулаком. Они начали теснить его, и слово «убийца» повторилось несколько раз.

Хейделю и раньше приходилось сталкиваться с подобными ситуациями. Однако воспоминания о прежних неприятностях не слишком его вдохновляли.

— Что вы собираетесь делать дальше, мистер? — спросил кто-то.

Он не ответил.

— Заражать других людей?

Он опять промолчал.

Потом у него за спиной закашлялась женщина.

Хейдель повернулся — ведь теперь он был чистым и мог помочь. Женщина опустилась на колени, у нее изо рта пошла кровь.

— Пропустите меня, — сказал Хейдель, но никто не сдвинулся с места.

Он стоял и наблюдал за тем, как умирает женщина... или она впала в состояние комы? Почему-то Хейдель не сомневался в том, что женщина умерла.

Он пошел дальше, надеясь, что никто сейчас не обратит на него внимания. Добрался до следующего угла, пересек улицу и побежал.

Его продолжали преследовать.

Нельзя было поддаваться панике и бежать. Он совершил ошибку. Хейдель почувствовал первый удар, нанесенный чьей-то безжалостной рукой. В него что-то бросили.

По мостовой со стуком покатился камень, который лишь скользнул по плечу Хейделя, не причинив ему особого вреда. И все же он испугался.

Теперь он уже не мог остановиться. Более того, как только он увеличивал скорость, его преследователи начинали бежать вслед за ним еще быстрее. Он сбросил рюкзак на землю и со всех ног устремился вперед.

В спину ему уже летел целый град камней.

Один попал в голову — правда, лишь коснувшись волос.

— Убийца! Бандит!

Хейдель лихорадочно перебирал в памяти содержимое своих карманов — в прошлом ему несколько раз удавалось довольно успешно откупиться от разъяренной толпы. Впрочем, почему-то он был уверен, что сейчас у него этот номер не пройдет.

Маленький камешек пролетел мимо и ударился в стену дома, но следующий попал Хейделю в руку, причинив довольно сильную боль.

Он никогда не носил с собой оружия. И ничего не мог сделать, чтобы остановить это безумие; он считал поведение жителей Италбара самым настоящим умопомрачением.

Еще один камень просвистел мимо его уха.

— Ублюдок! — взывал кто-то.

— Вы сами не понимаете, что делаете! — крикнул Хейдель. — Это же несчастный случай!

Неожиданно он почувствовал на шее что-то влажное. Потрогал рукой и увидел кровь на пальцах. В него попал еще один камень.

Может быть, забежать в магазин? Или поискать убежища в каком-нибудь деловом центре?

Хейдель огляделся по сторонам, но все подобные места в этом районе оказались закрытыми. Интересно, почему не видно полиции?

Несколько камней покрупнее угодило ему прямо в спину. Он покачнулся, потому что камни были брошены довольно сильно, и почувствовал острую боль.

— Я прибыл сюда, чтобы помочь... — начал было он.

— Убийца!

А потом в Хейделя полетели новые камни, заставив его опуститься на колени. Но уже через несколько секунд он снова поднялся на ноги и бросился бежать. В него попало еще несколько булыжников, но он по-прежнему, спотыкаясь, мчался вперед.

Хейдель упал и не смог уже быстро подняться. Его стали бить ногами, кто-то плюнул ему в лицо.

— Убийца!

— Пожалуйста... Послушайте меня! Я вам все объясню.

— Убирайся к дьяволу!

Наконец Хейдель отполз к стене и скорчился возле нее. Преследователи подобрались совсем близко.

— Пожалуйста! Я снова стал чистым!

— Ублюдок!

А потом Хейделя охватила ярость. Они не имеют права так с ним обращаться. Он прибыл в их город с самыми лучшими намерениями. Столкнулся с множеством трудностей, пока не добрался до Италбара. И вот теперь весь в крови валяется у ног дикарей, которые его проклинают. За что? Почему они уверены, что могут судить Хейделя фон Хаймека? Кто дал им право оскорблять и унижать?

Эти мысли, нарастая, заполняли его душу, и он знал, что, если бы только был в силах, безжалостно растоптал бы всех своих мучителей прямо здесь, на улице.

Ненависть — чувство, практически незнакомое Хейделю, — неожиданно опалила его сознание холодным огнем. Он пожалел, что уже подвергся катарсису и сейчас был совершенно чистым. Он с радостью заразил бы их всеми мыслимыми болезнями.

Тычки продолжались.

Прикрыв руками лицо и живот, Хейдель решил, что вытерпит все.

«Для вас будет лучше, если вы меня убьете, — беззвучно повторил он. — Потому что, если вы этого не сделаете, я обязательно сюда вернусь».

Он уже испытал нечто подобное. Где это было? Ему даже не пришлось долго напрягать память, чтобы вспомнить.

Храм. Странтрианский. Именно там он испытал эмоции, похожие на ненависть, которая охватила все его существо сейчас. Почему же тогда он не сумел понять, какое прекрасное чувство — ненависть!

Ему казалось, что у него переломаны все ребра, а правая коленная чашечка выбита. Он лишился нескольких зубов, кровь и пот заливали глаза. Толпа продолжала измываться над ним, и он не заметил, в какой момент потерял сознание.

Возможно, они решили, что убили его — он лежал на земле совершенно неподвижно. А может быть, просто устали или им стало стыдно. Он так этого никогда и не узнал.

Хейдель фон Хаймек скорчился у какой-то стены, которая не захотела раскрыться, чтобы дать ему убежище. Он был один.

Сквозь его затуманенное болью сознание пронесли звуки удаляющихся шагов, затихающие проклятия и ворчание.

Он закашлялся, и на губах появилась кровь.

«Ну, хорошо, — сказал он сам себе. — Вы попытались меня убить. Вероятно, вы думаете, что вам это удалось. Вы совершили ошибку. Не следовало оставлять меня в живых. Какими бы ни были ваши намерения, не просите теперь у меня прощения или сострадания. Вы совершили ошибку».

А потом Хейдель снова потерял сознание.

Он пришел в себя от тихого дождя, падающего на лицо. День уже клонился к вечеру, а он почему-то оказался в аллее парка: то ли сам добрался до этого места, то ли кто-то ему помог.

Он опять провалился в липкий мрак, а когда пришел в себя, небо было уже совсем черным.

Он промок до нитки, а дождь все продолжал идти — или начался снова? Хейдель не знал. Сколько времени прошло? Он поднес к глазам свой хронометр. Естественно, оказалось, что хронометр разбит. Но все его тело настойчиво кричало о том, что прошли целые века с тех пор, как он снова вошел в Италбар.

Ладно.

Ему причинили боль. Его проклинали.

Хорошо.

Он сплюнул и попытался разглядеть следы крови на мокрой от дождя земле.

«Вам известно, кто я такой? Я прибыл сюда ради того, чтобы помочь. И я помог. А если получилось так, что я стал причиной нескольких смертей, стараюсь спасти жизнь Люси Дорн, неужели вы думаете, что я сделал это намеренно? Нет? Тогда почему же вы так себя вели? Я знаю. Мы совершаем поступки, потому что чувствуем, что должны их совершить. Иногда мы становимся жертвами своих эмоций, своей принадлежности к человеческому роду — как, например, я в тот день. Вполне возможно, что я заразил кого-нибудь или всех, с кем встречался и разговаривал.

Но смерть... Неужели я смог бы намеренно так поступить с другим человеческим существом?

Тогда не мог. Некоторое время назад.

Однако вы показали мне другую сторону жизни.

Я тоже наделен чувствами, и теперь они изменились. Вы избили меня до полусмерти, когда я всего лишь пытался добраться до посадочной полосы. Отлично. Я стал вашим врагом. Посмотрим, как вам понравится такой поворот событий.

Все про меня знаете?

Я смерть, появившаяся среди вас.

Думаете, что покончили со мной?

Ошибаетесь.

Я хотел помочь. Я останусь, чтобы убивать».

Он пролежал еще довольно долго, прежде чем смог подняться и отправиться в путь.

Доктор Пелс рассматривал планету.

Ему дали ниточку, за которую он мог ухватиться. Дейбианская лихорадка. С этого все началось. Благодаря ей он смог выйти на след Х. Теперь же, когда бесконечные ночи сменяли бесконечные дни, ему в голову стали приходить самые разные мысли. Одни задерживались там надолго, другие быстро куда-то

исчезали, а иные темы занимали его долгие, долгие часы, ни за что не желая никуда уходить.

Х.

Х был больше, чем ключом к решению загадки мвалакхарран кхур...

Одно присутствие Х помогло излечить множество самых странных и разнообразных болезней.

«Не по этой ли причине я отложил работу, которой занимался в течение двадцати лет, и решил попытаться разобраться в этой проблеме совсем с другой стороны? Х не будет жить вечно, в отличие от меня — в моем нынешнем состоянии. Двигает ли мной только научное любопытство?»

Он приготовил все необходимое для пространственного прыжка. А потом перечитал сообщение, которое получил.

Звуки торжественной и печальной музыки окутали неподвижное тело доктора Пелса.

Хейдель снова пришел в себя. Он лежал в канаве. Рядом никого не было. Над головой у него сияли звезды. Земля была влажной и грязной, однако дождь прекратился.

Сначала Хейдель прополз немного, потом поднялся на ноги, покачнулся и направился в сторону взлетного поля, к которому шел днем. Он видел его во время прогулки в тот день, когда у него брали кровь, чтобы приготовить сыворотку — когда же это было?

Добравшись до взлетного поля, Хейдель стал искать сарай, который заметил раньше.

Вон там...

Сарай оказался незапертым, а внутри было тепло. Повсюду валялись тряпки, которыми накрывали какие-то приборы. На тряпках лежал толстый слой пыли, но это не имело никакого значения. Хейдель уже снова начал отчаянно кашлять.

«Несколько дней, — успокоил он самого себя. — Пусть шрамы только начнут заживать. Больше ничего не надо».

Передавали новости. Малакар включил приемник, послушал немного, выключил. Обдумал сообщения, переварил их, снова включил приемник.

Персей скользнул под солнца...

Малакар дремал, пока шел прогноз погоды для ста двенадцати планет. Скучал во время сводки новостей. Сонно размышлял о сексе во время передачи с Прурии.

Его корабль мчался вперед; теперь он не остановится, пока они не доберутся до родной планеты.

— У нас все получилось, — сказал Шинд.

— У нас получилось, — ответил он.

— А как насчет тех, кто погиб?

— Я думаю, мы узнаем, сколько их было еще до того, как доберемся до дома.

Шинд промолчал.

Глава 2

Он сидел на самой высокой башне величайшего космопорта — один человек, противостоящий империи.

«Идиотизм? — спросил он себя. — Нет. Ведь они ничего не могут мне сделать».

Бросив мрачный взгляд на океан, появившийся перед его глазами на короткое время, он стал внимательно рассматривать длинные влажные мили за Манхэттенской Цитаделью, его домом.

Могло быть и хуже.

Как?

Иногда в порту никого нет, а тебя почему-то вдруг охватывает беспокойство...

Он смотрел на воду, скрытую серым плюмажем, который напоминал раскрытый веер.

Когда-нибудь, возможно...

Доктора Малакара Майлза абсолютно не беспокоило, что он — единственный человек на Земле. Земля принадлежала Малакару Майлзу, единственному ее господину и монарху. Больше никто на нее не претендовал.

Он выглянул в куполообразное окно — там открывался вид на большой кусок Манхэттена. Точнее, на то, что от него осталось.

Дым клубился, словно исполинская туча. Малакар слегка переместил зеркальный отражатель, па-

ривший высоко в небе, и увидел всполохи оранжевого пламени.

Великолепное зрелище!

Защитные поля поглотили излучение.

Огонь продолжал буйствовать, и приборы показали резкое повышение радиоактивности.

Защитные экраны поглотили и это.

Было время, когда Малакар обращал внимание на подобные вещи.

Он посмотрел вверх на четвертушку мертвой луны. Три, десять секунд... Потом появился корабль, и он вздохнул.

— *Мой брат страдает, —* сказал Шинд. — *Не дадите ли вы ему еще лекарства?*

— Да.

Прежде чем перейти в лабораторию, Малакар еще раз бросил взгляд на то, что когда-то было сердцем города Нью-Йорк. Длинные серые лианы оплетали фундаменты разрушенных зданий, с каждым новым днем карабкаясь все выше. Их длинные жесткие листья шуршали на ветру. От дыма они сморщились и почернели. Но лианы продолжали расти. Малакару даже казалось, что он видит, как это происходит. Ни одно человеческое существо не смогло бы жить в этих каменных джунглях. Безо всякой на то причины Малакар Майлз нажал на кнопку, и атомный снаряд небольшой мощности уничтожил здание, находящееся в нескольких милях.

— Мне придется дать твоему брату карантин, который воздействует на дыхательные функции.

— *Это облегчит его страдания, не так ли? В конечном счете?*

— Да.

— *Тогда у нас нет другого выхода.*

— Приведи его в лабораторию.

— *Хорошо.*

Малакар еще раз взглянул на свое королевство, на кусочки океана, которые иногда проглядывали сквозь серую пелену дыма. А затем покинул свой пост.

Ветры, веющие над миром, принесли новый мусор. Как и всегда. Единственный живущий здесь человек уже давно оставался равнодушным к этому почти не меняющемуся пейзажу.

Скоростной лифт опустился на нижний уровень цитадели. По дороге в лабораторию, где ждал брат Шинда Тув, Малакар трижды разрывал цепи охранной сигнализации, чтобы проверить, как они работают.

Он достал лекарство из углубления в стене и сделал маленькому существу инъекцию.

И стал ждать. Прошло минут десять.

— Как он?

— *Мой брат жалуется, что укол был болезненным, но ему постепенно становится лучше.*

— Хорошо. Ты можешь отвлечься и рассказать мне о причинах визита Морвина?

— *Он ваш друг. И мой тоже. С давних пор.*

— Так почему же ты посоветовал мне быть осторожным?

— *Дело не в нем, а в том, что он несет в себе — это может представлять для вас опасность.*

— Что именно?

— *Информация, так мне кажется.*

— Новость, которая может убить меня? Радикалы из ОЛ не смогли этого сделать даже при помощи ракет. Что есть у Морвина?

— *Не знаю. Однако вам ведь известно, что иногда существам моей расы удается заглянуть в будущее. Мне снятся сны. Самого процесса я не понимаю.*

— Ладно. Доложи мне о состоянии брата на данный момент.

— *Его дыхание еще немного затруднено, но сердечные мышцы сокращаются более уверенно. Мы благодарим вас.*

— Мы снова смогли справиться с его проблемой. Хорошо.

— *Да не так это и хорошо. Я вижу, что его жизнь подойдет к концу через 2,8 земного года.*

— Я могу что-нибудь сделать?

— *Через некоторое время ему потребуются более сильные лекарства. Вы были очень добры, но вам придется пойти еще дальше. Возможно, специалист...*

— Хорошо. Мы можем себе это позволить. К нему будут приглашены самые лучшие специалисты. Расскажи мне о том, какие могут возникнуть проблемы.

— *Скоро увеличится скорость распада кровяных сосудов. Однако пройдет приблизительно шестнадцать земных месяцев, прежде чем болезнь полностью покорит его тело. После этого он быстро погибнет. Я не знаю, что стану тогда делать.*

— Поговори с ним и постарайся его успокоить.

— *Я постоянно этим занимаюсь.*

— Соедини нас.

— *Подождите минутку.*

...В разум ребенка монголоида — и больше. Его подхватили загадочные течения, потащили куда-то... вот он знает и видит.

...Все, что когда-либо проходило перед этими желтыми глазами — сам Малакар позаботился о том, чтобы они повидали немало. Тонкий инструмент не выбрасывают только из-за того, что счет на врача может оказаться слишком большим.

Малакара окутал почти непроглядный мрак, царивший в этом необычном сознании, но он продолжал двигаться по нему дальше. Шинд осуществлял связь, а Малакар изучал существо, в разуме которого находился. Небеса, карты, миллионы страниц, лиц, сцен, диаграмм. Возможно, несчастный Тув и был лишен способности мыслить, однако это не мешало самой разнообразной информации собираться в архивах его сознания. Малакар медленно продвигался вперед.

Да, эта лохматая голова являлась самым настоящим складом, который очень неохотно расставался со своим достоянием.

Вдруг все существо Малакара Майлза затопили эмоции. Совсем рядом источник боли и страха смерти — Тув практически не понимал, что с ним происходит, и от этого его страх был еще более сильным — пропитанное отвратительными кошмарами место, где смутные образы ползали, извивались, горели, истекали кровью, замирали, а потом растягивались и рвались. Что-то внутри самого Малакара ответило на этот чудовищный призыв. Животный ужас, страх перед пустотой, попытка наполнить ее самыми невероятными порождениями фантазии, а когда это удавалось — бесконечные повторения после неудачных попыток понять.

— Шинд! Вынь меня отсюда!

...И вот он уже снова стоит рядом с раковиной. Очень медленно опорожнил колбу и прополоскал ее.

— Ну, переживание было полезным?

— Я буду постепенно увеличивать дозу. Следи за тем, чтобы он не переутомлялся.

— Вам понравились его воспоминания?

— Да, черт возьми, и я постараюсь их сохранить.

— Хорошо. Мой прогноз относительно продолжительности жизни Тува может оказаться слишком оптимистичным.

— Было бы глупо рассчитывать на точность. Расскажи мне еще о Морвине.

— Он обеспокоен.

— Мы тоже. Разве нет?

— Скоро он произведет посадку и бюджет здесь. Такое впечатление, что его сознание наводнено страхами. Этому способствовали люди из того места, которое вы ненавидите.

— Весьма вероятно. Он живет среди них.

Малакар Майлз бросил всего лишь один взгляд на изображение своего мира. Чтобы скоротать время, он включил экраны, которые показали ему большую часть Земли. Потом выключил их, потому что видел эту картинку уже множество раз, и она ему

давно наскучила. Если живешь возле вулкана, который когда-то, давным-давно, что-то для тебя значил, нужно привыкнуть к самым мрачным видам, возникающим время от времени перед глазами. Конечно, Малакар Майлз по-прежнему любил Землю, но он практически ничего не мог сделать, чтобы изменить ландшафт.

Сейчас же он просто сидел и наблюдал за приземлением корабля и за тем, как из него вышел Морвин. Он включил систему слежения и проверил боевую готовность разных видов оружия.

«Просто смешно, — подумал он. — Должен же я хоть кому-нибудь доверять!»

Однако он внимательно следил за Морвином, приближающимся к воротам цитадели: парящая в воздухе сфера готова была в любой момент обрушить огненную смерть на голову старого друга.

Человек в космическом скафандре остановился и посмотрел наверх. По сфере пробежали трещины. Малакар нажал на кнопку вызова на массивной консоли управления.

Замигал белый огонек, и, когда Малакар повернул соответствующий диск, сквозь шум статических помех послышался хорошо знакомый голос:

— Я только хотел навестить вас, сэр. Если вы считаете, что я должен улететь...

Малакар коснулся кнопки передачи.

— Нет. Заходи. Я принял обычные меры предосторожности.

Однако он продолжал следить за каждым шагом Морвина, вводя информацию о его продвижении в боевой компьютер. Малакар просветил Морвина рентгеновскими лучами, взвесил, измерил пульс, кровяное давление и снял энцефалограмму. Все эти данные он пропустил через другой компьютер, который проанализировал их и направил результаты Малакару.

Чисто, таков был ответ.

— Шинд? Что ты заметил?

— Я бы сказал, что он действительно просто решил навестить вас, сэр.

— Ладно.

Малакар открыл ворота, и художник оказался внутри крепости. Морвин вошел в обширный зал и уселся на подвижном диване.

Малакар ступил в переплетение разноцветных лучей, и через несколько секунд вышел оттуда ослепительно чистым и гладко выбритым. Потом быстро оделся, спрятав на себе лишь простейший набор оружия, и, поднявшись на лифте, вошел в главный зал своей крепости.

— Привет. Как поживаешь?

Морвин улыбнулся.

— Привет. В кого вы стреляли, сэр, когда я пошел на посадку?

— В призраков.

— Угу. Удалось попасть?

— Никогда не удастся. Конечно, жаль, что виноградников на Земле больше нет, но у меня еще остались кое-какие запасы. Не хочешь попробовать?

— С удовольствием.

Малакар подошел к бару, наполнил два бокала и протянул один из них Морвину.

— Пью за твое здоровье. А потом мы пообедаем.

— Спасибо.

Они чокнулись.

Он встал. Потянулся. Лучше. Намного лучше.

Проверил ноги, потом руки. Оставалось еще несколько затекших мышц и болезненных мест. Он их помассировал. Почистил одежду. Осторожно подвигал головой.

Потом подошел к стене хижины и выглянул в грязное окно.

Тени заметно удлинились. Скоро закончится еще один день.

Он рассмеялся.

На миг перед его слипающимися от сна глазами возникло голубое печальное лицо.

— Мне очень жаль, — сказал он, а потом присел на ящик и стал ждать наступления ночи.

Он чувствовал, как мощь начинает петь в его ранах и в новой незаживающей язве, появившейся на правой руке.

Это было здорово.

Дейлинг из Дигла медитировал, дожидаясь, как обычно, звона прибойного колокола. Прикрыв глаза, он кивнул, хотя, сидя на балконе, даже не смотрел на океан.

Случившееся никак не укладывалось в рамки его подготовки к деятельности священнослужителя. Он никогда не слышал ни о чем подобном, хотя религия, которую он проповедовал, была очень древней, а ее постулаты — сложными.

Непонятно, почему никто не поставил этот вопрос перед Именами. По традиции освящение было феноменом галактического уровня.

Но Имена почему-то с равнодушием относились к тому, что происходило в их святилищах. Обычно Имя-носящие общались друг с другом только по поводу вопросов вселенского значения, в которых участвовали почти все из них.

Будет ли дерзостью, если он обратится с вопросом к кому-нибудь из Тридцати Одного Живущих?

Наверное.

Но если они и в самом деле ничего не знают, им нужно сообщить. А может быть, нет?

Дейлинг размышлял. Очень долго размышлял.

Затем, когда раздался звонок, возвещающий о приливе, он встал и направился туда, где находились средства связи.

Какая несправедливость! Ведь ему хотелось именно этого и, с его точки зрения, в подобном же-

лании не было ничего особенного. Но в момент свершения действия намерение отсутствовало, и он не мог насладиться содеянным.

Света нигде не было. Мертвый город застыл в холодной неподвижности под сияющими яркими звездами.

Он сорвал знак карантина, посмотрел на него, а потом разорвал на мелкие клочки. Бросил обрывки на землю и поспешил дальше.

Он мечтал о том, что войдет в Италбар ночью, дотронется своими израненными руками до дверных ручек, проведет ими по перилам, ворвется во все магазины по очереди и станет плевать на их еду.

Куда они подевались? Умерли, разбежались или лежат в своих постелях, дожидаясь последнего часа? Этот город совсем не был похож на тот Италбар, что предстал перед его глазами, когда он смотрел на него с вершины холма. Тогда Хейдель фон Хаймек прибыл сюда совсем с другими намерениями.

Теперь он сожалел, что принес смерть жителям Италбара не намеренно, а по чистой случайности.

Однако он знал, что в его жизни будут и другие Италбары — целые миры, наполненные городами, похожими на этот.

Проходя мимо угла, где гулял мальчишка с ящерицей, Хейдель остановился, чтобы вырезать себе посох.

Проходя мимо места, где мужчина предложил подвезти его, он сплюнул на землю. Он прожил много лет в одиночестве и считал, что прекрасно разбирается в человеческой природе, гораздо лучше тех, кто всю свою жизнь провел в больших городах. Это знание давало ему право на вынесение приговора — он в этом был неколебимо уверен.

Сжимая в руках свой посох, Хейдель вышел из города и направился в горы. Ветер шевелил его волосы и бороду, а в глазах отражались звезды.

Он улыбался.

Малакар вытянул свои начиненные оружием руки и ноги и подавил зевок.

— Еще кофе?

— Спасибо, командор.

— ...Итак, ОЛ собирается предпринять военные действия против нас, а меня они намереваются использовать в качестве повода? Очень хорошо.

— Ну, мне сказали, не совсем так, сэр.

— Суть от этого не меняется.

«Жаль, что я не могу доверять тебе, — решил Малакар, — хотя ты сам считаешь себя достойным доверия. Ты был хорошим заместителем и всегда мне нравился. Но все творческие натуры отличаются ненадежностью. Вы селитесь там, где покупают ваши произведения. Если бы направить твои способности в нужное русло, мы с тобой славно поработали бы. Жаль. Интересно, почему ты не куришь трубку, которую я тебе подарил...»

— *Он думает об этом сейчас,* — сказал Шинд.

— А о чем он еще думает?

— *Информация, которой я опасался, не находится на первом плане его сознания. По крайней мере, я ее не вижу.*

— Я хочу попросить тебя оказать мне услугу.

— *Какую, сэр?*

— Это касается сфер, в которые заключены сны, те, что ты делаешь...

— *Да?*

— Я бы хотел, чтобы ты мне сделал такую.

— *Я был бы счастлив, но не взял с собой аппаратуры. Если бы я знал, что вас это заинтересует, я привез бы все необходимое оборудование. Однако...*

— В принципе я понимаю, как ты это делаешь. Я думаю, моего лабораторного оборудования хватит на то, чтобы решить эту задачу.

— *Здесь нет нужных наркотических препаратов, телепатической связи, сфер...*

— ...Но ведь я медик, и у меня есть друг-телепат, который может одновременно принимать и переда-

вать мысли-образы. Что же касается сферы, мы ее просто сделаем.

— Ну, тогда я с радостью попытаюсь исполнить вашу просьбу.

— Хорошо. Почему бы нам не начать сегодня вечером? Сейчас, например?

— Не имею ничего против. Я бы уже давно предложил вам свои услуги, если бы только знал, что вам это будет интересно.

— Эта мысль пришла мне в голову совсем недавно, ну, а сейчас к тому же еще и возник подходящий случай.

«Очень подходящий, — подумал он. — А может быть, уже слишком поздно?»

Он пересек джунгли Глича. Прошел недалеко от реки Барт. На лодке проплыл сотни миль, останавливаясь в деревнях и маленьких городках.

Теперь он стал похож на святого отшельника — казался выше и сильнее, а его голос и глаза обладали способностью притягивать внимание толпы. Одежда превратилась в лохмотья, волосы и борода отросли и ключьями торчали в разные стороны, тело покрывали многочисленные царапины, ссадины и грязь. Он проповедовал, и люди его слушали.

Он проклинал их. Говорил, что в их душах поселилось зло, которое движет их поступками. Он говорил о преступлениях, о вине, требующей искупления, и о том, что он подарит им это искупление. Он утверждал: на свете не существует раскаяния, и им осталось только привести свои дела в порядок — ведь через несколько часов они покинут этот мир. Никто не смеялся, когда он произносил эти слова, однако позже, вспоминая его проповеди, многие начинали весело хохотать. Впрочем, кое-кто следовал его совету.

Так, возвещая День Смерти, он путешествовал из города в город, и ни разу его предсказание не было нарушено.

Те немногие, кому посчастливилось остаться в живых, по какой-то неясной причине начали считать себя избранными. Однако Кем они избраны, никто из них не знал.

— Я готов начать, — сказал Малакар.

— Хорошо, — согласился Морвин. — Давайте начнем.

«Интересно, за каким дьяволом ему все это нужно, — спрашивал он сам себя. — Раньше ведь никогда не отличался тягой к прекрасному и склонностью к самоанализу. А теперь вдруг захотел получить произведение искусства, в основе которого лежат его чувства... Может, Малакар изменился? Нет, не думаю. Его жилье обставлено с такой же ужасающей безвкусицей, что и прежде, да и вообще, с тех пор, как я побывал здесь в последний раз, ничего не изменилось. Он ведет те же разговоры. Намерения, планы и желания остались прежними. Нет, чувствительность тут ни при чем. Что же тогда?»

Он смотрел на Малакара, пока тот делал себе в руку инъекцию какой-то бесцветной жидкости.

— Что это за препарат?

— Слабое успокоительное средство, обладающее галлюциногенным эффектом. Начнет действовать через несколько минут.

— Вы мне еще не объяснили, какие образы я должен отыскать в вашем сознании, чтобы выполнить заказ.

— Я облегчу вам задачу, — сказал Малакар, когда они устроились на своих кушетках перед сферой. — Шинд поможет мне... когда все будет готово. Тебе нужно будет лишь нажать на рычаги и поймать мой сон в том виде, в каком он перед тобой предстанет.

— Такое решение задачи потребует довольно серьезного участия с вашей стороны. А это неминуемо скажется на яркости и четкости видения. Именно поэтому я предпочитаю пользоваться своими собственными наркотическими препаратами.

— Не беспокойся. Картинка в моем мозгу будет яркой и четкой.

— Как вы думаете, сколько пройдет времени, прежде чем ваш сон примет желаемые, с вашей точки зрения, очертания?

— Минут пять. Образы возникнут, словно вспышка, но ты успеешь привести в действие свои рычаги и рукоятки и поймать его.

— Попытаюсь, сэр.

— У тебя обязательно получится. Не сомневаюсь, это будет самая сложная работа из всех, что ты до сих пор делал. Но я хочу увидеть свои фантазии в тот самый момент, как проснусь.

— Да, сэр.

— Шинд?

— *Я наблюдаю. Он все еще озадачен. Пытается понять, зачем вам сфера и как будет выглядеть ваш сон в ней. Поскольку он не пришел ни к какому выводу, то решил на время отложить эти вопросы. Он успокаивает себя тем, что скоро все узнает. Пытается расслабиться, чтобы как можно лучше выполнить ваш приказ. Он очень напряжен. У него непрерывно потеют руки, и он вытирает их о брюки. Старается выровнять дыхание и сердечный ритм. Постепенно на его сознание нисходит мир. Поверхностные мысли исчезают. Вот! Сейчас... Он продельвает со своим сознанием какой-то трюк, который я не могу расшифровать. Готовится к демонстрации своего специального таланта. Окончательно расслабился. Напряжение исчезло. Погрузился в приятные грезы. Самые разнообразные мысли сами возникают и пропадают. Туман, путаница, очень личное, никаких сильных эмоций...*

— Продолжай за ним следить.

— Хорошо. Подождите. Что-то...

— Что?

— Не знаю. Сфера — что-то про сферу...

— Про эту сферу? Ту, что мы сделали?

— Нет, она всего лишь послужила стимулятором, сейчас, когда он расслабился и возникли свобод-

ные ассоциации... Эта сфера... Нет. Совсем другая. Отличная от этой...

— На что она похожа?

— Большая, а внутри нее звезды... Человек. Мертвый, только он может двигаться. Множество оборудования. Медицинского. Сфера — это корабль, его корабль...

— Пелс. Мертвый доктор. Патолог. Я читал его работы. А при чем тут он?

— Морвин уже перестал об этом думать, снова появились отрывистые, не связанные между собой мысли. Подождите, я вижу нечто важное для меня — мой сон, — я уже предупреждал вас о том, что он несет в себе какую-то загадку. Как-то это все связано.

— Я узнаю, в чем тут дело.

— Но не от Морвина, потому что он сам ни о чем не подозревает. Это просто некий факт, знание, которое вы получите, когда благодаря Морвину начнете думать о Пелсе, мертвом докторе — эта мысль и несет в себе опасность — для вас. Я... Командор, простите меня! Это моя вина! Если бы вы не узнали о моем сне несколько недель назад и мне не удалось сейчас найти к нему ключа, вы были бы в полной безопасности. Вашему благополучию угрожает Пелс, а не Морвин. Было бы куда лучше, если бы я вообще молчал. Нужно просто избегать всего, что связано с мертвым доктором.

— Странно. Очень неожиданный поворот. Однако нам удалось получить желаемую информацию. Разберемся с этим позже. Давай продолжим работу со «сном».

— Нет. Никаких «позже». Забудьте о Пелсе и никогда не вспоминайте о нем.

Не сейчас, Шинд. Помоги мне пробиться сквозь воспоминания твоего брата.

— Хорошо. Я помогу. Но...

— Достаточно, Шинд.

Малакар вновь очутился в сознании Тува и двинулся вдоль проходов диковинной библиотеки — разума слабоумного брата Шинда. Здесь был собран

весь его опыт: от внутриутробных ощущений до настоящего момента. Малакар принялся искать то печальное, больное место, на которое нечаянно наткнулся раньше. Обнаружив его, приблизился — очень осторожно. Несмотря на невыносимые страдания, которые он испытывал, находясь в этом окутанном кошмарами, болью и страхом смерти сознании, он упорно пробирался все дальше и дальше.

Это был сон, приснившийся Туву давным-давно и сохраненный только благодаря своеобразию его памяти; он висел, точно причудливая, не имеющая никакого отношения к реальности картинка рядом с множеством других в галерее боли несчастного существа. Скрученная штопором темная клякса с двумя извивающимися ногами, пронизанная ослепительными вспышками, похожими на хвост зеленой кометы; внизу клякса чуть светлее и отдаленно напоминает лицо — Малакар не сумел его узнать — отвратительное лицо-место, заполнило все пространство между жизнью и смертью и истекало пурпурными слезами, которые залили все вокруг; однако по краям клякса переходила в серебристый хрустальный ландшафт или в тонкие языки белого пламени.

Воспользовавшись своими собственными воспоминаниями, Малакар поместил в самый центр этого кошмара большую карту ОЛ, в которой каждое солнце было едва различимым, словно отдельные клетки умирающего тела.

Все это заняло несколько секунд, а потом Малакар сказал:

— Пора, Шинд!

И услышал, как вскрикнул Морвин. В этот момент ожили приборы.

И тут он понял, что тоже кричит; Малакар продолжал кричать, пока Шинд не прервал связь. Все окутал мрак.

Мир по имени Глич остался у Хейделя за спиной. Пройдет несколько часов, и он покинет эту неболь-

шую звездную систему и сможет войти в подпространство.

Отвернувшись от панели управления, он достал длинную тонкую сигару из коробки, которую нашел на стойке бара мертвого космопорта.

На этот раз все произошло гораздо быстрее, причем пожар эпидемии охватил огромную территорию. Что это была за болезнь? Он даже не узнал симптомов. Неужели и в нем тоже начали зарождаться новые недуги?

Он закурил сигару и улыбнулся.

У него почернел язык, а белки глаз стали желтыми. Почти вся его плоть была больна. Он превратился в странную массу никогда не заживающих язв и нарывов.

Усмехнувшись, Хейдель сделал несколько затяжек, потом его взгляд упал на собственное отражение на экране слева. Усмешка мигом куда-то исчезла. Он отложил сигару в сторону и наклонился вперед, внимательно разглядывая свое лицо. Впервые он смотрел на него с тех пор... Сколько же времени прошло? Где это было? Конечно, в Италбаре. Там, где все это началось.

Он разглядывал морщины, места, которые напоминали ожоги, темные трещины, избороздившие щеки... Именно в этот момент какая-то сила, проснувшаяся в сознании Хейделя, заставила его прижать пальцы к животу.

Он отвернулся от экрана, дыхание участилось... Неожиданно он обнаружил, что задыхается. Руки у него дрожали.

«Для достижения желаемого эффекта совсем не обязательно иметь такую отталкивающую внешность. Мне придется провести три недели в подпространстве, пока я не доберусь до планеты под названием Вершина. Вполне достаточно времени для того, чтобы привести себя в порядок».

Он снова взялся за сигару. Левую руку он положил так, чтобы она не попадала в поле его зрения. На экран больше не смотрел.

Войдя в подпространство, Хейдель включил экран обзора и принялся рассматривать звезды: перед глазами медленно кружили яркие, мерцающие спирали — одни по часовой стрелке, другие против. Он висел в полной неподвижности и наблюдал за вращающейся Вселенной.

Потом опустил сиденье, закрыл глаза, сложил руки на груди и еще раз мысленно проделал путь, пройденный после Италбара.

...Он быстро шел сквозь туман. Синее, синее, синее. Синие, похожие на головы змей, цветы. Экзотические ароматы в воздухе. Синяя луна над головой, синие лианы на пологих ступенях лестницы.

Вверх, в сад... Рой синих насекомых.

Сделав резкое движение, чтобы отогнать их, он увидел свою руку.

«Что-то здесь не то. Всякий раз, когда я прихожу в это место, я сразу выздоравливаю».

Он шел все дальше по саду, и вдруг почувствовал небольшое изменение, хотя вряд ли смог бы сказать, в чем оно заключалось.

Он поднял глаза, но в небе висела лишь неподвижная луна.

Он прислушался — птицы не пели.

Туман клубился у его колен. Он подошел к одному из сверкающих камней и заметил, что тот по-прежнему продолжает отбрасывать радужные блики. Бабочек, однако, нигде не было видно. Вместо них в воздухе на тонкой паутине повисли дюжины жирных синих гусениц, которые беспрерывно извивались. Под их узловатыми рогами фасетчатые глаза искрились, точно осколки сапфира. При его приближении все они повернулись и подняли головы.

Он не стал смотреть на другие камни, когда проходил мимо них, а пошел вперед, чувствуя, как его охватывает отчаяние. Он искал то единственное место, где кустарники были особенно высокими. Увидев, бросился в том направлении; как и всегда при его приближении свет померк. А потом он увидел летний домик.

Таким домик не представлялся ему никогда. Прежде он был воплощением покоя и тенистой прохлады. Теперь же каждый камень пылал холодным синим огнем. А внутри царила непроглядная ночь.

Он остановился. Порыв ледяного ветра заставил его содрогнуться.

«Что же все-таки здесь не так? Раньше все было по-другому. Она на меня сердится? За что? Может быть, мне не следует входить. Может быть, я должен стоять здесь на пороге, пока не придет время возвращаться. Или мне нужно немедленно вернуться к себе? Воздух так странно насыщен электричеством. Как перед бурей...»

Он стоял перед домом, смотрел на него, ждал. Ничего не происходило.

А потом неприятные ощущения усилились. В затылке что-то начало пульсировать, возникло сильное покалывание в руках и ногах.

Он решил, что должен уйти отсюда, но не смог сдвинуться с места.

Теперь у него пульсировало все тело.

Вдруг он почувствовал непреодолимое желание идти вперед, которому не в силах был противиться. Сделал несколько шагов и оказался в доме, где испытывал ощущения, которые никогда не посещали его в этом месте. След улыбки, взмах ресниц, мочка уха, локон, сияние голубых лунных лучей на руке или плече — он надеялся, что на этот раз ему не дано будет их увидеть. На этот раз он этого боялся. На этот раз он надеялся, что ее здесь нет.

Он подошел к каменной скамье у стены и уселся на нее.

— Дра Хейдель фон Хаймек, — услышал он, и ему сразу захотелось вскочить и броситься бежать, но он не мог пошевелиться.

Сейчас ее слова, казалось, шипели, словно змеи, а холодное дыхание касалось его щеки. Он не решался повернуть к ней лицо.

— Почему ты не хочешь посмотреть на меня, Дра фон Хаймек? Раньше ты об этом мечтал.

Она была такой же, как прежде — и одновременно другой.

— Дра фон Хаймек, ты не поворачиваешься и не отвечаешь мне. В чем дело?

— Госпожа...

— Ну, что ж, оставайся невежей. Вполне достаточно того, что ты наконец вернулся домой.

— Я не понимаю.

— Ты совершил правильный поступок — в конце концов. Теперь звезды изменили свои пути, а моря оторвались от якорей.

«Какой у нее приятный голос. Раньше он таким не был. Просто меня смутила столь резкая перемена. Сад тоже стал гораздо красивее».

— Ты заметил изменения, и они тебе понравились. Это хорошо. Расскажи мне, как ты относишься к своим новым способностям.

— Мне они доставляют удовольствие. Люди не достойны жизни и заслуживают смерти. Будь я сильнее, я мог бы уничтожить гораздо больше этих ничтожеств.

— О, так и будет! Поверь мне. Вскоре ты сможешь убивать все живое на многие тысячи километров. А потом наступит день, когда тебе будет достаточно лишь ступить на землю какой-нибудь планеты, чтобы она умерла.

— Меня интересуют только люди. Потому что именно они причинили мне страдания. Человек груб и лишен способности мыслить. Другие расы, другие формы жизни мне не мешают.

— Ты добровольно выбрал путь служения мне, а значит, сама жизнь является твоим заклятым врагом.

— Я еще не готов зайти так далеко, Госпожа. Ведь жизнь не наносила мне никаких оскорблений.

— Чтобы добраться до виноватых, тебе придется нанести удар по всем, в том числе и по невиновным. Это единственный путь.

— Я могу не останавливаться на мирах, где нет людей.

— Хорошо. Во всяком случае поначалу. Ты по-прежнему безмерно счастлив, когда находишься здесь, со мной?

— Да, Мира-о...

— Не искажай мое имя. Произноси его как положено: Арим-о-мира, но только в тех случаях, когда действительно возникает необходимость.

— Госпожа, я прошу прощения. Я думал о нем в обратном порядке.

— А ты перестань думать. Просто выполняй мои приказы.

— Конечно.

— В тебе пробуждается новая, непобедимая сила — ты сможешь взять все самое лучшее, что есть в обоих мирах. Только когда ты находишься здесь, твое спящее тело лишается своего могущества. Ты мирно спишь в той хрупкой скорлупке, что путешествует между мирами и является вместилищем твоей души. Проснувшись, ты поймешь, что наделен невиданным могуществом, и увидишь на своем теле новые глубокие шрамы.

— Почему так? Я помню времена, когда все происходило иначе.

— Потому что ты решил вести себя не как человек, а как Бог, и на тебя снизошла божественная сила.

— Я надеялся, вы поможете мне очиститься, хотя бы на время. Оказалось же, что я становлюсь все более и более уродливым.

Она рассмеялась.

— Ты? Уродлив? Я призываю Имена в свидетели: Хейдель фон Хаймек — самое прекрасное существо из всех живущих во Вселенной. А сейчас повернись и преклони предо мной колени. Восхищайся мной. Я потребую от тебя сексуального поклонения, а потом ты удостоишься чести стать моим слугой навечно.

Он повернулся и, наконец, взглянул на нее. И, упав на колени, опустил голову.

Проснувшись, Малакар сделал себе настоящую инъекцию — шприц с транквилизатором он приготовил заранее. Первый раз в шприце была просто дистиллированная вода. Все это время он намеренно не смотрел на сферу.

Потом встал, чтобы сделать такой же укол Морвину, который все еще находился без сознания. Однако в последний момент передумал.

— Почему он все еще без сознания, Шинд?

— *Когда он использовал свое искусство, вся сила сна смерти ударила в его незащищенный разум.*

— В таком случае я дам ему успокоительное и отправлю в постель.

Только после этого Малакар вернулся в лабораторию, чтобы рассмотреть сферу.

Его охватили странные ощущения.

«Господи! Это правда! Я видел именно это! Я и представить себе не мог, насколько велико мастерство Морвина! Ему и в самом деле удалось поймать кошмар и поместить в сферу. Идеальное исполнение. По правде говоря, даже слишком. Мне совсем не нужно произведение искусства. Именно таким и должен был оказаться этот мираж, если посмотреть на него, находясь в полном сознании. И все-таки, мне кажется, Морвин внес небольшие изменения... Впрочем, никогда не удастся узнать наверняка... Мне требовалось всего лишь нечто отвратительное, чтобы отослать Верховному Командованию СЭЛа — от Малакара, с любовью — дабы они знали: это я стою за последними событиями и предупреждаю их. Я хотел показать им, что намереваюсь сделать с их проклятой ОЛ. Конечно, меня ждет неудача, но я становлюсь старше, а преемника у меня нет. Они запомнят последний акт моей мести навсегда. И снова станут бояться ДИНАБа, по крайней мере некоторое время. Может быть, потом появится другой Малакар Майлз. Именно об этом я буду молиться, когда понесу бомбу в самое сердце ОЛ. Если честно, не хочется отдавать им эту сферу. Она мне нравится. Морвину не следовало навещать меня. Неплохой он

парень. Эти его сферы... Сферы... Черт возьми, что такое!»

Малакар огляделся по сторонам. Не найдя того, что искал, он включил экраны и начал внимательно осматривать все помещения цитадели.

— Ну ладно, Шинд. Где ты прячешься?

Никакого ответа.

— Я знаю, ты поставил блок в моем сознании. Немедленно убери его.

Ничего.

— Послушай, тебе ведь хорошо известно, что я в состоянии от него избавиться — мне ведь удалось узнать о его существовании. На это может уйти несколько дней, может быть, даже недель. В конце концов я все равно до него доберусь. Зачем зря тратить силы и время?

Послышалось нечто, напоминающее вздох.

— *Я это сделал для вашего же блага.*

— Всякий раз, когда мне начинают говорить о моем благе, моя рука сама тянется к пистолету.

— *Я бы хотел убедить вас в том, что снимать блок неразумно, перед...*

— Убери его! Это приказ! Никаких дискуссий! Убери сейчас же. Ты же меня знаешь: я попотею несколько дней и в результате сам от него избавлюсь. В любом случае я узнаю, в чем тут дело.

— *Вы очень упрямый человек, командор.*

— Тут ты совершенно прав. Снимай!

— *Как скажете, сэр. Это будет гораздо легче сделать, если вы чуть-чуть успокоитесь.*

— Я спокоен.

Малакару показалось, что сквозь его разум пролетела темная птица.

— Сфера... доктор Пелс... Конечно!

— *Теперь, когда вы вспомнили, сами можете убедиться, что это был всего лишь намек. Ткань, из которой сотканы сны; удивительный парадокс...*

— Однако ты считал его настолько опасным, что счел необходимым закрыть мне доступ к этим воспо-

минаниям... Нет, Шинд, в этом непременно следует разобраться.

— *Что вы намереваетесь делать?*

— Я собираюсь прочитать последние статьи Пелса и выяснить, чем он занимается сейчас. И еще я постараюсь узнать, где он в данный момент находится.

И снова Малакар услышал нечто похожее на вздох.

Ночью Малакар Майлз послал довольно необычный запрос: он заказал курьерский корабль, который должен был доставить пакет Верховному Командованию на Элизабет. Ему придется заплатить астрономическую сумму, но он мог себе это позволить. Он собственноручно упаковал сферу и приложил к ней записку следующего содержания:

«С наилучшими пожеланиями. Малакар Майлз, командор Четвертого Межзвездного Флота в отставке, ДИНАБ».

А потом он занялся изучением записок патолога Лармона Пелса, некоторые места даже несколько раз перечитал.

Утро, осветившее туманный сумрак над Манхэттеном, застало его по-прежнему в кабинете за работой. Закончив чтение, Малакар просмотрел свои заметки. Если не считать записей, относящихся к вопросам медицины, которые интересовали Малакара как специалиста, только две вещи показались ему важными: «дейбианская лихорадка» и «особый интерес к случаю господина X».

Несколько минут он раздумывал над тем, не стоит ли отправиться спать, решил не делать этого и принял стимулятор.

Позже, когда они завтракали, Морвин сказал:

— ...Не простую вы мне задали задачку, сэр. Я и раньше имел дело с кошмарными видениями, но ни одно из них не содержало такого эмоционального за-

ряда. Я невероятно устал. В мои намерения совсем не входило терять сознание.

— Прости, что заставил тебя пережить все это. Разве я мог предположить, что это произведет на тебя такое тяжелое впечатление?

— Ну... — Морвин улыбнулся и сделал глоток кофе. — Я рад, что вам понравилось.

— Может, все-таки возьмешь деньги?

— Нет, спасибо. Могу я подняться на верхний уровень после завтрака, чтобы посмотреть на вулкан?

— Конечно. Я составлю тебе компанию. Заканчивай, пойдем прогуляемся.

Они поднялись на верхние уровни и стали разглядывать раскинувшийся перед ними пейзаж. Светило яркое солнце, и из-за этого казалось, что в небе рассыпано золотистое конфетти. Неровная линия горизонта напоминала старую покосившуюся изгородь. Из древнего, почерневшего от многовековой копоти котла вырывались языки оранжевого пламени, оплавленные камни вылетали из жерла, словно снаряды из зенитного орудия. Время от времени Морвин и Малакар чувствовали, как едва заметно содрогается земля. Когда ветер усиливался или менял направление, происходило что-то вроде движения волнующегося на сквозняке занавеса: сквозь кривую линзу испаряющегося воздуха можно было разглядеть небольшие участки почерневшего Атлантического океана, особенно в той части, где он рукавами проливов проникал внутрь континента. Листья толщиной с тело человека оставались зелеными у основания, а их верхушки напоминали черных, как ночь, ворон.

— ...Трудно поверить, что весь мир стал таким, — сказал Морвин. — Неужели это произошло при нашей жизни?

— Спроси у Ол. Они во всем виноваты.

— ...И что больше никто не будет жить здесь, на нашей родной планете.

— Я живу здесь — чтобы они не забывали о своей вине, я для них нечто вроде предупреждения о том, какое будущее их ждет.

— ...Существует множество миров, похожих на Землю, какой она была когда-то. Их населяют миллионы ни в чем неповинных людей.

— Чтобы добраться до тех, кто виноват, иногда приходится наносить удар и по невиновным. Таков закон жизни. Закон мести.

— Но ведь если забыть о мести, за несколько поколений виновные смешаются с невиновными. И новое поколение, по крайней мере, не будет виновато в том, что произошло сейчас — тогда другие миры не погибнут.

— Ну, для меня это чересчур философский взгляд на вещи, я не могу его принять, потому что слишком многое пережил.

— Я тоже все это пережил, сэр.

— Да, но...

Малакар не стал продолжать.

Некоторое время они просто смотрели на бушующую стихию, а потом Малакар спросил:

— Специалист по экзотическим болезням, Лармон Пелс, останавливался недавно возле Хонси?

— Да. Здесь он тоже был?

— Некоторое время назад. А что он искал на вашей планете?

— Его интересовала медицинская статистика и человек, которого не было на Хонси.

— Человек?..

— Хайнек или что-то в этом роде. Однако мы тоже ничего о нем не знали... Посмотрите, какая там эффектная вспышка!

«Х? — Малакар задумался. — Возможно ли, что этот Хайнек, или как там его, является средоточием самых разнообразных болезней? Я тоже никогда о нем не слышал, но если он...»

Дейбианская лихорадка впервые была обнаружена не на Дейбе, вспомнил он слова, прочитанные в статье Пелса. Болезнь неизбежно приводит к смерти,

за одним известным исключением — господин Х. Как передается лихорадка, установить не удалось.

Если Хайнек и есть Х, может ли он, сам того не подозревая, быть переносчиком этой страшной болезни? Узнать настоящее имя, упомянутое в статье Пелса, будет совсем не сложно.

Вспышки дейбианской лихорадки на других планетах всегда сопровождалась возникновением других экзотических болезней. Никто так и не смог найти объяснения этому загадочному феномену. Однако Х пережил множество самых разных болезней — всякий раз врачи объявляли, что он окончательно поправился. Может быть, в его теле заключен некий скрытый информационный код, который через какое-то время вызывает рецидив, и Х становится разносчиком всех заболеваний, которыми переболел?

Малакар моментально придумал, как можно использовать Х в военных целях. Эта мысль полыхала в его мозгу, словно оранжевые языки пламени, вырывающиеся из пасти разбушевавшегося вулкана.

«К бактериологической войне на том или ином уровне готовы все, — подумал Малакар. — Но эта атака будет произведена случайным образом, ее результаты могут быть отнесены к неизвестным, хотя и естественным причинам. Если такое, вообще, возможно, Х — ключ к этому процессу или сам процесс. Я уже слышу погребальные колокола!.. Я нанесу ОЛ куда более чувствительный удар, чем можно было рассчитывать даже в самых дерзких мечтах. Теперь остается выяснить, является ли Хайнек этим таинственным Х; и если да, то требуется разыскать его».

Они долго стояли и смотрели на пламя и извергающуюся лаву, на причудливые отсветы, возникающие в небе и на море. Потом Морвин кашлянул.

— Мне бы хотелось немного отдохнуть. Я все еще чувствую некоторую слабость.

— Конечно, конечно, — ответил Малакар, отрываясь от своих размышлений, — а я немного постою

здесь. Мне кажется, скоро начнется новое извержение.

— Надеюсь, мое общество вам не досаждаст.

— Напротив. У меня заметно улучшилось настроение.

Малакар дождался, пока Морвин не скрылся из виду, а потом усмехнулся.

«Может быть, кошмар, заключенный тобой в сферу, окажется истинной правдой, — подумал он. — Предсказание нашего будущего. Я никогда всерьез не рассчитывал на успех, если только... Как там говорится? В тех строчках, которые я учил в университете?..

Пока не падут головокружительные небеса,
А Земля не скорчится в новой конвульсии;
И, присоединившись к нам, мир
Не сожмется до планисферы.

Если я все правильно понимаю, мне удастся превратить весь ОЛ в планисферу».

— Шинд! Ты понял, что произошло?

— Да. Я слушал.

— Я попрошу Морвина остаться и присмотреть за моей крепостью, а мы в самое ближайшее время отправимся в новое путешествие.

— Как скажете. Куда?

— На Дейбу.

— Мои опасения подтвердились.

Малакар рассмеялся, и туман рассеялся.

Он наблюдал за вращающимися звездами, которые напомнили ему фейерверки из детства. Его рука неожиданно коснулась небольшой сумки с монограммой, прикрепленной к поясу. Он совсем о ней забыл. Услышав легкий стук, Хейдель опустил глаза, и на мгновение звезды перестали для него существовать.

Камни. Они прекрасны! Как он мог с такой легкостью о них забыть?..

Он перебирал свои сокровища и улыбался. Да, вот его настоящие друзья. Минерал не способен на предательство. Каждый камешек уникален, целый мир, который никогда и никому не причинит боли.

Глаза Хейделя наполнились слезами.

— Я вас люблю, — прошептал он и, очень осторожно, подержав каждый камень несколько мгновений в руке, снова убрал их в сумку.

Привязывая сумку к поясу, он бросил взгляд на свои руки. Пальцы оставляли на ткани влажные следы. Но ведь она сказала, что его руки прекрасны. Она, конечно же, права. Он поднял руки к лицу, и его тело окатила волна силы и могущества, которое сосредоточилось в кончиках пальцев. Он знал, что стал сильнее любого человека или даже целого народа. Вскоре он сможет победить целые планеты.

Хейдель снова посмотрел на яркий водоворот звезд, который затягивал его в свой центр: там была Вершина.

Еще совсем немного, и он высадится на этой планете.

В первый момент после получения сообщения он ужасно расшумелся:

— Проклятье! При чем тут я?

Однако он знал ответ и поэтому ограничил свою реакцию до возмущенной брани.

Расхаживая взад и вперед, он остановился, чтобы нажать на рубильник и отложить завтрак на неопределенное время. Неожиданно он заметил, что оказался в саду, разбитом на крыше. Он курил и не сводил глаз с запада.

— Расовая дискриминация, вот что это такое, — проворчал он, а затем сдвинул в сторону потайную пластину, открыл ее и нажал на другой рубильник.

— Пришли мне легкий завтрак примерно через час в библиотеку манускриптов, — приказал он, не дожидаясь ответа.

Он продолжал расхаживать взад и вперед, вдыхая ароматы жизни и растений, окружавших его, и не обращая на них ни малейшего внимания.

День потемнел, и он, повернувшись на восток, заметил, что туча закрыла его солнце. Он сердито на нее уставился, и через несколько мгновений туча исчезла.

День снова стал ярким и светлым, однако он фыркнул, вздохнул и пошел прочь.

— Вечно я у них козел отпущения, — сказал он, входя в библиотеку, снял куртку и повесил ее на крючок возле двери.

Он пробежал глазами по рядам ящиков, содержавших самое полное собрание религиозных манускриптов в Галактике. На полках под каждым ящиком были расставлены переплетенные копии оригиналов. Он прошел в соседнюю комнату и продолжил свои поиски.

— Под самым потолком, естественно, — вздохнул он. — Мог бы и догадаться.

Поставив ногу на лестницу в трех футах от кумранских свитков, он начал подниматься наверх.

Устроившись в кресле с копией древнего пейанского манускрипта под названием «Многочисленные опасности жизни и система упражнений продленного дыхания», он закурил.

Ему показалось, что прошло всего несколько секунд, прежде чем он услышал щелчок и запрограммированное покашливание возле своего правого локтя. Вошедший в библиотеку робот медленно прокатился по толстому ковру, остановился около кресла и опустил накрытый поднос так, чтобы с него было удобно есть. Снял крышку.

Он ел механически, не прекращая чтения. Через некоторое время он заметил, что робот исчез.

Он продолжал читать.

Обед прошел точно так же.

Наступила ночь, вокруг него зажглись огни, которые с наступлением темноты разгорались все ярче. Он дочитал последнюю страницу и закрыл книгу

уже глубокой ночью. Потянулся, зевнул, поднялся и покачнулся, потому что не заметил, что у него затекла правая нога. Снова уселся и стал ждать, когда покальвание пройдет. Потом взобрался по лестнице наверх и поставил книгу на место. А лестницу отнес, как полагается, в угол. Он мог бы воспользоваться помощью роботов и гравитационными подъемниками, но предпочитал старомодное устройство библиотеки. Пройдя сквозь раздвижную стеклянную дверь, он отправился в свой бар на западной террасе. Как только он сел, в баре моментально зажегся свет.

— Бурбон с водой. Двойной.

Прошло десять секунд, в течение которых поверхность стойки бара слабо вибрировала, а затем окошко размером шесть на шесть раскрылось и из него медленно выплыл бокал с бурбоном. Он взял его и сделал глоток.

— ...И пачку сигарет, — добавил он, вспомнив, что уже давно выкурил все свои сигареты.

Заказ был немедленно выполнен.

Он раскрыл пачку и прикурил, воспользовавшись зажигалкой «Зиппо», которая, по всей вероятности, была единственным в Галактике не музейным экземпляром. По крайней мере, она являлась последним действующим экземпляром. Каждую ее деталь множество раз заменили дубликатами, выпущенными исключительно для этой зажигалки — так что, если быть до конца точным, она не представляла никакой антикварной ценности; скорее, ее можно было назвать прямым потомком. Ему подарил эту зажигалку брат... когда же? Он сделал еще один глоток. Оригинал он где-то спрятал, все вышедшие из строя детали собрал вместе, засунув их в поцарапанный футляр. Может быть, зажигалка лежала в нижнем ящике вот этого старого комода...

Он сделал новый глоток и почувствовал, как спиртное приятно согревает желудок. Оранжевая луна висела совсем низко у горизонта, а белая спешила занять свое место на небесах. Он криво усмехнулся, прислушался к кваканью ветряных жаб в бо-

лоте. Их пение напомнило ему «Времена года» Вивальди. Похоже на «Лето». Точно. Он сделал еще один глоток, а потом залпом осушил свой бокал.

Да, эта работа для него. Он действительно единственный из всех имеет опыт в подобных вопросах. И, естественно, священник скорее пошлет запрос инопланетянину, чем представителю собственной расы. Таким образом уменьшается опасность получения выговора за расовые предрассудки; а если сложившаяся ситуация опасна...

«Звучит цинично, — подумал он, — а ведь тебе совсем не хочется быть циничным. Только практичным. Как бы там ни было, теперь это и твоя проблема тоже; и тебе прекрасно известно, что случилось в прошлый раз, когда возникла подобная ситуация. С ней непременно нужно разобраться. А тот факт, что элемент контроля будет отсутствовать, означает опасность для всех».

Он погасил сигарету и поставил пустой бокал на стойку бара. Бокал исчез, а панель закрылась.

— Еще раз то же самое, — сказал он, а потом быстро добавил: — Сигарет не надо. — Он вспомнил, что у сервомеханизма новая программа.

Он взял бокал, отправился с ним в кабинет и опустился в самое любимое кресло. Затем приглушил освещение и задал температурный режим, нажал на кнопку, и настоящие поленья в камине у противоположной стены запылали, а в единственном в комнате окне появилось трехмерное изображение зимней ночи (чтобы устроить за окном настоящую зиму, ему понадобилось бы несколько часов). Потом он выключил свет, заметив, что огонь разгорелся как следует. Создав свою самую любимую обстановку, он принялся думать.

Утром он нажал на кнопку вызова автоматического секретаря и каталога файлов.

— Во-первых, сразу после завтрака я хочу переговорить с доктором Мэттьюсом и тремя самыми

лучшими программистами — здесь, в моем кабинете. Кстати, завтрак подашь через двадцать минут. Время, необходимое на еду, рассчитаешь сам.

— Вы хотите переговорить с каждым наедине или со всеми вместе? — донесся голос из скрытого динамика.

— Со всеми сразу. Дальше...

— Что вы желаете на завтрак? — перебил его робот.

— Да все равно. Так...

— Пожалуйста, конкретизируйте. В прошлый раз, когда вы сказали «все равно»...

— Ну, хорошо. Ветчина, яйца, тосты с мармеладом и кофе. Так, теперь, во-вторых, я хочу, чтобы кто-нибудь, занимающий достаточно высокое положение среди моих служащих, связался с Главным Хирургом, или Директором по Здравоохранению, или как он там у них называется, в комплексе СЭЛ. Мне нужно получить полный доступ к их Главному компьютеру не позднее чем завтра днем по местному времени, через посредство компьютерной сети, расположенной здесь, на планете Свободный Дом. В-третьих, передай мой приказ служащим космопорта: проверить, какой корабль совершил недавно странственный прыжок. В-четвертых, узнай, кому он принадлежит, и представь мне досье на владельца. Все.

Примерно через час с четвертью, когда специалисты собрались в его кабинете, он жестом пригласил всех сесть и улыбнулся.

— Господа, для получения определенного вида информации мне необходима ваша помощь. Я и сам не до конца понимаю ни то, какая информация мне нужна, ни то, какие следует задавать вопросы, чтобы ее получить, хотя некоторые смутные представления у меня все-таки имеются. Речь пойдет о людях, самых разнообразных местах, событиях, вероятностях и болезнях. Некоторые факты, интересующие меня, относятся к прошлому (эти события произошли лет пятнадцать или двадцать тому назад),

а иные случились совсем недавно. Может пройти достаточно много времени, прежде чем мы сумеем наткнуться на то, что мне нужно, однако времени у меня в обрез. Я хочу получить интересующие меня сведения за два, максимум за три дня. Таким образом, ваша работа будет состоять в том, чтобы помочь мне правильно сформулировать вопросы, а затем задать их от моего имени компьютеру, который, с моей точки зрения, в состоянии дать нужные ответы. Так обстоит ситуация в общих чертах. А теперь обсудим подробности.

Поздно вечером, когда все разошлись, он понял, что на данный момент больше ничего не может сделать, и поэтому решил заняться другими проблемами.

Потом он посетил свой арсенал, убеждая себя, что делает это исключительно ради рутинной проверки. Однако через некоторое время он обнаружил, что его внимание привлекает только небольшое и очень опасное оружие, которое можно без проблем спрятать на теле человека и которое наносит удары с определенного расстояния. Сообразив это, он не остановился. Будучи, среди всего прочего, единственным богоубийцей во всей Галактике, он чувствовал, что обязан на всякий случай быть всегда начеку. Так проводил Фрэнсис Сандоу свои дни перед отбытием на Дейбу.

Сначала ему захотелось проверить свою новую силу в небольшом масштабе перед тем, как перейти к городам Вершины — гораздо более густонаселенному миру, чем Глич. Хейдель фон Хаймек кружил на орбите, изучая карту и статистические данные об этой искусственной планете.

Потом, старательно избегая радаров больших космопортов, он приземлился в малонаселенном лесном районе второго по величине континента планеты, который назывался Сорис. Он спрятал корабль, на котором прилетел, в каньоне, между вы-

ступами скал. Отключил аппаратуру и, воспользовавшись крошечным лазерным пистолетом, срезал ветки, чтобы прикрыть ими свой небольшой корабль, приспособленный для пространственных прыжков.

Зажав в почерневшей и сморщенной руке посох, он пустился в путь, тихонько напевая себе под нос. Раньше такое поведение удивило бы его, потому что он не понимал слов песни, которую пел, а мотив пришел к нему из синего сна.

Через некоторое время Хейдель заметил небольшой деревенский домик, прилепившийся к склону холма...

Он приводил в порядок свою лабораторию под звуки настойчивой, словно пульсирующей мелодии. Вычистил, спрятал, расставил по полкам, убрал в ящики все, что, по его мнению, не должно было ему понадобиться в течение некоторого времени. Его огромная, призрачная фигура плавала по кораблю, возвращая предметы на их истинные места.

«Я становлюсь похожим на старую деву, — подумал он, а потом улыбнулся. — У каждого предмета есть свое собственное место. Интересно, что было бы, если бы я получил возможность снова вернуться к людям и стать одним из них? Я ведь сумел приспособиться к жизни в глубоком космосе... И все же жить среди людей было бы совсем не просто. Еще не нашлось человека, который придумал бы лекарство от моей болезни. Разве что Х сможет что-нибудь для меня сделать. Так что пройдет наверное еще немало лет. Скорее всего, веков. Если, конечно, не принимать в расчет чуда — ведь может же кто-нибудь случайно наткнуться на решение моей проблемы. А если на все это уйдет несколько веков? Каким я стану к тому времени? Превращусь в призрак призрака? Окажусь единственным человеческим существом, чуждым другим людям? И что скажут на все это мои потомки?»

Если бы легкие в теле доктора Пелса функционировали, он бы обязательно рассмеялся. Вместо этого он прошел вперед, сел перед экранами обзора и стал наблюдать за мельканием звезд — перед его глазами возникла гигантская сияющая центрифуга. Григорианское песнопение составило звуковое оформление этому экзотическому танцу, в то время как корабль мчался к Гличу, последнему месту, где, по сообщениям компьютеров, побывал Хейдель фон Хаймек.

Глава 3

Она впервые увидела его во плоти поздней дождливой ночью.

В тот вечер у нее не было клиентов, и она спустилась вниз, к маленькому газетному киоску, стоящему в вестибюле. Она знала, что входная дверь в их заведение открылась, потому что до нее донеслись уличные звуки и шум бури. Выбрав газеты и бросив в автомат монеты, она повернулась, чтобы пройти через вестибюль.

Именно здесь она увидела его, и газеты выпали у нее из рук. Она смутилась и отступила на шаг назад. Просто потому, что не могла стоять так близко от него. У нее запылали щеки и голова пошла кругом.

Очень крупный, волосы черного цвета — как и подобает настоящему мужчине — лишь виски немного тронула седина — впрочем, он вполне мог пройти курс специального лечения и стареть медленнее, чем другие люди. Ей понравилось, что он выглядит так молодо. А его пылающие глаза и мужественные черты лица! Коршун! В жизни он производил еще более сильное впечатление, чем на экране трехмерного телевизора. На нем был черный дождевик, в руках он держал большой саквояж для одежды и огромный чемодан. Капельки дождя запутались в его волосах и бровях, блестели на лбу и щеках. Ей страшно захотелось броситься к нему и предложить свою блузку в качестве полотенца.

Она наклонилась и собрала свои газеты. А потом, снова выпрямившись, подняла их к лицу, пытаясь спрятаться. Она прошла в вестибюль, делая вид, что читает, и уселась на стуле поближе к стойке администратора.

— Комнату и девушку, сэр? — раздался голос Горация.

— Это было бы чудесно, — ответил посетитель и поставил свой багаж на пол.

— У нас много свободных девушек, — проговорил Гораций, — из-за погоды. — И придвинул к нему альбом. — Скажите, когда вам кто-нибудь понравится.

Он стал медленно переворачивать страницы большого альбома, а она начала считать их, потому что наизусть знала расположение снимков: четыре, пять. Пауза... Шесть.

Его рука на мгновение замерла над листком.

О нет! Это Джинни или Синти. Ему не годится ни одна из них! Может быть, Мег или Килия. Но совсем не Джинни с ее коровьими глазами и уж не Синти, которая весит на двадцать фунтов больше, чем на фотографии.

Она искоса посмотрела на него и заметила, что Гораций отошел в сторонку и уткнулся в свою газету.

Быстро приняв решение, она вскочила на ноги и приблизилась к нему.

— Командор Малакар...

Она изо всех сил старалась придать своему голосу смелость, но горло у нее перехватило, и она прошептала эти слова.

Он повернулся и уставился на нее. Потом быстро посмотрел на Горация, и приложил палец к губам.

— Привет. Тебя как зовут?

— Джакара.

Голос снова начал ее слушаться.

— Ты здесь работаешь?

Она кивнула.

— Занята сегодня вечером?

Она покачала головой.

— Администратор! — Он повернулся.

Гораций опустил свою газету.

— Да, сэр?

Он показал указательным пальцем на Джакару.

— Ее, — сказал он.

Гораций сглотнул и поерзал на своем стуле.

— Сэр, я должен вас предупредить... — начал он.

— Ее, — повторил Малакар. — Заполните нужные бланки.

— Как скажете, сэр, — ответил Гораций, вытащив пустой бланк и ручку. — Но...

— Меня зовут Рори Джимсон, я из Миадода на Кампфоре. Платить сейчас или потом?

— Сейчас, сэр. Восемнадцать единиц.

— Чему это равняется в долларах ДИНИБа?

— Четырнадцать с половиной.

Малакар достал пачку банкнотов и заплатил.

Гораций открыл было рот, потом захлопнул его, а через некоторое время все-таки сказал:

— Если обслуживание вас не удовлетворит, пожалуйста, немедленно дайте мне знать.

Малакар кивнул и наклонился, чтобы взять свои вещи.

— Подождите немножко, я вызову робота.

— В этом нет необходимости.

— Ну что ж, хорошо. Джакара проводит вас в вашу комнату.

Администратор взял ручку и, повертев ее в руке, положил на место. В конце концов он решил вернуться к газете.

Малакар прошел за Джакарой к лифту, внимательно разглядывая ее фигуру и волосы и стараясь вспомнить лицо.

— Шинд, подготовься передавать и принимать, — сказал он, когда они вошли в лифт.

— Есть.

— Не удивляйся, Джакара, и вообще не показывай, что слышишь меня. Как тебе удалось меня узнать?

— Вы телепат!

— Отвечай на вопрос, только имей в виду, что я могу одним взмахом руки уничтожить половину этого здания.

— Нам выходить, — произнесла вслух Джакара, и они покинули лифт.

Девушка зашагала по разрисованному полосами, наподобие тигриной шкуре, полутемному коридору. Впечатление получалось исключительное. Девушка, идущая впереди, почему-то сразу напомнила Малакару о каком-то невиданном, но очень грациозном животном.

Он настороженно принялся и уловил в воздухе легкий аромат наркотиков. Возле вентиляторов запах был сильнее.

— Я тысячи раз видела ваши фотографии. Много про вас читала. Поэтому я вас и узнала. По правде говоря, у меня собраны все ваши биографии, даже те, что были написаны ОЛ.

Он рассмеялся и взмахом руки показал Шинду, что надо прекратить передачу. Но Шинд должен был продолжать принимать сигналы.

Потом:

— Она говорит правду, Шинд?

— Да. Девушка восхищается вами. Она ужасно взволнована и страшно нервничает.

— Никаких ловушек?

— Нет.

Джакара остановилась возле двери, некоторое время возилась с ключом, вставила его в замок.

Распахнула дверь, но вместо того, чтобы войти или отступить в сторону, встала на самом пороге, не давая Малакару войти и глядя прямо ему в глаза. У нее было такое выражение лица, словно она собиралась заплакать.

— Не смейтесь, когда войдете, — сказала она. — Пожалуйста. Что бы вы там не увидели.

— Не буду, — сказал Малакар.

Только после этого Джакара пропустила его в свою комнату.

Оказавшись внутри, Малакар огляделся по сторонам. Первым делом он заметил хлысты, а потом его глаза остановились на портрете, висящем над кроватью. Он поставил вещи на пол и продолжал рассматривать комнату. Услышал, как закрылась дверь. Комната была аскетичной. Серые стены и блестящие ручки на двери и окне. Единственное окно плотно закрыто шторой.

Он начал понимать.

— *Вот именно,* — сказал Шинд.

— Приготовься передавать и принимать.

— *Есть, сэр.*

— Комната прослушивается? — спросил он.

— Не всегда, — ответила Джакара. — Это противозаконно. Однако я в любой момент могу попросить помощи или активировать монитор.

— Какой-нибудь из них сейчас включен?

— Нет.

— Значит, никто не услышит нашего разговора?

— Нет, — сказала Джакара вслух; и командор повернулся, чтобы посмотреть на нее — она стояла, прижавшись спиной к двери и опустив руки вдоль тела, глаза у нее были широко раскрыты, а губы пересохли.

— Не бойся меня, — сказал он. — Ты же спишь со мной каждую ночь, не так ли?

Чувствуя себя неловко из-за того, что она ничего не ответила, Малакар снял куртку и огляделся.

— Можно это где-нибудь высушить?

Девушка подошла к нему и схватила куртку.

— Я возьму. Повешу у себя в душе.

Вывав куртку у него из рук, Джакара быстро прошла в узкую дверь и закрыла ее за собой. Малакар услышал, как щелкнул замок. Через некоторое время до него донеслись совершенно неожиданные звуки — девушку рвало.

Он двинулся было в ту сторону, собрался постучать в дверь и спросить, все ли у нее в порядке.

— *Не делайте этого. Оставьте ее в покое.*

— Ну хорошо. Тебя выпустить?

— Нет. Она только еще больше разволнуется. Мне тут вполне удобно.

Через некоторое время Малакар услышал шум спускаемой воды, а потом открылась дверь и появилась Джакара. На ресницах девушки блестели капельки воды.

А еще он заметил под этими ресницами ослепительно голубые глаза.

— Ваша куртка высохнет быстро, командор.

— Спасибо. Пожалуйста, называй меня Малакар, Джакара. А еще лучше, Рори.

Он обошел кровать, чтобы рассмотреть фотографию.

— Очень похоже. Откуда она?

Девушка просветлела и подошла к нему.

— Из вашей биографии, которую написал тот человек с Гиллии. Я увеличила ее и сделала трехмерной.

— Я не читал этой книги, — проговорил Малакар. — Пытаюсь вспомнить, в какой момент был сделан снимок, и не могу.

— Сразу перед Маневром Восьмого Параметра, — ответила Джакара, — когда вы готовили Четвертый Флот ко встрече с Конлилом. Ее сделали за час до старта — так говорится в книге.

Малакар повернулся и, улыбаясь, сверху вниз посмотрел на девушку.

— Наверное, ты права, — сказал он, и Джакара улыбнулась ему в ответ.

— Хочешь сигарету? — предложил он.

— Нет, спасибо.

Малакар достал сигарету и закурил.

«Как я, черт побери, вляпался во все это, — спрашивал он себя. — Настоящий патологический случай поклонения герою — и я в качестве главного объекта! Если я скажу что-нибудь не то, у нее, возможно, включится истерика. Как следует себя вести в такой ситуации? Может, если я дам ей понять, что нервничаю, и попрошу ее помощи по какому-нибудь не очень серьезному поводу...»

— Послушай, ты очень сильно удивила меня там, внизу, ведь никто не знает о моем прибытии на Дейбу. Кроме того я был уверен, что моего лица уже не помнят. Я решил остановиться здесь, а не в одном из больших отелей, поскольку тут не принято обращать внимание ни на лица, ни на имена. Однако ты меня узнала. Я рассчитывал сохранить свой визит в секрете и подумал, что властям стало известно о моем прибытии.

— Но ведь на вас не распространяется действие законов, не так ли?

— Я здесь не для того, чтобы их нарушать. По крайней мере, сейчас я не собираюсь этого делать. Я хочу получить кое-какую информацию — тихо и конфиденциально.

Он посмотрел прямо ей в глаза.

— Могу я рассчитывать на то, что ты сохранишь мое присутствие на Дейбе в секрете?

— Конечно, — ответила Джакара. — Разве я способна поступить иначе? Я родилась на одной из планет ДИНАБа. Моя помощь не нужна?

— Не исключено, — проговорил Малакар, усаживаясь на край кровати. — Если ДИНАБ для тебя не пустой звук, что ты в таком случае здесь делаешь?

Она рассмеялась и уселась в кресло напротив.

— А вы скажите, как я могу вернуться. Видите, это единственная работа, которую я смогла здесь получить. Как вы думаете, сколько времени мне нужно будет откладывать деньги, чтобы хватило на билет?

— Ты работаешь здесь по контракту?

— Нет. А что?

— Я не очень разбираюсь в местных нравах. И просто раздумывал о том, как лучше забрать тебя отсюда и придется ли при этом нарушить какой-нибудь закон.

— Забрать меня отсюда? Назад, в ДИНАБ?

— Естественно. Ведь ты именно этого хочешь, не так ли?

Джакара отвернулась и начала беззвучно плакать. Малакар не стал ее утешать.

— Извините, — пробормотала она, — я никогда... никогда не рассчитывала, что со мной может произойти что-нибудь подобное. Чтобы сам Малакар Майлз вошел в мою комнату и предложил забрать меня с собой. Мне только снились сны...

— Значит, ты говоришь «да»?

— Благодарю вас, — сказала она. — Конечно, я говорю да! Но есть еще кое-что...

Он улыбнулся.

— Что? У тебя есть друг, которого ты хотела бы взять с собой? Это можно организовать.

Джакара подняла голову, и ее глаза сверкнули.

— Нет! — воскликнула она. — Ничего подобного! Я никогда не стала бы связываться с этими людьми!

— Прости меня, пожалуйста, — проговорил Малакар.

Девушка опустила голову и начала разглядывать свои сандалии и покрашенные ярким серебристым лаком ногти на ногах. А Малакар стряхнул пепел в черную металлическую пепельницу, стоящую на столе возле кровати.

Когда девушка заговорила, она произносила слова очень медленно и не смотрела на Малакара.

— Я бы хотела сделать что-нибудь для ДИНАБа. Позвольте мне помочь вам в том деле, ради которого вы приехали сюда, в Кейпвилл.

Малакар немного помолчал, затем спросил:

— Сколько тебе лет, Джакара?

— Точно не знаю. Думаю, около двадцати шести. По крайней мере, так я говорю всем остальным. Может быть, двадцать восемь. Или двадцать пять. Но только потому, что я еще молода...

Малакар поднял руку, чтобы остановить девушку.

— Я вовсе не собираюсь тебя отговаривать. Вполне возможно, ты действительно окажешься мне полезной. И я совсем не из простого любопытства

спросил, сколько тебе лет. Что ты знаешь о мвалакхарран кхур, которую принято называть дейбианской лихорадкой?

Джакара подняла глаза к потолку.

— Встречается не очень часто. Если человек болеет, у него поднимается температура и темнеет лицо. Считают, что сначала болезнь воздействует на центральную нервную систему. После этого лихорадка атакует органы дыхания и сердце. И что-то происходит с балансом жидкостей в организме. Тело не то чтобы теряет влагу, просто клеточные жидкости превращаются во внеклеточные. Так. А клетки больше не поглощают поступающие в организм жидкости. Именно поэтому больные все время испытывают жажду, но сколько бы они ни пили, им это не помогает. Впрочем, вы же доктор. Вам все это должно быть известно.

— А что еще ты знаешь о течении болезни?

— Лекарства нет, и жертва всегда умирает.

— Ты уверена? — спросил Малакар. — Ты никогда не слышала о каком-нибудь человеке, которому удалось бы выжить?

Джакара задумчиво посмотрела на него.

— Неужели никому не повезло? — повторил он свой вопрос. — Никто не спасся?

— Ну, говорят, один человек выздоровел. Только я тогда была совсем маленькой, это произошло сразу после конфликта. Я почти ничего не помню.

— Расскажи, что помнишь. Об этом наверняка много потом говорили.

— Какой-то человек пережил дейбианскую лихорадку, и все. Никто даже имени его не называл.

— А почему?

— После того как было объявлено, что он поправился, власти боялись, что люди, узнав имя этого человека, все равно станут его бояться, и возникнет паника. Поэтому они решили сохранить эту информацию в секрете.

— Х, — сказал Малакар. — Позже они стали называть его Х.

— Может быть, — проговорила Джакара. — Мне это неизвестно. Вот, кажется, и все.

— А где его лечили? В какой больнице?

— Здесь, в городе. Но этой больницы больше не существует.

— А откуда он прибыл в город?

— С Кургана. Некоторое время все называли его «человеком с Кургана».

— Он был местным?

— Не знаю.

— А что такое Курган?

— Что-то вроде плато. Нужно пройти примерно тридцать миль в глубь континента на северо-запад. Там находится разрушенный пейанский город. Дейба раньше была частью Пейанской Империи. От города остались руины, ими интересуются только археологи, геологи и приезжие пейанцы. Мне кажется, того человека нашли среди развалин, когда дезактивировали часть сигнального оборудования, сохранившегося после войны. Его доставили в Кейпвилл в специальном изоляторе, а потом он поправился.

— Спасибо. Ты очень мне помогла.

Джакара улыбнулась, и Малакар улыбнулся ей в ответ.

— У меня есть пистолет, — сказала она, — и я часто практикуюсь в стрельбе. Я стреляю очень метко и быстро.

— Это просто великолепно.

— Если нужно будет сделать что-нибудь опасное...

— Возможно, — кивнул Малакар. — Ты говорила о Кургане так, словно прекрасно знакома с тем районом. Ты не могла бы достать мне карту или хотя бы нарисовать, как там все расположено?

— Хороших карт нет, — сказала Джакара. — Но я была там множество раз. Я люблю ездить верхом на куррьябе и иногда отправляюсь в глубь континента. Курган прекрасное место для тренировки в стрельбе.

— Там что, никогда никого не бывает?

— Да.

— Отлично. Значит, ты сможешь показать мне это место?

— Если вы хотите. Впрочем, там особенно не на что смотреть. Я подумала...

Малакар потушил свою сигарету.

— С ней все нормально, Шинд?

— Да.

— Очень хочу, — сказал Малакар. — И я знаю, о чем ты подумала. Ты подумала, что я прибыл сюда с целью саботажа или терроризма. Однако то, что я собираюсь сделать, гораздо важнее. В то время, как небольшой акт насилия может разозлить ОЛ, они вполне в состоянии с ним смириться. Но если я сумею раздобыть в Кургане интересующую меня информацию, то получу ключ к самому мощному оружию во всей Вселенной.

— Какому?

— Меня интересует личность Х.

— А какая вам от этого польза?

— Пока я тебе не скажу. Однако мне необходимо отправиться в Курган на поиски. Если нужный мне человек жил там некоторое время, от него должны остаться какие-нибудь следы. Какого рода следы, мне не известно. Только я уверен, что те, кто привезли Х в Кейпвилл, оставили все его вещи в разрушенном городе или уничтожили их — если вообще нашли что-нибудь.

— Я помогу вам, — сказала Джакара. — Я очень хочу вам помочь. Но выходной у меня будет только...

Малакар поднялся на ноги и, словно громадная гора, навис над девушкой, потом наклонился и коснулся ее плеча.

Джакара вздрогнула от его прикосновения.

— Разве ты еще не поняла? — проговорил он. — Сегодня твой последний день в этом заведении. Теперь ты принадлежишь только себе. Я хочу, чтобы утром ты купила или взяла напрокат два или три курьяба и все, что нам понадобится для того, чтобы организовать экспедицию на Курган и провести там неделю или около того. Я не желаю поднимать в воз-

дух свой корабль и привлечь внимание любопытных авиадиспетчеров из космопорта. Когда завтра мы отправимся в путь, можешь считать, что та часть твоей жизни, что была связана с этим местом, закончилась. Тебе больше не надо думать ни о «рабочих днях», ни о «выходных». Ты увольняешься. Это ведь вполне законно?

— Да, — ответила Джакара, которая сидела в своем кресле прямо, словно туго натянутая струна. Руками она изо всех сил сжимала подлокотники кресла.

«Я не хотел этого делать, — подумал Малакар. — Но она может мне помочь. А кроме того, она — девушка ДИНАБа, которую эта проклятая ОЛ чуть не превратила в маньячку. И пойдет со мной».

— В таком случае будем считать, что все решено, — сказал Малакар, подходя к кровати и зажигая еще одну сигарету.

Девушка, казалось, немного успокоилась и расслабилась.

— Вы не дадите и мне сигарету... Малакар?

— Рори, — поправил ее он.

— Рори, — послушно повторила Джакара.

Малакар снова поднялся, протянул девушке сигарету, дал прикурить и вернулся на свое место.

— Я нигде не читала про то, что вы телепат, — через некоторое время проговорила Джакара.

— А я и не телепат. Это такой трюк. Завтра, может быть, я тебе покажу, как он действует.

«Но только не сегодня. Если потребовалось так много времени, чтобы ты хотя бы чуть-чуть расслабилась, я не собираюсь знакомить тебя с лохматым дарвенийцем, у которого глаза размером с чайную чашку. С тебя станется устроить истерику, и тогда сюда ворвутся вышибалы».

— Ты не возражаешь, если я немного приоткрою шторы? — спросил он.

— Давайте я сама это сделаю.

— Нет, нет, все в порядке.

Но Джакара уже подбежала к окну. Нажала на рычажок под подоконником и массивные шторы скользнули в стену.

— Хотите, я открою окно?

— Немножко, — ответил Малакар и встал рядом с девушкой.

Еще одна кнопка нажата, и вот уже Малакар вдыхает влажный ночной воздух.

— А дождь все еще идет, — заметил он, вытянув руку, чтобы стряхнуть пепел на улицу.

— Да.

Мимо низкой плоской крыши они смотрели на тихий город, что спрятался за дождевыми каплями и небольшими ручейками, стекавшими по открытой наполовину оконной раме. Внизу мелькали редкие мерцающие огоньки, а ветерок доносил чуть солоноватый запах моря.

— Почему ты держишь окно закрытым? — спросил Малакар.

Джакара ответила ему совершенно безразличным голосом:

— Я ненавижу этот город. Впрочем, ночью, когда почти ничего не видно, он не кажется мне таким отвратительным.

С гор донеслись еле слышные раскаты грома. Малакар положил локти на подоконник и высунулся из окна. Джакара колебалась всего несколько мгновений, а потом последовала его примеру. Она оказалась совсем рядом со своим кумиром, но Малакар знал, что, если он сейчас прикоснется к девушке, очарование момента будет нарушено.

— Здесь часто идет дождь?

— Да, — ответила Джакара. — Особенно в это время года.

— Ты любишь плавать или кататься на лодке?

— Я плаваю ради тренировки и умею обращаться с небольшими судами. Но я не очень люблю море.

— Почему?

— Мой отец утонул. После того, как умерла мать и меня перевели к детям. Однажды ночью отец по-

пытался проплыть вокруг мыса Мэрфи. Я думаю, он хотел сбежать из Центра Перемещения. По крайней мере, мне сказали, что он утонул. Его вполне мог пристрелить какой-нибудь охранник.

— Мне очень жаль.

— Я была всего лишь ребенком. Тогда я еще почти ничего не понимала и стала ненавидеть их гораздо позже.

Малакар снова стряхнул пепел за окно.

— А что будет после того, как вы одержите победу? — спросила Джакара.

Он выбросил сигарету.

И, глядя ей вслед, подумал, что она похожа на комету.

— Одержу победу? — переспросил Малакар и, повернув голову, посмотрел на девушку. — Я буду сражаться до самой смерти, но мне все равно не удастся победить ОЛ. В этом смысле я ни на что не рассчитываю. Моя цель — сохранение ДИНАБа, а вовсе не уничтожение ОЛ. Я не хочу, чтобы тридцать четыре маленьких мира подчинялись капризам четырнадцати колоссов. Я не могу даже надеяться разбить противника, но, может быть, мне удастся заставить его уважать ДИНАБ — чтобы маленькие миры имели возможность расти и развиваться и в один прекрасный день получить статус Лиги, а не оказаться сателлитами других крупных миров. Если бы у нас была возможность колонизировать еще несколько дюжин новых планет, если бы Лиги нам не мешали и не бойкотировали все наши начинания, тогда, возможно, мы и добились бы успеха. Я хочу, чтобы мы вошли в ОЛ — а не разрушили ее. Однако вошли на наших условиях.

— ... А то, что находится в Кургане? Личность X?

Он криво ухмыльнулся.

— Если я смогу узнать тайну X, я войду в историю как самый страшный злодей, когда-либо живший на свете. Но клянусь всеми богами, я напугаю ОЛ до полусмерти! После этого они надолго оставят ДИНАБ в покое.

Джакара тоже выбросила свою сигарету в окно, вслед за сигаретой Малакара, и он зажег две новые.

Они прислушивались к вою штормового предупреждения и вглядывались вдаль, где полыхали ослепительные молнии. Когда молния оказывалась слишком далеко впереди, линия горизонта казалась темной и какой-то рваной; когда же молнии вспыхивали позади здания, пламя отражалось в окнах Кейп-вилла и рассыпалось мелкими брызгами во все стороны. Впрочем, город окутывал мрак, в котором, словно светлячки, сияло всего несколько окон, где горел свет.

«Я уже много лет не вел подобных разговоров, — подумал Малакар. — Однако ведь и Шинд не каждый раз находится рядом и сообщает мне, кому я могу доверять. Симпатичная девочка. Очень хорошенькая. Но хлысты... и администратор вел себя так забавно... Она ненавидит здесь всех и каждого. Я и не думал, что в государственных заведениях подобного рода можно получить такие услуги. Впрочем, возможно, у меня слишком старомодные взгляды... Конечно, дело именно в этом. Жалко девчонку. Может быть, ей повезет, и она встретит кого-нибудь стоящего, в ДИНАБе, и он будет к ней добр, ну, и все такое... Проклятие! Я и вправду старею! Какой чудесный свежий воздух. И прекрасный вид из окна».

Мимо окна пролетел аэробиль и стал кружить, точно светящееся насекомое. Малакар следил за ним взглядом, пока он не скрылся в районе посадочного поля.

«Может быть, это один из кораблей, приспособленных к пространственному прыжку? По крайней мере, размеры подходящие. Интересно, кому может взбрести в голову болтаться на посадочном поле в такую погоду в то время, как можно тихонько сидеть на теплой, уютной орбите и дожидаться, когда стихнет непогода? Если не считать меня, конечно».

Корабль покружил немного, а потом завис над полем, словно дожидаясь разрешения на посадку.

— Джакара, выключи, пожалуйста, свет, — попросил Малакар, и девушка, стоящая рядом с ним, напряглась. — ...И если у тебя есть бинокль или какой-нибудь телескоп, — быстро договорил он, — принеси его мне.

Джакара отошла от окна, и Малакар услышал, как она открывает шкаф. Примерно через десять ударов сердца в комнате воцарился мрак.

— Вот, — сказала Джакара, которая уже снова стояла рядом с Малакаром.

Он поднял бинокль к глазам и немного его подрегулировал.

— Что такое? — спросила девушка. — Что случилось?

Он не ответил на ее вопрос, а только попытался наладить резкость бинокля.

У них за спиной возникла еще одна вспышка.

— Это корабль для пространственных прыжков, — заявил Малакар. — Сколько таких кораблей обычно прибывает в Кейпвилл?

— Совсем немного, все торговые.

— Ну, этот слишком маленький. А сколько частных?

— Главным образом, в таких кораблях прилетают туристы, — ответила Джакара. — За месяц их набирается совсем немного.

Малакар сложил бинокль и вернул его девушке.

— Возможно, я чересчур подозрителен, — проговорил он. — Я всегда опасюсь того, что они смогут меня выследить...

— Пожалуй, я зажгу свет, — проговорила Джакара, и через несколько мгновений в комнате снова стало светло.

После того как она закрыла шкаф, Малакар еще довольно долго продолжал смотреть на город.

Вдруг он услышал всхлипывание и медленно повернулся.

Джакара лежала на кровати, поджав под себя ноги и спрятав лицо в волосах. Она расстегнула блузку, и Малакар заметил под ней черное белье.

Он некоторое время смотрел на нее, а потом подошел и сел рядом. Отодвинул волосы с лица и положил руку девушке на спину. Она продолжала плакать.

— Простите меня, — не глядя на него, сказала Джакара. — Вы хотели получить комнату и девушку, но я не могу. Я хотела... и не могу. С вами не могу. По крайней мере, вы не получите никакого удовольствия. У нас есть очень милая девушка по имени Лорейн и еще одна, которую зовут Килия. Они тут довольно популярны. Я могу привести какую-нибудь из них, и она проведет с вами ночь.

Джакара приподнялась, чтобы встать с кровати, но Малакар протянул другую руку и коснулся щеки Джакары.

— Какую бы из них ты ни привела, ей грозит спокойная ночь и отличный сон, — проговорил Малакар, — потому что на большее я сегодня не способен.

Только после этих слов Джакара осмелилась поднять на него глаза.

— Вы не станете мне лгать?

— Только не об этом. Мне ужасно хочется спать. Если ты постелешь постель, то утром скажешь, храплю я по ночам или нет.

Джакара глотнула, энергично закивала и принялась стелить постель.

Потом он услышал, как она вышла из ванны, почувствовал, что забралась в кровать. Джакара забыла закрыть окно, но Малакар любил свежий воздух и не стал напоминать ей об этом.

Он лежал, вдыхая морской воздух и прислушиваясь к шуму дождя.

— Малакар, — донесся ее шепот, — вы еще не спите?

— Нет.

— А как насчет моих вещей?

— Каких вещей?

— У меня есть несколько красивых платьев, книги и... ну, вообще, вещи.

— Мы запакуем их утром и отправим в порт, они там полежат до нашего отлета с Дейбы. Я тебе помогу.

— Спасибо.

Джакара немного поворочалась, устраиваясь поудобнее, а потом затихла. Со стороны посадочного поля с равномерными перерывами доносился вой штормового предупреждения. И Малакар подумал о корабле для пространственного прыжка, который недавно видел.

Если Службе Безопасности удалось проследить за ним от Солнечной системы, они все равно ничего не смогут ему сделать. С другой стороны, ему совсем не хотелось, чтобы его имя связали с Дейбой или Х. Если это был на самом деле корабль Службы Безопасности — интересно, как им это удалось? Морвин? Он что-то говорил о приятеле, который работает в Службе Безопасности. Может, он ему сообщил о планах Малакара или прикрепил какой-нибудь жучок на «Персей»? Но Шинд утверждает, что Морвин в порядке...

«Кажется, у меня появляются признаки паранойи».

Он открыл глаза и уставился в потолок. Девушка снова пошевелилась, чуть-чуть. Малакар немного повернул голову и посмотрел на темные контуры висящих на стене хлыстов. Сколько же лет его собственное изображение взирало на эту комнату со стены? Фальшивая икона в борделе. Его позабавила и одновременно расстроила эта мысль.

Снова взвыл сигнальный буй. Вспышка, раскаты грома, дождь. И опять. Воздух стал намного прохладнее. Медные бабочки мечутся по потолку и стенам.

Наверное, он задремал, потому что проснулся, почувствовав прикосновение руки к своему плечу

— Малакар?

— Да?

— Я замерзла. Можно я лягу поближе?

— Конечно.

Он подвинул руку, и Джакара оказалась рядом с ним. Она прижалась к нему так, словно он умел плавать, а она нет, и в нем была ее последняя надежда на спасение. Малакар обнял ее за плечи, и голова Джакары склонилась ему на грудь. А потом он снова заснул.

Утром они завтракали в кафе неподалеку от борделя. За одним из столиков сидела группа молодых женщин, которые бросали на Малакара любопытные взгляды.

— Почему эти женщины все время на меня смотрят? — спросил он шепотом.

— Они работают вместе со мной, — объяснила Джакара. — Вы провели со мной всю ночь — их это удивляет.

— А это случается не часто?

— Да.

На обратном пути они купили коробки, и Малакар помог девушке сложить в них вещи. Все утро, да и сейчас, Джакара была очень тихой и молчаливой.

— Ты боишься, — сказал Малакар.

— Да.

— Это пройдет.

— Знаю, — ответила она. — Я думала, если этот день когда-нибудь придет, меня охватят самые разнообразные чувства... только не страх.

— Ты покидаешь то, что тебе хорошо известно, и отправляешься в неизвестность. Вполне естественная реакция.

— Я не хочу быть слабой.

— Страх не является признаком слабости. — Он погладил ее по плечу. — Заканчивай собирать вещи. Я позвоню в порт, чтобы они прислали кого-нибудь за коробками.

— Спасибо, — сказала Джакара и снова занялась вещами.

«Надеюсь, она оставит фотографии и эти дурацкие хлысты», — подумал Малакар.

Договорившись о доставке вещей Джакары, он попросил, чтобы его связали с диспетчером космопорта. Свой экран включать не стал.

— Не могли бы вы мне сказать, — осведомился он, — кому принадлежит корабль, приземлившийся вчера во время шторма?

— Судно частное, — последовал ответ.

Конечно, это еще ничего не значит. Если Служба Безопасности даст приказ, диспетчер будет следовать их указаниям. Тем не менее нужно попытаться выжать из него максимум информации.

— Вы не могли бы идентифицировать корабль?

— Конечно. Это «Модель Т», из Лимана, Боготеллес. Сеньор Энрико Карузо является его владельцем и капитаном.

— Спасибо.

Малакар отключил связь.

«Ничего не доказывает. Если не считать того, что до сих пор Служба Безопасности никогда не следила за мной тайно. Они иногда даже специально предупреждали о своем наблюдении. Нет, у меня определенно начинается паранойя. Абсолютно бессмысленно проверять владельца этого корабля. Если Карузо — его настоящее имя, тогда мне нет до него никакого дела. А если нет, я все равно вряд ли смогу быстро узнать, кто за ним скрывается. Более того, мне вообще не следует обращать на него никакого внимания. Если только он не убийца. Но даже и в этом случае...»

— Я готова, — прервала его размышления Джакара.

— Хорошо. Вот немного денег. Посчитай и скажи, хватит ли этого. Я останусь и дождусь посылного, а ты купишь нам скаунов и необходимое оборудование.

— Здесь более, чем достаточно, — сказала Джакара. — Малакар...

— Да?

— Когда мне сказать им, что я увольняюсь?

— Да хоть сейчас. А если тебе не хочется с ними разговаривать, оставь записку.

Джакара повеселела.

— Я напишу записку.

Через несколько часов в сопровождении навьюченных животных, которых Джакара привязала к своему седлу, они отправились в горы. Отъехав на достаточное расстояние, Джакара вдруг натянула поводья и повернулась, чтобы посмотреть на раскинувшийся в долине город. Малакар тоже остановил своего скакуна, хотя он смотрел скорее на Джакару, чем в сторону Кейпвилла.

Девушка молчала. Она вела себя так, словно командора здесь не было. Ее глаза были прищурены, а губы так плотно сжаты, что стали почти невидимыми. Она связала волосы в пучок, и Малакар любовался тем, как ветер играет концами яркой ленты. Джакара сидела так, наверное, с полминуты. И Малакару показалось, что волна ненависти, скатившись вниз по склонам, затопила город. А потом все кончилось, Джакара повернула своего скакуна, и они поехали дальше.

«Я представляю, Джакара, каким был бы сон, пойманный для тебя Морвином...»

В конце дня Малакар заметил, что они оказались на противоположной стороне полуострова, где не было городов и вода у побережья казалась гораздо более светлой и прозрачной. Вдали виднелись несколько хижин, но между ними и горами шла полоса зелени — густой лес, над которым порхали темные птицы, чье оперенье вспыхивало радужными красками в лучах солнца. На небе появились тучи, но солнце они не закрывали. Тропа оставалась влажной от вчерашнего дождя, изредка на пути попадались лужи с удивительно прозрачной водой. Скакун оставлял на земле треугольные следы, и Малакару пришлось в голову, что животное, на котором он едет, может оказаться отличным бойцом. Далеко внизу на волнах

появились барашки, и он заметил, что кроны деревьев сильно раскачиваются.

Сюда ветер пока еще не добрался. Однако, судя по тучам, нынешней ночью опять будет дождь. Хорошая брезентовая палатка подошла бы куда больше, чем легкий тент, который купила Джакара...

Перед наступлением сумерек они остановились, чтобы поесть. К этому времени Кейпвилл уже давно скрылся из виду. Спрыгнув с вьючного куррьяба, на котором он ехал, Шинд устроился рядом с ними. Джакара улыбнулась. Похоже, ей понравился дарвениец. Это порадовало Малакара. «Наверное, она так ненавидит всех людей, с которыми до сих пор сталкивалась, что ей гораздо легче завести дружбу с инопланетянином», — подумал он.

Пока они ужинали, небо совсем потемнело, его затянули тяжелые свинцовые тучи. Налетел порывистый ветер.

— Где мы разобьем лагерь, Джакара? И как скоро?

Девушка подняла палец, сглотнула, а потом ответила:

— Примерно через шесть миль есть место, защищенное с двух сторон от ветра. Там мы сможем поставить тент.

К тому времени, когда они туда добрались, начался дождь.

Лежа под влажным тентом, прислушиваясь к вою ветра и звукам, которые издавали куррьябы, прижимая к себе Джакару и глядя на серые камни скал, он размышлял над своими следующими шагами, решал, какой мир лучше предать смерти первым. Потом Малакар еще раз обдумал план в общих чертах и пришел к выводу, что у него есть вполне реальные шансы на успех, только нужно будет отработать некоторые детали. Он был готов. Через два дня они доберутся до Кургана.

— Спокойной ночи, Шинд.

- *Спокойной ночи, комангор.*
- *Ей снится кошмар?*
- *Нет. Ей снится что-то приятное.*
- *Тогда я не буду будить ее. Спи крепко.*
- *Добрых снов.*

Он долго лежал, прислушиваясь к звукам ночи, а потом тоже заснул.

На следующее утро они покинули полуостров, повернув на северо-запад, и двинулись в глубь материка. Тропа постепенно поднималась вверх, пока путники не вышли на плато, которое пересекли днем, и вскоре маленький отряд оказался возле подножия новой горной гряды. Среди них и находится Курган, сказала Джакара. Они увидят его еще до наступления ночи.

Девушка оказалась права. Когда они взошли на перевал, она показала вдаль, и Малакар кивнул. Перед ними раскинулась гигантская скалистая гряда с плоскими вершинами. Между горами находился широкой каньон, через который предстояло пройти. Куррьябы осторожно пробирались между огромных камней.

К ночи путники пересекли каньон и начали подниматься вверх по удобной, не слишком крутой тропе, которая начиналась у южного подножия Кургана и по спирали уходила на запад. Теперь Малакар уже привык к куррьябу, который в ярком свете звезд уверенно выбирал дорогу.

Когда наступило утро, Малакар сумел как следует разглядеть развалины и понял, какую сложную задачу им предстоит решить. В соответствии с принципами пейанской архитектуры все здания располагались далеко друг от друга, на прямоугольнике длиной около двух миль и шириной в четверть мили. Почти от всех строений остались лишь фундаменты. Только иногда можно было заметить одиноко стоящие стены. Все руины густо заросли травой и кустарником. Деревьев, однако, практически не было.

Чуть в стороне от городских развалин стояло небольшое каменное сооружение с квадратным основанием.

— Это здание имело военное назначение? — спросил Малакар, показывая на него рукой.

— Да. Я забиралась внутрь. Крыша частично рухнула, там полно насекомых и отвратительно пахнет. Пейанцы взяли с собой все, представляющее малейший интерес, когда покидали город.

Он кивнул.

— Тогда, для начала, давай немного погуляем, и ты мне расскажешь, что тебе известно.

Шинд следовал за ними, маленькая тень среди камней.

Они несколько часов бродили среди развалин, и Джакара рассказала все, что знала об этом месте. Потом Малакар выбрал здание, которое сохранилось лучше других, для более внимательного осмотра, надеясь, что именно оно могло привлечь внимание Х. Однако когда пришло время ужина, он знал не больше, чем перед восходом солнца.

После ужина Малакар забрался на самую высокую точку, до которой смог добраться (на стене), и оттуда нарисовал грубую карту городка. Потом разбил ее на квадраты, тщательно отметив те места, где они уже побывали.

— Мы будем осматривать руины квадрат за квадратом? — спросила Джакара.

— Именно.

— А с чего начнем?

— Выбери сама, — предложил Малакар, протягивая ей карту.

Девушка бросила на него быстрый взгляд и, убедившись, что он действительно предлагает ей принять решение, внимательно посмотрела на карту.

— Ладно. Тогда начнем отсюда — с середины.

В этот день они осмотрели два квадрата, залезая в каждый подвал, переворачивая камни и срывая лианы, закрывавшие проходы. Работали до тех пор, по-

ка не сгустились сумерки, а потом вернулись в лагерь и развели костер.

Много позднее, когда они смотрела на звезды, Джакара прервала затянувшееся молчание:

— Ну, для начала совсем неплохо.

Малакар ничего не ответил, продолжая молча курить. Через некоторое время девушка взяла руку Малакара в свои и так крепко сжала между ладонями, что ему даже стало больно.

— А теперь что с ней происходит, Шинд?

— *Она пытается утешить вас. Она чувствует, что вы расстроены из-за того, что сегодня ничего не удалось найти.*

— Тут она, конечно, права. С другой стороны, я не особенно рассчитывал, что уже в первый день нам будет сопутствовать успех.

— *Может быть, вам следует сказать ей об этом. Ее разум довольно странное место. Она огорчена из-за того, что расстроены вы.*

— О, проклятие!

— *Командор...*

— Да?

— *Я так жалею, что вы узнали об этом сне.*

— Мне это известно.

— *Еще не поздно.*

— Иди спать, Шинд.

— *Есть, сэр.*

— Эй, Джакара?

— Да?

Малакар протянул свободную руку, положил ее девушке на шею и повернул лицом к себе. Наклонившись к ней, поцеловал ее в лоб, а потом отпустил.

— Ты хороший проводник, и сегодня мы отлично поработали, — сказал он.

А потом отвернулся и заснул.

«Свет звезд, ярких звезд, — снова и снова повторяла она — потому что звезд было так много, — пусть его желание исполнится».

Утром они снова принялись за дело, и к полудню осмотрели еще три квадрата. Им удалось найти обнаживающиеся знаки — старые кухонные принадлежности местного производства и покрытый грязью тент от палатки — в четвертом квадрате. Но хотя они самым тщательным образом обыскали все вокруг, больше поиски ни к чему не привели.

— Возможно, здесь был его лагерь, — сказала Джакара.

— Или чей-нибудь еще. Никаких доказательств того, что это был именно он.

— Но если он останавливался именно здесь, значит, мог работать где-то неподалеку.

— Возможно. Давай закончим в этом квадрате, а потом займемся тем, что внизу.

Они продолжали работать и вскоре завершили проверку восьми квадратов. Больше в этот день им не удалось отыскать ничего интересного.

— Шинд?

— Да, Джакара.

— Он спит?

— Да. Но он не может услышать нас против моей воли, даже если при этом не будет спать. Что ты хотела?

— Он огорчен?

— Не очень. Он всегда спокоен, когда работает. Он — озабочен. Ты не сделала ничего такого, что могло бы его расстроить.

— Ты уже давно его знаешь?

— Около двадцати земных лет. Меня назначили его личным переводчиком во время войны.

— И ты продолжаешь сражаться рядом с ним, за ДИНАБ. Из всех его товарищей только ты остался с ним рядом.

— Иногда я приношу ему пользу.

— Приятно слышать о такой верности делу ДИНАБа.

— Невозможно столько времени придерживаться одних и тех же взглядов и не сойти с ума... или не начать любить. Я испытываю к Малакару

личную привязанность. ДИНАБ для меня... нечто второстепенное.

— Ты любишь Малакара? Ты женщина?

— По правде говоря, я принадлежу к женскому полу своего народа. Но это тоже своего рода случайность. Нужно много месяцев, чтобы научить землянина мыслить... и чувствовать так, как принято у гарвенийцев. Впрочем, это знание будет совершенно для тебя бесполезным. Если хочешь, называй это любовью.

— Я не знала, Шинд.

Последовало что-то вроде пожатия плеч.

— Ты говорила, что умеешь обращаться с пистолетом.

— Да, — ответила Джакара.

— В таком случае держи его при себе всякий раз, когда находишься рядом с Малакаром, и будь готова пустить его в ход без промедления в случае, если ему будет что-то угрожать.

— Угрожать?

— У меня было немало предчувствий относительно этой экспедиции. Я ощущаю опасность, хотя и не знаю, с какой стороны ее ожидать.

— Я буду готова.

— В таком случае я могу позволить себе немного отдохнуть. Спокойной ночи, Джакара.

— Спокойной ночи, Шинд.

Джакара переложила пистолет так, чтобы им можно было моментально воспользоваться в случае необходимости, и заснула, положив на него руку.

На третий день Малакар услышал едва различимый шум моторов и поднял голову к небу. С юга на северо-запад летел небольшой корабль, оборудованный для пространственных прыжков. Джакара тоже перестала работать и посмотрела на небо.

Корабль становился все больше.

— Он приближается. Похоже, пролетит прямо над нами.

— Да.

— Шинд, ты можешь...

— *Нет, расстояние слишком большое — я ничего не слышу.*

— А если он пролетит над нами?

— *Может быть, у меня что-нибудь и получится.*

Через несколько минут корабль достиг вершины холмов и оказался над развалинами города. Когда пилот уже не мог их не заметить — если он, конечно, смотрел вниз, — корабль неожиданно увеличил скорость и, быстро набирая высоту, умчался прямо на северо-запад. Через несколько мгновений он пропал из виду.

— *В корабле один пассажир, человек,* — сказала Шинд Малакару и Джакаре одновременно. — *Его интересовали развалины. Больше мне не удалось понять ничего.*

— Наверное, турист.

— *В таком случае почему он сбежал, увидев нас?*

— Непонятно.

Малакар вернулся в лагерь и распаковал лазерный автомат, который надел на плечо. Увидев, что он делает, Джакара проверила свое оружие.

Потом они вернулись на тот квадрат, где перед этим работали.

— У меня есть идея, — сказала Джакара.

— Давай выкладывай.

— Пейанцы придерживаются странтрианской религии, а странтрианские храмы почти всегда находятся под землей. Нам еще не удалось найти ни одного храма. Если вы правы, предполагая, что Х — профессиональный археолог...

Малакар энергично закивал и принялся снова изучать карту.

— Я намереваюсь еще раз взобраться на эту стену, — проговорил он, бросив взгляд через плечо. — Подземное помещение, способное вместить странтрианский храм, наверняка частично провалилось —

ведь прошло уже столько лет. Я посмотрю, не видно ли тут больших котлованов.

Он взобрался на стену и стал медленно поворачивать голову слева направо. А потом достал карту и сделал на ней какие-то пометки, которые еще раз сверил со своими наблюдениями.

После этого Малакар спустился вниз и подошел к Джакаре.

— Я заметил шесть более темных мест. Возможно, мы наткнемся на гораздо большее количество ям и углублений, но со стены мне удалось заметить только эти шесть. Так что начнем с них. Выбирай, какая будет первой.

Джакара сделала выбор, и они зашагали к месту.

Лежа на земле, Малакар пытался осветить фонариком сумрак. Когда-то это был пятистенный зал. Внизу, впереди и слева, находились остатки центрального алтаря. Громадная куча мусора мешала рассмотреть все как следует. Продвинувшись немного вперед и повернувшись направо, он увидел низкую арку и часть зала за ней. Отсюда обычно ступеньки вели вверх к...

Он попытался представить себе приблизительное расположение надземной части храма, отполз от отверстия и подошел к развалинам. Надел перчатки, наклонился и начал отбрасывать в сторону куски камней.

— Это вход, — пояснил он. — Расчистить его будет совсем несложно. Камни лежат совершенно свободно.

— А почему бы нам не спуститься в то отверстие?

— Опасно. Там уже один раз все осыпалось. Мы выберем более надежный путь.

Джакара кивнула, тоже надела перчатки и присоединилась к Малакару.

Когда начало темнеть, они уже очистили прилегающую территорию и две трети лестницы.

— Сядь на верхнюю ступеньку и посвети мне фонариком, — приказал Малакар; и продолжал работать еще два часа.

— Вы, должно быть, устали, — сказала Джакара.

— Немного. Но осталось всего несколько футов.

Он прошел мимо девушки, держа в руках камень размером с дыню.

— На равнине появился еще человек, — сообщила Шинд.

— Где? — спросил Малакар и бросил камень на большую кучу.

— Не могу сказать точно. Кажется, к северо-востоку отсюда. У меня просто возникло ощущение постороннего присутствия. Ничего особенного.

— Может, какое-нибудь животное? — предположила Джакара.

— Нет, это более высокоорганизованный разум.

— Попытайся заглянуть в него.

— Я пытаюсь, но он находится слишком далеко.

— Продолжай пробовать и, если у тебя что-нибудь получится, сообщи нам.

Малакар подошел к Джакаре.

— Выключи свет, — велел он.

Девушка выполнила его приказ, а Малакар снял с плеча автомат и взял его в руку.

— Давай подождем немного, — сказал он, усаживаясь рядом с Джакарой.

— Он один, — сообщила Шинд.

— Тот же самый человек, что пролетел над нами сегодня днем? — спросила Джакара.

— Не могу сказать. Корабль мог вернуться на малой высоте и приземлиться в одном из каньонов неподалеку.

— Он движется в нашу сторону? — спросил Малакар.

— Похоже, стоит на месте.

Они стали ждать.

Через четверть часа Шинд сказала:

— Он по-прежнему неподвижен. Возможно, разбил лагерь.

— Малакар, что мы станем делать?

— Не знаю, что лучше: пойти поглядеть на этого путешественника или довести нашу работу до конца и посмотреть, что там внизу.

— Он не может узнать, где мы находимся. Если это тот самый тип, что пролетал днем мимо руин, мы отошли достаточно далеко от того места, где он нас видел. Зачем нарываться на неприятности?

— Мне любопытно.

— Шинд сообщит вам обо всех его передвижениях. Я спущусь немного ниже по лестнице, и свет фонарика будет незаметен с земли. Мы сможем войти внутрь через час или два. А если вы найдете то, что ищете, сегодня же уйдем отсюда, и пусть он сидит в своем лагере, сколько ему захочется.

— Ты, конечно, права — тактически.

Малакар поднялся на ноги.

— Осторожно на ступеньках.

— Шинд, доложи нам немедленно, если он двинется с места. Ты знаешь, как далеко он находится?

— Насколько я понимаю, примерно в двух милях. Если бы приблизиться к нему на несколько сот ярдов, сигнал был бы сильнее.

— Давай.

Малакар спустился под землю на десять футов, а Джакара устроилась слева, чуть выше его. Он снова надел на плечо автомат и возобновил сражение с мусором. Прошло около десяти минут, прежде чем появилось отверстие возле верхушки арки.

— Командор, я все еще продвигаюсь в его сторону. Сигналы стали сильнее. Это сознание мужчины. Он укладывается спать.

— Отлично. Продолжай.

Малакар расширил отверстие, камни он бросал сбоку от лестницы. Джакара стояла, прислонившись спиной к стене, держа в левой руке фонарик. В правой она зажала пистолет

— Уже скоро, — проговорил Малакар и вытащил из завала три больших камня. На землю с шумом посыпались мелкие камешки.

Отжал металлический прут, а потом, сделав шаг назад, с силой ударил правой ногой в тяжелом ботинке прямо по куче камней — они посыпались внутрь, на пол, а вокруг поднялся столб пыли. Джакара закашлялась и свет фонарика задрожал.

— Извини. Я хотел побыстрее расправиться с этой мелочью. Мы сможем войти туда через несколько минут.

Джакара кивнула и свет закивал вместе с ней. Малакар, как безумный, сражался с кучей мусора и камней.

— *Командор!*

— *Что?*

— *Я вошла в контакт с его сознанием, чтобы исследовать его. Он пропал.*

— Как это — пропал?

— *Я больше ничего не различаю, даже не чувствую его присутствия. Он обнаружил меня. И выставил защитный экран. Он сам является телепатом — очень сильным. Что мне делать?*

— Возвращайся. Мы собираемся войти внутрь. К какой расе принадлежит это существо?

— *Думаю, к твоей.*

— Люди не обладают телепатическими способностями.

— *Ты же знаешь, что некоторые обладают. Это был мужчина. Так я, по крайней мере, думаю.*

Малакар откинул еще несколько камней и отогнул еще один металлический прут.

— Наш сосед — телепат, — сообщил он Джакаре. — Он заблокировался от Шинд. Она возвращается. Ну вот. Теперь, пожалуй, можно пролезть в это отверстие.

— Вы считаете, мы должны это сделать? Ведь не исключено, что он нас здесь найдет.

— Это человеческое существо, — ответил Малакар. — Если он сможет узнать, где мы находимся, он

точно так же разыщет нас и в лагере. Нет смысла останавливаться.

Командор наклонился вперед, прополз через кучу мусора под аркой и спустился в зал. Нащупал ногами пол и встал.

— Иди сюда, — позвал он Джакару.

Он осветил фонариком ей дорогу, и девушка спустилась вслед за ним. Ухватившись за протянутую руку Малакара, она спрыгнула и оказалась в маленькой комнатке.

— Сюда.

Они прошли в пятиугольный зал. Из-под их ног выскакивали какие-то мелкие существа и уносились в темноту. Малакар повел фонариком, чтобы осветить помещение, — множество перевернутых скамеек, покрытых пылью и проломленных. Малакар повернулся к алтарю — зеленый камень, изрезанный множеством линий. А потом принялся рассматривать ряды гласситовых табличек с изображением пейанских божеств. Их было великое множество: сотни картинок, одни из которых висели криво и были повреждены, а другие прекрасно сохранились. Часть табличек валялась на полу. Малакар медленно вел по ним лучом фонарика.

— Довольно неплохо сохранились. Сколько лет этому храму?

— Никто не знает точно, — ответила Джакара. — Город уже был разрушен, когда открыли Дейбу, около девятисот земных лет назад.

— *Я здесь*, — сказала Шинд, и сквозь расчищенное отверстие внутрь проникла темная тень.

— Хорошо. Есть какие-нибудь новости про нашего гостя?

— *Ничего. Я попытаюсь прикрыть нас от него, пока вы осматриваете это место.*

— Прекрасно.

Малакар принялся изучать пол, осторожно передвигаясь между обломками скамеек. Примерно через полтора часа он осмотрел все и ничего не обнаружил. Тогда он перенес свои поиски поближе к

алтарю и начал разбирать лежащие возле него обломки потолка.

— Мне кажется, я кое-что нашла, — раздался голос Джакары, которая была где-то слева, довольно далеко впереди. Она изучала стены при помощи своего маленького карманного фонарика.

Малакар моментально бросился к ней.

— Что?

Джакара высветила слабым лучом фонарика небольшое место на полу. Малакар тут же осветил своим фонариком туда, куда указывала девушка.

У их ног лежала отсыревшая записная книжка, покрытая пылью.

Наклонившись, Малакар осторожно дотронулся до книжки. Потом поднял ее и стер пыль с обложки. Дешевая, в пластиковом переплете, со значком изготовителя в самом углу. Сняв перчатки и засунув их за пояс, Малакар открыл записную книжку. Страницки были влажными, строчки расплзлись. Малакар медленно переворачивал страницы.

— Рисунки этого храма, — сообщил он. — Ничего, кроме зарисовок. — И закрыл блокнот.

— Значит, здесь кто-то был, — сказала Джакара. — Зачем выбрасывать блокнот, в котором ты сделал столько рисунков? Может, именно здесь Х настигла болезнь? — Она неожиданно отшатнулась от Малакара. — Мы не можем подцепить чего-нибудь от этой книжки?

— Через столько лет — нет.

Малакар осветил вокруг себя фонариком.

— Если он оставил это, то мог оставить и...

Направил луч в одно место. Там лежал какой-то предмет, явно сделанный из металла. Сгнившие полочки ткани скрывали небольшой контейнер.

— Что-то вроде сумки, — сказал Малакар, осторожно дотронувшись до металлической поверхности.

И замер, увидев под пылью буквы на контейнере.

Он осторожно поднял его и сдул пыль. В его сознании вихрем взметнулись видения хаоса и смерти, потому что Малакар увидел инициалы: «Х. ф. Х».

— Нашел! Я знаю, кто он.

Я чувствую его! — сказала Шинд. — *Ваша находка взволновала его, и он себя выдал!*

Малакар резко обернулся, уронив контейнер, и выключил свет. Затем коротким движением сорвал автомат с плеча.

— Мир! — послышался чей-то крик. — У меня в руках нет оружия!

В этот момент Джакара тоже выключила свой фонарик, и Малакар услышал, как щелкнул затвор пистолета.

Сквозь отверстие в потолке на фоне звезд вырисовывался силуэт человека.

— Вы представляете из себя отличную мишень, — заметил Малакар.

— Я сделал это совершенно сознательно, чтобы продемонстрировать добрую волю, когда убедился, что вы не собираетесь сразу стрелять. Я хочу поговорить с вами.

— Кто вы такой?

— Какое это имеет значение? Теперь я знаю то, что стало известно вам. Хейдель фон Хаймек — я прилетел сюда ради того, чтобы удостовериться в этом.

Пока незнакомец говорил, на правой стене возникло слабое свечение. Малакар посмотрел в ту сторону. Одна из гласситовых табличек начала испускать зеленое сияние. На табличке был изображен обнаженный человек, в одной руке он держал грозовую тучу, а в другой лук. Лицо фигурки было частично скрыто за поднятой рукой. На бедре человека висел колчан с молниями, цвет которых точно соответствовал желтому небу у него над головой.

— Значит, вам известно его имя, — снова заговорил Малакар. — Ну и что дальше?

— Теперь я смогу его найти.

— Зачем?

— Он представляет огромную опасность для большого числа людей.

— Мне это известно. Именно поэтому я тоже его ищу.

— Я знаю вас, Малакар. Вы человек, которым я когда-то восхищался — да и сейчас восхищаюсь. Однако в данном вопросе вы совершаете ошибку. Хейделя нельзя использовать так, как вам хочется. Он совершенно неуправляем. Опасность будет угрожать не только ОЛ, но и ДИНАБу.

— Кто, черт возьми, вы такой?

— Энрико Карузо, — последовал ответ.

— *Он лжет*, — сказала Шинд. — *Его зовут Фрэнсис Сангоу.*

— Вы Фрэнсис Сандоу, — произнес вслух Малакар, — и я понимаю, почему вы хотите остановить меня. Вы один из самых богатых людей в Галактике. Если я нанесу серьезный урон ОЛ, ваши интересы будут существенно затронуты, не так ли?

— Вы правы, — не стал спорить Сандоу. — Но сюда я прилетел совсем не из-за этого. Обычно я посылаю агентов, которые меня представляют. В данном случае я был вынужден сделать исключение. Вы ведь доктор медицины. Вы должны знать, что многое из того, что происходит с Хейделем, не носит материального характера.

— Ну и что?

— Вы довольно долго находитесь там, внизу. Есть ли основания считать, что до вас кто-то недавно побывал в этом храме?

— Нет.

— Тогда все в порядке. Я вам кое-что расскажу — у меня не было никакой возможности получить эту информацию обычными способами. Вы стоите рядом с тем местом, где недавно сделали свою находку — у самой стены. Пусть ваша партнерша держит меня на прицеле, а вы посветите на эту стену, вверх. Практически у вас над головой находится гласситовая табличка. Я опишу ее: голова и плечи женщины с голубой кожей. У нее два лица, которые смотрят в противоположные стороны. То, что смотрит влево, красиво, и на этой половине картины нарисованы цветы — голубые цветы. Лицо, обращенное вправо, с заостренными, торчащими зубами,

имеет жутковатое выражение. Рядом с ней извиваются синие змеи. А над головой женщины изображен голубой круг.

Малакар включил свет.

— Все так и есть, — сказал он. — Как вы узнали?

— Это изображение богини Мар-и-рам, повелевающей исцелениями и болезнями. Именно под ее портретом и лежал фон Хаймек на грани между жизнью и смертью. В нем странным образом сошлись благословение и проклятие этого божества.

— Я перестал вас понимать. Вы хотите сказать, что эта богиня реально существует?

— В некотором смысле, да. Имеется некая энергия, которой наделены атрибуты этого странтрианского божества. Можно называть эти явления по-разному. Однако человек, которого мы разыскиваем, обладает такой энергией. Я получил неоспоримые доказательства. Теперь, когда мне удалось установить личность этого человека, я должен его разыскать.

— Что вы сделаете, когда найдете его?

— Попытаюсь вылечить, а если не смогу — тогда убью.

— Нет! — заявил Малакар. — Мне он нужен живым.

— Не делайте глупостей! — воскликнул Сандоу, когда Малакар направил на него луч фонарика.

Прикрыв рукой глаза, Сандоу отпрыгнул назад, а Малакар выстрелил — не в него, а вверх. Послышался глухой скрежет и целая секция потолка рухнула вниз.

— Попал в него! — закричал Малакар, падая на землю, одновременно увлекая за собой Джакару.

Он прополз немного в сторону и, держа наготове автомат, спрятался за большим камнем.

Он жив! Он в сознании! У него есть оружие!

Малакар вжался в пол, когда луч лазера расплавил камень у него над плечом.

— Дайте хотя бы закончить разговор! — крикнул сверху Сандоу.

— Нам не о чем говорить.

— Вы сделаете вывод после того, как выслушаете меня! Я не буду стрелять, если вы обещаете сделать то же самое.

— Не стреляй, — сказал Малакар Джакаре. — Мы его услышим.

Он прицелился получше, а потом крикнул:

— Ладно, Сандоу. Говорите.

— Вы знаете, чего я хочу: мне нужен фон Хаймек. Я не стану спорить с вами относительно того, насколько ваши намерения соответствуют нормам человеческой морали — вы все равно уже приняли решение. Однако я хочу предложить вам сделку. Проклятие! Прекратите целиться в меня! Я не собираюсь вас обманывать. Вы живете на мертвой радиоактивной головешке, которая когда-то была Землей — родиной всех людей. Неужели вы не хотите, чтобы она снова стала зеленой и цветущей? С вулканами будет покончено, радиоактивность нейтрализована, земля вновь станет плодородной, зазеленеет трава и вырастут деревья, в океанах появится рыба, континенты примут прежние очертания. Вы же знаете: я могу это сделать.

— Это будет стоить целое состояние.

— И что из того? Ну, договорились? Вы забываете о фон Хаймеке, и Земля становится такой, какой она была до войны. Идет?

— Вы лжете!

— *Он не лжет*, — сказала Шинд.

— У ДИНАБа будет еще один обитаемый мир, — продолжал Сандоу, — вы ведь утверждаете, что для вас это имеет большое значение.

Все время, пока Сандоу говорил, Малакар пытался взять под контроль свои чувства — чтобы действовать автоматически, как во время сражения — и не дать возможности несбыточным мечтам завладеть его душой. Осторожно, бесшумно, медленно он смещался вправо, целиком сосредоточившись на голосе Сандоу. Теперь, когда он почти касался стены, ему

снова стали видны очертания головы и левого плеча Сандоу. Малакар нажал на курок.

От сильного удара его рука онемела почти до локтя: он увидел, что выстрелил мимо, и пуля ударила в верхнюю часть противоположной стены.

Левой рукой Малакар прикрыл глаза от полетевших во все стороны осколков. Однако почти сразу же отвел руку, снова схватил автомат и направил его вверх.

Очередь ударила в потолок, который рухнул вниз.

Сандоу наконец замолчал.

Малакар и Джакара довольно долго лежали, прислушиваясь к своему дыханию и биению собственных сердец.

— Шинд?

— *Ничего. Вы убили его.*

Малакар поднялся на ноги.

— Пойдем, Джакара. Нам нужно уходить отсюда, — сказал командор.

Позднее, перед тем как они свернули лагерь, Джакара посмотрела на него, коснулась кончиками пальцев его щеки и сказала:

— У вас идет кровь, Малакар.

Он резко отстранился.

— Знаю. Я порезался об эту проклятую картину зеленого мужчины, когда она на меня упала.

Он подтянул седло.

— Он действительно мог восстановить Землю, Малакар?

— Наверное, но это все равно ничего бы не решило.

— Вы говорили, что ДИНАБу требуются новые миры, чтобы получить статус в ОЛ. Земля могла бы стать одним из таких миров.

— Чтобы получить Землю, мне пришлось бы отказаться от своего оружия.

— Откуда он мог знать об изображении этой богини — Мар-и-рам?

— Странтарианские святилища построены одинаково. Он примерно знал, где я стоял. Всякий, кому известно, как устроены подобные храмы, способен сказать, что изображено на стене.

— Значит, он придумал и все остальное?

— Конечно. Это просто смешно. Его интересуют только экономические аспекты данной ситуации.

— Тогда почему он прилетел сам?

— Не знаю... Ну, вот, я готов. Поехали.

— Вы ничего не собираетесь с этим делать?

— С чем?

— С порезом.

— Потом.

Усевшись на курьябов, они поскакали обратно навстречу Кейпвиллу и дождю.

Глава 4

Доктор Пелс изучал отчеты

Слишком поздно, решил он, и что-то сложилось не так. Здесь действительно свирепствует лихорадка мвалакхарран кхур и еще множество других болезней. Мы не можем позволить им распространиться на другие планеты. Где он? Никаких данных о том, что он покинул Глич, нет. И тем не менее власти официально сообщили, что из космопорта был угнан корабль для пространственного прыжка, а в порту зарегистрирован один из очагов инфекции. Может, он решил убежать и спрятаться где-нибудь, когда понял, что происходит? Или, наоборот, направился на какой-нибудь новый мир?

Под звуки музыки Дебюсси доктор Пелс созерцал Глич — доктор Пелс слушал сюиту «Море»

«Что делать, — думал он — Я долго ждал, но время ожиданий прошло, наступила пора действовать. Если бы я сумел отыскать его месяц назад, трагедии на Гличе могло бы не произойти. Мне необходимо найти его как можно скорее, я должен поговорить с ним, убедить остаться со мной до тех пор, пока я не сумею решить его проблему. Интересно, согласится ли он подвергнуться той же процедуре, которая позволяет мне функционировать? Согласится ли он отказаться от жизни в том виде, как он ее себе представляет, и превратиться в призрак — вроде меня? Поменять свое нынешнее существова-

ние на лишенную чувств, бессонную жизнь? Если он понимает, что делает, я не сомневаюсь: он не откажется. Либо это, либо самоубийство... Единственно возможные варианты для разумного, порядочного человека... А что если он перестал быть разумным существом? Вдруг напряжение и тяжелые переживания сломили Хаймека, или безумие явилось побочным эффектом его необычного состояния? А что, если положение, в котором он оказался, столь же безнадежно, как и мое? Возможно, в таком случае достойным выходом было бы замораживание. Иначе пришлось бы слишком долго ждать. Однако никто не может дать никаких гарантий на предмет пробуждения — в такой ситуации почти наверняка он не согласится. Как лучше держаться с ним, когда я его найду? Пришло время решительных действий, а я не знаю, что предпринять».

Через некоторое время он послал сообщение в Координационный Центр Охраны Здоровья планеты, предлагая свои услуги в борьбе с многочисленными эпидемиями, которые уже успели опустошить два континента. Потом включил канал, круглосуточно передававший сводки новостей. Пелс был способен слушать радио без перерыва, а значит, мог рассчитывать, что вовремя узнает о новой вспышке эпидемий. Он приготовился мгновенно отправиться на место происшествия.

Доктор Пелс слушал новости, а перед его мысленным взором неожиданно появилось море, которого он никогда не видел.

— Все прошло просто великолепно, — рассказывал ей Хейдель. Мне потребовались всего несколько минут.

— Это из-за того, что ты сам там присутствовал. Скоро ты повсюду будешь становиться эпицентром урагана. Пройдет совсем немного времени, и ничто не сможет противостоять тебе. Нужно будет только указать пальцем и пожелать, и все они умрут.

— Госпожа, теперь я знаю: вы настоящая, а не плод моего горячечного бреда. Ведь вы исполнили данные вами здесь обещания...

— Как и ты. Именно поэтому я и наградила тебя так щедро.

— Вы совсем не такая, как раньше...

— Да. Теперь я сильнее.

— Я не это имел в виду. Хотя и это тоже правда... Я хотел сказать: что-то изменилось. Что же произошло? Я обнаружил, что далеко не всегда в состоянии ясно мыслить.

— Ты превращаешься в богоподобное существо.

— Однако что-то внутри меня отчаянно протестует.

— Пройдет. Просто наступила новая фаза.

— ...И вы не сон. Вы настоящая. Кто вы на самом деле? И куда я попал?

— Я богиня, в верности которой ты поклялся, и мы находимся в моем собственном раю.

— Где он?

— Мое царство внутри тебя.

— Вы не ответили на мой вопрос, Госпожа.

— Я дала тебе единственно возможный истинный ответ.

— Где мы встретились?

— Мы всегда знали друг друга.

— На Дейбе, не так ли?

— Да, именно там формально произошел наш первый контакт.

— Я не помню, как мы познакомились.

— Ты был болен. Мы спасли тебя.

— «Мы»?

— Я. Я спасла тебя тогда, чтобы мы могли помочь друг другу.

— Почему вы так долго ждали?

— Время было не совсем подходящим.

Он повернулся и посмотрел на нее. А потом быстро кивнул, словно вокруг не было ничего, кроме синего льда и синего пламени.

— Что произошло? — пробормотал он.

— Ты принес сюда больше, чем следовало, и в то же время недостаточно, Дра фон Хаймек. Ненужные воспоминания о ненужной жизни не имеют отношения к тому, что происходит здесь. Пусть они уйдут. Ты уже не тот, кем был на Дейбе или даже на Гличе. Трепещи передо мной. Я возвеличу тебя. Я окажу тебе милость.

— Я благоговею и трепещу перед вами..

— Проснувшись, ты пойдешь в город, где не скажешь ни единого слова. Ты просто укажешь пальцем на первое живое существо, которое встретишь.

— ...Я укажу пальцем на первое живое существо, которое встречу...

— Ты почувствуешь, как у тебя в груди распускается цветок могущества, поднимает голову, словно змея...

— ...Я почувствую могущество...

— А потом ты уйдешь оттуда и отправишься в другое место..

— ...Я отправлюсь искать другое место...

— Ты прекрасен в моих глазах, и я люблю тебя, Дра фон Хаймек.

Холодные губы коснулись его век, как монеты, которые отдают Харону. Через некоторое время она запела. В небе сияла синяя луна. С кончиков ее пальцев к нему на ладонь капала кровь. Она пела о вечности.

Он дал ей транквилизатор и отправил спать. Иначе ему пришлось бы закрыть все экраны — когда она в них смотрела, у нее начинались невыносимые приступы головокружения. Вполне можно было бы обойтись и без экранов, но с тех пор, как они покинули Дейбу, Джакара постоянно его раздражала.

«Дело совсем не в том, что тебя боготворит симпатичная девчонка, которая из страха не подпускает тебя к себе. И вовсе не в ее бесконечных разговорах о борьбе, и не в том, что она все время заставляет тебя предаваться воспоминаниям. А в чем тогда, черт

подери, дело? В том, что ты оказался с другим человеческим существом в подпространстве, где вам придется вместе провести целых две недели? Нет, тоже не то. А может быть, ты просто вдруг осознал, как тяжело давит на плечи груз прожитых лет? Девчонка постоянно привлекает твое внимание к тому, каким ты был и каким стал сейчас. Неужели твоя ненависть в прежние годы была столь сильна, что ты мог сжечь целый город только ради того, чтобы разделаться с крысами? В какой момент ты изменился, стал мягче? Когда чистая холодная ненависть сменилась планами процветания ДИНАБа и получения им статуса Лиги? Все произошло так постепенно, что ты и сам этого не заметил. Ты мечтал раздобыть набор хлыстов, а теперь у тебя нет уверенности в правильности избранного пути. Сандоу не выходит из головы. Неужели он и вправду мог помочь ДИНАБу? Его слова звучали достаточно разумно. Однако он болтал какие-то глупости про странтрианскую богиню... Чушь собачья!.. Эта девушка умудряется либо вытащить на свет все самое плохое, что есть в тебе, либо полностью лишает индивидуальности. Неправда. Ты сам в этом виноват. И все же... Я буду спать, когда она проснется. Если люди Сандоу свяжут меня с тем, что произошло на Дейбе, могут возникнуть неприятности. Им наплевать на политические границы. Ну, еще один мост, еще один день. Если я напущу на них фон Хаймека, ситуация будет достаточно серьезной. Кто-нибудь обязательно сообразит, что это моих рук дело. Они наверняка попытаются предать меня суду. Зря я послал им сферу — дурацкая была идея. Вполне мог оставить ее себе, а не отправлять в ОЛ. Унизился перед ними, предъявив им счет с *memento mori*? Трудно сказать.

Сколько ублюдков из Высшего Командования ОЛ мне удалось пережить? Они умирали не так, как мы... Земля, черт подери! Мне следовало сделать посадку на Бифросте и оставить Джакару там. Это планета ДИНАБа... Итак, она увидит вулканы, узнает, что случилось с Землей... Но почему я так спешу? Мо-

жет быть, причина заключается в том, что я хочу как можно быстрее покончить с этим делом? Возможно... О Господи, только не напоминай мне сейчас о совести. Я не готов к этому. Я так долго без нее обходился, что в состоянии потерпеть еще немного... У нее красивые волосы, и такие прекрасные, немного испуганные глаза...»

В центре водоворота появилась голубая звезда, и Малакар проследил за ее полетом, напомнившим ему о камне, выпущенном из пращи.

— Разрушенный пейанский город — всего лишь необычная реликвия, — сказал он, взмахнув рукой. — Смотри, целая планета лежит в руинах.

Джакара не сводила глаз с развалин Манхэттена.

— Я видела фотографии, — проговорила она наконец, — но...

Малакар кивнул.

— Сегодня мы полетим на Миссисипи. Я покажу тебе, где когда-то была Калифорния.

Он включил по очереди все экраны, и разведывательные спутники передали на них изображение самых разных мест, лежащих в руинах.

— Они тут постарались...

«Зачем, черт подери, ему все это? — подумал Морвин, который старательно делал вид, что рассматривает кратер. — Я не знаю, где Малакар нашел эту девушку, только ведь он превращает ее в свою копию. Как она рассуждала за ужином вчера вечером! Пройдет год, и она станет настоящим чудовищем. Может быть, она и сейчас уже такая. Неужели чтобы стать командующим Флота, нужно уметь ломать жизни других людей, заставлять окружающих жить по твоим правилам? Это не мое дело, но Джакара так молода... Впрочем, может быть, именно мой образ жизни необходимо изменить. Может быть, правы они. После окончания войны я только и делал, что жирел, в то время как люди, вроде Джакары, продолжали сражаться. Что, если наше дело еще не

проиграно? Предположим, командору удастся победить? Внешне, вероятно, никаких изменений заметно не будет. Ну, скажут в новостях. Совершенно нереально... И все же... Неужели я превратился в безмозглую овцу? Или просто я слишком долго вожусь с чужими снами? Девушка, должно быть, едва помнит сам конфликт, но она с Малакаром. Какую роль он ей готовит?»

— Это выглядит ужасно, — несколько неожиданно для самого себя заявил он, переводя глаза с девушки на экраны. Затем, спустя некоторое время, добавил: — Командор, чем вызван ваш неожиданный интерес к эпидемиям?

Малакар внимательно изучал его примерно полминуты, а потом сказал:

— У меня появилось новое хобби.

Морвин набил трубку и закурил.

«...Здесь явно что-то не то, — решил он. — Какой план придумал Малакар на этот раз? Когда я делал для него ту проклятую сферу, мне вспомнилось многое из того, о чем я постарался забыть много лет назад. Что ждет эту девушку? Бросит ли ее Малакар на съедение волкам, как и многих других до нее, чтобы она, умирая, молилась за него, продолжая свято верить в его правоту? Ей необходимо выйти из игры. Впереди у Джакары долгая жизнь, несправедливо так рано лишать ее будущего. И все же я завидую ее преданности. Интересно, опасно ли новое предприятие Малакара? Возможно... Кто-то должен позаботиться о девушке».

Морвин выпустил струю дыма. Погладил свою длинную, рыжую бороду.

— Меня тоже интересуют эпидемии, — наконец произнес он.

Первым живым существом, попавшимся ему на глаза утром, был молодой человек, который шел по узкой, пустынной дороге. Когда он был уже совсем

близко, Хейдель выбрался из-за кустов и остановился перед ним. От неожиданности юноша вскрикнул.

— О Господи!

Хейдель только показал на него своим воспаленным уродливым пальцем.

И сила проснулась — и хлынула на свободу, словно непобедимое пламя. Юноша покачнулся, едва не упал, но все-таки устоял на ногах. А потом неуверенно коснулся рукой лба.

— Кто вы? — спросил он.

Хейдель ничего не ответил, лишь сделал несколько шагов в сторону юноши.

Тогда юноша резко повернулся и помчался по дороге прочь. Через несколько секунд он уже скрылся из виду.

Только после этого Хейдель позволил себе слабо улыбнуться. Нет никакой нужды идти дальше. Она сказала правду.

Повернувшись к туманным холмам на юге, за которыми было много живых существ, он продолжил свое путешествие. В воздухе перед ним повисла радуга.

Прошла неделя, а Морвин все еще не был уверен, возьмет ли Малакар его с собой. Однако время принятия решений приближалось. Было ясно, что Малакар готовится покинуть Землю через день или два. Морвин никак не мог понять зачем. Как и прежде, его бывший командир не открывал своих секретов. В то же время очевидно, что Джакара в курсе планов командора. Морвин даже почувствовал уколы ревности.

Он сообщил о своих пожеланиях еще на предыдущей неделе. Теперь Малакар должен был принять окончательное решение. Морвин хотел сопровождать командора во имя возрождающегося в его сердце гнева и еще потому, что испытывал чувство вины — оно появились той ночью, когда по просьбе Малакара он воссоздал его сон. Впрочем, разве это

имеет какое-нибудь значение? Источник не играет роли. Теперь Морвину хотелось, чтобы командор доверял ему так же, как и Джакаре. Возможно, будет пролита кровь. Его охватило знакомое возбуждение, проснулась старая ненависть.

Однако куда Малакар намерен отправиться? И с какой целью? Морвин стал особенно внимательно вслушиваться в сводки новостей, но все равно не мог понять, где Малакар собирается нанести свой очередной удар. Конечно, он мог воспользоваться частным источником информации — у Малакара были агенты в ОЛ. Как бы там ни было, чем более озабоченным казался командор, тем сильнее злился Морвин.

Он даже злорадно улыбнулся, вспомнив, как вчера ему удалось вывести Малакара из себя.

Командор незаметно поднялся на верхний ярус, где Морвин рассказывал Джакаре о том, как он зарабатывает себе на жизнь.

Огромный серебристый корабль Службы Безопасности ОЛ висел перед ними среди пара и дыма, словно экзотический канделябр. Он застыл у самого края кратера — ни один здравомыслящий пилот не поставил бы его там. Заметив корабль, Малакар поспешно пересек пространство, отделявшее его от консоли управления, и его пальцы быстрыми, уверенными движениями коснулись нескольких кнопок. Морвин не видел, откуда стартовали ракеты, но почувствовал, как несколько раз содрогнулась земля. Когда он перевел взгляд с Малакара на дисплей, то увидел, что корабль медленно растворяется в воздухе. Морвин фыркнул, а Джакара рассмеялась.

— Там ничего нет! — воскликнул Малакар, посмотрев на показания приборов.

— Угу... Да, сэр! — ответил Морвин. — Я просто рассказывал Джакаре о том, как делаю сферы. Мне удалось создать ту картинку из частичек пепла. Именно в нее вы и стреляли.

Малакар свирепо оскалился и сказал:

— Джакара, я хочу поговорить с тобой.

И они ушли, оставив Морвина в одиночестве. За обедом Малакар уже шутил по этому поводу, и Морвин вежливо посмеялся.

— *Мистер Морвин...*

— *Да, Шинд?*

— *Командор собирается предложить вам сопровождать его в путешествии, в которое он собирается отправиться завтра вечером.*

— *Куда?*

— *У него был выбор между двумя мирами — Гlichem и Вершиной. По разным причинам он остановился на Вершине.*

— *Что мы там будем делать?*

— *Он хочет попытаться завербовать союзника. Командор сам расскажет вам все, что посчитает нужным.*

— *Если я полечу с ним, я должен быть в курсе его планов.*

— *Пожалуйста. Это не приглашение. Я надеюсь, он никогда не узнает о нашем разговоре.*

— *В чем же тогда дело?*

— *Командор поинтересовался моим мнением — он хотел знать, следует ли брать вас с собой.*

— *...И можно ли мне доверять.*

— *...И это, конечно, тоже. Я ответила утвердительно. Мне известны ваши настроения.*

— *Спасибо за добрые слова.*

— *Я рекомендовала вас вовсе не потому, что хотела пощадить ваши чувства.*

— *Тогда зачем ты это сделала?*

— *Мне кажется, на этот раз командору понадобится помощь.*

— *Ему грозит опасность?*

— *Назовем это просто предчувствием и больше не будем о нем говорить.*

— *Ладно. Я постараюсь забыть о нашем разговоре. Кто еще отправляется в путешествие?*

— *Джакара. И я.*

— *Я тоже полечу с вами. И постараюсь помочь.*

— *Тогда до свидания.*

— До свидания.

Морвин посмотрел по сторонам. Шинд нигде не было видно. Откуда это странное существо говорило с ним? Он всегда чувствовал некоторое смущение, когда в беседу вступала Шинд. Ведь все это время она вообще могла находиться в другой части цитадели, рядом с Малакаром, например.

Морвин начал расхаживать по комнате и обдумывать то, что сейчас услышал.

«Похоже, Малакар предпринял не совсем обычную операцию. Кажется, он не планирует никакого насилия. Однако Шинд говорила об опасности. Если из меня не вышло настоящего щеголя и хорошего художника, может быть, хотя бы получится неплохой помощник агитатора. Было бы забавно, если бы на Земле сейчас приземлился настоящий корабль Службы Безопасности, а Малакар подумал бы, что это еще одна иллюзия. Наверное, я не сумел бы разобраться с этой консолью... А стал бы пытаться? Вряд ли я смог бы в них стрелять после стольких лет. В мирное время это называется убийством. Да, интересная проблема... Командор, однако, явно выглядит обеспокоенным. Насколько мне известно, он несколько раз разрешал кораблям ОЛ приземляться на Земле и даже разговаривал с ними. Значит, он задумал что-то очень серьезное, раз так нервничает. Да, скорее всего, я бы выстрелил, а потом жалел бы об этом... Какую роль играет Джакара? Спит с командором? Может, она профессиональный агент, которому предстоит выполнить определенные функции?.. А вдруг она просто родственница, дочь, например? Имеет ли это какое-нибудь значение? Типичная ситуация. Малакар, как правило, не привык распространяться про свою личную жизнь, и я никогда не слышал, чтобы он упоминал о родственниках. Странная девушка — то слишком жесткая, то, наоборот, мягкая, никогда невозможно предугадать, какой стороной она к тебе повернется в следующую секунду. И при этом такая хорошенькая. Неплохо было бы все-таки понять, что за роль она играет при Малака-

ре... нужно же решить, как к ней относиться. Я спрошу у нее, потом...»

Вечером, после обеда, Малакар аккуратно положил вилку на край тарелки, посмотрел на Морвина и спросил:

— Ты хотел бы сопровождать меня на Вершину? Морвин кивнул.

— А что мы будем там делать? — спросил он после некоторого молчания.

— На Вершине должен находиться человек, которого я разыскиваю, — ответил Малакар. — Он в состоянии нам помочь. Во всяком случае, я надеюсь его там найти. Возможно, я ошибаюсь. Тогда я просто продолжу поиски. Однако у меня есть все основания считать, что он на Вершине. Я намереваюсь найти его и убедить сотрудничать с нами.

— А что в нем такого особенного?

— Болезни, — сказал Малакар.

— Прошу прощения?

— Болезни, болезни! В определенные моменты этот человек становится источником эпидемий!

— Ну и какая нам от этого может быть польза?

Малакар только усмехнулся.

Морвин сидел неподвижно несколько секунд, а потом снова принялся за лимонный шербет.

— Кажется, я начинаю понимать, — произнес он.

— Похоже. Живое оружие. Мы отправим его к нашим врагам... Как тебе нравится моя новая идея?

— Я... трудно так сразу сказать. Нужно подумать.

— Но ты полетишь с нами?

— Да, обязательно.

— Джакара и Шинд будут нас сопровождать.

— Очень хорошо, сэр.

— У тебя есть какие-нибудь вопросы?

— Пожалуй, нет. Во всяком случае, в данный момент. Хотя потом, я уверен, парочка вопросов у меня наверняка возникнет. Ну... а как зовут этого человека?

— Хейдель фон Хаймек.

Морвин покачал головой.

— Никогда о нем не слышал, сэр.

— Нет, слышал. Только ты называл его Хайнек — человек, которого разыскивает доктор Пелс.

— Ах вот оно что.

— Ты когда-нибудь слышал о человеке, которого называют Х?

— Теперь мне кажется, что слышал, но я никак не могу вспомнить, при каких обстоятельствах. Только я почему-то уверен, что речь шла не о разносчике эпидемий. У него редкая группа крови или что-то в таком же роде?

— Вот именно. Позже я дам тебе почитать кое-какие статьи.

— Спасибо.

Он посмотрел на Джакару и снова принялся за шербет.

«Господи! У меня такое ощущение, словно я заглянула в адское пекло, — решила Джакара. — Я провела на Земле уже целую неделю, но только сейчас увидела ее ночью».

Она смотрела на пылающее пламя, плотным кольцом окружившее цитадель — теперь, когда наступила темная ночь, Джакаре казалось, что стихия безумствует где-то совсем рядом.

«Интересно, как далеко внизу находятся эти огни? — думала она. — Я не буду спрашивать, а то они еще подумают, что я совсем ничего не знаю. На Дейбе нет вулканов. Наверное, это слишком старая планета. Пыль и дождь. Помню описания и картинки с изображением вулканов. Мне и в голову не приходило, что они на самом деле такие...»

Здание чуть дрогнуло, и Джакара улыбнулась. Как здорово оказаться рядом с такой мощью, жить на самой границе хаоса!

«Разрешит ли он мне остаться с ним, когда все это закончится? Возможно. Если на Вершине я дока-

жу, что от меня может быть какая-то польза. Я научусь помогать ему здесь. Он привыкнет ко мне».

Она посмотрела по сторонам.

«Он, наверное, знает, что я нахожусь рядом. Он знает обо всем, что здесь происходит. До сих пор я не разгуливала одна, но не думаю, что его это может рассердить. Нет. Он сказал, что я должна чувствовать себя здесь, как дома. Он бы сказал мне, если бы не хотел...»

— Привет, что вы тут так поздно делаете?

— Джон! ...Не могу заснуть.

— Я тоже. Вот и решил немного прогуляться...

Впечатляющее зрелище, правда?

— Да. Я впервые вышла сюда ночью.

Он подошел поближе и сделал вид, что смотрит на пламя.

— Все готово для путешествия?

— Да, — ответила девушка. — Малакар сказал, что оно займет всего восемь дней — в подпространстве.

— Примерно так. Вы с ним родственники?

— Что вы имеете в виду?

— Вы с Малакаром родственники?

— Нет. Мы просто... друзья.

— Понятно. Я бы тоже хотел стать вашим другом.

Казалось, она его не слышит.

Тогда он повернулся и посмотрел вниз — дым раздался в разные стороны, потом вновь образовалось темное облако, превратившееся в огромное сверкающее сердце, посреди которого появилось сначала ее имя, а потом его. Огненная стрела пронзила сердце.

Джакара рассмеялась.

Повернувшись, Морвин взял ее за плечи и быстро поцеловал в губы. На мгновение она расслабилась, а затем с неожиданной силой оттолкнула его.

— Не нужно этого делать!

Ее голос был пронзительным, лицо исказила гримаса.

Он отступил назад.

— Простите. Я не хотел... Послушайте! Не сердитесь. Вы просто показались мне такой красивой... Надеюсь, моя борода не слишком вас щекотала. Я... О, проклятье! Извините меня.

Он отвернулся от Джакары и стал молча смотреть на медленно пропадающее сердце.

— Вы меня удивили, — проговорила она. — Вот и все.

Морвин искоса посмотрел на нее и заметил, что она подошла к нему поближе.

— Спасибо за подарок, — сказала Джакара с улыбкой.

Немного поколебавшись, Морвин медленно протянул руку и коснулся ее щеки. Осторожно проведя пальцами по щеке, подбородку, потом по шее, он прижал ладонь к затылку девушки и притянул ее к себе.

Она напряглась, но Морвин не убрал руки.

— Если у вас никого нет сейчас, — прошептал он, — и вас может заинтересовать мое предложение... если вы и Малакар просто друзья... я хотел бы, чтобы вы рассмотрели мою кандидатуру. Вот и все, что я пытался вам сказать.

— Я не могу, — выдавила Джакара. — Слишком поздно. Спасибо.

— Что это значит «слишком поздно»? Меня интересует только то, что происходит сейчас.

— Вы не понимаете.

— ...И не хочу понимать. Если между вами и Малакаром ничего нет, ну, может быть, вы и я... ну, вы понимаете. Хотя бы на некоторое время... Если вы считаете, что вам это не подходит, я на вас не обижусь. Скажите хоть что-нибудь.

— Нет, пока нет. Не сейчас.

Он обратил внимание на «пока».

— Конечно, я ничего другого и не ожидал. Но вы все равно подумайте. Да, подумайте хорошенько. Пожалуйста.

— Хорошо, я подумаю.

— Тогда я замолкаю. Как бы там ни было, надеюсь, что вы, по крайней мере, будете считать меня своим другом.

Джакара улыбнулась, кивнула и отодвинулась.

— Пожалуй, мне пора, — сказала она и ушла.

А Морвин остался наблюдать за взрывами в ночи

«Ну, это уже кое-что», — сказал он сам себе.

Созданное им сердце давно превратилось в пар.

Хейдель ворвался в город словно перезрелый стручок гороха, из которого в разные стороны сыплются семена. Он указывал на людей пальцем, и те падали.

«Достаточно, — сказал он тому, кто сидел у него внутри. — Они отправились вслед за остальными»

И покинул те места, но прежде чем исчезнуть в тумане, встретил мальчика с молотком в руках.

Сделав шаг назад, он спросил.

— Что ты делаешь, мальчик?

— Собираю камни, сэр, — повернувшись, ответил мальчик.

Тогда он рассмеялся и проговорил:

— Вон там, под желтым слоем, слева от тебя, должны быть голубые кристаллы.

Мальчик повернулся и сделал то, что посоветовал ему Хейдель.

— Сэр! — воскликнул он минут через десять. — Там и правда голубые кристаллы!

И продолжил свою работу

Хейдель покачал головой и сморщился.

— Мне пора, — сказал он и поспешил туда, где клубился туман.

Мальчик был так увлечен своей работой, что не заметил, как Хейдель ушел.

Глава 5

Выйдя из подпространства возле Вершины, он заставил свой корабль зависнуть, наподобие звезды, над заинтересовавшим его районом.

— ...Один человек, — повторил он. — Мне очень жаль, но точнее я не могу ничего сказать. Я совершенно убежден в том, что в нем сконцентрировано множество болезней. Вам следует не просто объявить карантин в этом районе. Вам необходимо найти этого человека и нейтрализовать его. Он, вероятно, передвигается немного быстрее, чем распространяются болезни — нужно учитывать инкубационный период. Из того, что вы мне сказали, складывается впечатление, что он перемещается на юго-запад. Я рекомендую вам отправиться в том же направлении, лучше пешком, и немедленно начать поиск. Кроме того, мне нужны дополнительные сведения! Если это возможно, я бы хотел иметь прямую связь с поисковыми отрядами.

— Необходимо будет согласовать это, доктор Пелс, но я уверен, что все будет в порядке. А пока мы ждем новых сообщений. Вы получите их сразу же после того, как они поступят к нам.

— Очень хорошо. Жду.

Пелс отключил связь.

«Вот уж это точно, — сказал он сам себе, — я привык ждать. Только на этот раз... Все произошло так быстро, но и я успел вовремя, к самому разгару

событий. Я знаю, что он здесь. Я знаю, что эти люди дадут мне возможность руководить тем, что здесь будет происходить. У них ничего подобного никогда не случалось. Он с каждым днем становится все опаснее. Однако на этот раз я его обязательно найду. На этот раз...»

...Три, четыре, пять.

— Подождите, — крикнул он, но Джакара уже бросила шестую монету.

Она повисла, через мгновение перевернулась, а затем присоединилась к остальным пяти, которые уже кружились в воздухе.

— Подождите, я наведу среди них порядок... Так! Отлично, давайте еще одну — осторожно.

Джакара подбросила вверх еще одну монету. Она пролетела мимо остальных, застыла в воздухе, словно превратилась в фотографию, а затем, двигаясь наподобие головастика, присоединилась к веренице остальных монет.

— Еще!

Новая монета не остановилась и даже не замедлила своего движения, а просто заняла свое место рядом с остальными.

— Еще!

Монета послушно пристроилась в хвосте процессии.

— Еще...

— Решили побить свой рекорд? — весело смеясь, спросила Джакара, подбрасывая очередную монету вверх.

Поймав ее, Морвин заставил монеты вращаться по кругу, потом круг стал шире и скорость заметно увеличилась.

— Давайте еще одну.

Монета, словно солдат, верный приказу генерала, встала в строй.

— У вас получилось! Вы побили рекорд!

Сверкающее кольцо поплыло к тому месту, где сидела Джакара, замерло над ней, опустилось и начало очень быстро вращаться вокруг ее головы.

— *Я так и не знаю, что происходит у тебя в голове, когда ты это делаешь, хотя заметить, когда ты включаешь этот процесс, могу,* — сказала Шинд. — *По правде говоря, это довольно приятное зре...*

Морвин рассмеялся.

И кольцо сразу распалось. Монеты сверкающим дождем посыпались вокруг Джакары.

Девушка вскрикнула и отшатнулась, а Морвин потряс головой.

Из-за перегородки, разделяющей жилую часть корабля и капитанскую рубку, появился Малакар.

— Администрация космопорта Вершины ведет себя просто прекрасно, — сообщил он. — Такие любезные.

Морвин улыбнулся Джакаре.

— Это и вправду рекорд, — сказал он. И, повернувшись к Малакару, спросил: — А в чем выражается их любезность?

— Я только что разговаривал с ними про посадку и высказал опасения по поводу слухов о вспышках разных болезней. Я спросил, безопасно ли садиться на их планету именно в этом месте? Или мне следует отправиться в другой космопорт с моими туристами?

— С туристами? — спросила Джакара:

— Да. Чтобы получить от них побольше информации, я решил представиться гидом... Может, вообще стоит придерживаться этой версии на случай, если мы влипнем в какие-нибудь неприятности. Ну так вот, они подробно рассказали мне, в каких районах установлен карантин. Я поболтал с ними немного, и мне удалось выяснить кое-какие даты и названия мест. Так что теперь я довольно точно знаю, куда направляется наш приятель.

— Очень хорошо, — сказал Морвин, который наклонился и начал собирать монеты. — И что мы будем делать?

— Отправимся назад в подпространство — я сказал им, что мы, пожалуй, отменим экскурсию — ну и подойдем к планете с другой стороны. Их спутниковая система слежения показалась мне совсем простой. Я смогу незаметно проскользнуть сквозь нее.

— А потом мы приземлимся в закрытом районе и отыщем Хаймека?

— Вот именно.

— Знаете, я много думал. Что если мы найдем его, а он не захочет полететь с нами, не захочет стать нашим оружием? Что мы тогда будем делать? Похитим человека?

Малакар посмотрел на него, улыбнулся.

— Он захочет.

Морвин отвернулся.

— Я просто раздумывал...

Малакар снова отправился в переднюю часть корабля.

— Я собираюсь изменить курс. И планирую как можно быстрее выйти в подпространство.

Морвин кивнул, позвенел монетами, поднялся на ноги.

— Мне кажется, пора делать прививки, — крикнул Малакар, заходя за переборку. — Займешься этим, Шинд?

— Да.

Морвин подбросил монеты в воздух. Они превратились в сверкающее торнадо, заметались в воздухе, а потом со звоном опустились на его ладонь.

— Вот еще одна, — сказала Джакара, вытянув руку.

Монета соскользнула с ее ладони и с резким звоном присоединилась к своим приятельницам.

Джакара внимательно посмотрела на Морвина.

— Что-нибудь случилось?

Он засунул монеты в карман.

— Не знаю.

— Знаете, — сказала Шинд. — *Его ответ заставил вас еще раз задуматься о вашей собственной роли в этом предпрятии. И о последствиях.*

— Конечно.

— Вы заметили, что он изменился, раньше ему не пришло бы в голову использовать людей таким способом...

— Да.

— Например, Джакара. Почему она здесь?

— Мне это непонятно.

— Он, конечно, придумал свое объяснение, но причина тут только одна: Джакара его боготворит, считает, что он все делает правильно. Командор никогда в жизни в этом не признается, однако сейчас ему необходима именно такая поддержка.

— Неужели он настолько в себе не уверен?

— Он стареет. Время для него бежит быстрее, но цели, которые он перед собой поставил, не становятся ближе.

— А зачем ему нужен я?

— Вариации на ту же тему. Дело тут вовсе не в том, что, воспользовавшись своим даром, вы можете заставить пистолет дать осечку или помешать движению космического корабля. Он чувствует себя увереннее благодаря вашему уважению. И хотя до конца вам не доверяет, в вашем присутствии он чувствует себя командиром, как в старые добрые времена.

— Но если Малакар не доверяет мне, значит, он рискует...

— Не очень, поскольку он знает, что может вас контролировать.

— Как?

— Через Джакару. Ему известно, как вы к ней относитесь.

— Я не думал, что это заметно... и не предполагал, что Малакар такой наблюдательный.

— Да нет, он ничего и не заметил. Я рассказала ему о ваших чувствах.

— О Господи! Зачем? Мои чувства никого не...

— Это было необходимо. В противном случае я бы никогда не стала вмешиваться в вашу личную

жизнь. Я сделала это только для того, чтобы он взял вас с собой.

— Потому что ты о нем беспокоишься?

— Теперь все не так просто...

— Подготовить прививки, Шинд?

— Да. Давай, Джакара.

Морвин проследил, как девушка поднялась и отправилась в заднюю часть каюты. А потом отвернулся и уселся на койку.

— Что ты имела в виду, Шинд?

— Мы оба заметили, что Малакар изменился. Но ведь и мы изменились тоже. Он всегда был немного резким — и когда-то это было достоинством — так что до недавнего времени я не могла решить, усугубилось ли это его качество, или моя позиция стала более консервативной. Однако недавно кое-что произошло, и вопрос решился — у меня появилась серьезная причина для беспокойства. Это случилось на Дейбе, когда мы искали способ определить личность человека, которого называют Х, и выяснили наконец, что его настоящее имя Хейдель фон Хаймек. Мы встретили там еще одного человека, который интересовался тем же. Ему тоже сопутствовала удача, и он попытался убедить Малакара отказаться от намерений использовать Хейделя в качестве оружия. Даже обещал Малакару огромную плату за сотрудничество — полное восстановление планеты Земля в довоенном состоянии.

— Невероятно.

— Нет. Человека звали Фрэнсис Сангоу, и я находилась внутри его разума, когда он говорил. Сангоу выполнил бы свое обещание. И он был очень обеспокоен.

— Сандоу? Создатель планет?

— Именно. Он тесно общался с пейанцами, гревнейшей расой Галактики. Сангоу был совершенно уверен, что человек, которого мы все ищем, вошел в очень опасный контакт с одной из пейанских богинь, отвечающей за болезни и исцеление от них...

— И ты этому поверила?

— Не важно, верю ли я Сандоу и является ли это пейанское существо божеством. Происходит нечто очень странное. Сандоу считал, что имеет место опасная концентрация силы, причем его убежденность основывалась на значительном опыте в изучении подобных явлений. Я была знакома с несколькими пейанцами — это в самом деле удивительная и очень огаренная раса. Мне приходилось и раньше сталкиваться с Сандоу — он совсем не дурак. И я видела, что он боится. Этого вполне достаточно. Я верю в обоснованность его страхов. Однако Малакар даже не захотел говорить с ним. Вместо этого он попытался убить Сандоу. Я сказала Малакару, что ему это удалось, чтобы спасти Сандоу жизнь. На самом деле он был только оглушен.

— Что произошло после этого?

— Мы вернулись домой. Малакар начал поиски фон Хаймека.

— А Джакара была с вами, когда вы встретились с Сандоу?

— Да.

— Она думает, что Малакар убил его?

— Да.

— Понятно... И теперь организация Сандоу может попытаться напасть на нас?

— Вряд ли. Он не стал посылать своих агентов, а отправился на Дейбу один. Значит, Сандоу намерен сам решить эту проблему. Мне кажется, он не станет привлекать кого-нибудь еще... Нет, нам нечего опасаться мести Сандоу. Я хотела, чтобы вы полетели с нами по другой причине.

— По какой же?

— Я сильно преувеличила свой страх за Малакара и те опасности, которые нас ждут впереди. Я хотела, чтобы вы убили Хейделя фон Хаймека, если нам будет сопутствовать успех и мы сумеем найти его.

— Ого, совсем немало!

— Необходимая мера. Мы обязаны с ним покончить.

— А если я откажусь?

— *Командор может стать причиной гибели тысяч людей — и их смерть будет ужасной... А может быть, даже миллионов...*

— Для меня это совсем не очевидно.

— *Вы ведь хорошо меня знаете — мы знакомы уже долгие годы. Вы знаете, что я не склонна совершать необдуманные поступки. Вам хорошо известно, как я отношусь к командору, и вы должны понимать, что мне нелегко действовать против его желаний. Неужели я бы решилась на это, если бы не была уверена в своей правоте? Вы знаете ответ. Я вижу его в ваших мыслях.*

Морвин прикусил губу. К нему подошла Джакара, чтобы сделать прививку. Он закатал рукав и протянул девушке руку.

— Мне нужно как следует подумать.

— *Думайте сколько угодно. Ответ мне уже известен.*

Поисковая группа постаралась устроить человека поудобнее — они положили его рядом с тропой, накрыли одеялами и дали напиток. Дожидаясь флайера, вызванного уже некоторое время назад, люди прислушивались к невнятным словам больного, которого била жестокая лихорадка.

— ...Верно, — говорил он, глядя мимо них на небо. — Безумно, но верно. Я не знаю. Нет, знаю. Он был худым... Худым, грязным и весь в язвах. Я был на товарном складе, когда он появился. Никогда раньше его не видел. Нет. Волосы, словно грязный нимб... Просто пришел откуда-то. Никто не знал откуда... Дайте мне еще напиток... Спасибо. Куда он направлялся?.. Не сказал. Он много говорил. Да, говорил. Я не помню, что именно... Странные слова... Вот вам ваш незнакомец. Так и не сказал, как его зовут. Казалось, ему имя и не нужно. Взобрался на большой ящик и начал говорить. Забавно... никто не попытался остановить его, не приказал уйти... Он...

Нет, не помню, что он сказал. Безумно и верно... Но мы слушали. Здесь ведь мало что происходит — а он был таким необычным... Вроде как молился — но не совсем. Проклинал, может быть. Я не знаю... В любом случае... Подождите... Можно еще воды?.. Благодарю... Забавно, забавно... Безумные слова. Смерть и жизнь... Это верно! Верно! Верно... Как все должно умереть. Мы не могли не слушать его. Не знаю почему. Мы знали, что он безумен. Все так говорили, когда стали обсуждать его — когда он ушел. Однако пока он молился, все молчали. Он был, как... А вот пока он говорил, все ему верили. И он был прав! Посмотрите на меня! Он прав. Не так ли? Безумен и прав... Нет. Нет, я не видел, в каком направлении он ушел... Значит, вы хотите его послушать? Сэм — он здесь главный — записал часть его слов. А потом дал нам послушать. Но без него они звучали совсем иначе. Мы тогда много смеялись. Чистый бред и все. Вы можете попросить Сэма, если он еще не стер запись. Сами слушаете... Именно тогда я почувствовал себя плохо... Господи! Он был прав! Я думаю, он был... Так, во всяком случае, казалось...

Они доложили об этом своему начальнику, а потом, отправив больного, стали медленно пробираться дальше, тщательно прочесывая территорию, останавливаясь, чтобы оказать помощь тем, кто в ней нуждался, сделать записи, похоронить мертвых, по возможности облегчить страдания умирающих и выживших, постоянно поддерживая радиосвязь с другими поисковыми отрядами, проходя через открытую местность, заглядывая в брошенные жилища и поднимаясь на холмы и перевалы.

От самого горизонта начали наступать тучи, и они проклинали их — ведь приближающаяся буря не только затруднит передвижение, но и сделает бесполезной аппаратуру, реагирующую на тепло человеческого тела. Один из них — тот, что хорошо знал историю — даже выругал Фрэнсиса Сандоу, создавшего этот мир.

Тучи стремительно затягивали небо, меняя яркую голубизну полудня на жемчужно-серое свечение, которое, в свою очередь, померкло под натиском более темных грозовых туч, а на их фоне возникали исполинские очертания деревьев и скалистых перевалов, превращая крошечные фигурки людей и животных в плоские тени. Дождь все медлил, начал клубиться туман, траву покрыли капельки росы, на окнах домов стала собираться влага, с листьев деревьев сочилась вода, искаженные звуки доносились с разных сторон — мир, казалось, был весь обложен ватой.

Птицы носились над самой землей, большинство из них спешило в сторону гор, ветер стих, маленькие зверьки застывали на месте, подняв вверх мордочки, а потом, встряхнувшись, отправлялись искать какое-нибудь убежище у подножия холмов, в тумане, где поисковые отряды продолжали прочесывать местность. Гром затаил дыхание, молнии чего-то ждали, да и дождь не начинался, становилось холоднее, туча наталкивалась на тучу, и все краски мира вдруг померкли, смешались, оставив лишь впечатление пещеры; тени удлинились, скользя все дальше к противоположным неровным, повлажневшим стенам.

Доктор Пелс, подперев подбородок ладонями, уже в который раз внимательно прослушивал запись хриплого голоса.

«Я... Разве кто-нибудь сказал, что у него есть право на жизнь? Я... Тут нет никаких гарантий. Скорее наоборот! Единственное обещание, которое Вселенная дает и выполняет — смерть... Я... Кто говорит, что жизнь должна восторжествовать? Все указывает как раз на обратное! Все то, что когда либо поднялось из первобытной слизи, было окружено и с неизбежностью уничтожено! Каждое звено в великой цепи бытия привлекает мстительные силы, которые разрывают его! Жизнь пожирает собственные проявления, а

потом ее все равно уничтожает мертвая природа! Почему? А почему бы и нет? Я...

...Вы виноваты. В том, что существуете. Загляните в свою душу и убедитесь в этом. Посмотрите на скалы в пустыне! Они не размножаются, не имеют мыслей, желаний. Ни одно живое существо не сравнится с кристаллом, застывшим в совершенстве. Я...

...И не говорите мне о святости жизни или ее способности к адаптации. Потому что на каждом новом витке находится свой темный ответ, и его эхо навсегда уничтожает слушника. Лишь неподвижность священна. Отсутствие слуха рождает мистический звук. Я...

...Боги ошибаются, выбрасывая отходы. Но виноваты вы. В том, что существуете. Этот уголок Вселенной осквернен! Из божественных отходов и возникла болезнь жизни... Вот перед чем вы благоговеете! Все, что живет, есть зараза по отношению к другим формам жизни! Мы питаемся собой! И исчезаем! Теперь уже скоро, скоро. Я...

Я... Братья! Завидуйте камню! Он не подвержен страданию! Наслаждайтесь чистотой воды, воздуха и камня. Завидуйте кристаллу. Скоро мы будем такими, как они — безупречными и неподвижными...

Не просите о прощении — просите о том, чтобы грядущее уничтожение было медленным и вы успели насладиться приближением изумительного покоя! Я...

Молитесь, рыдайте, горите... Вот и все. Я... Идите... Идите!»

Потом доктор Пелс снова запустил речь с самого начала, а сам застыл в прежней позе. У него возникли странные, тревожные ощущения, напоминающие эффект от музыки Вагнера, которую он старался слушать как можно меньше. Но еще один раз...

— Это может помочь нам?.. — начал он, а потом вдруг улыбнулся.

От этого не может быть никакой реальной пользы. Но он почувствовал себя лучше.

Небольшая отсрочка.

Хейдель фон Хаймек шел по тропе, что вилась вокруг скалистого отрога холма. Остановившись на вершине, он посмотрел назад и вниз, на заполненную туманом равнину, которую только что пересек. Он потер глаза и почесал бороду. Неясное чувство беспокойства усилилось. Что-то было не так.

Он оперся спиной о гладкую, как стекло, скалу, а руки положил на посох. Да, ему не по силам определить, что произошло, но окружающий мир изменился. Нет, дело не только в природе, застывшей в ожидании бури. У него возникло ощущение, что с ним ищет встречи человек, которого он еще не готов видеть.

«Может быть, она пытается мне что-то сказать? Может быть, мне следует спрятаться где-нибудь и выяснить, в чем тут дело. Впрочем, на это нужно время, а меня толкает вперед необходимость двигаться дальше. Я должен уйти отсюда до начала бури. Почему я постоянно оглядываюсь назад? Я...»

Он провел рукой по волосам и оскалил зубы. Сквозь разрыв в тучах выскочил солнечный луч, заставив туман искриться тысячами сверкающих призм. Нахмурившись, Хейдель во все глаза наблюдал за этим ослепительным зрелищем секунд десять, а потом отвернулся.

— Будь ты проклят! Кто бы ты ни был...

Он ударил посохом о скалу и начал спускаться вниз по тропе.

Он сидел на камне и оглядывался по сторонам. Через некоторое время встал и тяжелой поступью направился дальше через холмы по бездорожью, через усеянные камнями равнины туда, где собиралась мгла. Он шел, а над ним метались птицы, появляясь и исчезая за волнующимся пологом тумана.

Он начал взбираться по склону крутого голого холма, потом устроился отдохнуть на узком карнизе, достал сигару, откусил ее кончик и закурил. Над равниной пронесся порыв ветра, и на некоторое время

она открылась ему от начала и до конца. Сверху спустилась ящерица, шкура которой напоминала меняющиеся цвета радужной оболочки мыльного пузыря, уселась рядом на карнизе и, высунув раздвоенный язык, с ненавистью уставилась желтыми немигающими глазами прямо ему в лицо. Однако он наклонился и погладил ее рукой.

— Ну, что ты об этом думаешь? — спросил он через несколько минут. — Я не могу обнаружить поблизости ни одного теплокровного тела или высокоорганизованного разума.

Он продолжал курить, и вскоре туман снова окутал долину. Наконец он вздохнул и, стукнув кабелями о камень, поднялся. Повернувшись, начал осторожно спускаться вниз. Ящерица подошла к краю выступа и некоторое время следила за ним взглядом.

Вскоре к нему присоединилась пара мелких хищников, по внешнему виду напоминавших хорьков, которые, высунув языки, болтались у него под ногами, негромко повизгивая, словно их удивляло, что его башмаки так быстро перемещаются вперед. Они не обращали внимания ни на низко кружащих птиц, ни на жирную жабу, которая вылезла из своей норы в грязи и, неуклюже спотыкаясь, пошлепала было за ними — но как она ни спешила, догнать их ей не удалось, поэтому жаба квакнула два раза и заползла в нору, устроенную в жидкой вонючей грязи.

Когда он остановился возле поросшего мхом камня, чтобы при помощи своих телепатических способностей проверить, нет ли поблизости посторонних, животные тут же застыли на месте. Неподалеку журчал спрятавшийся в тумане ручеек с ледяной водой, по берегам которого раскачивались на ветру темные растения с листьями, напоминавшими алмазы.

Он невидящими глазами посмотрел на поток, немного пожевал сигару — искал.

— Нет, — сказал он наконец, и добавил, обращаясь к животным: — Почему бы вам не разойтись по домам?

Не сводя с него глаз, зверьки шарахнулись в сторону, а когда он двинулся дальше, не последовали за ним.

Перебравшись через ручей, он продолжил свой путь, не имея ни карты, ни компаса, двигаясь все время на запад, после того как обнаружил один из поисковых отрядов в той стороне на востоке, куда он сначала направлялся.

Он шел и сыпал проклятиями. Выбросил сигару. Затем повернулся на восток и стал всматриваться вдаль.

Издаেকে до него донесся раскат грома. Еще один. И еще... Нарастающее, угрожающее рычание вибрировало в воздухе и на земле. На востоке поднялся ветер и бросился навстречу урагану.

Он продолжал идти вперед, повернув на юг, двигаясь параллельно грозе, а потом оставив ее у себя за спиной. Прошло совсем немного времени, и в воздухе появились вспышки, которые заставили его углубиться на запад.

— Интересно, кто? — спросил он у теней, которые печально вздыхали, путаясь у него под ногами. — Что-то знакомое, но пока еще слишком далеко... Пожалуй, стоит быть поосторожнее.

Он продвигался вперед, а туман окутал его фигуру, скрыл от посторонних глаз, заглушил шаги.

Закутавшись в пончо, Морвин шлепал вперед почти в полной темноте. Несмотря на то что влага не проникала под одежду, он весь взмок, а собственная рука, лежащая на рукояти пистолета, казалась ему противно скользкой. Он все время размышлял о Малакаре и Джакаре, которые шли от пещеры, где спрятали «Персей», более сухой дорогой. Вспомнил об оползне, который они вызвали, чтобы прикрыть вход в пещеру, и попытался не думать о том, какие у них могут возникнуть проблемы, когда нужно будет добраться до корабля.

— Есть какие-нибудь новости, Шинд?

— Если я почувствую кого-нибудь, вы узнаете об этом первым.

— А как там Джакара — и Малакар?

— Только что выбрались из грозового района туда, где видимость немного лучше. Они продолжают записывать радиосообщения, которыми обмениваются поисковые отряды, и переговоры с доктором Пелсом. Похоже, отрядам пока не удалось обнаружить ничего, кроме плохой погоды. Там, где они прочесывают местность, непогода разгулялась еще больше, чем здесь. По крайней мере, они все время на нее жалуются.

— Ты можешь читать их мысли?

— Нет. Я получаю эту информацию из сознания Малакара. Мне кажется, поисковые отряды находятся примерно в четырех милях к северу от нас и немного восточнее.

— Ты говорила о Пелсе... Это тот самый доктор Пелс?

— Кажется, да. Насколько я понимаю, в данный момент он находится на орбите, прямо над нами.

— Зачем?

— Такое впечатление, что он руководит этой операцией.

— Значит, ему тоже нужен Х.

— Очень может быть.

— Шинд, мне это совсем не нравится — выходит, они поняли, что виновником всех происходящих здесь событий является один человек. Они охотятся за ним точно так же, как и мы.

— Я тоже об этом гумала. Знаете, мне пришла в голову мысль: как бы сделать так, чтобы отряды доктора Пелса поймали его? Если они арестуют Хаймека, наша проблема будет решена.

— Каким образом ты предлагаешь это сделать?

— Поймать, связать. Привлечь внимание к его местонахождению. А если из этого ничего не выйдет, убить его, объявив, что это была вынужденная самооборона. Похоже, они считают, что он находится в весьма неуравновешенном состоянии,

поэтому такое объяснение покажется вполне разумным.

— А если Малакар найдет его первым?

— Придется придумать что-нибудь другое. Например, несчастный случай.

— Мне это совсем не нравится.

— Знаю. Есть какие-нибудь идеи получше?

— Нет.

Они продолжали идти вперед еще примерно час. Выбравшись наконец из бури, они вышли на возвышенность, где было теплее, намного чище и ровнее, хотя время от времени на пути возникали большие камни. Где-то у них над головами пронеслись темные тени, которые издавали пронзительные, неприятные звуки. По-прежнему с запада дул сильный ветер.

Морвин снял пончо, свернул его и повесил к поясу. Потом достал из кармана платок и принялся вытирать лицо.

— *Что-то появилось впереди,* — сообщила Шинд.

— Тот, кого мы ищем?

— Возможно.

Морвин взял пистолет поудобнее.

— Возможно? — спросил он. — Ты же у нас телепат. Проникни в его сознание.

— *Все не так просто. Люди, как правило, не разгуливают, повторяя в уме собственное имя — а я раньше не встречала этого человека.*

— Мне казалось, ты можешь читать не только поверхностные мысли.

— *Вы же прекрасно знаете, что я это умею. Но вам должно быть известно и то, что тут действуют сразу несколько факторов. Он находится довольно далеко, он очень возбужден и озабочен.*

— Чем он озабочен?

— *Чувствует преследование.*

— Если это действительно фон Хаймек, то он совершенно прав. Интересно, как ему удалось это понять?

— Не знаю. Его сознание находится в ненормальном состоянии. Я бы сказала, что это крайняя степень паранойи — все его мысли занимают болезни и смерть.

— Понятно

— Нет, лично мне это не понятно. Ну, скажем, не совсем понятно. Мне кажется, он сознает, что творит, и получает от этого удовольствие. Его мысли парят — он раздумывает о божественной миссии. Кроме того, его сознание как-то странно затуманено. Да, это тот, кого мы ищем.

— И он владеет защитным механизмом.

— Возможно, возможно...

— Как далеко впереди он находится?

— Около полумили.

Морвин прошел вперед. Теперь он спешил, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в сумерках надвигающейся бури

— Я только что разговаривала с командором. Ему показалось, что приборы обнаружили кого-то, но это было всего лишь животное. Я солгала ему по поводу того, как обстоят дела у нас.

— Хорошо. Что Х делает сейчас?

— Поет. Его сознание наполнено пением. Пейзанская мелодия.

— Странно

— Он и сам очень странный. Я могла бы поклясться, что он заметил мое присутствие в своем сознании. А потом это ощущение исчезло.

Морвин ускорил шаги.

— Хочу покончить с этим как можно скорее, — сказал он

— Да

Теперь они практически бежали вперед.

Фрэнсис Сандоу вздохнул. Мартлинд уже скрылся из виду, но до его сознания Сандоу вполне мог дотянуться. Зверек продолжал медленно труситься своей дорогой и вскоре оказался неподалеку от Ма-

лакара и Джакары. Тогда Сандоу отошел на расстояние, с которого аппаратура Малакара не могла его засечь. Короткая проверка сознания Малакара показала, что тот тоже вздохнул, принимая присутствие животного в том месте, где совсем недавно находился человек.

«Следует быть поосторожнее, — подумал Сандоу. — Непростительная ошибка. Я слишком расслабился, попав на свой собственный мир. Здесь нужна хитрость, а не просто сила. Придется вывести из строя его аппаратуру... Ну вот!»

Передвигаясь очень быстро, он снова заглянул в мысли Малакара и Джакары...

«Малакара переполняют горечь и злоба. Девушка тоже испытывает ненависть, но у нее это выглядит так по-детски. Интересно, если бы они в действительности понимали, к каким катастрофическим последствиям может привести исполнение их плана, отказались бы они от него? Неужели Малакар до такой степени лишился остатков разума, что видит только конечный результат — миллионы смертей — и не представляет себе самого процесса умирания? Если бы он прошел пешком по районам, где побывал Хаймек, если бы увидел, во что превратились люди — как бы он себя повел? Неужели по-прежнему продолжал бы считать, что должен найти X? Впрочем, он изменился даже за это короткое время — с тех пор, как мы встретились с ним на Дейбе — а он был не то чтобы очень мягким и разумным в тот день».

Именно в этот момент Малакар почувствовал чужое присутствие в своем сознании, и Сандоу замер, понимая, что теперь не сможет выбраться незамеченным. Надо затаиться, неожиданно перестать существовать. Никакой реакции, никакого ответа, что бы ни произошло. И даже в этом случае...

Странное ощущение. Два телепата смотрят на один и тот же предмет одновременно. Один прячется от другого...

Сандоу наблюдал за разговором Шинд с Малакаром: ему стали ясны их цели, он узнал про то, что им

уже удалось добиться — но Фрэнсис Сандоу ничем не выдал своего присутствия. Он едва коснулся сознания Джакары, а потом умчался прочь, почувствовав присутствие в нем Шинд.

Достал еще одну сигару, закурил.

«Проклятие, как все сложно! Слева находятся поисковые отряды, они еще довольно далеко, однако направляются сюда. Малакар идет справа. Шинд может заметить меня в любой момент, если я не буду соблюдать осторожность. А где-то впереди, похоже, движется Х...»

Он пошел очень медленно параллельно Малакару и Джакаре, стараясь находиться вне пределов досягаемости Шинд, время от времени по очереди легко касаясь чужих мыслей, с интервалом примерно в полминуты, начиная с Малакара, и продвигаясь дальше, на запад.

Пусть они найдут Хаймека, а он потом у них его отнимет. Но они могут не... Ну, тогда...

В этот момент в вопросах отпала всякая необходимость.

Морвин шел довольно быстро и споткнулся, когда хотел остановиться. Он забрался на горную гряду немного раньше Шинд, и сквозь полуосвещенную рассеивающуюся дымку увидел худого темноволосого человека с посохом в руке, который стоял, не шевелясь, и смотрел назад. Морвин ни секунды не сомневался по поводу личности этого человека и, к собственному удивлению, вдруг сообразил, что не ожидал увидеть его так быстро. Придя в себя, он почувствовал в своем сознании Шинд.

— *Вот он! Я уверена! Однако что-то случилось! Он...*

И тут Морвин вцепился руками в голову и упал на колени. Он еще ни разу в жизни не слышал крика, который раздавался бы у него в мозгу.

— *Шинд! Шинд! Что происходит?*

— *Я... я... Она поймала меня! Здесь...*

В его мозгу за клубился туман, последовала неожиданная серия наложений одного изображения на другое, причем видения эти были такими яркими и сменялись так быстро, что он был не в состоянии отличить реальность от бреда.

Потом бесконечные синие и голубые волны перекрыли все остальное, в этих волнах с головокружительной скоростью кружились в немыслимом танце мириады голубых женщин; и тогда он понял — причем на то не было никакой рациональной причины — что их множественность есть некая иллюзия, имеющая символический смысл; потом женщины начали распадаться, перетекать одна в другую, слились, стали более осязаемыми и значительными.

В этот момент Морвин почувствовал, что мерно раскачивающиеся женщины внимательно его изучают. Наконец их осталось только две: одна — высокая, нежная, прелестная, похожая на мадонну; другая — совсем иная: опасная и пугающая, других слов он подобрать не мог. А затем они превратились в одну, причем лицо второй стало доминирующим. Окруженная голубыми молниями, женщина смотрела на Морвина немигающим взглядом, ее глаза, лишенные век, в единое мгновение отняли у него тело и разум, вселили в него ужас своей иррациональной, первобытной напряженностью.

— Шинд! — крикнул он и тут же выстрелил.

Его окатила волна смеха.

А потом:

— *Она подчинила меня.*

Морвину показалось, что он услышал именно эти слова.

— *Я... Помоги мне!*

Разряженное оружие выскользнуло из его пальцев. Морвин почувствовал, что оказался в самом центре странного сна, нет, скорее космического кошмара. Двигаясь без движения, думая без мыслей, он напряг сознание и, вспомнив свои занятия чужими снами, ухватил образ и собрался с силами. Движимый на этот раз ужасом, который пронесся словно

пожар по комнатам его существа, он обнаружил, что владеет могуществом, доселе ему недоступным — и тогда Морвин нанес удар по насмехавшейся над ним синей женщине.

Выражение ее лица изменилось, ей стало не до смеха. Она задрожала, стала непропорциональной, очертания ее тела потеряли определенность, она исчезла и появилась, снова исчезла и снова появилась. И тогда Морвин заметил, что на земле лежит человек.

Болезненный вой наполнил его сознание... и пропал. Женщина исчезла, и он вместе с ней.

— Остановись!

Малакар обернулся.

— В чем дело?

— Теперь уже ни в чем, — ответила Джакара. — Мы закончили здесь. Пора возвращаться на корабль. Мы улетаем.

— О чем ты говоришь? Что случилось?

Девушка улыбнулась.

— Ничего, — повторила она. — Теперь уже ничего.

Глядя на нее, Малакар, однако, понял, что все-таки что-то произошло. Ему понадобилось несколько минут, чтобы разобраться в своих впечатлениях. Первым делом он заметил, что лицо Джакары приняло какое-то непривычное расслабленное выражение. Он вдруг подумал, что ни разу не видел девушку в состоянии радостного оживления и что она до сих пор всегда была напряженной, настороженной и вела себя почти по-военному сдержанно. До нынешнего момента. Ее голос тоже изменился. Кроме того, что он стал мягче и нежнее, в нем появились командные нотки — не подчиниться ей было бы неслыханно.

Все еще пытаюсь отыскать правильный вопрос, Малакар проговорил:

— Я не понимаю.

— Естественно, не понимаешь, — ответила Джакара. — Но видишь ли, в дальнейших поисках больше нет никакой нужды. Тот, кого ты искал, здесь. Человек по имени фон Хаймек теперь совершенно для те-

бя бесполезен, потому что мне удалось подобрать для себя гораздо более подходящее обиталище. Мне нравится Джакара — ее тело, ее простые чувства. Я останусь в ней. Вместе мы сможем исполнить все, чего ты так хочешь. И даже больше. Гораздо. Ты получишь массовые эпидемии и смерти, о которых мечтал. Увидишь, как настоящую болезнь, называемую жизнью, излечит наше лекарство. Давай вернемся на корабль и направимся в какое-нибудь густонаселенное место. К тому времени, как мы туда доберемся, я буду готова. Твоим глазам предстанет зрелище, которое удовлетворит даже твою страсть. И это будет только начало...

— Джакара! У меня нет времени на шутки! Я...

— Я не шучу, — тихо проговорила она, потом пошла к нему и подняла руку к его лицу.

Коснулась пальцами щеки, остановилась на висках. И тогда Малакар с ужасом увидел картины страшной смерти миллионов людей. Мертвые и умирающие были повсюду. В его сознании на телах поверженных появлялись симптомы одной болезни, а потом другой... и так до бесконечности. Он увидел охваченные эпидемиями планеты, пустые, безжизненные миры, где улицы, дома, здания, поля, гавани, реки, канавы наполнены разлагающимися телами людей всех возрастов и полов, словно ставших жертвой смертоносного урагана.

Малакару стало плохо.

— О Господи! — выдохнул он наконец. — Что ты такое?

— Я же показала тебе, и ты все равно спрашиваешь?

Он отшатнулся.

— Здесь что-то не так. Голубая богиня, о которой говорил Сандоу...

— Тебе повезло, — сказала она, — и мне тоже. Ты обладаешь гораздо большими возможностями, чем мой прежний аколит, и у нас схожие цели...

— Как тебе удалось вселиться в Джакару?

— Твоя служанка, Шинд, была в ее сознании, когда мы встретились. Джакара оказалась для меня предпочтительнее, чем тот человек, с которым я до сих пор имела дело. Я перешла. Приятно снова оказаться в теле женщины.

— Шинд! Шинд! — позвал Малакар. — Где ты? Что случилось?

— *Твои слуги не совсем здоровы, — сказала она. — Но они нам больше не нужны. Мы должны оставить их здесь. Особенно человека, которого зовут Морвин. Идем же! Вернемся на корабль.*

Но очень слабо, слабо, словно собака, скребущаяся в дверь, Шинд коснулась его сознания.

— *...Правда. Сангоу ... был прав... Я увидела сознание... недоступное пониманию... Уничтожь ее...*

Малакар был потрясен, тем не менее протянул руку к своей кобуре...

— Какая жалость, — сказала она. — Мы неплохо развлеклись бы. Впрочем, теперь я могу это сделать и сама — более того, боюсь, у меня нет другого выхода.

...И он понял, что опоздал, потому что пистолет Джакары уже был в руке незнакомки.

Темное течение поднимало осколки его сознания, несло их куда-то, потом они падали вниз с ужасающей высоты и снова поднимались. На дно, а потом опять вверх...

Морвин увидел пистолет.

Еще не успев сообразить, кто он такой и где находится, Морвин потянулся к оружию. Холодное прикосновение металлической рукоятки к его ладони обещало надежность и защиту.

Моргая, он увидел обратный путь к нормальному существованию и последовал ему. Поднял голову.

— Шинд? Где ты?

Шинд не отвечала, ее нигде не было видно.

Повернувшись, он заметил лежащее в двадцати шагах тело мужчины. На нем была кровь.

Он поднялся на ноги и пошел к телу.

Человек дышал. Его голова была повернута в противоположную от Морвина сторону, правая рука неестественно вывернута, пальцы неуклюже шевелились.

Морвин постоял над ним несколько секунд, потом обошел, опустился рядом на колени и посмотрел в лицо. Глаза незнакомца были открыты, но Морвину показалось, что человек его не видит.

— Вы меня слышите? — спросил Морвин.

Человек глубоко вздохнул. Потом на его лице, покрытом оспинами, ссадинами и незажившими язвами, появилось осмысленное выражение.

— Я вас слышу, — тихо ответил он.

Морвин поудобнее перехватил пистолет.

— Вы Хейдель фон Хаймек? Вы тот человек, которого называют X?

— Я Хейдель фон Хаймек.

— Но вы еще и X?

Человек не стал отвечать сразу. Он вздохнул и закашлялся. Морвин посмотрел на его тело. Пули попали в правое плечо и руку.

— Я... я был болен, — наконец проговорил Хаймек. И снова хрипло закашлялся. — ...Теперь я себя чувствую лучше.

— Хотите воды?

— Да!

Морвин положил пистолет обратно в кобуру, вытащил фляжку, осторожно приподнял голову раненого и направил ему в рот тоненькую струйку воды. Хейдель выпил, наверное, полфляжки, пока не захлебнулся и не отодвинулся в сторону.

— Почему вы сами не сказали, что хотите пить?

Хейдель посмотрел на пистолет, слабо улыбнулся и слегка пожал здоровым плечом.

— Подумал, что вы не захотите зря тратить воду
Морвин убрал фляжку.

— Ну, так вы X? — снова спросил он.

— Какое это имеет значение? Я был разносчиком болезней.

— И вы об этом знали?

— Да.

— Неужели вы так сильно ненавидите людей? Или вам просто на все наплевать?

— Ни то и ни другое, — ответил он. — Давайте стреляйте, и покончим с этим.

— Почему вы допустили, чтобы это произошло?

— Теперь уже не имеет значения. Она ушла. Все кончено. Давайте.

Он сел, продолжая улыбаться.

— Вы ведете себя так, словно хотите, чтобы я убил вас.

— Чего вы ждете?

Морвин в задумчивости пожевал губу.

— Вы знаете, а ведь это я подстрелил вас... — начал он.

Хейдель фон Хаймек наморщил лоб и, медленно повернув голову, посмотрел на свое тело.

— Я... не знал, что в меня стреляли. Да... Да, теперь я понимаю. И чувствую...

— Что, по вашему мнению, с вами произошло?

— Я что-то... потерял. Оно было в моем сознании. Теперь его нет, и я чувствую себя так, как не чувствовал уже много лет. Боль расставания, облегчение... Я был... сбит с толку.

— Как? Что произошло?

— Не знаю. В какой-то момент оно было со мной, а потом я ощутил иное присутствие... Затем... все пропало... Когда я пришел в себя, увидел вас.

— Что это было?

— Вы не поймете. Я и сам толком не знаю.

— Речь идет о синей женщине — ну, вроде богини?

Хейдель фон Хаймек отвернулся.

— Да, — сказал он и схватился за свое плечо.

— Надо что-то сделать с вашими ранами.

Хейдель позволил Морвину перевязать ему руку и плечо, а потом выпил еще немного воды.

— Зачем вы в меня стреляли? — спросил он наконец.

— Это было скорее рефлекторное действие. То существо, что сидело в вас, испугало меня до полу-смерти.

— Вы ее и вправду видели?

— Да. При помощи телепата.

— А где ваш телепат?

— Не знаю. Боюсь, мой товарищ пострадал.

— Может быть, стоит выяснить? Оставьте меня здесь. Я все равно не смогу далеко уйти. Да и сейчас это уже не имеет никакого значения.

— Пожалуй, вы правы, — сказал Морвин. — Шинд! Проклятие! Где ты? Тебе нужна помощь?

— *Оставайся на месте,* — раздался слабый ответ. — *Со мной все будет в порядке. Мне только нужно отдохнуть... немного...*

— Шинд! Что произошло?

Тишина.

— *Шинд! Проклятие! Ответь мне!*

— *Малакар, — донеслось, — умер. Подожди... подожди.*

Морвин посмотрел на свои руки.

— Вы не собираетесь поискать вашего телепата? — спросил его Хейдель.

Морвин ничего не ответил.

— Джакара!.. Шинд! Джакара в порядке?

Ничего.

— Шинд! Как Джакара?

— *Она жива. А теперь подожди.*

— Что случилось? — спросил Хейдель.

— *Не знаю.*

— Ваш друг?..

— *...Жив. Мы только что вошли в контакт. Дело сейчас не в нем.*

— А в чем же тогда?

— *Не знаю. Пока еще не знаю. Я жду.*

— *Я пытаюсь выяснить, Джон. Я должна быть очень осторожна. Богиня еще здесь.*

— Где?

— *С Джакарой.*

— Как? Как это произошло?

— Мне кажется, это я виновата: она воспользовалась моей связью с Джакарой. Не понимаю, каким образом.

— Как умер Командор?

— Она его застрелила.

— Что с Джакарой?

— Именно это я и пытаюсь выяснить. Отпусти меня, и я сообщу тебе все, что узнаю.

— Я могу что-нибудь сделать?

— Ничего. Жди.

Тишина.

— Теперь вы знаете? — спросил Хейдель.

— Я ничего не знаю. Кроме того, что я тоже кое-что потерял.

— Что происходит?

— Мой друг пытается выяснить. Во всяком случае теперь мне известно, куда подевалась ваша богиня. Как вы себя чувствуете?

— Очень трудно определить. Она была со мной слишком долго. Годы. Одно время лечила через меня тех, кого поражали редкие болезни. Словно я носил в себе и болезнь, и лекарство. Потому что сам я всегда был защищен. А потом в Италбаре на меня напали из-за несчастного стечения обстоятельств и побили камнями. Как будто я отправился в Италбар, чтобы умереть там. Все изменилось. Именно тогда я узнал о ее двойственной природе. В обоих своих ипостасях она выступает против болезней. Когда я узнал ее, она стремилась к очищению жизни. Другая сторона ее существа утверждает, что сама жизнь является болезнью, и поэтому она стремится очистить материю, избавив от болезни, которая называется жизнь. Она — лекарство и состояние. Я был ее апостолом в обеих этих крайностях. Какой она вам показалась, когда вы ее увидели?

— Она несла в себе зло и могущество. Она была красива. Мне показалось, что она смеется надо мной, угрожает...

— Где она сейчас?

— Вселилась в девушку — недалеко отсюда. И только что убила человека.

— О?

— Вас довольно долго разыскивали.

— Да, мне кажется, я это понимал — каким-то образом.

Где-то совсем рядом прогремел раскат грома. Когда эхо стихло, Морвин сказал:

— Возможно, она права.

— В чем?

— В том, что жизнь это болезнь.

— Не знаю. Не имеет значения. Разве не так? Я хотел сказать, что это один из возможных взглядов на вещи — вне зависимости от того, каким могуществом наделена эта богиня.

— Вы смотрите на вещи так же?

— Наверное. Я поклонялся ей. И верил. Возможно, верю до сих пор.

— Как ваше плечо?

— Чертовски болит.

— Она ведь и добро делала тоже.

— Да.

На севере появились яркие вспышки, прокатились новые раскаты грома. Упали первые капли дождя.

— Давайте переберемся вон к тем скалам, — предложил Морвин. — Под ними можно будет спрятаться.

Он помог фон Хаймеку подняться на ноги, обнял его за плечи, и они медленно направились в сторону большого, нависшего над землей камня.

— *Их теперь двое*, — сказала Шинд, — *они идут навстречу друг другу.*

— Что значит «двое»? О чем ты говоришь?

Но Шинд, казалось, его не слышала.

— *Каждый из них чувствует присутствие другого. Я должна быть очень осторожной. Она причинила мне такую ужасную боль... Странно, что я не заметила его необычности, когда мы впервые встретились... Впрочем, теперь это уже почти на*

поверхности. Сандоу тоже не один, его сопровождает Иной из Теней.

— Сандоу? Он здесь? С Джакарой?

— Они разговаривают. Она по-прежнему держит в руках пистолет, но он слишком далеко. Отсюда я не могу определить, понимает ли она, что Сандоу не один. Он назвал ее по имени, и это привлекло ее внимание. Она отвечает. Он приближается. Похоже, она не собирается стрелять, ей любопытно. Они говорят на другом языке, но мне удастся ухватить кончики их мыслей. Такое впечатление, что он ее знает по прошлым встречам... Она ждет, он подходит все ближе. Он приветствует ее каким-то образом, и она ему отвечает. Теперь он говорит ей о том, что она нарушила какой-то закон — я не понимаю, какой. Ее развеселили эти слова.

Морвин отвел фон Хаймека под прикрытие скал и помог ему сесть, прислонив спиной к гладкому камню. Сам устроился рядом, уставившись в серый туман.

К этому времени дождь уже уверенно поливал землю.

— Он говорит ей, что она должна уйти... Я не понимаю, куда, или как... Она смеется. Какой ужасный смех... Он дождался, пока она не прекратила смеяться, а потом заговорил. Он произносит какую-то формальную речь — по памяти, не спонтанно. Очень сложную и ритмичную, со множеством парадоксов. Я ничего не понимаю. Она слушает.

— Хейдель, синяя богиня сейчас, по всей вероятности, находится с человеком, который пытается ее остановить. Не знаю, что из этого выйдет. Мы ждем результатов. Мне неизвестно, какой будет ваша судьба. Мой командир и лучший друг мертв. У него на ваш счет имелись вполне определенные планы, которым теперь не суждено сбыться. Впрочем, не могу сказать, что эти планы приводили меня в восторг. Тем не менее он был замечательным человеком, и я бы, вероятно, стал ему помогать. А может

быть, я убил бы вас — вы представляли для него огромную опасность. Во всяком случае...

— Видимо, я заслуживаю любого конца, который меня ждет.

— У меня складывается впечатление, что вами воспользовались — обстоятельства и паразитический автономный комплекс с паранормальными способностями.

— Здорово это у вас получилось.

— Большую часть жизни мне мотали душу специалисты по паранормальным явлениям. Я являюсь эмпатизиатическим телекинетиком — понятия не имею, что это значит — ну, умею передвигать вещи при помощи своего сознания и еще могу заставлять предметы возбуждать в людях специфические чувства. За столько лет я выучил всю необходимую терминологию... Мне вас жаль. Вами манипулировали, и я тоже мог бы стать участником этого преступления. Скажите мне, чего бы вы сейчас хотели.

— Что? Не знаю... Умереть? Нет. Я бы хотел уйти. Куда-нибудь очень далеко, где никого нет. На самом деле я ничего иного никогда и не хотел. Я не был сам собой так долго, что теперь мне нужно время, чтобы вспомнить, кто же я такой на самом деле. Да, я хотел бы уехать...

— ...закончил, и она уже больше не смеется. Она произносит сердитые слова... Угрожает... Но теперь тот, кто сидит в его сознании, находится практически на поверхности — этот Иной из Теней очень похож на нее, какой она была тогда, когда я впервые почувствовала ее в сознании фон Хаймека. Сандоу говорит об Ином из Теней, называет его имя. Кажется, Шимбо. Она поднимает пистолет...

Ослепительная вспышка, новые раскаты грома. Морвин вскочил на ноги.

— Шинд! Что случилось?

— Что?.. — пробормотал фон Хаймек, оглядываясь по сторонам.

Морвин медленно опустился на свое место. Между короткими яркими вспышками раздавалось

ровное, угрожающее, непрекращающееся рычание грома.

— Между ними ударила молния, — сказала Шинд. — Она уронила пистолет, и он отбросил его в сторону. Теперь он уже совсем перестал быть самим собой. Оба сознания сильно затуманены. Они похожи, между ними происходит обмен энергиями. Мне кажется, он снова приказывает ей уйти, а она говорит, что это несправедливо. Теперь она боится. И что-то делает... На этот раз рассердился он. И снова велит ей уходить. Она начинает спорить, и тогда он ее перебивает и спрашивает, не хочет ли она с ним сразиться.

Гром смолк. Ветер прекратился. Моментально перестал идти дождь. На окутанной туманом земле неожиданно стало очень тихо.

— Я больше ничего не чувствую, — сообщила Шинд. — словно они превратились в изваяния.

— Шинд, где ты сейчас находишься?

— Медленно приближаюсь к ним. Я начала это движение, как только пришла в себя. Надеюсь, что смогу оказаться полезной. Теперь же, однако, мне просто любопытно. Мы примерно в четверти мили от вас.

— Ты заглядывала в сознание Хаймека в последние несколько минут?

— Да. Он очень подавлен. Безобиден...

— Что будем с ним делать?

— Поисковые отряды приближаются. Может, позволим найти его?

— Как ты думаешь, они сделают ему что-нибудь плохое?

— Трудно сказать. Отряд, который я сейчас слышу, настроен по-деловому, но среди них есть отдельные очень агрессивные индивидуумы... Подожди! Они снова начали двигаться! Она подняла руку и заговорила. Он сделал ответный жест и что-то ей ответил. А теперь...

Казалось, небо пылающей простыней упало на землю, а последовавший за этим удар грома был са-

мым оглушительным из всех. Придя в себя, Морвин заметил, что снова зарядил дождь, и почувствовал во рту вкус крови — оказалось, он прокусил губу.

— Ну, что теперь, Шинд?

И снова ответом ему была тишина.

Тогда Морвин заговорил сам:

— Хейдель, совсем близко отсюда находится поисковый отряд — настоящий. Они, естественно, хотят найти вас, чтобы положить конец эпидемиям.

— Эпидемии закончатся сами. Я чувствую, как во мне происходят перемены. Я знаю ощущение безопасности и здоровья — оно приближается. Уже совсем скоро.

— Поскольку только вам об этом известно, они, вне всякого сомнения, захотят вас арестовать. Как я понимаю, в поисках принимает участие доктор Лармон Пелс. Возможно, он посчитает нужным поместить вас в карантин и изучить ваш случай. Так что вполне возможно, что ваше стремление к одиночеству будет удовлетворено.

— Возможно?

— Просто я подумал о членах поискового отряда. Кое-кто из них, наверное, потерял друзей или родственников...

— Да, вероятно, вы правы. У вас есть какие-нибудь идеи на этот счет, кроме самого обычного бегства?

— Пока нет. Если бы мы только знали...

— Мне кажется, проблема решена, — сообщила Шинд.

— Как?

— Не могу пока сказать. Они оба без сознания.

— Ранены?

— Похоже, подверглись какому-то психическому шоку, так что я не знаю, ранены они или нет. Наверное, следует присоединиться к ним. Джакара будет в тебе нуждаться.

— Да. Как вас найти?

— Освободи голову от всех мыслей и позволь мне обратиться поглубже. Я покажу тебе дорогу

— Только не очень спеши. Хейдель не может передвигаться быстро.

— А зачем он нам нужен?

— Ни за чем. Мы нужны ему.

— Хорошо. Идите.

— Ладно, Хейдель, — сказал Морвин. — Нам пора.

Они вместе поднялись на ноги, закутались в пончо Морвина и, прижавшись друг к другу, двинулись вперед сквозь дождь и туман. Влажные капли, словно звезды, усеивали их лица, а вновь поднявшийся ветер толкал в спины.

Когда Морвин наконец нашел Шинд, он увидел, что она сидит рядом с Сандоу, который держит Джакару за руку, а другой рукой обнимает ее за плечи.

— Она в порядке? — спросил он.

Сандоу посмотрел на Шинд, а потом на Морвина.

— Физически, да.

Морвин отпустил Хаймека, и тот уселся на ближний камень.

— Дайте ему вот это, — сказал Сандоу.

— Что?

— Сигару. Он выкурит ее с удовольствием.

— Хорошо. Насколько серьезно?..

— Мы оба изучили мысли Джакары, — сказала Шинд. — Она снова превратилась в ребенка, вернулась в то время, когда была счастлива.

— Да, но в какой степени?..

— Посмотри, узнает ли она тебя.

— Джакара? — позвал Морвин. — Как ты себя чувствуешь? Это Джон... Ты в порядке?

Девушка повернулась и изучающе посмотрела на него. Затем улыбнулась.

— Что-то промелькнуло, — сообщила Шинд.

Морвин протянул руку. Но Джакара отшатнулась и опустила глаза.

— Это же я, Джон. Подожди!

Он нащупал в кармане горсть монет и подбросил их в воздух. Монеты отчаянно заметались, а потом образовали строгий узор. Нарисовав в воздухе эллипс, монеты пустились в пляс, вращаясь над головой девушки все быстрее и быстрее. Она подняла глаза, внимательно посмотрела на монеты и улыбнулась.

Монеты вращались, переворачивались, метались, словно обезумевшие насекомые, а на лбу Морвина выступил пот.

— Это рекорд? — спросила Джакара.

Монеты звонким дождем посыпались на землю.

— Не знаю. Я не считал. Но думаю, что рекорд. Ты вспомнила.

— ...Да. Сделай еще раз, Джон.

Монеты поднялись в воздух, немного повисели без движения, а затем начали исполнять причудливый танец прямо перед Джакарой.

— Ты и правда вспомни...

— *Не следует заставлять ее вспоминать. Ей хочется отвлечься. Она не хочет вспоминать. Не надо давить на нее. Продолжай ее развлекать.*

Морвин жонглировал монетами, лишь изредка поглядывая на Джакару, чтобы убедиться в том, что она улыбается. Потом он почувствовал запах сигары Хейделя и вдруг сообразил, что в его голове звучали слова Сандоу.

— *...Значит, вот каким образом вы нанесли ей удар. Теперь я понимаю...*

Мысль неожиданно прервалась.

Морвин уронил монеты, когда до него дошел смысл сказанного.

— Нет! — воскликнул он. — Только не говорите мне, что это существо перебралось в разум Джакары из-за того, что я нанес ему мысленный удар! Я...

— *Нет, — прервал его Сандоу, но он сделал это чересчур поспешно. — Нет. Личность девушки идеально подходила для подобного перехода, к тому же имелся канал...*

— *Созданный мной, — вмешалась Шинд.*

— *Нечаянно*, — заметил Сандоу. — *Не будем об этом. Подобный переход может произойти и без внешних воздействий. Мне известен один такой случай. Жизнь достаточно непростая штука — не стоит усложнять ее чувством дополнительной вины.*

— *Сделай так еще раз*, — попросила Джакара.

— Немного попозже, — отозвался Сандоу, вставая и помогая девушке подняться на ноги. — *Возьмите его за руку.*

И он вложил руку Джакары в руку Морвина.

— Шинд сказала мне, что поисковый отряд приближается к нам, я тоже его вижу. У меня нет ни малейшего желания встречаться с ними. Если не возражаете, приглашаю вас к себе. — Он повернулся. — Вижу, что вы согласны. Пора отсюда уходить. Мой корабль находится неподалеку.

— Подождите.

— В чем дело?

— Командор, — сказал Морвин. — Малакар. Где он?

— За теми скалами. Примерно в пятидесяти футах за ними. Поисковый отряд очень скоро его найдет. Тут мы ничего не можем сделать.

Но Морвин повернулся и направился в сторону скал.

— Улетайте без меня, если у вас нет другого выхода. Я должен еще один раз на него взглянуть.

— Мы подождем.

— *Поисковый отряд совсем рядом!*

— *Я знаю.*

Буря возобновилась с новой силой, но теперь она переместилась на юго-восток.

— Благодарю вас за сигару, сэр.

— Фрэнк. Зовите меня Фрэнк.

— *Вы ведь знаете, что со стороны это будет выглядеть, как убийство.*

— *Это будет не первое нераскрытое убийство в истории.*

— *Когда они опознают его...*

— ...Разразится скандал. Да. Можно представить, какие поползут слухи. Политическое убийство. Он был бы рад узнать, что его смерть сделает для ДИНАБа больше, чем все диверсии после окончания войны.

— Почему вы так думаете?

— Во время ближайшего заседания Лиги неожиданно будет поднят вопрос о статусе ДИНАБа. Известие о смерти командора может положительно повлиять на результат голосования. Когда-то он был весьма популярен. Герой.

— А он чувствовал себя таким усталым, его переполняла горечь. Ирония судьбы...

— Да. Со слухами нужно будет обращаться весьма осторожно. Восстановление Земли как части ДИНАБа тоже должно помочь. В ближайшие два года я не смогу взяться за эту работу, но заявление о своих намерениях постараюсь сделать немедленно. Коммерческие соглашения, которые я заключил уже довольно давно, тоже станут достоянием общественности.

— Значит это правда — то, что о вас говорят.

— Что?

— Ничего... Что будет с фон Хаймеком?

— Все зависит только от него. Но сначала он должен переговорить с Пелсом. Если захочет, может отправиться в клинику на планете Свободный Дом, а Пелс выйдет там на орбиту и проведет все интересующие его исследования. Учитывая, что Хейдель — один из немногих, кому известна правда о происшедших здесь событиях, эта планета может оказаться самым подходящим для него местом — во всяком случае до тех пор, пока не пройдет голосование... Кстати, давно хотел вам сказать, что сам я родился на Земле.

— ...Мягкая, — сказала Джакара, останавливаясь, чтобы погладить Шинд.

— И теплая, — добавила Шинд. — В такую погоду это очень удобно. Мне кажется, Джон возвра-

щается. Почему бы тебе не сказать ему, куда ты хочешь?

Джакара взглянула на приближающуюся фигуру.

— Джон, — позвала она, — отвези меня обратно в замок с огненным рвом. На Землю.

— Пошли, — сказал он, — ее за руку и кивнул.

Глава 6

Однажды в вихре ветра пришла весна, нежная, зеленая и бурая, влажная, и птицы воспарили в небесную синеву, издавая звонкие трели; подул соленый бриз, налетевший с моря, что катило свои волны и пять тысяч лет назад; а огонь этого мира был заключен глубоко под их ногами — там, где ему и положено находиться — когда они медленно шли среди деревьев, полей и свежавымытых склонов холмов.

Продолжая идти дальше внутри сферы своего желания, он подумал о Пелсе, потому что вспомнил о музыке, невидимой, лишенной веса, подчиняющейся лишь собственной логике. Он не думал о Фрэнсисе Сандоу, Хейделе фон Хаймеке или даже о командоре, потому что она сейчас сказала ему:

— Какой прекрасный день.

«Да, — подумал он, — облако в небе, белка на ветвях, девушка... Дайте мне это. И больше ничего не надо».

Содержание

Остров мертвых, роман,
перевод с английского С. Славгородского 5

Умереть в Италбаре, роман,
перевод с английского В. Гольдича, И. Оганесовой 185

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Собрание фантастических произведений в 16 томах

Том четвертый

Составители *А. Новиков, В. Баканов*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *В. Баканов*

Технический редактор *С. Стахин*

Корректор *О. Кургаева*

Оператор компьютерной верстки *В. Ветчинин*

Художественный редактор *М. Захаренкова*

Иллюстрация на обложку и оформление форзаца:

А. Кириллов

Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 3.03.95. Формат 84×108/32.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж! 5 000 экз.

Заказ № 479. С 119.

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040, г Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

ОСТРОВ МЕРТВЫХ
УМЕРЕТЬ В ИТАЛБАРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995